

Джордано Бруно Ересь.

Наружная дверь с грохотом распахнулась, эхо раскатилось по коридору, и доски пола задрожали под уверенными шагами нескольких пар ног. Я примостился на краю деревянной скамьи в маленькой каморке, чтобы быть подальше от выгребной ямы. Что они пришли, я понял лишь тогда, когда огонек тонкой свечки задрожал на сквозняке, вызванном вторжением, и на каменной стене пустились в пляс тени. «Allora», [1] – пробормотал я, поднимая глаза от книги. Явились за мной наконец.

Шаги замерли у двери нужника, загрохотали удары кулаков, и аббат завопил:

– Брат Джордано! Повелеваю вам выйти сию же минуту и представить нам то, что вы держите в руках.

Я отчетливо услышал, как хихикнул один из спутников настоятеля и наш аббат, брат Доменико Вита, сердито цыкнул на весельчака. Я и сам не сдержал улыбки. Любые телесные отправления вызывали омерзение у брата Доменико, – и до чего же ему противно было вытаскивать одного из своих подопечных из столь мерзкого убежища!

– Одну минуточку, отец мой, – откликнулся я, распоясывая рясу, будто я и впрямь пользовался отхожим местом по назначению. Книга все еще была у меня в руках. Спрятать ее в складках одежды? Бесполезно: обыщут, как только выйду.

– Немедленно, брат, – даже сквозь дверь в голосе брата Доменико отчетливо слышалась угроза. – Вы сегодня провели в уборной два часа, достаточно, я полагаю.

– Что-то не то съел, отец мой, – вздохнул я и с величайшим сожалением бросил книгу в яму. Где-то внизу чавкнуло, и вонючая жижа засосала ее. А какое было славное издание!

Я отодвинул засов и распахнул дверь. Вот он, мой настоятель, – толстые щеки аж трясутся от еле сдерживаемой ярости. Впечатляющее зрелище, особенно в свете факелов, которые держит его свита – четверо монахов. И все четверо смотрят на меня с ужасом и тайным восторгом.

– Ни с места, брат Джордано, – предупредил меня аббат, ткнув пальцем мне в лицо. – Довольно играть в прятки.

Он вошел в уборную, и вонь ударила ему в нос, однако аббат лишь поморщился и повыше приподнял факел, чтобы осветить все углы. Ничего не найдя, он обернулся к своим подручным:

– Обыщите его.

Мои собратья смущенно переглянулись. Вперед с неприятной ухмылкой на тонких губах выступил Агостино де Монталкино, тосканская подлюка – никогда он меня не любил, а уж после того, как я вышел победителем в споре с ним об арианской ереси, неприязнь перешла в открытую вражду. Всем направо и налево он нашептывал, будто я отрицаю Божественную сущность Христа. Нет сомнения, это он донес на меня аббату.

– Прости, брат Джордано, – выговорил он, кривя губы, и принялся водить руками сначала по моим бокам, потом по бедрам.

– Смотри, не переусердствуй, – буркнул я.

– Всего лишь выполняю приказ старшего, – просююскал Монталкино. Ощупав меня всего, он выпрямился и обернулся к аббату Доменико, явно разочарованный: – Под рясой ничего не спрятано, отец.

Аббат Доменико подступил ко мне вплотную и с минуту в молчании созерцал меня. Его лицо настолько приблизилось к моему, что я мог сосчитать волоски у него в ноздрях и чувствовал сильный запах лука из его пасти.

– Грех прародителя нашего – жажда запретного знания. – Он четко выговаривал каждое слово, то и дело облизывая губы. – Он хотел уподобиться Богу. Таков и твой грех, брат Джордано Бруно. Ты один из наиболее одаренных молодых людей, каких я встречал за годы служения в Сан-Доменико Маджоре, но любопытство и гордость ума препятствуют тебе обратить этот дар Господа во славу Церкви. Настало время предать тебя отцу инквизитору.

– О нет, отец мой... Я же ничего дурного... – взмолился я.

Аббат уже повернулся, чтобы уйти, и свой вопль я обращал к его спине, однако тут за моей спиной радостно взвыл Монталкино:

– Брат Доменико! Тут что-то есть!

Он направил свет факела в зловонную дыру, и на лице моего недруга расплылась гнусная улыбка.

Брат Вита побледнел, но послушно склонился над выгребной ямой, высматривая, что там нашел тосканец. Разглядев, он обернулся ко мне и приказал:

– Отправляя в свою келью, брат Джордано, и оставайся там до моего приказа. Мы немедленно вызовем отца инквизитора. Брат Монталкино, достаньте оттуда книгу. Сейчас мы узнаем, какой некромантин и ереси наш брат предается с усердием, какого никогда не выказывал в изучении Святого Писания.

Монталкино в замешательстве переводил взгляд с аббата на меня, послушника. Я-то просидел в отхожем месте два часа и вроде как притерпелся, принюхался, но ему засунуть руку в яму под деревянным настилом... уф! Так что я лишь еще шире улыбнулся брату Монталкино.

– Я, господин мой? – заныл монах.

– Ты, брат, и поскорее. – Аббат поплотнее закутался в рясу от пронизывающего ночного ветра.

– Зря вы так мучаетесь, – вмешался я. – Это всего лишь Эразм Роттердамский, а не черная магия.

– Сочинения Эразма включены инквизицией в список запрещенных книг, о чем тебе прекрасно известно, брат Джордано, – угрюмо проворчал аббат, уставившись на меня своими тупыми глазками. – Однако мы должны удостовериться. Полно нас дурачить, настала пора проверить чистоту твоей веры. Брат Батиста! – окликнул он одного из факелоносцев; монах подался вперед, весь внимание. – Пошли за отцом инквизитором.

Пасть на колени и молить о пощаде? Унизиться и утратить самоуважение? Бесполезно: аббат Доменико ревностно исполняет все правила. Если уж он счел нужным отдать меня в руки отца инквизитора в назидание и устрашение братии, то не отступится, пока не доведет дело до конца. А я, к ужасу своему, хорошо представлял, каков будет этот конец. Не унижаясь более, я опустил капюшон на лицо и последовал за аббатом и его подручными, бросив лишь злорадный взгляд на подлеца Монталкино: тот засучивал рукава, готовясь лезть в дермо за моим Эразмом.

– Повезло тебе, брат, – подмигнул я на прощание. – Мое пахнет куда слаще, чем у прочих.

Доносчик поднял голову, дернул брезгливо губой.

– Посмотрим, как ты будешь острить, когда тебе в зад воткнут раскаленную кочергу.

Да, христианское милосердие для него, похоже, пустой звук.

Наружные переходы продувал ледяной неаполитанский ветер, но все равно это было куда приятнее, чем смрад отхожего места. Со всех сторон громоздились каменные строения монастыря, крытая галерея, по которой мы шли, скрывалась в их тени. Слева нависал огромный фасад базилики. Я чувствовал, как с каждым шагом ноги мои тяжелеют, и заставил себя поднять голову, чтобы разглядеть над куполом базилики звезды.

Следуя Аристотелю, Церковь учила, будто звезды располагаются на восьмой сфере, все на равном расстоянии от Земли, и движутся вокруг нее по своим орбитам, точно так же, как Солнце и семь планет. Лишь немногие люди, и среди них поляк Коперник, дерзнули представить Вселенную иначе: в центре ее – Солнце, вокруг которого вращается Земля по своей орбите. Дальше этого никто помыслить не смел – никто, кроме меня, Джордано Бруно из Нолы, – и тайная моя мысль, куда более смелая, чем все прежние, была покуда известна

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
мне одному: нет у Вселенной центра, ибо она бесконечна. Каждая звезда, что мерцает сейчас надо мной в бархатной тьме, сама есть солнце, окруженное собственными планетами, и на каждой из этих дальних планет в эту самую минуту создания, подобные мне, так же созерцают небеса, дивясь и гадая, существует ли нечто за пределами их познаний.

Однажды, быть может, я сумею написать об этом книгу, которая станет главным трудом моей жизни и которая потрясет устои так же, как Коперникова *De Revolutionibus Orbium Coelestium*, [2] и даже сильнее, ибо эта моя книга изобличит заблуждения не одной только Римской церкви, но всего христианства. Но прежде мне нужно еще многое осмыслить, прочесть еще множество книг, одолеть труды по астрологии и древней магии, а они все запрещены уставом доминиканцев и в библиотеке Сан-Доменико Маджоре мне их никогда не выдадут. Но, думал я, если я предстану перед святой инквизицией прямо сейчас, меня каленым железом и дыбой вынудят изложить мою гипотезу, непродуманную, недозрелую, после чего просто-напросто сожгут как еретика. Мне исполнилось всего двадцать восемь лет, и я не хотел умирать. Единственное спасение – бежать.

Вечерняя служба только что закончилась, и монахи Сан-Доменико Маджоре готовились отойти ко сну. Ворвавшись в келью, где мы жили с братом Паоло из Римини, я заметался по тесному помещению, торопливо запихивая в кожаный мешок свои немногочисленные пожитки.

В тот момент, когда я распахнул дверь, Паоло в задумчивости лежал на своем соломенном матрасе; при виде меня он приподнялся, опираясь на локоть, и с тревогой посмотрел на меня. В пятнадцать лет мы одновременно стали послушниками в этом монастыре, и сейчас из всей братии только его я и считал подлинно своим братом.

– Они послали за отцом инквизитором, – пояснил я, остановившись на миг и переводя дыхание. – Времени терять нельзя.

– Ты снова пропустил вечерю, Бруно. Я же тебя предупреждал, – качая головой, завел Паоло, – если каждый вечер засиживаешься в отхожем месте, рано или поздно люди обратят на это внимание. Брат Томассо всем направо и налево рассказывает, как плохо у тебя с кишками, но я тебе говорил: не ровен час, Монталкино проведает, чем ты там занимаешься на самом деле, и донесет аббату.

– Всего лишь Эразм, во имя Иисуса! – фыркнул я. – Паоло, мне надобно сегодня же бежать, пока не учинили допрос. Где мой зимний плащ?

Лицо Паоло омрачилось.

– Бруно, ты же знаешь: доминиканец не смеет покидать свой монастырь под страхом изгнания из ордена. Если ты сбежишь, это будет все равно что признание, и инквизиция выдаст ордер на твой арест. Тебя осудят как еретика.

– А если я останусь, меня все равно осудят, – возразил я, – так уж лучше *in absentia*. [3]

– Куда ты пойдешь? Чем будешь жить? – Друг мой искренне скорбел обо мне.

Я прервал свои сборы, присел возле него и положил руку ему на плечо.

– Идти буду по ночам, проголодаясь – спою, или спляшу, или поклянчу хлеба. А как окажусь подальше от Неаполя, наберу учеников и уж на жизнь себе заработка. В прошлом году я получил степень доктора богословия, а университетов в Италии предостаточно.

Я старался говорить весело и бодро, хотя сердце колотилось, а в кишках все бурлило. И это было самое ужасное: сейчас бы в уборную, да нельзя.

– В Италии ты всегда будешь в опасности, если инквизиция провозгласит тебя еретиком, – печально молвил Паоло. – Они не успокоятся, пока не отправят тебя на костер.

– Ну, так я постараюсь до этого убраться из страны. Поеду во Францию.

Я снова занялся поисками плаща. В памяти моей вспыхнул некий образ – так же отчетливо, как в тот день, когда я это увидел: грешник на костре. В смертной муке он запрокинул голову, уклоняясь от языков пламени. Этот безнадежно-отчаянный жест я вспоминал все последующие годы: человек пытается укрыть от огня глаза и губы, но голова его привязана к шесту. С тех пор я избегал этого поучительного зрелища и никогда не ходил смотреть на казни.

Но в ту пору мне было двенадцать лет; мой отец, честный воин и столь же честный христианин, взял меня с собой в Рим, дабы в поучение и наставление показать мне публичную казнь. У нас было удобное место для наблюдения, на Кампо-дэи-Фьори, в тылу направившей толпы; оттуда было все хорошо видно, и я еще удивился, помню, сколько народа явилось заработать на казни, словно на травле медведей или на сельской ярмарке: тут и какие-то брошюры продавали, и просили подаяния босоногие монахи, мужчины и женщины бродили среди зевак с подносами на шее, предлагая хлеб, печенье, жареную рыбу. Все это было для меня неожиданно. Но куда сильнее поразила меня жестокость этой толпы. Народ осыпал приговоренного не только насмешками, но и камнями; его проклинали, в него плевали, а он в молчании, низко склонив голову, шел на костер.

Отчего он молчит, гадал я? Из смирения или же из презрения к нам? Но отец объяснил, что язык еретика пронзен железным шипом, дабы не мог он в последнюю минуту соблазнить никого из собравшихся своими еретическими речами.

Его привязали к столбу, навалили вокруг хворост, так что несчастного почти и видно не стало. К дровам поднесли факел; дерево, как видно, было чем-то пропитано: вспыхнуло сразу и, искря и треща, яростно запылало. Отец одобрительно кивнул: иной раз, пояснил он, судьи из милосердия приказывают положить сырье дрова, и тогда приговоренный задыхается от дыма прежде, чем его еретическая шкура хорошенько прожарится. Однако самых заядлых еретиков – ведьм, лютеран, бенанданти^[4] – сжигают на хворосте сухом, точно склоны горы Чикала среди лета, чтобы нестерпимый жар истерзал негодяя и тот с последним вздохом возвзвал в искреннем раскаянии к Господу.

Когда языки пламени взметнулись к лицу несчастного, я хотел отвернуться и не смотреть; но за моей спиной, прочно расставив ноги, стоял отец и не отводил взгляда, как будто следить за этими невыразимыми муками было его долгом перед Господом, – не мог же я выказать себя менее храбрым или менее набожным, чем отец.

Я слышал заглушённые вскрики, вырывавшиеся из распяленного рта мученика, когда лопались его глаза, я слышал, как с шипением и треском лопается и оползает его кожа, видел кровавое месиво под ней, я ощущал запах паленой плоти, так ужасно схожий с запахом жареной свинины: на праздники у нас в Ноле всегда в специальной яме жарили целого поросенка. А толпа радостно вопила, глядя, как еретик в мучениях испускает дух, – точь-в-точь как вопили и веселились ноланцы в праздничные дни.

По пути домой я спросил отца, за что этот человек принял столь тяжкую смерть. Был ли он человекоубийцей? – спрашивал я. Нет, отвечал мне отец, это был еретик. Когда же я стал расспрашивать, кто такой еретик и в чем его вина, отец сказал, что этот человек насмеялся над властью папы, ибо отрицал чистилище. Так я узнал, что в Италии слово и мысль могут быть приравнены к убийству и что философи, мыслителю потребно столько же отваги, дабы высказать свое мнение, сколько солдату, идущему в бой.

Где-то недалеко громко хлопнула дверь.

– Они идут! – отчаянно шепнул я Паоло. – Куда к черту запропастился мой плащ?

– Держи! – Он накинул на меня свой плащ, завязал мне тесемки под горлом. – И вот, возьми. – Он вложил мне в руку маленький кинжал с костяной рукоятью и в кожаных ножнах; интересно, откуда он у него. – Подарок отца, – негромко сказал Паоло. – Тебе он нужнее. А теперь – поспеши.

Сначала мне предстояло прятиснуться в узкое окошко нашей кельи и сперва одной ногой, затем другой ступить на карниз. Мы жили на втором этаже, а шестью футами ниже находилась покатая крыша уборной. Я мог спрыгнуть на

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
нее, надо было лишь точно рассчитать прыжок. После этого оставалось только сползти вниз по столбу и пробежать через сад. Главное, чтобы никто не заметил. Тогда я переберусь через стену монастыря и растворюсь на улицах Неаполя под покровом ночи.

Спрятав кинжал под рясу, я закинул мешок за плечи, перебросил одну ногу через подоконник и замер на миг. Над городом висела бледная, какая-то пухлая луна. Везде тишина. Я висел между двух своих жизней: тринадцать лет я провел в монастыре, но еще мгновение – я переброшу через подоконник другую ногу, спрыгну вниз – и навсегда исчезнет монах Джордано Бруно. Паоло был прав: за побег из монастыря меня отлучат, даже если я сумею очиститься от других обвинений. Брат Паоло скорбно взглянул на меня и коснулся моей руки, я, склонившись, поцеловал его пальцы. И тут в коридоре загремели шаги множества ног.

– Dio sia con te,[5] – шепнул на прощание Паоло.

Я протащил свое тело сквозь узкое окошко, повис на кончиках пальцев, почувствовал, как рвется зацепившаяся за что-то ряса. Вверив себя Богу и слушаю, я спрыгнул, неловко свалился на крышу под окном и услышал, как надо мной захлопнулось маленькое окошко. Главное, Паоло успел его закрыть прежде, чем те вошли.

Лунный свет для беглеца и спасение, и проклятие. Я жался в тень, пересекая сад позади монастырских зданий; дикий виноград, увивший наружную стену, помог мне перебраться через ограду монастыря. Я спрыгнул со стены, скатился по откосу к дороге и тут же поспешил укрыться в тени на обочине, умоляя ночь не выдавать меня: всадник на черном коне галопом скакал по узкой уличке к монастырю, плащ грозно развевался у него за спиной. Лишь когда всадник свернул к главным воротам и уже поднимался в гору, я отважился поднять голову. Сердце стучало где-то под горлом – и по узким полям его шляпы я узнал этого человека: местный отец инквизитор спешил допросить меня.

В ту ночь я шел, пока не изнемог, и тогда только уснул в канаве на окраине города, кое-как закутавшись в плащ Паоло. На второй день я заработал себе приют и полбуханки хлеба, поработав в конюшне придорожной гостиницы. Но едва я лег спать, какой-то бродяга набросился на меня, раскасил нос, сломал ребро и отобрал мой хлеб. Спасибо, хоть не зарезал: в скором времени мне предстояло узнать, как часто в гостиницах и тавернах на дороге в Рим пускают в ход ножи.

На третий день я одолел более половины пути до Рима. К этому времени я стал бдительнее. Свобода пьянила меня, но все же я тосковал по привычной монастырской рутине – ведь она так долго составляла мою жизнь. Теперь же мной руководила лишь моя собственная воля. Я направлялся в Рим – прямиком в львиное логово – и готов был сыграть с судьбой в кости: либо начну жизнь заново свободным человеком, либо инквизиторы высledят меня и отправят на костер. Я уж постараюсь, думал я, чтоб не высledили: умереть за веру я готов, но неплохо бы сперва разобраться, в чем она, моя вера.

ЧАСТЬ I ЛОНДОН, МАЙ 1583

Глава 1

Утром двадцатого мая тысяча пятьсот восемьдесят третьего года на лошади, любезно одолженной мне французским послом при дворе английской королевы Елизаветы, я пересек лондонский мост. Солнце уже светило вовсю, хотя до полудня было еще далеко, и лучи его бриллиантами сверкали на широкой поверхности Темзы. Теплый ветерок, припахивавший сброшенными в воду нечистотами, шевелил мне волосы. Грудь ширилась от радостного предчувствия, когда я, достигнув южного берега реки, свернул налево, к Винчестер-Хаусу: там я должен был встретиться с королевским кортежем и совместно продолжать путь к прославленному Оксфордскому университету.

Дворец епископа Винчестерского был выстроен из красного кирпича в английском стиле – внутренний двор, высокие окна огромного дворцовового зала, смотрящие на реку, узорчатые каминные трубы на крыше. Приблизившись к дворцу, я увидел травянистый склон, полого спускавшийся к просторной гавани; на нем крестьяне в пестрых одеждах ворошили скошенную траву. Здесь же музыканты настраивали свои инструменты и слышались обрывки мелодий.

Слуги уже готовили большую лодку: устилали ее богатыми шелковыми тканями, обкладывали красными и золотыми подушками. На носу устроилось восемь гребцов, пассажирские места в центре лодки укрыли богато расшитым пологом. Под легким ветерком трепетали знамена, сверкали на солнце золотые и серебряные нити.

Я спешился, и слуга отвел моего коня в сторону. Подозрительные взгляды провожали меня, чужака, пока я проходил мимо изысканно одетых джентльменов. Мне казалось, вся лондонская аристократия явилась сюда в лучших своих нарядах, чтобы полюбоваться праздником на теплом весеннем солнышке. Вдруг кто-то кулаком врезал мне между лопаток, да так крепко, что чуть не сбил меня с ног.

– Джордано Бруно, черт эдакий! Тебя еще не сожгли?

Опешив от такого оригинального приветствия, я обернулся и увидел перед собой Филипа Сидни: стоит, распахнув объятия, и ухмыляется во весь рот. Я отметил, что прическа у него по-прежнему странная – как у школьника, только что поднявшегося с постели. С Филиппом Сидни, аристократом, воином и поэтом, я познакомился в Падуе в пору моих скитаний, а вернее, бегства из Италии.

- Они не поймали меня, Филип, – со столь же широкой ухмылкой ответил я.
- «Сэр Филип», мужлан! Меня же в рыцари посвятили, забыл?
- Замечательно! Теперь научишься прилично себя вести.

Он обхватил меня обеими руками и снова от души врезал мне по спине. Не часто дружба связывает двух настолько несходящих людей, подумал я, в свою очередь обняв Филипа. Взять хотя бы происхождение: Филип, как он не устает напоминать мне, принадлежит к одной из знатнейших английских фамилий, но в Падуе нам было весело вместе, – а в том чересчур серьезном, порой даже мрачном городе смех – драгоценный дар. И сейчас, шесть лет спустя, я не чувствовал в присутствии Филипа ни малейшей неловкости: едва встретившись, мы уже радостно и дружески подначивали друг друга.

– Пошли, Бруно. – Филип обхватил меня за плечи и повел по травянистому склону к реке. – Как я тебе рад! Без тебя я бы умер от скуки во время этой королевской поездки в Оксфорд! Про польского графа слыхал?

Я покачал головой. Сидни в притворном ужасе закатил глаза.

– Скоро познакомишься. Альберт Лаский – польский вельможа, бездельник с кучей денег. Болтается при лучших дворах Европы и всем уже надоел. От нас он собирался в Париж, но Генрих Французский его к себе не пускает, так что ее величеству еще долго предстоит его развлекать. Да и праздник затеяли, чтобы он хоть из Лондона на какое-то время убрался. – Филип указал рукой на большую лодку, а затем, оглянувшись и убедившись, что нас не подслушивают, продолжал: – Неудивительно, что французский король запретил ему въезд: зануда жуткий. Но все же надо отдать ему должное: лично я могу припомнить только два-три кабака, куда мне запрещен вход, но чтобы для тебя закрыли целую страну – это надо заслужить. Таланта злить людей у Лаского в избытке, сам убедишься. Впрочем, он не помешает нам с толком провести время в Оксфорде: ты будешь шокировать тамошних тупиц своими идеями, я буду купаться в лучах твоей славы, а заодно покажу тебе лучшие mestечки моей юности. – И он снова от души врезал мне по плечу. – Но к сожалению, это не единственная наша цель, – добавил он, понизив голос.

Мы как раз подошли к берегу реки; мимо нас по сверкающей под солнцем реке проплывали ялики и шлюпки, сновали парусники. Далеко на север простиралась величественная панорама, над которой высился шпиль собора Святого Петра. Лондон – славнейшая из столиц, подумал я, и до чего же мне повезло, что я попал в этот город, да еще и друга нашел. Однако любопытно, о чем это хотел предупредить меня Сидни?

– Мой будущий тестя сэр Фрэнсис Уоллингем поручил мне кое-что передать тебе, – тихо проговорил Филип, не отводя глаз от реки. – Видишь, Бруно, чем обернулось для меня рыцарское звание: теперь я при тебе мальчик на побегушках. – Он выпрямился, огляделся по сторонам, особенно внимательно изучил причал, где стояла предназначенная для нас лодка, и только потом извлек из мешка плотно набитый кожаный кошелек и передал его мне.

– Эти деньги передал для тебя Уолсингем. Они могут тебе понадобиться в расследовании. Будем считать, это пока аванс.

Сэр Фрэнсис Уолсингем. Могущественный министр, член Тайного совета королевы Елизаветы. Именно благодаря ему меня включили в королевский кортеж на время поездки в Оксфорд. Стоило мне услышать его имя, и мурашки побежали по спине.

Мы прошли вперед по берегу, подальше от толпы, глазевшей на королевское судно, которое теперь украшали цветами.

– Скажи мне по-честному, Бруно, ты же не затем едешь в Оксфорд, чтобы спорить со стариками-академиками об учении Коперника, – негромко продолжал Сидни. – Как только я прослушал о твоем приезде в Англию, я сразу понял, что дело действительно важное.

Теперь и я оглянулся по сторонам.

– Я приехал, чтобы найти книгу, – сказал я. – Я давно ее ищу и теперь почти уверен, что она в Англии.

– Так я и думал. – Сидни притянул меня поближе к себе. – А что за книга? Опять какая-нибудь магия, помогающая овладевать силами природы? Помнится, этим ты увлекался в Падуе.

Смеялся ли он надо мной по старой привычке или всерьез пытался что-то выведать? Я не мог этого понять, но доверился нашей дружбе.

– Что бы ты мне ответил, Филип, если б я сказал тебе, что Вселенная безгранична?

Сомнение выразилось на его лице.

– Я бы сказал, что это почище Коперниковой ереси, так что говори шепотом.

– И все же это так, – продолжал я, понизив голос. – Коперник открыл лишь часть истины. Аристотелево представление о космосе, где твердая звездная сфера и семь планет врачаются вокруг Земли, было совершенно ложным. Коперник вместо Солнца поместил в центр Вселенной Землю. Но я пошел дальше Коперника: существует бесчисленное множество солнц, утверждаю я, бесчисленное множество миров, каждое со своим центром. Их столько, сколько звезд на небе. Вселенная бесконечна, а если так, отчего бы не быть в ней иным обитаемым мирам, подобным нашему, и разумным существам, таким, как мы? Я готов посвятить жизнь доказательству этой теории.

– Как же это доказать?

– Я увижу их, – сказал я, не отводя взгляда от реки, – боялся взглянуть Филипу в лицо и увидеть его смущение. – Я проникну в дальние уголки Вселенной, за пределами восьмой сферы.

– Но как ты это сделаешь? Разве ты умеешь летать? – В голосе его звучал скепсис, но я не мог его за это упрекнуть.

– Я докажу это с помощью книги египетского мудреца Гермеса Трисмегиста, который первый открыл многие тайны мироздания. Сейчас она считается утраченной, но, если мне удастся найти ее, я познаю то, что позволит мне проникнуть в тайны Вселенной и войти в Божественный разум.

– В разум Господа, Бруно?

– Нет. Слушай! С тех пор как мы расстались, я много преуспел в изучении древней магии, герметических писаний и еврейской Каббалы и познал такие вещи, какие тебе показались бы невероятными. – Я замолчал: стоило ли продолжать? Но все же я не удержался: – Если понять, как совершается описанное Гермесом восхождение, я увижу все по ту сторону известного нам космоса – бесконечную Вселенную и ту универсальную душу, к которой принадлежим все мы.

Сейчас он засмеется надо мной, подумал я, но лицо Филипа оставалось

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
серьезным, даже мрачным.

– Смахивает на колдовство и черную магию, Бруно. Но что ты этим докажешь? Что Бога нет?

– Что все мы – Бог, – негромко возразил я. – Частица Божества заключена в каждом из нас и во Вселенной. Истинное знание поможет нам черпать из неиссякаемого источника энергию космоса, и, осознав это, мы приблизимся к Богу и станем как Бог.

Сидни в ужасе уставился на меня:

– Кровь Христова! Возможно ли разгуливать по улицам, провозглашая себя равным Богу! Инквизиции у нас нет, но добрые христиане, к какой бы конфессии они ни принадлежали, никогда не потерпят подобного – костер для тебя разложат и здесь.

– Все оттого, что христианская Церковь прогнала, и я буду вопить об этом во всеуслышание. Остались лишь мертвые догматы, лишь тень той истины, что существовала еще до Христа. Если бы люди осознали это, началась бы подлинная реформа. Мы бы забыли о тех разногласиях, из-за которых уже было пролито столько крови и прольется еще больше, прежде чем человечество сделается единым.

Лицо Сидни омрачилось.

– Мой учитель, доктор Ди, рассуждает в том же духе. Но будь осторожен, мой друг: когда закрывали монастыри, Ди собрал множество рукописей по старинной магии, и теперь его считают некромантом, если не хуже. И не только простолюдины – все это говорят. А ведь доктор Ди – коренной англичанин и придворный астролог. Тебе же, католику и чужестранцу, недостает только славы колдуна. – Сидни чуть отодвинулся и с любопытством заглянул мне в глаза: – Так ты думаешь, что эта книга в Оксфорде?

– В Париже я выяснил: в конце прошлого столетия ее вывезли из Флоренции. Если мне не солгали, английский собиратель древних рукописей привез ее сюда и оставил в одной из крупнейших библиотек. Там она и находится, всеми забытая, потому что никто не понимает ее истинного значения. В Италии бывало много англичан, а англичане часто завещают свои книги университетам. Вывод: имеет смысл начать с Оксфорда.

– Имеет смысл для начала спросить доктора Ди, – возразил Сидни. – У него самая большая библиотека в нашей стране.

Я покачал головой.

– Если бы эта книга попала к доктору Ди, он бы понял, что за сокровище у него в руках, и нашел бы способ доставить это знание до людей. Нет, книгу придется искать, в этом я уверен.

– Ну, хорошо. Только не забывай о поручении Уолсингема. – Сидни похлопал меня по спине и добавил: – И бога ради, не бросай меня, Бруно, не торчи целыми днями в библиотеке. Я рассчитываю повеселиться с тобой на пару, пока мы вместе. Довольно с меня того, что я должен нянчиться с этим надутым поляком Ласким, и не требуй, чтобы вечерами я заседал с тупыми старыми богословами. Нет, мы с тобой пройдемся по Оксфорду, и тамошние девки долго будут охать, вспоминая нас.

– Ты же вроде бы женишься на дочери Уолсингема? – я прикинулся моралистом.

Сидни мученически закатил глаза.

– До тех пор пока королева не соизволит дать согласие, я не связан брачными узами. А ты, Бруно? Успел наверстать потерянные в монастыре годы, пока болтался по Европе? – Он игриво заехал локтем мне под ребра.

Я усмехнулся и потер ушибленный бок.

– Три года назад в Тулузе я встретил Моргану, дочь дворянина-гугенота. Я наставлял ее брата в метафизике, но стоило их отцу отлучиться, как Моргана попросила меня почитать вместе с ней. Она жаждала знаний – редкое свойство

- Богатой и красивой? – блестя глазами, подхватил Сидни.
- О, прекрасной! – я прикусил губу, вспоминая голубые глаза Морганы и то, как она, бывало, старалась развеселить меня, когда ей казалось, будто я предался меланхолии. – Я добился ее любви, хотя с самого начала знал, что любовь эта будет недолговечна. Отец предназначал ее одному аристократу из гугенотов, а не беглому итальянскому католику. Даже когда я получил должность профессора в университете Тулузы и мог бы содержать семью, он и слышать не хотел о нашем браке и пригрозил пустить в ход все свои связи в городе, чтобы уничтожить меня.
- И что же дальше? – История, похоже, не на шутку заинтересовала Сидни.
- Она хотела бежать со мной и даже просила меня об этом, – вздохнул я. – Я чуть было не согласился. Но в глубине души-то я знал, что это не для нее. Поэтому однажды ночью я сбежал один, в Париж, и там окунулся в свою работу и в придворную жизнь. Но я часто вспоминал, от чего отказался в ту ночь. – Голос мой дрогнул, я опустил глаза.
- Ты был прав, друг мой. Иначе мы не дождались бы тебя. да и она давно уже замужем за каким-нибудь дряхлым герцогом, – подбодрил меня Сидни.
- Так бы оно и вышло, – кивнул я. – Но она умерла. Отец уже готовил ее брак с одним из своих друзей, но перед самой свадьбой она утонула. Ее брат написал мне.
- Ты думаешь, это самоубийство? – Склонный к мелодраматическим эффектам Сидни широко раскрыл глаза.
- Правды я никогда не узнаю.
- Я смолк и уставился на дальний берег реки.
- Очень жаль, – пробормотал Сидни и снова похлопал меня по спине; до чего же эти англичане верят, что их похлопывание бодрит и утешает! – И все же, признаясь, дамы при дворе короля Генриха рассеяли твою печаль, а?
- Интересно, английские аристократы и впрямь такие бесчувственные болваны, какими прикидываются, или это просто способ скрывать свои мысли?
- Конечно, женщины при французском дворе красивы, и многие были не прочьказать мне внимание, только вот поговорить с ними было не о чем, – усмехнулся я в ответ. – А они, со своей стороны, обнаружили у меня фатальный недостаток: титулов и денег.
- Эх, Бруно, видишь ли, если выбирать женщин по их уму и способности поддерживать разговор, только разочарований и жди. – Сидни покачал головой. Сама идея беседовать с женщиной казалась ему абсурдной. – Последуй моему совету: ум оттачивай в компании мужчин, а от женщин не требуй ничего, кроме ласки да нежностей. – И он, широко ухмыляясь, подмигнул мне. – Пора проследить за сборами, или мы никогда не отправимся в путь, а к обеду нас ждут в Виндзорском замке. Надо поторопиться, погода испортится. Разумеется, королева не едет, – добавил он, заметив изумление на моем лице. – Боюсь, честь развлекать польского графа целиком ляжет на наши с тобой плечи, Бруно, покуда мы не избавимся от него в Оксфорде. Помолись этой твоей мировой душе, пусть она укрепит нас.
- Не хвастаясь скажу, сэр Филип, друзья ценят мой поэтический дар. – Тонкий, пронзительный голос пфальцграфа Лаского всегда звучал так, словно польский аристократ был чем-то недоволен. Мы подплывали к Хэмpton-Корту. – Я подумал, если нам наскучат ученыe дискуссии в университете, – тут он бросил не слишком приветливый взгляд на меня, – мы с вами можем скрасить пребывание в Оксфорде, читая свои сочинения и помогая друг другу советами, как два признанных мастера сонета. Вы согласны со мной?
- Нам следует включить в наш поэтический кружок Бруно, – ответил Сидни, улыбаясь мне заговорщицкой улыбкой. – Он ведь пишет не только ученыe книги, он сочинил и комическую драму, правда, Бруно? Как бишь ты ее озаглавил?

– «факельщики», – пробормотал я и повернулся к ним спиной, притворяясь, будто любуюсь пейзажем.

– Не слыхал, – отмахнулся пфальцграф.

Мы не добрались еще и до Ричмонда, а я уже убедился в совершенной правоте моего покровителя, французского короля Генриха III: пфальцграф Лаский был невыносим. Жирный, краснорожий, исполненный сознания своей значительности, он обожал слушать звук собственного голоса. Одевался он изысканно, но мытьем явно пренебрегал, а потому на солнце от него исходила такая вонь (к тому же смешанная с испарениями Темзы), что путешествие с самого начала было испорчено.

Под звуки труб мы вышли из гавани. Рядом с нами шла лодка с музыкантами, так что нескончаемому монологу пфальцграфа вторили рулады флейтистов. Мало того, от цветов, которыми так щедро украсили наше судно, я вовсю расчихался.

Откинувшись на шелковые подушки, я постарался сосредоточиться на ритмичных взмахах весел. Мы неторопливо, величественно проплывали через город, встречные лодочки уступали нам дорогу, сидевшие в них люди почтительно снимали головные уборы и смотрели вслед нашему – королевскому – судну.

Погрузившись в созерцание пейзажа, я не обращал внимания на польского вельможу, его болтовня превратилась в монотонное жужжение, не мешавшее мне наслаждаться красотой природы. Но тут Сидни решил поразвлечься и подразнить поляка, а для этого ему потребовалось привлечь к разговору и меня.

– А вот дворец Хэмптон-Корт, когда-то он принадлежал фавориту отца ее величества, Генриха Восьмого, кардиналу Вулси. – Филип широким жестом указал на внушительные стены из красного кирпича. – Но недолго тот радовался своей резиденции – королевская милость переменчива. Впрочем, вас, Лаский, королева, похоже, и впрямь ценит, судя по тому, с каким почетом она вас принимает.

Аристократ надулся и сделался еще противнее.

– Полагаю, при английском дворе все уже поняли, что пфальцграфа Лаского ее величество принимает с величайшим почетом и отменным гостеприимством.

– А поскольку она отвергла герцога Анжуйского, ее подданным стоит поинтересоваться возможным союзом с Польшей? – намекнул Сидни.

Пфальцграф молитвенно сложил ладони, крохотные поросьячье глазки засияли самодовольствием.

– Не хочу быть нескромным, но не могу не отметить, что королева оказывает мне, скажем так, особое внимание. Разумеется, она ведет себя сдержанно, как и подобает, но мы-то с вами, сэр Филип, провели молодость не в монастыре, и уж мы-то понимаем, что нужно женщине, если она смотрит на вас женским взглядом.

Я чуть было не расхохотался, но, к счастью, на меня снова напал чих. Музыканты довели до конца какую-то тосклившую народную песенку и завели нечто еще более унылое. Мимо проплывали поля и леса; река здесь стала менее зловонной. Над головой собирались облака, по воде скользили их тени, и я чувствовал, что воздух становится все более густым и жарким. Сидни был прав: надвигалась гроза.

– Я дерзнул сочинить сонет и восславить красоту королевы, – врезался в мои размышления голос пфальцграфа. – Я бы хотел прочесть это стихотворение вам, прежде чем уладить им нежный слух ее величества. Готов выслушать совет собрата-поэта.

– Вы бы лучше Бруно спросили, – небрежно отвечал Сидни. – Это его соотечественники изобрели сонет. Ведь правда, Бруно?

Если бы взглядом можно было убить, я прикончил бы друга на месте. А впрочем, пусть себе жужжит этот жук, он не сможет помешать полету моей мысли.

Кто бы предсказал в те дни, когда я скитался от города к городу, пробираясь на север Апеннинского полуострова, хватаясь за работу домашнего учителя, если я ее находил, и ютаясь в придорожных трактирах или дешевых комнатах для паломников, бродячих торговцев и шулеров, когда работы не было, что я сделаюсь поверенным королей и вельмож? Этого прорицателя сочли бы безумным все, кроме меня самого. Я всегда верил, что смогу не только выжить, но и преуспеть благодаря моим собственным усилиям. Ум выше случайности рождения и знатности; любознательность, жажда знаний заслуживают большего уважения, чем звания и родословная, и оттого во мне жила неколебимая вера: однажды люди признают мою правоту. Вот откуда черпал я силы для преодоления трудностей, которые отпугнули бы не столь убежденного человека.

И так вышло, что к тридцати пяти годам я, беглый еретик и странствующий учитель, вознесся на редкую для философа высоту: стал фаворитом французского короля Генриха III, жил при дворе в Париже, давал монарху уроки мнемоники и преподавал философию в преславной Сорбонне. Но Франция так же была раздиаема религиозными противоречиями, как и все города и страны, через которые я прошел за семь лет со времени бегства из Неаполя. Постепенно католическая партия Гизов взяла в Париже верх над гугенотами, пронесся слух, будто и во Францию собираются призвать инквизицию. А моя близость к королю и популярность моих лекций стяжали мне предостаточно врагов среди докторов Сорбонны, и по улицам Парижа ползли подлые сплетни, проникавшие в уши придворных: дескать, разработанная мной система укрепления памяти – есть не что иное, как черная магия, а сам я что ни день общаюсь с демонами. В Венеции, Падуе, Генуе, Лионе, Тулузе и Женеве я получал такие же предупреждения и понимал, что прошлое вот-вот настигнет меня и пора сниматься с места. Наконец, как многие другие люди, гонимые за веру и убеждения, я решил искать прибежище под властью снисходительной Елизаветы, не допускавшей в свою страну сыск Святого Престола. В Англии я к тому же надеялся отыскать затерянные книги египетского первосвященника Гермеса Трисмегиста.

Ближе к вечеру королевское судно бросило якорь в Виндзоре. Облаченные в ливреи слуги проводили нас в покой королевского дворца, где нам предстояло поужинать и отдохнуть, чтобы на следующее утро продолжить путь в Оксфорд. Ужин вышел довольно мрачный, отчасти из-за погоды: небеса потемнели, в столовой пришлось зажечь свечи, и мы ужинали под неистовство грозы. За высокими окнами зала дождь лил как из ведра.

– Если так пойдет дело, завтра мы плыть не сможем, – заметил Сидни, когда слуги убирали посуду. – Придется завершать путь верхом. Надо раздобыть лошадей.

Пфальцграф надулся: ему больше по душе было валяться на подушках в лодке.

– Терпеть не могу ездить верхом, – заворчал он. – Нужна карета. А всего лучше подождать, пока прояснится. – Последнюю фразу он произнес уже более веселым голосом, откинувшись на спинку высокого стула и с удовольствием оглядывая богатое убранство зала.

– Времени нет, – отвечал Сидни. – диспут состоится послезавтра, и нашему оратору нужно время, чтобы отдохнуть и подготовить сокрушительные аргументы. Да, Бруно?

– Верно, – отозвался я, с улыбкой отворачиваясь от окна. – А потому сейчас я вынужден просить у вас прощения и удалиться.

Сидни опечалился.

– Посиди еще, перекинемся в картишки, – взмолился он. В голосе его явственно звучала тревога: ему совсем не улыбалось остаться наедине с пфальцграфом.

– Полагаю, остаток вечера мне следует посвятить книгам, – ответил я, поднимаясь. – В противном случае наш диспут, боюсь, будет неинтересен.

– Я немало их выслушал, вытерплю и этот, – вмешался пфальцграф. – Бог с ним, сэр Филип, мы с вами и так неплохо проведем вечер. Почитаем друг другу стихи, если вы не против. И пусть подадут еще вина.

Сидни смотрел на меня, как утопающий на последнюю свою надежду, но я лишь подмигнул ему, выходя за дверь. Кто из нас профессиональный дипломат? То-то: вот пусть и возится с пфальцграфом, для Сидни это дело привычное. Звучные раскаты грома разносился над крышей, пока я пробирался по замысловато украшенной лестнице в отведенную мне спальню.

Я не сразу принялся за бумаги, прилег на кровать. Грозда приближалась к Виндзору, раскаты грома и вспышки молний участились, небо полыхало всеми оттенками зеленого. Дождь барабанил по стеклу окна и по черепице крыши, а я пытался понять, почему утреннее предощущение открытий сменилось каким-то дурным предчувствием. Мое пребывание в Англии, в особенности же будущность моего великого труда, зависели от успеха этой поездки в Оксфорд, но что-то меня тревожило, не давало покоя. За годы скитаний без связей и без прочного положения я привык полагаться только на самого себя и на свой инстинкт, а потому не мог пренебречь столь внезапной сменой настроения. Я привык доверять своей интуиции, и она, как правило, меня не обманывала. Или на этот раз интуиция меня все же подвела, и дело в том, что я в очередной раз готовлюсь сменить личину, предстать не тем, кто я есть?

В Лондоне я был гостем французского посла. Так распорядился мой покровитель король Генрих, нехотя отпустивший меня из Парижа. Я прожил у посла меньше недели, как вдруг меня вызвал к себе сэр Фрэнсис Уоллингем, государственный секретарь королевы Елизаветы. Подобное приглашение отклонить было невозможно. Гонец, вручивший мне послание министра, не мог объяснить, каким образом столь могущественный вельможа узнал о прибытии в Англию моей ничтожной персоны и что ему от этой персоны нужно.

На следующее утро я отправился верхом в особняк на Сизинг-Лейн – оживленной и богатой улице к востоку от Сити. Слуга провел меня через дом в аккуратный внутренний двор. Там ровными рядами рос самшит, дальше ряды его расступались, и открывался ровный газон, а за ним – фруктовый сад. Невысокие деревья были сплошь усыпаны белыми и розовыми цветами, а посреди всего этого великолепия, словно под роскошным пологом, стоял высокий человек в черном и смотрел вверх, на переплетенные ветви.

Слуга кивком направил меня к этому человеку, и тот обернулся ко мне. Предзакатное солнце стояло у него за спиной, и я не видел выражения его лица; лишь силуэт, узкий, черный, подсвеченный золотистым закатным светом. Остановившись в нескольких шагах от министра, я низко поклонился, постаравшись, как мог, выразить ему свое почтение:

– Джордано Бруно из Нолы к вашим услугам.

– Buonasera, Signor Bruno, e benvenuto, benvenuto, [6] – приветливо отозвался он и двинулся навстречу, протягивая мне правую руку. По английскому обычаю, мы обменялись рукопожатиями, как равные. Итальянское приветствие из его уст прозвучало почти без жесткого британского акцента, и, когда министр приблизился вплотную, я наконец-то смог рассмотреть его лицо – длинное, вытянутое, казавшееся суровым под плотно прилегавшей к редеющим волосам шапочкой. На вид ему было лет пятьдесят. Глаза сэра Уоллингема светились умом, так что и без слов было ясно: этот человек время на пустяки не тратит и глупцов не терпит. Но на его лице были и следы тяжкой усталости: по-видимому, этот человек нес тяжкое бремя и знал бессонные ночи.

– Две недели тому назад, доктор Бруно, я получил от нашего посла в Париже письмо с известием о вашем прибытии в Лондон, – без предисловий начал он. – Вы хорошо известны при французском дворе. Посол сообщает также, что «не может одобрить» вашу религию. Что бы это значило?

– Он намекает либо на то обстоятельство, что я некогда принадлежал к монашескому ордену, либо на то, что я больше к нему не принадлежу, – ровным голосом отвечал я.

– А может быть, речь идет совсем о другом? – Уоллингем пристально посмотрел на меня. – Но об этом мы еще поговорим. Сначала скажите мне, что вам известно обо мне, мессир Филиппо Бруно?

до тех пор я не смотрел ему в глаза – теперь резко поднял голову, озадаченный и несколько сбитый с толку. Несомненно, этого он и добивался.

От имени, данного мне при крещении, я отказался, когда принял постриг в монастыре Сан-Доменико Маджоре. Вместо него я получил имя Джордано и лишь ненадолго в пору своих скитаний вернул себе имя Филиппо. Так изящно Уолсингем продемонстрировал мне, насколько велики его возможности и обширны сведения. Конечно же он был доволен произведенным эффектом, но я быстро оправился и сказал:

— Я вижу одно: лишь глупец попытался бы утаить что-то от человека, который при первой же встрече называет меня тем именем, что дали мне родители, — именем, о котором я позабыл на двадцать лет.

Уолсингем улыбнулся:

— Пока этого достаточно, вы же не глупец. Вам присуща опрометчивость, но отнюдь не глупость. А теперь, если желаете, я скажу вам, что мне еще известно о вас, доктор Джордано Бруно из Нолы.

— Разумеется, но, надеюсь, вы позволите мне отделить истину, пусть даже не слишком приятную, от пустых слухов.

— Превосходно. — Он снисходительно улыбнулся. — Вы родились в Ноле близ Неаполя, вы сын солдата и в отрочестве поступили в монастырь Сан-Доменико Маджоре. Примерно через тринадцать лет вы покинули монастырь и три года скитались по Италии, спасаясь от инквизиции, объявившей вас еретиком. Затем вы преподавали в Женеве и во Франции, добрались до Парижа и пользовались там покровительством короля Генриха. Вы преподаете искусство памяти, которое многие считают чернокнижеством, и страстно защищаете учение Коперника, объявившего Солнце, а не Землю центром Вселенной, хотя это учение и католики, и лютеране единодушно считают ересью.

Он глянул на меня, ожидая подтверждения, и я кивнул.

— Вам многое известно, — признал я.

Уолсингем снова улыбнулся.

— Вот уж это вовсе не магия, Бруно. В Падуе вы пробыли недолго, но там вы свели знакомство с английским придворным филиппом Сидни. Ну так вот — в скором времени он женится на моей дочери Фрэнсис.

— Более достойного зятя вы не могли бы найти. Буду счастлив встретиться с ним, — искренне ответил я.

Уолсингем кивнул.

— Любопытно все же, почему вы ушли из монастыря?

— Меня застукали, когда я читал Эразма в нужнике.

С минуту он молча взирал на меня, потом закинул голову и расхохотался. Такой густой, с хрипом, хохот мог бы быть у медведя, если бы медведь умел смеяться.

— У меня имелись и другие сочинения из списка запрещенных книг. Настоятель вызвал инквизитора, но я успел сбежать. За это меня отлучили. — Я прошелся взад и вперед, сложив руки за спиной и сам себе удивляясь: вот уж не думал, что буду вспоминать эти события в зеленом английском саду.

С каким-то непонятным выражением лица министр присмотрелся ко мне и покачал головой, словно я его озадачил.

— Интересный вы человек, Бруно. Вам пришлось бежать из Италии от обвинений в ереси, но в Женеве кальвинисты схватили вас и тоже отдали под суд за вашу веру.

Я поклонился, то ли соглашаясь, то ли не соглашаясь.

— В Женеве вышло недоразумение. Я убедился в том, что кальвинисты всего лишь подменили один набор тупых догм другим.

Вновь этот взгляд — как будто министр проникся восхищением к моей скромной
Страница 13

– Вы, кажется, единственный, кто ухитрился восстановить против себя и папу, и кальвинистов. Исключительное достижение, доктор Бруно. Вот почему и я задаю вопрос: какой же вы веры?

Пауза. Он смотрит на меня с ожиданием, ободрением.

– Вам известно, что Риму я не друг. И готов заверить вас, что во всем буду предан ее величеству и рад буду оказать ей любые услуги, пока нахожусь на ее земле.

– Да-да, Бруно, это я знаю, но это не ответ на мой вопрос. Я спрашивал о вере. Кто вы в глубине души: папист или протестант?

Я медлил в смущении.

– Вы сами напомнили мне, что обе стороны нашли во мне изъян.

– Означает ли это, что вы не принадлежите ни к той ни к другой стороне? Следовательно, вы – атеист?

– Прежде чем ответить на такой вопрос, я хотел бы знать, каковы будут последствия.

Министр улыбнулся.

– Это не допрос, Бруно. Мне хотелось бы понять вашу философию, только и всего. Будьте со мной откровенны, и я буду откровенен с вами. Затем мы и удалились в сад, чтобы никто не мог нас подслушать.

– В таком случае заверяю вашу милость, что слово «атеист» в обычном его смысле неприменимо ко мне, – заговорил я, всей душой надеясь, что не причиню себе этими словами вреда. – Во Франции, и здесь, в посольстве, я именую себя католиком, потому что так проще и безопаснее, однако поистине я бы не назвал себя ни католиком, ни протестантом – слишком узки оба этих понятия. Я верю во всеобъемлющую истину.

Он приподнял бровь.

– В более всеобъемлющую, чем христианская вера?

– Христианская вера – лишь одно из позднейших истолкований древней истины. Если бы в наш отуманный век та истина была правильно понята, люди пришли бы к просветлению и покончили с кровавыми раздорами.

Повисло напряженное молчание. Солнце опустилось низко, под деревьями воздух был прохладен и влажен. С наступлением сумерек все назойливее и громче кричали птицы, но Уолсингем, не обращая внимания, расхаживал взад-вперед по траве, и на его черный камзол сыпались белые и розовые лепестки с ветвей плодовых деревьев.

– Вера и политика ныне совпадают, – заговорил он наконец. – Возможно, так было всегда, но в наш тревожный век это дошло до крайности. Политические убеждения человека теперь гораздо больше зависят от его религии, нежели от места рождения или от языка. В нашем государстве найдется немало исконных англичан, которые питают к Риму куда большую любовь, чем вы, Бруно. И куда большую любовь, чем к своей законной королеве. И все же вера не сводится к политике. Прежде всего речь идет о совести человека, о его отношениях с Богом. Я совершил такие поступки во имя Бога, о которых мне придется давать ответ на Страшном Суде. – Он посмотрел мне прямо в глаза, и в выражении его лица была скорбь. Он продолжил тихим и каким-то тусклым голосом: – Я стоял и смотрел, как из груди человека вырывали еще живое и бьющееся сердце – по моему приказу. Я допрашивал людей, и им выворачивали суставы на дыбе. Одного звука этого было бы достаточно, чтоб тошнота подступила к горлу. Я сам поворачивал колесо дыбы, если тайна, которую я должен был вырвать из уст допрашиваемого, была чересчур опасна и ее нельзя было доверить ушам палачей. Я видел, как кружится человеческое тело, созданное по образу Божьему. Я сам творил эти ужасы над своими собратьями, ибо верил, что такой ценой предотвращу более страшное кровопролитие.

Он провел рукой по влажному лбу и вновь принял мерить шагами газон.

– Наша страна только недавно приняла новую веру, и немало найдется во Франции и Испании тех, кто, при поддержке Рима, стремится убить ее величество и посадить на трон это дьяволово отродье, Марию Шотландскую. – Уолсингем покачал головой. – Бруно, я не жесток и не получаю ни малейшего удовольствия, причиняя людям боль. Хотя кое-кто из моих подручных... – Дрожь пробежала по его лицу; я верил каждому его слову. – В отличие от инквизиции я не беру на себя ответственность за души людей. Пусть этим занимаются священники. Я пекусь только о безопасности государства и королевы. Лучше уж выпустить кишку католическому попу в Тайберне, перед толпой, чем позволить ему соблазнить двадцать человек, которые соединятся с другими и восстанут против королевы.

Я снова поклонился, соглашаясь, впрочем, мне не предлагалось высказывать свое мнение. Под самым старым деревом в саду была скамейка, кольцом опоясывающая его ствол. Уолсингем пригласил меня присесть рядом с ним.

– На собственном опыте вы узнали, Бруно, как беспощадно Рим преследует своих врагов. Улицы английских городов потекут кровью, если Мария Шотландская взойдет на престол. Вы понимаете, Бруно? Но эти католические заговоры – словно головы гидры: мы отрубаем одну, а на ее месте вырастает дюжина новых. Мы казнили в восемьдесят первом году коварного иезуита Эдмунда Кэмпиона, а теперь в Англию десятками засыпают миссионеров, и каждый из этих глупцов завидует его мученичеству. – Уолсингем утомленно покачал головой.

– Ваша милость несет тяжкое бремя. Не хотел бы я оказаться на вашем месте.

– Это бремя возложил на меня Господь, и я ищу себе помощников, – откровенно ответил он. – Скажите, Бруно, французский король предоставил вам содержание или только жилье в посольстве?

– Он более поддерживает меня добрым советом, нежели деньгами из своего кошелька, – признался я. – Я надеюсь прибавить к этому скромному вспомоществованию заработка преподавателя и с этой целью собираюсь наведаться в прославленный Оксфордский университет – быть может, там найдется для меня занятие.

– Оксфорд? Вот как? – в глазах его блеснул интерес. – Вот уж папистское болото. Университетское начальство демонстративно изгнало всех, кто исповедовал старую веру, а на самом деле добрая половина профессоров – тайные паписты. Граф Лестер, канцлер, то и дело наведывается в университет и назначает расследования, но их так просто не возьмешь – прячутся, как пауки под камни, стоит лишь направить на них свет. А как только отвернешься, глядь – они уже отправляют молодые души. Опутывают тех самых юношей, которым предстоит стать судьями, священниками, заседать в парламенте. Наше будущее правительство и наше священство может обратиться к Риму, а мы этого и не заметим! Королева гневается, и я уже сказал Лестеру, что действовать надо с большим усердием. – Министр скжал губы, давая понять: будь он во главе университета, жесткие меры были бы уже приняты. – Университет превратился в убежище для тех, кто читает и пишет мятежные книги. Большинство миссионеров, которых засыпают к нам французские семинарии, прежде училось в Оксфорде. – Уолсингем чуть призадумался и заговорил мягче: – да, Бруно, поезжайте в Оксфорд. Буду рад предоставить вам рекомендацию. Вы там увидите много интересного.

Он примолк, что-то обдумывая; кажется, его мысли приняли иное направление.

– Вы сказали, что готовы любым способом служить ее величеству. Вы говорили искренне?

– Подобные предложения не делают ради шутки, ваша милость.

– В казне ее величества имеются средства для оплаты людей, которые работают на меня, помогают защищать от врагов королеву и государство. Ее величество умеет быть благодарной, и способов для этого много: мы понимаем, насколько ценные для писателей покровительство и доброе мнение властей. Вы могли бы оказать королеве существенную услугу, Бруно, ведь, живя во французском посольстве, вы причастны множеству секретов. Все, что коснется вашего слуха относительно заговоров против ее величества или ее министров, любая мелочь

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
о шотландской королеве и ее французских друзьях, письма, в которые вы могли бы заглянуть, все, что покажется вам относящимся к делу, любая малость, – все это было бы для нас бесценно.

Он смотрел мне прямо в лицо, вопросительно приподняв брови. Я колебался.

– Благодарю вашу милость за такое доверие...

– Конечно, у вас есть совесть и сомнения, – перебил он нетерпеливо. – Я бы потерял к вам уважение, если бы сразу ответили согласием. Да, я прошу вас следить за теми, кто принял вас под свой кров, и любой честный человек призадумался бы, прежде чем согласиться на такую роль. Но помните, Бруно: всякий раз, когда совесть и долг тянут нас в разные стороны, следует выбирать то, что сулит большее благо. Вам нечего бояться, душа это не повредит.

– Не в том дело, ваша милость.

– А в чем? – удивился он. – Филип Сидни говорил мне, что вы – закоренелый враг Рима и с готовностью поможете тем, кто препятствует появлению инквизиции на нашем острове.

– Ваша милость, я враг Рима, но я враг всех тех, кто принуждает людей к своей вере и казнит их, едва они посмеют хоть в чем-то усомниться.

Я сказал и умолк; всесильный министр мерил меня взглядом.

– У нас здесь людей за веру не наказывают. Королева весьма красноречиво сказала об этом: она, мол, не желает прорубать окна, чтобы заглядывать в души людей. Нет такого намерения и у меня, Бруно. В нашей стране убеждения не приведут человека на эшафот, но его могут казнить за то, что он собирается сделать во имя этих убеждений.

– За то, что он собирается сделать или за то, что мог бы сделать? – уточнил я.

– Намерение – уже измена, Бруно, – бесстрастно возразил королевский министр. – Пропаганда – измена. В наше время даже распространение запретных книг – измена, потому что каждый, кто распространяет такие книги, делает это с намерением соблазнить подданных королевы, сделать их подданными Рима, с тем чтобы они встали на сторону католиков, когда те вторгнутся в Англию.

Мы сидели рядом, и я почувствовал, как рука английского министра коснулась моего локтя.

– Здесь, в Англии, – продолжал он, – человек с прогрессивными взглядами – человек вроде вас, Бруно, – может жить и писать свободно, не страшась наказания. Полагаю, именно поэтому вы приехали в нашу страну. Разве хотели бы вы, чтобы сюда пришла инквизиция и положила конец этим свободам?

– Нет, ваша милость, этого я бы никак не хотел.

– Значит, вы согласитесь служить ее величеству так, как я предложил вам?

Я молчал, прикидывая, как мой ответ может изменить мою судьбу.

– Я буду служить ей всеми силами, – обещал я.

Уолсингем широко улыбнулся – даже зубы сверкнули в сумраке – и обеими руками сжал мою ладонь.

Кожа на его руках была сухой и тонкой, словно бумага.

– Я очень рад, Бруно. Ее величество наградит вашу верность, как только убедится в ней. – Глаза министра блестели. Сад вокруг нас погружался в темноту, лишь тонкие полосы золотого света еще окаймляли вставшую за деревьями лиловую тучу. Стало прохладно, воздух наполнился сладкими ароматами цветов.

– Что же мы не идем в дом? Скверный я хозяин, даже выпить не предложил.

Он с заметным усилием поднялся и повел меня по дорожке к дому. По обе ее стороны слуги зажгли маленькие фонарики. Сад казался волшебным, и я, глубоко вдыхая вечерний воздух, чувствовал приближение нового будущего, которое было уже близко и сулило новые возможности.

далеко в прошлом остались странствия по горам Северной Италии, грязные, пропахшие крысами придорожные гостиницы, где я ночи напролет бодрствовал с кинжалом под подушкой, опасаясь бродяг, которые могли убить меня за несколько медных монет. Все в прошлом: отныне я поступаю на секретную службу ее величества. Еще один непредсказуемый, но вместе с тем, похоже, и вполне закономерный поворот судьбы.

Уолсингем остановился под фонарем и повернулся ко мне.

– Вам нужно будет встретиться с моим помощником, Томасом Фелипсом, – предупредил он. – Томас держит в руках все нити – шифры, почтовые ящики и тому подобное. Полагаю, вас не нужно предостерегать: о нашей встрече никому ни слова, за исключением Сидни, – добавил он, понижая голос.

– Ваша милость, я был священником. Лгать я умею.

Он усмехнулся.

– Полагаюсь на вашу ловкость. Вы бы не смогли так долго водить за нос инквизицию, не будь у вас этого таланта.

Так я сделался частью обширной и сложной сети, простиравшейся от колоний Нового Света на западе до турецких земель на востоке...

Внезапный раскат грома перебил воспоминания и вернул меня в комнату королевского дворца. За окном хлестал дождь и вспышки молний освещали просторный двор. Я надеялся обрести в Англии мирную жизнь и написать наконец-то книгу, которая должна была потрясти Европу до самых основ. Честолюбие было и оставалось моим проклятием. Мучительное честолюбие зависимого человека, человека без средств, без положения в обществе, нуждающегося в покровительстве других людей – в моем случае в покровительстве женщины. Завтра мне предстояло увидеть университет Оксфорда и добыть там два золотых самородка: тайны оксфордских папистов для Уолсингема и книгу, которая – в этом я был убежден – скрывалась в одной из библиотек университета.

ЧАСТЬ II Оксфорд, май 1583

Глава 2

Поутру, на рассвете, мы продолжили путь: управляющий Виндзором нашел-таки для Сидни пять лошадок в затейливой упряжи из розового и золотого бархата. Весело позванивали медные трензеля, но сами путники казались более мрачными, чем накануне, когда беззаботно плыли по реке под ярко раскрашенными вымпелами под музыку. Гроза прекратилась, но дождь продолжал моросить; было прохладно, серое, сумрачное небо нависало над нами.

За завтраком пфальцграф вел себя тихо и смироно: сидел, прижав кончики пальцев к вискам, и время от времени испускал легкий стон. Последствия карточной игры допоздна и неумеренного потребления портвейна, шепнул мне Сидни, и я в душе позлорадствовал. Сидни же был в отменном настроении, ибо он вчера немало выиграл – его удача в карты напрямую зависела от степени опьянения пфальцграфа. Однако паршивая погода всем испортила настроение. Мы ехали в молчании; лишь изредка Сидни вполголоса ругался, когда лошадь спотыкалась на очередной кочке, да рыгал наш пфальцграф, нисколько того не стесняясь.

По обе стороны дороги тянулись однообразные зеленые заросли, глухо шлепали по грязи конские копыта. Сидни возглавил наш небольшой отряд и увлек меня за собой, предоставив пфальцграфу ехать позади. Голова польского аристократа упала на грудь, двое слуг ехали по бокам от него, следя, чтобы он не свалился с лошади, и везли здоровенные сундуки с нарядами пфальцграфа и моего друга Сидни. У меня же имелась лишь кожаная, притороченная к седлу сумка с книгами и кое-какой одеждой. В таком порядке мы к середине дня добрались до королевского леса Шотовер на границе Оксфорда. Лесная дорога

от дождя пришла в такое состояние, что мы вынуждены были еще более замедлить шаг из опасения, что лошади могут поскользнуться или угодить копытом в промоину.

— А теперь, Бруно, — негромко заговорил Сидни, убедившись, что мы достаточно опередили пфальцграфа и слуг, — расскажи мне о своей книге и о том, что привело тебя к нам из Парижа.

— В прошлом веке эта книга считалась утраченной, — так же негромко ответил я, — но я не верил в это и повсюду в Европе собирал слухи — знаешь, шепот книготорговцев, покупателей; кто-то что-то помнит, гадает, предполагает, где бы эта книга могла оказаться. Но лишь в Париже я получил убедительное доказательство, что книга существует и ее можно отыскать.

В Париже, рассказал я Филипу, среди итальянских изгнанников, нашедших приют при дворе короля Генриха, я повстречался с престарелым флорентийцем по имени Пьетро, который вечно хвастал даже случайным знакомым, что он, мол, правнучатый племянник знаменитого книготорговца и автора биографий Веспасиано да Бистиччи, того самого, кто составил жизнеописание Козимо Медичи и каталог Ватиканской библиотеки. Этот Пьетро, зная, как я интересуюсь редкими и эзотерическими сочинениями, пересказал мне историю, которую поведал ему дед, племянник Веспасиано, работавший при нем учеником после тысяча четыреста шестидесятого года, в последнюю пору жизни Козимо. Веспасиано поставлял книги и рукописи в прекрасную библиотеку правителя, закупил для него более двух сотен томов, а также предоставлял в распоряжение его переписчиков исправленные манускрипты античных авторов. Таким образом он сделался своим человеком при дворе Медичи. В особенности же близкую дружбу он свел с Марсилио Фичино, великим философом и астрологом, которого Козимо поставил во главе флорентийской академии и назначил официальным переводчиком диалогов Платона для библиотеки Медичи. И вот дед Пьетро, бывший в ту пору юным учеником книготорговца, рассказывал, что однажды утром в четыреста шестьдесят третьем году, за год до смерти Козимо, Марсилио Фичино явился в лавку его дядюшки в явном расстройстве, сжимая в руках какой-то сверток. Фичино сказал, что уже начал работу над переводом Платона, как вдруг его покровитель велел оставить диалоги и все свое внимание уделить более срочному делу — герменевтическим сочинениям, тремя годами ранее доставленным из Македонии монахом, одним из тех подвижников, которых Флоренция снаряжала в Византию на поиски редкостей. Этот манускрипт еще только предстояло изучить, но Козимо, уже знаящий, что ему недолго осталось жить, предпочитает, мол, прочесть напоследок Гермеса, нежели Платона. Последнее — лишь моя догадка. Но Пьетро со слов деда рассказывал, что Фичино, бледный как смерть и дрожащий, заявил: он прочел пятнадцатую книгу герметической рукописи и понял, что это поручение выполнить не может. Он готов перевести для Козимо первые четырнадцать книг, сказал он, однако заключительная книга слишком невероятна, слишком важна, и ее нельзя сделать доступной людям, ибо в ней величайшая тайна, открытая Гермесом Трисмегистом, — тайна, способная обрушить авторитет христианской Церкви. Эта книга могла бы научить людей проникать Промыслом Божиим и тем самым уподобляться Богу.

Фичино принес так напугавший его греческий манускрипт в лавку, тщательно обернутый тонкой промасленной кожей. Переводчик отдал его книготорговцу и попросил хранить, покуда он не решит, как следует поступить с ним.

Фичино солгал Козимо, сказав, что в рукописи, доставленной из Византии, заключительная книга отсутствует, прочие же книги он добросовестно перевел. На следующий год после смерти Козимо Фичино и Веспасиано встретились вновь, чтобы поговорить о пятнадцатой книге. Веспасиано интересовалась прибылью; он предлагал продать рукопись в какой-нибудь богатый монастырь, а там уж найдут способ уберечь манускрипт от глаз тех, кто мог бы злоупотребить тайным знанием. Фичино предлагал все же перевести книгу и раскрыть ее секрет выдающимся мыслителям флорентийской академии, а те уж пусть обсудят и решат, каковы возможные последствия самой опасной еретической философии, если она проникнет в Италию.

— Кто же победил в этом споре? — нетерпеливо спросил Сидни, даже не приглушив голос. Глаза его сверкали, словно омытые струями воды, стекавшей с высокой тульи шляпы на лицо.

— Никто, — ответил я. — Когда они спустились в хранилище, рукописи там не было. Выяснилось, что случилась ужасная ошибка: за несколько месяцев до

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
этого манускрипта вместе с целой кипой других греческих рукописей приобрел английский коллекционер.

– Кто же это был?

– Не знаю. И Веспасиано этого не знал. – Я глубоко вздохнул. – на этом кончается история Пьетро. Он сказал мне, что и дед его не знал никаких подробностей: неизвестный английский книгочей проездом через Флоренцию купил несколько рукописей, в том числе и эту. Веспасиано так и не сумел проследить дальнейшую ее судьбу, хотя до конца своей долгой жизни теребил всех своих поставщиков и покупателей в Европе, – а скончался он на исходе прошлого века. Признаю, сведений маловато: в прошлом веке Италию посетило множество англичан, интересовавшихся древностями и редкими книгами. Если кто-то из них случайно приобрел манускрипт, то мог перепродать его, не ведая, что за сокровище попало ему в руки, и теперь оно пылится в чьей-нибудь библиотеке.

– Но почему ты решил, что рукопись в Оксфорде? – после паузы спросил Сидни.

– Я стараюсь рассуждать логически: английские библиофилы прошлого века были люди образованные и, как правило, богатые, раз уж они могли путешествовать по континенту и скупать редкости. Насколько мне известно, английские джентльмены имели обыкновение завещать свои книги тем университетам, в которых они учились, ибо содержать частные библиотеки по карману лишь немногим, таким, к примеру, как ваш доктор Ди. Если Гермесов трактат попал в Англию, он вполне мог очутиться в Оксфорде или в Кембридже. Там я и должен искать его.

– А если найдешь?.. – начал было Сидни, но тут его лошадь неожиданно шарахнулась в сторону и громко заржала: откуда ни возьмись на дорогу выскочили две маленькие фигурки.

Мы резко натянули удила, и пфальцграф со слугами едва успели остановиться; их лошади ткнулись мордами в крупы наших. Двое оборванных ребятишек, девочка лет десяти и мальчик еще моложе, месили босыми ногами грязь. На правой щеке у девочки расплылся лиловый синяк. Она протянула к нам тощую ручонку, ладонью вверх, и заговорила, обращаясь к Сидни. Голос ее был жалобен, но глаза смотрели нагло и дерзко.

– Милостыньку, господин, двум бедным сироткам!

Филип покачал головой – не отказываясь, а скорее сокрушаясь о несовершенстве мира сего – и потянулся за висевшим у него на поясе кошельком. Он уже достал монету, но тут сзади послышался вопль. Я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как одного из пфальцграфовых слуг стаскивает с коня какой-то коренастый крепыш, вместе с двумя другими бесшумно вынырнувший из леса. Пфальцграф тоже вскрикнул, но тут же опомнился, пришпорил коня и галопом промчался между мной и Сидни. Маленьких побиушек он чуть было не раздавил – они едва успели отпрыгнуть в кусты у обочины. Я соскочил с коня, выхватил из-за пояса нож (тот самый, что подарил мне Паоло) и прыгнул на спину одному из бандитов, уже замахнувшемуся дубиной на второго слугу, чтобы выбить и его из седла. Сидни чуть промедлил, но потом тоже спешился и, обнажив меч, набросился на двух других грабителей, которые уже резали ремни, крепившие сундуки к седлам.

Мой противник обернулся ко мне, но я схватил его за руку и отвел удар. Бедолага-слуга за это время успел хлестнуть поводьями лошадь, и та рванулась в сторону, унося всадника из-под занесенной дубиной; второй бандит подбежал ко мне, размахивая ножом, и поранил мне ногу, когда я попытался отпихнуть его. Вот теперь я обозлился по-настоящему и ринулся на него с ножом. Но в этот момент краем глаза подметил какое-то движение сбоку: главарь банды, с виду крупнее и выше прочих, замахнулся на меня своей дубиной. Я, не раздумывая, вонзил нож ему в плечо. Бандит завопил от боли. Его левая рука бессильно повисла, другой он пытался зажать рану. Я воспользовался моментом и ткнул нож в руку, державшую дубину. Дубина упала на землю, а я обернулся к тому бандиту, который размахивал передо мной своим ржавым ножом, – этот уже не выглядел таким смельчаком. Выкрикивая итальянские ругательства, я набросился на этого придурка, сделал обманное движение, и он, споткнувшись о корень, упал, продолжая тем не менее размахивать ножом. Я со всей силы пнул его ногой в живот и встал над ним, приставив нож к горлу. Он лежал на земле и постанывал.

– Бросай нож и убирайся к черту, откуда пришел, – прошипел я. – Быстрее, пока я не передумал.

Он молча поднялся, снова поскользнулся второпях и кинулся обратно в лес. Отчаянный вопль у нас за спиной придал ему скорости. Я обернулся: один из бандитов, с которыми схватился Сидни, медленно валялся наземь: поэт проткнул ему бок мечом. Последний из троих нападавших с ужасом поглядел на распластертое в грязи тело товарища и тоже задал стрекача. Сидни вытер меч о мокрую траву и убрал его в ножны, все еще тяжело дыша после схватки.

– Он мертв?

Сидни пренебрежительно оглянулся через плечо.

– жить будет, – проворчал он, поджимая губы. – Но в следующий раз поостережется нападать на проезжих. Это опасная дорога, нам следовало подготовиться получше. Ты отлично показал себя, Бруно! – восторженно добавил он. – Для служителя Божия так просто замечательно.

– Не знаю, числится ли Господь меня по-прежнему среди своих служителей. Но за три года блужданий по Италии я научился защищать себя. – я тоже вытер лезвие ножа о траву, мысленно благодаря своего предусмотрительного друга: не впервые подаренный клинок выручал меня.

Сидни задумчиво кивнул.

– Да, припоминаю: в Падуе ты рассказывал, что у тебя вышла какая-то неприятность из-за драки в Риме. – Он смотрел на меня с легкой улыбкой, как бы ожидая рассказа.

Я ответил не сразу. Случалось у меня в прошлом такое, о чем я предпочел бы никогда не вспоминать. Лучше бы в Англии меня знали как выдающегося философа при французском дворе, а не как беглеца, скитавшегося по Италии и преследуемого по обвинению не только в ереси, но и в убийстве.

– В Риме какой-то доносчик сдал меня инквизиции. Но к тому времени, как мерзавца выудили из Тибра, я уже покинул город, – тихо ответил я.

– Ты убил его? – лукаво ухмыльнулся Сидни.

– Насколько мне известно, это был пьяница и мелкий жулик, а я мыслитель, филипп, – мыслитель, а не убийца, – подчеркнул я, пряча кинжал в ножны.

– Не очень-то ты обычный философ, Бруно, уж это с первого взгляда видно. Ладно, подробности потом, а теперь надо отыскать нашего поляка, – вздохнул филипп.

Спасенный мною слуга стоял чуть впереди и с трудом сдерживал обоих наших жеребцов – те ржали и били землю копытами, испуганно кося глазами.

Мы успели отбить нападение прежде, чем разбойники перерезали ремни, но один из сундуков висел ненадежно, и нам пришлось его закрепить, прежде чем снова пуститься в путь. Пфальцграфа мы нагнали за поворотом, под деревом. Сидни извинился перед ним за неприятности, причиненные английскими разбойниками, хотя, на мой взгляд, ему самому не мешало бы извиниться за свою трусость.

Мы двинулись дальше. Хотя рана на бедре у меня была неглубокой, но мокрая ткань панталон пренеприятно ее натирала. Мне не хотелось признаваться Сидни, что нападение застало меня врасплох. Хотя бродячая жизнь приучила меня всегда быть начеку, но последние годы я провел в безопасности при дворе французского короля Генриха и утратил боевые навыки.

Мы ехали медленно. С неба лило не переставая. Мы промокли нас kvозь, влага забиралась даже под воротники. Когда поднялись на холм Шотовер, оказалось, что великолепный вид на город Оксфорд скрыт за пеленой дождя. Мы спустились к мосту; на другом берегу стоял колледж Марии Магдалины. Там собралась довольно большая группа людей; подъехав поближе, Сидни узнал среди них представителей университета и почетных граждан города, которые вышли встретить нас. С утра из Виндзора в Оксфорд прискакал гонец и предупредил, что пфальцграф прибудет не водой, как ожидалось, а верхами. Но поскольку

дорогу размыло дождем, да к тому же нас задержали разбойники, мы сильно припозднились, и бедным депутатам пришлось дожидаться нас под дождем. Их бархатные береты и рукава малиновых и черных мантий промокли насеквоздь и потемнели от влаги.

Вице-канцлер университета выступил вперед. низко поклонившись и поцеловав сперва украденную перстнями руку пфальцграфа, а затем руку Сидни, он представился нам. Хотя при виде наших синяков и повранной одежды глаза его расширились от изумления, он благоразумно промолчал и не задал никаких вопросов.

Он пообещал разместить высоких гостей в колледже Церкви Христовой, самом большом и пользовавшемся особым покровительством королевы. Это было тем более уместно, что Сидни заканчивал этот самый колледж и, так сказать, возвращался к себе домой.

Мне же предстояло жить отдельно. Круглолицый, лысоватый господин выступил вперед и на английский манер протянул мне руку, стойчески не замечая потока воды, хлынувшего ему на лицо с широких полей шляпы.

– Доктор Бруно, я – Джон Андерхилл, ректор колледжа Линкольна. Приветствую вас в Оксфорде и прошу оказать нам честь и поселиться в нашем колледже.

– От души благодарю вас.

– Мы с вами завтра вечером сразимся на диспуте. В школе богословия мы станем противниками, но до тех пор, надеюсь, будем друзьями. – Улыбка расцвела на его губах, но тут же увяла.

Итак, это был мой оппонент Аристотелевой школы. Суетливый человечек. Его приветливость не показалась мне искренней, но следовало произвести хорошее впечатление на оксфордцев, так что я ответил широкой улыбкой и пожал протянутую руку.

– И я надеюсь, доктор Андерхилл.

Мы вошли в город через небольшую калитку в высокой стене, окружавшей центральную его часть. Только лишь мы оказались в городе, заиграл оркестрик. Музыканты так и наяривали, отважно позабыв про ветер и дождь. Пфальцграф слегка приободрился и помахал рукой, – довольно вяло и не слишком приветливо, – когда мы проезжали по главной улице мимо ряда деревянных домиков. Ближе к центру города эти домишкы все чаще уступали место каменным, богато украшенным фасадам того или иного колледжа.

Перед зданиями из светлого камня толпились студенты, дрожавшие от холода и сырости в своих парадных мантиях. Они жались под навесы крыш и оттуда приветствовали нас; рядом с ними кланялись и махали руками профессора и почетные горожане.

Мы остановились у поворота в узкую уличку, уходившую на север. Тут мне сказали, что мои спутники поедут дальше, а я остаюсь с ректором.

Молодой грум взял моего коня под уздцы, чтобы отвести его в ректорскую конюшню, а я подошел к Сидни. Тот наклонился и крепко ухватил меня за руку.

– Завтра я приду на твое торжество, Бруно, – с улыбкой пообещал он. – Не отвлекайся, не давай сбить себя, но за ужином все же вспомни обо мне и посочувствуй. – Кивком он указал на пфальцграфа, который громко жаловался одному из представителей университета: мол, седло натерло ему промежность.

Я рад был от него избавиться, хотя и жалел о разлуке с моим другом. И все же в тот вечер мне хотелось лишь одного: как можно скорее удалиться в свою комнату, чтобы основательно приготовиться к публичному диспуту. Я понимал, что этим вечером товарищ из меня скверный, но когда выступлю на диспуте, и, главное, выступлю хорошо, вот тогда смогу отдохнуть и насладиться дружеской компанией в столовом зале колледжа. А уж потом займусь другой, главной своей задачей – поисками книги.

Ректор стойчески ждал меня и улыбался, хотя мантия его промокла насеквоздь. Я затянул потуже воротник своего плаща, поскольку нам пришлось пробираться между близко стоявших домов, с которых непрерывными потоками низвергалась

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
вода. Скоро стена слева от нас закончилась невысокой прямоугольной башней из того же сливочно-желтого камня, что и все остальные строения. Ректор толкнул небольшую деревянную дверь и придержал ее, пропуская вперед меня и слугу, тащившего поклажу.

— Боюсь, доктор Бруно, кинжал вам придется оставить здесь, — извиняющимся голосом проговорил он, поглядывая на украшавшие мой пояс ножны. — Устав Оксфорда запрещает проносить оружие на территорию университета. Мы обязаны заботиться не только о разуме и душах, но и о бренных телах наших юношей. Не беспокойтесь, ваш кинжал мы сбережем в целости и сохранности. — Он принужденно засмеялся, следя за тем, как я нехотя отстегиваю подарок Паоло.

Пройдя в арку в башне, мы вышли на квадратный дворик, аккуратно вымощенный каменными плитами. Напротив возвышалось похожее на крепость здание с высокими створчатыми окнами. Я сразу догадался, что это и было главное здание коллежда. Старый камень оброс плющом.

Ректор снял размокшую шляпу и провел рукой по сияющей лысине.

— Вы уж извините мой внешний вид, доктор Бруно. Внезапное возвращение зимы застало нас всех врасплох. Мы-то думали, вот-вот лето настанет, но такова уж непостоянная английская погода. Должно быть, вы тоскуете по ясному голубому небу своей отчизны.

— Порой да, хотя климат Северной Европы больше соответствует моему темпераменту, — ответил я.

— Вот как? Вы склонны к меланхолии?

— Как и все, доктор Андерхилл, я представляю собой смесь противоположных элементов, поровну земли и огня, отчасти меланхолик, отчасти холерик. Но ясное небо и теплый климат чересчур горячат кровь, не правда ли? Мне легче работаетя, когда я не испытываю соблазнов.

Андерхилл кивнул без особой уверенности. Похоже, его кровь давно уже ничто не горячило.

— Вы правы, летом студентов не усадишь за учебу. Итак, для вас приготовили комнату в южном крыле, возле моих покоев. — Взмахом руки он указал на ближайшие к главному зданию створчатые окна пристройки. — А напротив, на той стороне двора, вас ждет прекрасная библиотека, и вы можете пользоваться ею в любое удобное для вас время.

— У вас много книг? — поинтересовался я, стряхивая с плаща воду.

— Одна из лучших библиотек в университете, — ответствовал он, раздувшись от гордости; впрочем, это хвастовство, по мне, было извинительно, ибо мой собеседник похвалялся не собой, но своими книгами. — По большей части богословие и схоластика, но племянник нашего основателя, декан Флеминг, завещал коллежу прекрасное собрание художественных и классических текстов, многие из которых он переписал собственноручно. Он учился в Италии и в конце прошлого столетия привез к нам множество старинных рукописей из разных уголков Европы.

— Вот как? Буду счастлив осмотреть вашу библиотеку, — сказал я, чувствуя, как быстрее забилось сердце. — Не знаете ли вы, посещал ли декан Флеминг также Флоренцию? Где-нибудь в тысяча четыреста шестидесятом году или чуть позднее?

Ректор слегка пожал плечами:

— Несомненно, посещал. На множестве книг нашей библиотеки стоит экслибрис знаменитого флорентийского книготорговца Веспасиано да Битиччи. Как вам, полагаю, известно, он закупал книги для самого Козимо Медичи. Вас интересует именно этот период?

Я глубоко вздохнул и нарочито равнодушно улыбнулся.

— Любой итальянец бредит библиотекой Медичи. В ту пору Козимо рассыпал гонцов по всей Европе, добирался и до Византии в поисках неизвестных текстов, чтобы пополнить свое собрание. Как-то в Париже я беседовал с

Джордано Бруно Ересь filosoff.org

потомком Веспасиано, – добавил я все тем же делано безразличным тоном, – и мне было бы весьма интересно полюбоваться редкостями, которые Флеминг привез с собой из Флоренции в Оксфорд, если вы не возражаете, конечно.

Померещилось мне, или что-то в моих словах обеспокоило достойного ректора?

– Попросите мастера Годвина, библиотекаря, показать вам это собрание. Уверен, он рад будет поделиться своими знаниями. Но сейчас вам нужно поскорее переодеться и поужинать. А если перед ужином вы желаете побриться, – ректор кинул неодобрительный взгляд на мои волосы и бородку, – так у нас в колледже имеется свой цирюльник. Привратник скажет вам, где его найти. Обычно я и другие профессора обедаем в общей столовой вместе со студентами, однако там бывает чересчур шумно, и вы, в первый ваш университетский вечер, предпочтете, вероятно, более спокойную обстановку. Вот почему я хотел бы иметь честь пригласить вас отужинать с моей семьей и несколькими гостями у меня дома.

– У вас есть семья? – удивился я. – Вы не соблюдаете обет безбрачия?

– Мы тут в Оксфорде давно уже не монахи, доктор Бруно, – усмехнулся он. – Священники Англиканской церкви имеют право жениться. Ее величество даже поощряет такие браки, чтобы подчеркнуть различие между нами и приверженцами римской веры. И профессора колледжей теперь также вступают в брак, хотя мы все еще, должен признать, остаемся в меньшинстве. Не всякой женщине такая жизнь покажется привлекательной, поскольку мало кто из дам найдет здесь общество себе по вкусу. Но моя дорогая Маргарет как раз из таких редких женщин: она уверяет меня, что все эти шесть лет была здесь совершенно счастлива, если бы только не... – Тут ректор оборвал свою речь, и по его лицу пробежала тень. После паузы он продолжал уже более веселым тоном: – Устав воспрещает женам принимать пищу вместе с нами в столовой, но тем более Маргарет рада будет принять гостей у себя. Слуга покажет вам вашу комнату, а я пойду предупредить жену. Надеюсь, примерно через час вы присоединитесь к нам. Вы пройдете через ту арку справа, возле главного здания, и увидите рядом с ней деревянную дверь.

Весь этот разговор мы вели, оставаясь под сводом входной арки, но, как только решились покинуть свое убежище и пробежать под дождем через двор, нас остановил чей-то отчаянный вопль:

– Ректор! Доктор Андерхилл! Подождите, умоляю вас!

Через двор к нам бежал молодой человек, за спиной его развевался потертый черный студенческий плащ. В руке он держал какую-то бумагу, размахивал ею, словно хотел известить о каком-то неотложном деле. Лицо ректора брюзгливо сморщилось. Молодой человек замер перед нами на мокрых камнях. На вид ему было лет двадцать, одежда старая, рубашка и штаны все в заплатах, башмаки протерлись, наружу торчали большие пальцы. Юноша метнул тревожный взгляд на ректора, на меня и спросил, задыхаясь:

– Доктор Андерхилл, этот человек прибыл от королевского двора? Заклинаю вас, позвольте мне обратиться к нему.

– Томас, – сухово и с раздражением сказал ректор, – сейчас не время и не место. Прошу вас, соблюдайте приличия хотя бы перед нашим гостем.

К моему изумлению, юноша вдруг рухнул передо мной на колени, прямо на мокрые плиты двора. Одной рукой он вцепился в подол моего плаща, другой попытался всунуть мне свою бумагу.

– Господин, молю вас, сжальтесь над тем, кого забыл Господь! Передайте это послание вашему дяде. Заклинаю вас, попросите его даровать прощение моему несчастному отцу и вернуть его из ссылки. Прошу вас, милорд, если есть в вас христианское милосердие, окажите мне такую милость и заступитесь за моего отца перед графом. Поведайте ему: Эдмунд Аллен раскаялся во всех своих грехах.

Глаза юноши сверкали безумием, но его несчастье взывало к сочувствию. Нетрудно было догадаться, за кого он меня принял, так что я ответил, ласково касаясь склоненной головы:

– Сынок, я бы рад помочь, но вряд ли тебе будет много проку от моего дяди,

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
неаполитанского каменщика. Вставай-ка. – И, ухватив парня за руку, я помог ему подняться.

– Но... – Тут он вслушался наконец в мой акцент, лицо его запылало багровым румянцем, и обращенный на меня взгляд выразил страдание и растерянность. – Умоляю вас о прощении, милорд. Значит, вы не сэр Филип Сидни?

– Увы, нет, – отвечал я. – Хотя мне лестно, что вы обознались: Сидни выше меня на добрых полголовы и шестью годами моложе. Впрочем, завтра я увижуся с ним и могу передать ему ваше послание.

– Вы очень добры, доктор Бруно, однако в этом нет необходимости. Не обращайте внимания на выходку этого мальчишки, – решительно вмешался ректор и, обернувшись к юноше, продолжал, не давая себе труда сдерживать гнев: – Вспомните о приличиях, Томас Аллен. Как вы смеете досаждать гостям? Хотите снова подвергнуться наказанию? Ваше положение в колледже не стольочно, чтобы им рисковать. Возвращайтесь к своим занятиям, мастер Аллен, а если все уроки сделаны, полагаю, вам следует исполнять обязанности прислуши. И больше ни с чем к доктору Бруно не обращайтесь. Вы меня хорошо поняли?

Парень понуро кивнул, кинул на меня быстрый взгляд, проверяя, какое впечатление произвели суровые слова ректора. Надеюсь, он увидел в моих глазах сочувствие и симпатию.

– И займитесь своей одеждой, молодой человек! – крикнул ректор в его сутулую спину, когда юноша повернулся и побрел прочь. – Нищий вроде вас – позор для всего университета.

Томас Аллен порывисто обернулся, гордо вскинул голову и возразил:

– Я не могу купить новую одежду, ректор Андерхилл, и вам прекрасно известно почему. Так что я не обязан извиняться за то, в чем нет моей вины. – С этими словами он скрылся из наших глаз.

Ректор все еще смотрел ему вслед. Кажется, он устыдился собственной суровости.

– Бедный мальчик, – пробормотал он, качая головой.

– Почему «бедный»? – с любопытством переспросил я. – Кто он такой?

– Зайдем для начала под крышу, не стоит снова мокнуть. – Мы поспешили нырнули под арку, спасаясь от неутомимого дождя. – Печальная это история: юноша только начал жить, а на него уже обрушились такие несчастья. Простите, что он потревожил вас.

Я покачал головой: юноша ничем не досадил мне, а история меня заинтересовала.

– Его имя Томас Аллен. Его отец, доктор Эдмунд Аллен, был профессором богословия и до прошлого года моим заместителем.

– Неужели всем членам университета позволяет проживать здесь вместе с семьей? – изумился я.

– Вовсе нет, только главам колледжей. Когда Эдмунд женился, он покинул университет и сделался наследником одной из лондонских церквей. Но после смерти жены он вернулся в колледж, а Томас, тогда еще не достигший студенческого возраста, жил в приемной семье в городе. – Ректор вновь покачал головой, демонстрируя приличествующую случаю печаль, хотя все еще не объяснил, в чем дело. – Эдмунд был славным человеком, его назначил на должность сам граф Лестер, как и меня.

– Глав колледжей назначают, а не выбирают на совете профессоров? – уточнил я, прикинувшись несведущим.

– Как правило, все члены колледжа участвуют в выборах, – признал он, слегка смущившись. – Но у нас на высоких должностях окопалось немало тайных папистов, некоторые были назначены еще королевой Марии и так и не сменили убеждений. И вот, чтобы удалить их, граф назначает своих доверенных людей, убежденных и испытанных сторонников Англиканской церкви. Это временная мера

– пока не будет окончательно истреблена эта зараза папизма. Я был личным капелланом графа, – добавил ректор с самодовольной улыбкой, слегка надувшись от гордости.

- Университетские профессора не возражали против вашего назначения?
- Кое-кто возражал, если желаете знать, – проворчал он. – Но мы все тут так или иначе имеем покровителей. Эдмунда Аллена граф назначил по моей рекомендации: мы с ним вместе учились в этом колледже. И представьте себе, как все мы были ошеломлены, когда в прошлом году обнаружилось, что Аллен тайно придерживается старой веры, да не очень-то и втайне – у него и запрещенные книги обнаружились, и переписка с католическими семинариями во Франции.
- Это преступление?
- Если было бы доказано, что он знал о тайном прибытии миссионеров из Франции, а тем более способствовал ему, Эдмунд не избежал бы эшафота. Но таких доказательств не обнаружилось, одни только слухи. А сам он на допросе ни в чем не признался.
- И его покарали?
- Допрашивали его с пристрастием, но кара оказалась сравнительно легкой. – Ректор в задумчивости прикусил губу. – Граф, сами понимаете, был в ярости. Аллена тут же лишили профессорского звания, однако граф смилиостился и предложил несчастному покинуть страну. Вернуться он не смеет под страхом тюремного заключения. Он отправился во Францию и обосновался в Английском колледже в Реймсе.
- Я слышал об этом колледже. Его основателем, кажется, был Уильям Аллен?
- Да, его родственник. Это старый католический род. А Томас, сын Эдмунда Аллена, тот юноша, который имел дерзость обратиться к вам, учился тогда на первом курсе. Он не последовал за отцом в изгнание, просил разрешения закончить учебу здесь, хотя многие члены колледжа настаивали на его исключении: ведь его отец покрыл себя позором.
- Было бы жестоко наказывать сына за провинность отца. Или он тоже причастен к преступлению?
- Трудно сказать. Все студенты приносят присягу и клянутся признавать ее величество главой Церкви и высшим религиозным авторитетом в стране, однако вы сами прекрасно понимаете: иной человек бумагу подпишет, а в сердце своем скрывает мысли, этой бумаге противные. Томаса Аллена тоже допрашивали о его вере – и весьма усердно, можете быть уверены, – многозначительно завершил свою речь ректор.
- Его пытали? – в ужасе спросил я.

Ректор с таким же ужасом уставился на меня:

- Вы считаете нас варварами, доктор Бруно? Я говорю о самом обычном допросе, хотя, конечно, жестком и тяжелом для юноши. Признаю, ему задавали такие богословские вопросы, на которые иной профессор затруднялся бы ответить, и каждое слово в его ответах перетолковывали так и эдак. Что поделать, преступление и изгнание его отца стали делом публичным, государственным, так что мы в колледже обязаны были проявить сугубую бдительность по отношению к сыну. Недоставало только, чтобы нас обвинили в потворстве папистам.
- Насколько я понимаю, раз Томас по-прежнему тут, значит, испытание он прошел?
- В итоге было принято решение позволить ему остаться, однако за собственный счет. Стипендии его лишили.
- Он имеет какие-то средства?

Ректор вновь покачал головой.

– После того как Эдмунд уплатил штраф за отступничество от веры, у него почти ничего не осталось. Юный Томас поступил как большинство бедных студентов: он расплачивается за жилье и питание, прислуживая одному из коммонеров – так у нас называются сыновья богатых людей, аристократов, которые не получают стипендии и платят за учебу. – Презрительная складка губ выразила отношение ректора к «коммонерам».

– Значит, в прошлом году Томас был стипендиатом и сыном заместителя ректора, а в нынешнем перебивается объедками, которые уделит ему хозяин – вчерашний однокашник? Тяжкая перемена, в особенности для столь юного существа! – в негодовании воскликнул я.

– Таковы законы мира сего, – напыщенно произнес ректор. – Но это печально, мальчик-то умный и прежде отличался веселым нравом. Он бы преуспел в жизни, а теперь – вы сами видели. Он то и дело строчит прошения графу Лестеру, умоляет помиловать отца, – я нахожу эти бумаги под дверью своего кабинета и под дверью моей квартиры. Я сказал мальчику, что уже хлопотал перед графом, но его настойчивость только возрастает. Это уже, пожалуй, одержимость, и я опасаюсь, как бы он вовсе не лишился рассудка. И не считайте меня бессердечным человеком, доктор Бруно: я искренне сожалею о его участии. Было время, я думал даже, что он станет подходящим женихом для моей дочери. Отец предназначал ему юридическую карьеру, и казалось, что мальчика ждет блестящее будущее. Мы дружили семьями, и Томас был явно увлечен Софией.

Каково, подумал я, растить дочь посреди этого сбираща юнцов, не дававших монашеского обета? Не оттого ли у ректора слегка загнанный вид?

– Ваша дочь отвечала ему взаимностью?

Нос ректора сморщился.

– Ох, стоит здешни речи о браке, с ней не сладишь. Все девушки теперь грезят любовью. Напрасно я позволил ей читать стихи.

– Значит, София – образованная девушка?

Ректор рассеянно кивнул, мысли его где-то блуждали.

– Разница в возрасте между моими детьми была почти незаметной, чуть больше года, и мне казалось несправедливым, чтобы мальчик учился, а девочка только вышивала. К тому же моему Джону трудно было учиться, не так уж он любил книги. И я подумал, что ему полезно будет соревноваться с сестрой, чей разум острее. Ведь мальчик не может допустить, чтобы девочка превзошла его. В этом-то я был прав, но что в итоге? Теперь моя дочь вряд ли выйдет замуж, ей ничего не хочется, только бы просиживать дни напролет в библиотеке, беседуя со студентами, причем она дерзко высказывает собственные мнения, что уж вовсе неуместно для юной леди. Какой джентльмен выберет себе такую жену? Все было напрасно, все напрасно.

И ректор, отвернувшись, испустил тяжкий вздох. Взгляд его был устремлен куда-то вдаль.

– Почему же напрасно? Ваш сын так и не преуспел в науках?

Лицо моего собеседника передернулось, точно я причинил ему боль, и он с видимым усилием ответил:

– Бедный мой Джон погиб четыре года тому назад, упокой Господь его душу. Разбился, упав с лошади. Нынешним летом ему исполнился бы двадцать один год. Томас Аллен его ровесник.

– Скорблю о вашей потере.

– А что касается Софии, – уже бодрее продолжал он, – да, она была привязана к Томасу и ценила его как друга, но теперь им не следует общаться, принимая во внимание репутацию его семьи. Да и сможет ли он пробить себе дорогу в жизни?

– Еще один удар, вслед за столькими бедами! Несчастный мальчуган.

– Да, жаль, – без особого сочувствия откликнулся ректор. – Однако пойдемте,

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
что ж мы стоим тут, сплетничая как горожанки. Слуга проводит вас в ваши комнаты; полагаю, в камине уже пылает славный огонь, который высушит вашу одежду. Иисусе, какой холодный ветер, будто на дворе ноябрь, а не май! Жду вас к ужину.

Он пожал мне руку, и я последовал за слугой, который должен был проводить меня по сумрачной деревянной лестнице в отведенные мне комнаты.

— Доктор Бруно! — окликнул меня ректор. Я успел подняться на несколько ступенек, и мне пришлось оглянуться, чтобы разглядеть встревоженное лицо Андерхилла. — Прошу вас не упоминать за ужином ни о встрече с Томасом Алленом, ни о том, что я рассказал вам про бедного Джона. Это чересчур взволнует мою жену и дочь.

— Вы можете быть совершенно спокойны на этот счет, — заверил я его.

Мне уже не терпелось познакомиться с его дочерью, столь образованной и твердой, по отзыву отца. Общение с умной молодой женщиной, пожалуй, скрасит ужин у ректора, до того представлявшийся мне довольно скучным.

Глава 3

К обеду я переоделся в чистую рубашку и простой черный камзол, натянул панталоны и остановился на миг, глядя на свое отражение в мутноватом зеркале. Волосы и борода чересчур отросли, что правда, то правда, а под дождем совсем растрепались. Еще будучи при французском дворе, я решил, что состязаться с модниками в нарядах и прическах не стану: жалко времени, да и тщеславия недостает. Однако теперь я подумал о том, что и в тридцать пять лет выгляжу еще совсем неплохо. В зеркале я увидел большие темные глаза; правда, после нашего дорожного приключения на щеке у меня осталась ссадина, но, пожалуй, девушку, живущую в колледже, точно в монастыре, боевое ранение скорее привлечет, а не оттолкнет.

Я привык нравиться женщинам, несмотря на то что не годился в женихи: ни богатства, ни титула и довольно-таки двусмысленная репутация. Возможностями, представившимися мне в Париже, я попользовался на славу, но не встречал после Морганы женщины настолько умной и живой, чтобы она смогла затронуть мое сердце. Однако дочка ректора и впрямь заинтересовала меня, и, должен признаться, ко встрече с ней я готовился, хотя и понимал, что не могу позволить себе подобных развлечений в Оксфорде: слишком мало у меня времени и слишком многое надо сделать.

Я подмигнул своему отражению, провел руками по волосам и слегка покачал головой — мол, дурак ты, дурак — и в прекраснейшем настроении отправился вниз по лестнице к арке восточного крыла, откуда, как мне объяснили, я мог пройти к ректору.

Я вышел в огороженный сад позади здания колледжа. Сад не был изуродован излишним рвением садовников; свободно росли плодовые деревья, у корней их поднималась густая трава, в которой пестрели яркие полевые цветы, а у тропинки вдоль стены были расставлены деревянные скамейки. Будь погода получше, студенты да и профессора с удовольствием посидели бы за работой в этом саду, подумал я. Сейчас сад был пуст, и дождь барабанил по листьям.

Я вернулся под арку, нашел дверь с табличкой, на которой было написано имя ректора, оправил на себе одежду и приготовился вкусить оxfordского гостеприимства.

Из-за двери слышались громкие мужские голоса. Казалось, о чем-то спорили. Старый, измученный с виду слуга открыл дверь и сразу провел меня в красивую комнату с высоким потолком. В противоположной стене был ряд сводчатых окон, две другие были отделаны панелями темного дерева, увешаны гобеленами и портретами. Теперь мне стала ясна причина спора: за дальним концом длинного, уставленного свечами стола сидела девушка лет девятнадцати в простом сизо-сером платье с прямым расшитым лифом; длинные темные волосы она распустила по плечам и спине. Как и все за столом, она прервала беседу, обернулась ко мне, когда я приблизился, и оглядела меня с ног до головы с любопытством и чуть ли не с насмешкой. Это была София Андерхилл. Теперь я понял, отчего ее отец так рвется поскорее выдать ее замуж: это лицо с сияющими светло-карими глазами, должно быть, отвлекало от пыльных книжек всех студентов, сколько их было в колледже. Ректор, сидевший во главе

стола, с важностью поднялся мне навстречу и протянул руку для традиционного рукопожатия.

– Добро пожаловать, доктор Бруно, добро пожаловать за мой стол. Садитесь, прошу вас. Я хотел бы представить вас старшим членам колледжа и моей семье.

Он указал мне место слева от себя, точно напротив его дочери, что я с удовольствием и отметил. Вежливо поклонившись девушке, я оглядел других гостей. Всего здесь собралось десять человек; и все, кроме девушки и женщины средних лет с усталым лицом, которая сидела рядом с девушкой, были облачены в университетские мантии.

– Разрешите представить вам мою супругу, мистрис Маргарет Андерхилл, – произнес ректор, указывая на усталую женщину.

– *Piacere di conoscerla*, [7] – склонил я перед нею голову, и женщина слегка улыбнулась. Вопреки заверениям мужа, ее, кажется, вовсе не радовала перспектива принимать и развлекать гостей.

– А вот моя дочь София, – с невольной гордостью продолжал ректор. – Как видите, я дал ей греческое имя, означающее «Премудрость».

– Так что ее поклонники вправе называться «философами», – улыбнулся я. – «Любящими Софию».

Мать девушки слегка нахмурилась, мужчины постарались сдержать смех, но София ответила мне улыбкой и, слегка покраснев, опустила глаза. Ректор из вежливости также слегка растянул губы в улыбке.

– Меня предупреждали, что ваши соотечественники изощрены в любезностях, – проворчал он.

– В особенности монахи, – фыркнул пожилой человек, сидевший по правую руку от Софии, и гости рассмеялись громче прежнего.

– Бывшие монахи, – подчеркнул я, глядя красавице прямо в глаза. На этот раз она не отвела взгляд и вдруг так напомнила мне Моргану, что я чуть не задохнулся от наплыва чувств.

– Протестую от имени моих земляков, – вмешался темноволосый юноша, мой сосед слева. Внешне он и впрямь смахивал на итальянца, хотя по-английски говорил без акцента. – Или, вернее, от имени земляков моего отца, – уточнил он. – Не понимаю, отчего мы стяжали среди англичан репутацию соблазнителей. Увы, я подобного таланта лишен! – Он вскинул руки, как бы признавая поражение, и вся компания расхохоталась.

Похоже, молодой человек лишь прикидывался скромником: он был красив, изысканно одет, борода и усы тщательно подстрижены. Обернувшись ко мне, он дружески протянул руку:

– Джон Флорио, сын Микеланджело Флорио из Тосканы. Рад знакомству, доктор Бруно из Нолы. Ваша слава бежит впереди вас.

– Которая из них? – спросил я, вновь вызвав общий смех.

– Мастер Флорио – достопочтенный ученый, знаток языков, каким был и его отец, – вмешался ректор. – Он составляет книгу пословиц разных народов. Не сомневаюсь, он и сегодня потешит нас очередными находками.

– Чем женщина набожней, тем ей обожанье дороже, – не замедлил порадовать нас Флорио.

– Это правда, – подтвердила София, притворяясь смущенной; Флорио так и засиял.

– Благодарю вас. – Ректору все труднее было удерживать на лице улыбку. – доктор Бруно, я подумал, что вам, возможно, будет затруднительно вести беседу на английском языке, и потому посадил рядом с вами земляка-итальянца.

– Весьма любезно с вашей стороны, – поблагодарил я. – Я годами учился

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
английскому языку у путешественников и ученых собратьев, но практики у меня маловато.

– Мой отец, как и вы, бежал из Италии, спасаясь от инквизиции, он был приверженцем Реформы, – заговорил Флорио, наклоняясь ко мне. – Он приехал в Лондон, получил место в доме лорда Берли, а затем преподавал итальянский язык леди Джейн Грей и принцессе Елизавете.

– Значит, он не страдал в изгнании, – подытохнул я.

– Всякое изгнание – страдание! – вспыхнул вдруг пожилой человек рядом с Софией. – Можно лишь удивляться жестокости человека, подвергшего этому своего коллегу, не правда ли, Роджер? – И он подался вперед, впившись взглядом в человека, сидевшего по другую руку от девушки; это был крупный мужчина лет пятидесяти, широколицый, с густой, едва начавшей седеть бородой и здоровым деревенским румянцем. Он отвернулся в смущении. – А тем более на своего друга, – безжалостно закончил обвинитель, после чего повисло неловкое молчание.

– Моему отцу и впрямь повезло с покровителями, – торопливо продолжал Флорио, заполняя неловкую паузу, – хотя нас вторично изгнали – уже из Англии, – когда я был ребенком, а к власти пришла Мария Кровавая.

– Упокой, Господи, ее душу, – благочестиво пробормотал все тот же пожилой человек.

На этот раз ректор не выдержал:

– Прошу вас, доктор Бернард!

– О чем вы меня просите, ректор? – Доктор Бернард жестом указал на меня, длинные белые волосы разметались вокруг его лица, будто птичье оперенье. – Я должен соблюдать осторожность в присутствии монаха-расстриги, как бы он не донес на меня графу Лестеру? – Старик уставился на меня. Многих зубов у него недоставало, ему, должно быть, уже перевалило за семьдесят, глаза его слезились, но смотрели зорко. Резкие черты лица с глубоко запавшими щеками рельефно проступали в пламени свечей – наверное, дети его боятся. – Меня сделала профессором сама королева Мария тридцать лет тому назад, когда поборников новой веры изгнали из университета, и я остаюсь на этой должности при всех переворотах, хотя друзья мои давно мертвы или отправлены в отставку, и сам я отрекся от старой веры. – Он рассмеялся, как мне показалось, над самим собой, но тут же снова стал серьезен и, ткнув в меня пальцем, спросил: – А вы разве не католик, доктор Бруно?

– Я итальянец, – спокойно ответил я, – а значит, воспитан в лоне Римско-католической церкви.

– Боюсь, здесь никто не будет молиться с вами на латыни. В Оксфорде уже не осталось католиков, ни одного не осталось. Никто здесь не хранит старую веру. – Он покачал головой, и голос его преисполнился печального сарказма.

– Все мы подписали присягу, чтобы спасти свою шкуру, перешли в англиканскую веру, как нам было приказано, ибо все мы – верные подданные, не правда ли, джентльмены?

Все что-то забормотали, соглашаясь с последним утверждением, а ректор совсем развелся:

– Уильям, Уильям, прекрати!

– Во всяком случае, такими мы кажемся. Но ни один человек в Оксфорде не есть то, чем он кажется, имейте это в виду, доктор Бруно. Да и сами вы, думается мне, прикидываетесь не тем, кто вы на самом деле.

Я поднял глаза и встретился взглядом с доктором Уильямом Бернардом. Тревога кольнула мое сердце: этот своим равнодушным и сварливым стареющим, похоже, был чересчур проницательным. В мои мысли он проник, кажется, уже слишком глубоко. Я склонил голову и мысленно взмолился о том, чтобы его пронзительный взгляд оторвался от меня. К счастью, желанный перерыв в разговоре тут же настал благодаря появлению слуг, которые внесли вареных каплюнов с черносивым, заливной телятиной и добрый кларет.

Пока слуги суетились вокруг стола, наполняя наши тарелки, я подался вперед, чтобы вовлечь в разговор Софию Андерхилл, но в этот момент со мной заговорил сидевший напротив меня бородач.

– Роджер Мерсер, – представился он мне густым баритоном. Акцент, как мне показалось, указывал на то, что он происходит из Западной Англии. Он протянул мне руку через стол. – Мы все рады свести знакомство с вами и с нетерпением ждем завтрашнего поединка между вами и ректором.

– Полнό, полно, Роджер, – вновь засуетился бедняга ректор. – За столом мы ни словом не должны упоминать завтрашний диспут. И я, и мой уважаемый гость приберегаем аргументы для дебатов, ведь так, доктор Бруно? Будем, как говорится, держать порох сухим.

Я кивнул в знак согласия, но Роджер Мерсер протестующе вскинул руку.

– Не беспокойтесь насчет диспута, ректор, я другое хотел сказать: я мечтал о встрече с доктором Бруно с тех самых пор, как прочел опубликованный в Париже труд «О тенях идей».

– Кажется, колдун Чекко д'Асколи, которого сожгли как некроманта, упоминал эту книгу – сочинение о черной магии, приписываемое им Соломону? – доктор Бернард наклонился вперед, загородив от меня Софию.

Она отодвинулась, чтобы не мешать нашей беседе, а сама продолжала разговор с явно очарованным ею Флорио. Я вынужден был против собственного желания отвечать Бернарду.

– Книга, упомянутая Чекко, так и не была найдена, – ответил я, повысив голос, чтобы старику было слышно каждое слово. – Название у нее хорошее, вот я и позаимствовал его, но мой трактат посвящен мнемотехнике, искусству памяти, которое разрабатывали еще древние греки. К некромантии это не имеет ни малейшего отношения, господа! – Я заставил себя рассмеяться.

Роджер Мерсер не отводил от меня пристального взгляда.

– Тем не менее, доктор Бруно, ваша мнемотехническая система применяет образы, в частности совпадающие с символами и талисманами, которые описывает Агриппа в трактате *De Occulta Philosophia*,^[8] а он утверждает, что эти образы используются в ритуалах небесной магии, дабы призывать на помощь силы ангелов и демонов.

– Эти образы соответствуют знакам зодиака и фазам луны, как и в большинстве мнемонических систем, – возразил я, стараясь скрыть замешательство. – Образы эти часто встречаются, поскольку основаны на правильных числовых соответствиях, что и способствует запоминанию. Но в конечном счете это всего лишь образы.

– Для чернокнижника не существует «просто образов», – парировал Бернард. – Все образы, о чем и говорит название вашего трактата, указывают на скрытую реальность. В особенности образы, восходящие к древнеегипетской астрологии, о чем Агриппа был как нельзя лучше осведомлен, ибо он учился у самого Гермеса Трисмегиста, осужденного святым Августином заклинателя демонов.

На последнем слове старик повысил голос. Я собирался с духом, чтобы ответить, но прежде, чем я успел заговорить, София Андерхилл вновь приподняла свой стул к столу, взглянула на меня в упор и спросила, на полуслове перебив излияния Флорио:

– Кто такой Гермес Трисмегист?

За столом все смолкли; взгляды обратились на меня.

– Мне попадались краткие упоминания о нем в философских трудах, – продолжала девушка с невинным видом, – но в нашей библиотеке нет ни одного его труда, а в другие библиотеки университета мне доступ закрыт.

– Разумеется, закрыт, ты ведь не числишься в списках студентов, – одернул ее отец и оглядел гостей, словно извиняясь за дерзость дочери. – Я позволил тебе пользоваться библиотекой колледжа для усовершенствования твоих знаний, но будь добра ограничить чтение теми книгами, что приличествуют женщине.

Это он явно говорил на публику; София хотела было возразить, но все-таки проглотила резкий ответ, только надула губы.

– Теперь в Оксфорде не сыскать и строчки Гермеса Трижды Величайшего, – зычным голосом ответствовал Бернард и покачал головой. – Прежде у нас были его труды. До того как в шестьдесят девятом году началась чистка библиотек, у нас хранился его трактат, переведенный с греческого флорентийцем Фичино сто лет тому назад согласно последней воле Козимо Медичи. Вам известен этот перевод Фичино, доктор Бруно?

– Я читал перевод Фичино, – подтвердил я, – но читал также и греческий оригинал, хотя он не полон. В моей рукописи отсутствовала пятнадцатая книга. Вы знаете греческий, доктор Бернард?

Светлый непримиримый взгляд уставился на меня.

– Да, молодой человек, я читаю по-гречески, мы тут, к северу от Тибра, отнюдь не варвары. Но отсутствующая книга – миф, ее никогда не существовало, – поспешил добавил он и продолжал уже спокойнее: – Я тоже читал Фичино в годы моей юности, и Агриппу читал. Тогда не боялись древностей, а сейчас множество книг уничтожено Реформой. Столетиями накапливаемые знания обратились в прах. – Он умолк, погрузившись в печальные раздумья.

– Доктор Бернард! – сердито окликнул его ректор. – Вам прекрасно известно, что королевская комиссия шестьдесят девятого года уничтожала еретические книги из бывших монастырских библиотек, дабы они не отравили умы и сердца нашей молодежи своими кощунственными учениями. С этой опасностью мы, профессора и старшие члены колледжа, обязаны бороться постоянно. Полагаю, вы ничего не имеете возразить против этого.

Бернард хрипло расхохотался.

– Ученым запрещают знакомиться с опасными книгами? Как же тогда мы будем оттачивать свои знания? Как научимся различать истину и ересь? И неужели те, кто предписывает и запрещает, не догадываются, что изъятые и скрываемые книги манят мужчину сильнее, чем любая распутница? – Он искоса метнул взгляд на Софию. – О, запретная книга всегда найдет способ вновь явиться на свет, пробьется сквозь все преграды! Или вы этого не ведаете, ректор? Знать бы лишь, где искать! – Он снова усмехнулся, как будто в его словах таился некий намек: коллеги, как я заметил, смущенно заерзали.

– А как поступили с книгами, которые изъяли из библиотек? – Боюсь, я выдал свой интерес: Бернард неожиданно прищурился, взгляд его враждебно сверкнул, и старик выпрямился, словно перед боем.

– Давно это было, – угрюмо отвечал он. – То ли сожгли, то ли власти куда-то увезли их, почем знать? Я уже стар и позабыл те времена.

Однако глаза его блестели, он старался не встречаться со мной взглядом, и я понимал, что старик лжет: человек, только что с такой страстью защищавший книги, запомнил бы аутодафе, даже если бы это произошло несколько десятилетий тому назад. Но если запрещенные книги не были сожжены, в чьи руки они попали? Должно быть, Бернард знал.

– Доктор Бруно, вы так и не ответили на мой вопрос, – вмешалась София.

Подавшись вперед, она неожиданно вольно похлопала меня по руке и уставила на меня взгляд своих широко расставленных темных глаз. Кончики ее полных губ изгибаались в улыбке, словно девушка услышала отличную шутку и ей не терпелось поделиться ею.

– Так кто он такой, этот Гермес?

Глубоко вздохнув, я постарался выдержать ее пристальный взгляд, сознавая, что все замолкли в ожидании моего ответа и что мой ответ вполне могут счесть ересью.

– Гермес Трисмегист, то есть Трижды Величайший, был в глубокой древности первосвященником в Египте, – начал я, машинально вертя в пальцах кусочек

хлеба. – Он жил вскоре после Моисея, задолго до Христа и даже до Платона. Иногда его отождествляют с египетским богом Тотом, покровителем мудрости. Во всяком случае, это был человек, наделенный удивительной интуицией: наблюдая космические явления и экспериментируя с объектами земного мира, он сумел раскрыть природные и небесные тайны. Он утверждал, что сумел войти в Божественный разум и постичь его. – Я выдержал паузу. – Он утверждал, что может уподобиться Богу.

Дружный вздох пронесся за столом. Все собравшиеся понимали, что ступили на тонкий лед, так что я поспешил добавить:

- Это был первый философ, первый богослов, а также пророк. Лактанций полагает, что он провидел пришествие христианской веры и предсказал это почти теми же словами, какими говорится о ней в Евангелии.
- Августин же ответил: это провидение Трисмегист имел от дьявола, – с жаром вступил в разговор Роджер Мерсер; лицо его разгорелось сильнее прежнего, непрожеванный кусок мяса выпал изо рта и запутался в бороде, а он и не заметил. – Ибо разве Гермес не пишет о том, как египтяне оживляли иолов своих богов с помощью магических ритуалов, призывая на помощь бесов?
- Сказкам о бесах и статуях я никогда не верил, – легкомысленно отвечал я.
- Люди всегда строили механические игрушки и заявляли, будто им удалось вдохнуть в эти статуи жизнь. Взять хотя бы медную голову Роджера Бэкона – та якобы прорицала. Все это лишь ловкость рук да хитрости умелых ремесленников.
- Значит, Гермес Трисмегист не был магом? – тихо переспросила София, не отводя от меня глаз. Кажется, она была разочарована.
- Он много писал о скрытых свойствах растений и камней и об устройстве Вселенной, – ответил я. – Одни называют это алхимией или природной магией, другие – научными исследованиями.
- Исследования скрытых и запретных областей именуются чернокнижием, – сурово заявил ректор.
- Удалось ли ему найти действующую магию? – настаивала девушка, не обращая внимания на отца.
- В каком смысле действующую? – уточнил я.
- Мог ли он с помощью магии как-то воздействовать на окружающий мир, хотя бы менять мысли и поступки людей? Описал ли он, как это можно сделать? – Глаза ее разгорались все ярче, в нетерпении девушка почти легла грудью на стол, чтобы оказаться ближе ко мне.
- Рецепты заклятий? – рассмеялся я. – Боюсь, чего нет, того нет. Герметика, магия Гермеса, если уж называть это магией, учит неофита проникать в тайны космоса с помощью естественного света разума. Гермес не научит вас, как приворожить возлюбленного или как заставить его соблюдать верность – по этому поводу лучше обратиться к деревенской колдунье.

За столом при этих словах послышался смех, а девушка сильно покраснела – боюсь, я нечаянно угадал истинную ее мысль. Чтобы не смущать собеседницу, я поспешил продолжать:

- Однако германский алхимик Генрих Корнелий Агриппа рассуждает о подобных вещах в упомянутом доктором Роджером Мерсером трактате об оккультных науках. Он пишет, что в магии возможно использовать и небесные образы, и образы, создаваемые нами самими для наших целей. К примеру, говорит он, чтобы вызвать любовь, нужно создать изображение любовников, слившихся в объятиях.
- Но как? – подхватила София.

Тут ректор многозначительно кашлянул: в залу вернулись слуги, чтобы сменить блюда.

- Чрезвычайно поучительная беседа, доктор Бруно. – Ректор нарочито приветливо, похлопал меня по плечу. – Я так и знал, что общение с вами,

ваши необычные идеи оживят наш скромный колледж. Но теперь, до перемены блюд, мне бы хотелось познакомить вас и с другими руководителями колледжа. Хотя я, конечно, с удовольствием послушал бы еще о Гермесе, — неискренне добавил он.

После этих слов ректор вскочил и засуетился, пересаживая сотрапезников, и загнал меня на противоположный конец стола к трем гостям, с которыми я еще не имел возможности побеседовать.

Слуги внесли приправленную говядину в серебряных блюдах и к ней овощной гарнир. Супруга ректора воспользовалась паузой в разговоре и всей этой суетой, чтобы удалиться, сославшись на головную боль и вежливо извинившись передо мной за то, что она, мол, была никуда не годной хозяйкой. С виду она казалось болезненной и склонной к меланхолии. Я припомнил рассказ ректора. Мне доводилось и прежде наблюдать схожие симптомы у женщины, лишившейся ребенка, — порой они сохраняются много лет, как будто разум матери поражен изнурительной болезнью и не может оправиться, — я от души пожалел несчастную. И подумать только, это увядшее создание приходится матерью преисполненной жизненных сил девушки, которая сидит за столом.

Вторая половина ужина была гораздо менее оживленной, чем первая. Разговор с Софией прервался. Напротив меня сидел теперь мастер Уолтер Слейхерст, казначай колледжа, — костлявый человек моего примерно возраста, с тонкими губами, узкими щелочками подозрительных глаз. Возле него сидел доктор Джеймс Ковердейл, пухлый мужчина лет сорока, с копной темных волос, коротко подстриженной бородой и самодовольным лицом. Этот назывался проктором — то есть, как он пояснил, в его обязанности входило поддерживать дисциплину среди студентов. По правую руку от меня оказался мастер Ричард Годвин, библиотекарь. Этот был постарше — лет пятидесяти на вид, — и его толстые, обвисшие щеки живо напомнили мне собаку-ищейку: казалось, этого человека облачили в чересчур просторную для него кожу. Правда, когда он улыбался, его мрачная физиономия преображалась. Все трое были со мной отменно приветливы, но втайне я сожалел о прерванной беседе с Софией. Очевидно, тема этой беседы была не по нутру ее отцу: теперь он усадил ее рядом с собой, на той же стороне стола, что и меня, и с таким расчетом, что заглянуть в лицо девушке и прилечь ее внимание я мог, лишь вопреки всем правилам этикета перегнувшись через моего соседа Годвина.

— Боюсь, доктор Бруно, вы уже отведали порцию «острого языка» по рецепту Уильяма Бернарда, — через стол обратился ко мне Джеймс Ковердейл.

— Этот человек, видимо, разочаровался в мире и в людях, — откликнулся я, убедившись предварительно, что Бернард сидит теперь далеко от меня и ничего не услышит.

— Со стариками это нередко случается, — печально кивнул Годвин. — За свои семьдесят лет он немало пережил, и это сказалось на нем.

— Если он будет с такой же откровенностью выступать перед студентами младших курсов, как сегодня перед коллегами, боюсь, скоро он разделит участь своего друга, — заявил Слейхерст; судя по тону, это его, впрочем, нисколько бы не огорчило. Разумеется, не слишком разумно судить о человеке по внешним признакам, едва познакомившись с ним, однако казначай не располагал к себе. С того самого момента, как нас усадили друг против друга, он пристально смотрел на меня — пожалуй, даже враждебно.

— Участь друга? — переспросил я.

Ковердейл вздохнул.

— Печальная это история, доктор Бруно, и не к чести университета. В прошлом году заместитель ректора, доктор Аллен, был отрешен от должности, после того как его уличили в том... — Ковердейл запнулся, явно подыскивая выражение помягче. — В том, что он нарушил присягу признавать королеву главой Церкви и остался приверженцем Рима.

— Вот оно что! И как же его изобличили?

— Поступил анонимный донос. — Похоже, Ковердейла занимала эта интрига. — Ну, апартаменты Аллена обыскали, и там обнаружилось большое количество запрещенной папистской литературы. А поскольку заместитель ректора — вторая

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
по значению должность в колледже и в отсутствие ректора заместитель исполняет все его обязанности, можете себе представить, какой разразился скандал. Многих из нас вызывали в канцлерский суд и потребовали дать показания против него.

- Университет имеет собственный суд, с помощью которого поддерживает дисциплину, – елейным голосом пояснил Годвин, библиотекарь. – Хотя в делах государственного значения, разумеется, участвует и Тайный совет. Наш канцлер, граф Лестер, постоянно требует от глав колледжей, чтобы те полностью очистились от подозрений в приверженности Риму, так что ректору пришлось действовать быстро и обойтись с Алленом как можно суровее.
- Доктор Андерхилл прежде был духовным отцом графа, – вмешался Слайхерст. – Полагаю, он вам уже успел похвастаться. Он не мог бы спасти Аллена и при этом сохранить свою должность.
- И все же Аллен надеялся на снисхождение, – настаивал Ковердейл. – На милость графа и на верность своих друзей. Увы, его ждало жестокое разочарование.
- Думаю, ректор исполнил свой долг с тяжким сердцем. – Годвин метнул упреждающий взгляд на Ковердейла. – Всем нам прискорбно было свидетельствовать о заблуждениях нашего коллеги.
- Зато Роджер Мерсер охотно давал показания, – возразил Ковердейл, и в его взгляде, обращенном на тот конец стола, где Роджер весело болтал о чем-то с Флорио, явственно читалась ненависть; Слайхерст закатил глаза, словно ему давно наскучили все эти склоки. – А ведь он считался лучшим другом Аллена. За это и получил свои тридцать сребреников.
- Тридцать сребреников? – заинтересовался я.
- Его показания более других способствовали осуждению Аллена, и в награду он унаследовал должность своего друга, когда того отправили в изгнание, – с горечью пояснил Ковердейл.
- Вероятно, доктору Бруно следует знать, что по обычаям на должность заместителя переходит проктор, подобно тому как заместитель ректора становится ректором, – прокомментировал Годвин. – Так было всегда. Разумеется, решение принимает совет колледжа, однако в данном случае голосование – лишь формальность, закрепляющая старую традицию.
- Но поскольку нынешний ректор назначен лично графом Лестером, дабы исполнять его волю, – прошипел Ковердейл, подавшись вперед, чтобы никто, кроме нас, его не услышал, – он позволяет себе пренебрегать традицией и назначает тех, кто наиболее послушен ему. А уж зачем Лестер навязал нам Андерхилла, это всем хорошо известно, – многозначительно добавил он.
- Джеймс! – одернул его Слайхерст.
- Как я понял, его назначили, чтобы укрепить новую веру, – сказал я. – Истребить заразу папизма.
- Ну да, таково официальное объяснение, – скривился Ковердейл. – Однако дело в том, что наш колледж обладает множеством прекрасных зданий и участками плодородной земли в графстве Оксфорд, и теперь вся эта недвижимость передана в аренду приспешникам Лестера на самых выгодных условиях, не так ли, мастер казначей?
- Джеймс, опомнись! – почти вскрикнул Слайхерст. – Доктор Бруно – тоже из числа друзей графа Лестера.
- Я даже не знаком с ним, – поспешило отреагировать я. – Я лишь путешествую вместе с его племянником.
- Так или иначе, – неудержимо несся вперед Ковердейл, – колледж понес существенные финансовые потери, и теперь, чтобы свести концы с концами, нам приходится принимать легионы так называемых коммонеров – платных студентов, не имеющих ни таланта, ни даже склонности к науке. Они носятся по городу, играют в карты, соблазняют женщин и только подрывают репутацию университета.

– Вряд ли стоит беседовать на такие темы за ужином. – В голосе Слайхерста слышался с трудом сдерживаемый гнев; он даже рукой по столу хлопнул – негромко, но вполне выразительно. – Аренда особняков и земли была оформлена по всем правилам, что же касается университетской казны, это уж никак не может интересовать нашего гостя. Вынужден просить вас, джентльмены, проявить деликатность.

Соседи Слайхерста, пристыженные, уставились глазами в стол, и повисло неловкое молчание.

– Доктор Ковердейл, – обернулся я к проктору, изобразив на лице дипломатическую улыбку. – Вы начали рассказ о суде над Эдмундом Алленом. Прошу вас, завершите его.

Ковердейл обменялся взглядом со Слайхерстом – смысла этого немого разговора я понять не мог.

– Я всего лишь сказал, что свидетельство Мерсера против Аллена тем убедительнее подействовало на судей, что Мерсер пользовался доверием Аллена. Ректору понадобилась помочь Мерсера на суде, а в благодарность он отдал ему должность Аллена.

– Должность, которую следовало передать вам, – подыграл я.

Приложив пухлую ладонь к груди, Ковердейл довольно неубедительно изобразил воплощенную невинность и скромность.

– Не о себе я пекусь, когда вопию о несправедливости, доктор Бруно, – напыщенно заговорил он. – Традиция нарушена, вот что больно. Университет наш крепок традицией, а если некоторые люди возомнят, будто не обязаны считаться с ней, ибо высокие покровители и личные связи становятся теперь более весомыми, рухнут скрепы нашей общины.

– Многие из нас любили Эдмунда. – Годвин, сокрушаясь о друге, был искренен.

Разговор наш прервался, и мы погрузились в печальное молчание. И тем громче прозвучал взрыв смеха с другого конца стола, где болтали София, Роджер и Флорио.

– Изгнание кажется мне слишком жестокой карой за владение двумя-тремя запрещенными книгами, – вздохнул я, накладывая себе говядины с луком.

– Ему еще повезло: кишки остались целы. Подумаешь, изгнание, – бесстрастно взорвал Слайхерст. – Другие и за меньшие проступки платили куда более высокую цену. Уж вам-то, доктор Бруно, должно быть известно, что ересь – самый тяжкий грех и против Бога, и против закона. – Слайхерст внимательно и недобро уставился на меня.

– И не только за книги он пострадал, – конфиденциально добавил Годвин. – Подозревали, что Эдмунд получал и передавал послания от своего кузена Уильяма Аллена из английской семинарии в Реймс. Его отвезли в Лондон и допросили под пыткой, но он ни в чем не признался, и дело закончилось изгнанием. Спасибо хоть не казнью. Бедный Эдмунд. – Он печально покачал головой и осушил свой бокал.

– Сегодня я видел его сына, – вставил я.

Ковердейл в очередной раз закатил глаза.

– Могу только посочувствовать, – проворчал он. – Небось просил вас представить ко двору прошение о помиловании отца? – Не дожидаясь моего ответа, Ковердейл сердито прищелкнул языком и продолжал: – Не следовало оставлять мальчишку в колледже, раз уж его отец был уличен. Томас Аллен опасен, он придерживается ложных убеждений. Попомните мое слово! Не удалось мне убедить ректора, слишком он был снисходителен к этому юнцу.

Лихо же пришлось бедному юноше, подумал я, если обращение с ним ректора считают образцом мягкотерпимости.

– И вновь вынужден напомнить вам, что наш уважаемый гость не затем проделал

столь долгий путь, чтобы слушать наши споры по делам, касающимся исключительно колледжа. – Голос Слайхерста был гладок и холоден как лед. Заправив за ухо прядь волос, он обернулся ко мне, вместо улыбки выставив напоказ зубы: – Поведайте нам о своих странствиях по Европе, доктор Бруно. Вы ведь читали лекции в знаменитейших академиях на континенте. Можно сравнить с ними Оксфорд?

Я ответил на его оскал столь же неискренней улыбкой и, пока мы доедали второе блюдо, а затем миндальный крем и фруктовое желе, повествовал о своих странствиях, тщательно избегая «политических» вопросов и тонко льстя моим новым знакомцам. Я говорил именно то, чего от меня ожидали: мол, ни один европейский университет не сравняется с профессурой Оксфорда в учености и мудрости.

– Долго ли предполагаете пробыть у нас, доктор Бруно? – благосклонно осведомился Ковердейл, откидываясь на спинку стула и вытирая губы.

Слуги тем временем убирали посуду.

– Насколько мне известно, пфальцграф, в свите которого я состою, намеревается остановиться здесь на неделю, – ответил я.

– В таком случае надеюсь на ваше присутствие в церкви колледжа. Ректор читает весьма ученые проповеди по «Событиям и памятникам» Джона Фокса. Вам знаком этот труд?

– «Книга мучеников»?[9] Разумеется, – ответил я; мне показалось, меня прощупывают. – Многие высоко ценят этот вдохновенный труд.

– Вряд ли мы можем принять это как искреннюю дань восхищения. – Слайхерст насмешливо переводил взгляд с меня на своих коллег. – Не доводилось мне встречать католика, который бы искренне восхищался жуткой повестью Фокса о том, что творили с протестантами.

– Но ведь там приводится множество примеров из первых веков от Рождества Христова, когда христиане принимали мученическую смерть от рук язычников? То было прежде, чем мы начали преследовать друг друга, – возразил я. – И уж тех-то мучеников чтят все христиане, независимо от нынешних разногласий. Их страдания напоминают нам о временах христианского единства.

– Фокс вовсе не ставил перед собой такую задачу, – завел было Слайхерст, но тут решительно вмешался Ковердейл:

– Хорошо сказано, Бруно! Верующие всегда претерпевали ради Христа, но лишь Он один знает, кто воссядет рядом с ним в день Страшного Суда.

– Впервые слышу, чтобы ты призывал к терпимости, Джеймс. – Глазки Слайхерста сузились пуще прежнего, но Ковердейл даже не ответил на этот вызов.

– Вина, еще вина, эй! – завопил он и захлопал в ладоши, призывая мальчика-слугу. Я отказался от очередного бокала, поскольку собирался перед сном еще заняться подготовкой к завтрашнему диспуту, а это лучше делать на трезвую голову.

К тому времени, как ужин закончился, за окном уже совсем стемнело. Гости поднимались, пожимали ректору руку и благодарили за угощение; насколько я понял, в столовой колледжа подобных пиров не задавали.

Профессора жали руку и мне, вновь выражали удовольствие видеть меня в Оксфорде, желали хорошенько высаться перед завтрашним диспутом. Все они, по их словам, с нетерпением ожидали этого поединка мудрецов. Ричард Ковердейл предложил мне также свободно пользоваться библиотекой, и я выразил ему искреннюю благодарность за это. Джон Флорио на чистейшем итальянском выразил надежду, что мы сможем пообщаться с глазу на глаз до моего отъезда; даже доктор Бернард с трудом приподнялся на своих слабых ногах и обеими костлявыми руками сжал мои пальцы.

– Завтра вечером, чернокнижник, – прошипел он, беззубо улыбаясь. – Завтра ты опровергнешь их замшелые догмы, а я буду сидеть в первом ряду и аплодировать. Не потому, что я разделяю твою ересь, но потому, что

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
восхищаюсь людьми, не ведающими страха. Здесь таких почти не осталось.

Он многозначительно покосился на ректора, но тот сделал вид, будто ничего не заметил. Один лишь Слайхерст не притворялся радушным, он простым кивком головы распрошался со мной перед тем, как направиться к дверям, – возможно, я и этого бы не удостоился, если бы не перехватил его ледяной взгляд. Вновь я остро ощутил его неприязнь, хотя старался убедить себя, что эта враждебность направлена не на меня лично: я видел, что и с коллегами он не попрощался. Очевидно, Слайхерст принадлежал к породе людей, довольно распространенной, кстати, среди тех, кто занят умственным трудом, людей, напрочь лишенных понятий о воспитанности и не утружающих себя соблюдением правил приличия.

София протянула мне руку, и я почтительно поцеловал ее под бдительным взглядом ректора. Но тут заботливого папашу отвлек доктор Бернард, который не мог найти свой плащ, и, пока ректор пытался убедить Бернарда, что тот явился без плаща, София придвинулась ко мне вплотную и коснулась рукой моего плеча.

– Доктор Бруно, мне бы очень хотелось продолжить тот разговор. Вы не забыли? О книге Агриппы. Может быть, после диспута у вас найдется время поговорить? Я часто бываю в библиотеке колледжа, – добавила она. – Отец отпускает меня почитать утром и еще вечером, не поздно, пока студенты на лекциях и дискуссиях.

– То есть в те часы, когда в библиотеке меньше народа и вы никого не отвлекаете от занятий? – поддразнил я ее.

Девушка покраснела, но с улыбкой ответила мне:

– Так вы придетете? Мне о многом хотелось бы расспросить вас.

Она приподнялась на цыпочки, заглядывая мне в глаза. Я видел настойчивость и даже мольбу в ее взоре, ее рука все еще лежала на моей руке, и я поспешил кивнуть: за спиной Софии уже возникла физиономия ее папаши. Ректор подозрительно уставился на меня. Я пожал ему руку, поблагодарил за ужин и всем пожелал доброй ночи.

Дождь прекратился, и после душного тепла ректорских комнат ночной воздух казался особенно свежим. Хорошо было бы после такого обильного ужина прогуляться, это способствует пищеварению и проясняет голову, но еще с другого конца прохода я разглядел, что железная решетка закрыта; когда же подошел к ней и дернул за кольцо, оказалась, что она вдобавок и заперта.

– Доктор Бруно! – окликнул меня кто-то из-за спины, и я, обернувшись, увидел в другом конце прохода, у двери в квартиру ректора, моего нового знакомца Роджера Мерсера. Тот сделал несколько шагов навстречу мне.

– Вы хотели прогуляться по саду? – жестом он указал на запертую калитку.

– Это запрещено?

– Сад, – пояснил он, – предназначен исключительно для членов колледжа, а ключи есть только у меня и у ректора. С вечера калитку запирают, чтобы младшие студенты не пробирались туда для неприличных забав. Разумеется, они отыщут себе другие местечки, лишь бы проскочить в главные ворота, – со снисходительной улыбкой прибавил он.

– Разве их с наступлением темноты запирают? – поинтересовался я. – Это нелегко выдержать молодым людям.

– Мы стараемся воспитать у них выдержку, – пояснил Мерсер. – Однако большинство так или иначе ухитряется обойти правила. Я и сам изошлялся в их возрасте. – Свои слова он сопроводил смешком. – Коббет, наш привратник, – славный старик, он тут уже много лет, и за пару монет охотно отвернется, когда молодежь ночью возвращается из города. И выпить наш Коббет тоже не дурак. Порой мне кажется, он попросту забывает повернуть ключ в замке.

– Ректор его не наказывает за это?

– В чем-то наш ректор суров, но он не глуп и знает, как управлять общиной

молодых людей. Кнут – не единственное и не самое лучшее орудие. чтобы руководить людьми, нужно порой закрывать на что-то глаза. Юноши будут наведываться в кабаки и бордели, хотим мы того или нет, и чем больше усердия мы проявим, запрещая и карая, тем больше возрастет соблазн.

– Точно так же доктор Бернард рассуждает о запрещенных книгах, – пробормотал я.

Мерсер покосился на меня. Мы уже миновали арку и вышли в сад. Часы пробили девять.

– Следует извинить доктору Бернарду резкость его суждений, – мягко заговорил Мерсер. – Ему пришлось трижды менять веру при четырех монархах. В молодости он принял сан – еще до того, как отец нынешней королевы разорвал связи с Римом. В последнее время доктор Бернард почему-то начал выражать свои мысли со все большей резкостью и откровенностью. Боюсь, он впал в свойственный преклонному возрасту недуг: уже не вполне понимает, с кем и что говорит.

– Мне показалось, что голова его вполне ясна. Он просто сердитый.

– Да, – вздохнул Мерсер. – Он сердится на весь мир – на университет, на требования, которые предъявляют к нему, на себя самого за то, что согласился с этими требованиями. Вероятно, вас удивило, почему его гнев в особенности направлен против меня, – почти робко закончил Мерсер.

– Он с горечью говорил о каком-то ссыльном...

– Он вспоминал несчастье, постигшее в прошлом году заместителя ректора, Эдмунда Аллена. Вы, наверное, уже слышали. Уильям дружил с ним, и я тоже, но мне пришлось свидетельствовать против него в канцлерском суде, рассказать о его религиозных взглядах. Уильям счел это черным предательством.

– А вы сами? – тихо спросил я.

Мерсер коротко рассмеялся.

– Я! Я исполнил свой долг и спас свою шкуру, унаследовав притом мантию заместителя ректора и его прекрасные апартаменты. Уильям прав: я предал друга. Но выбора у меня не было, да и у него тоже. Видите, Бруно, как мы тут живем? – Жестом он указал на окна комнат ректора, все еще светившихся янтарным светом. – Хорошая жизнь, самая подходящая жизнь для ученого. Мы здесь укрыты от мира. Я не чувствую себя приспособленным для какой-либо другой жизни, кроме жизни среди книг и ученых дискуссий. Нет у меня честолюбия, я не сумел бы пробиться. Что вышло бы, если бы я не отрекся от друга, не осудил его за вероотступничество? Я был бы приговорен вместе с ним и потерял все. В тот момент была даже непонятна его дальнейшая судьба: Тайный совет позволил университету вести дознание, однако в любой момент мог затребовать дело себе, и для Эдмунда это кончилось бы куда более страшной карой, чем изгнание. – Роджера передернуло. – Гордиться тут нечем, но и судить меня Уильям Бернард не вправе. Когда ее величество королева взошла на престол и положила конец краткой унии с Римом, которая была установлена при ее сестре Марии, в университете началась великая чистка: все католики – члены коллежей, деканы и ректоры, назначенные Марией, – были отрешены от должностей, принуждены отречься от Рима и признать главенство нашего монарха над Англиканской церковью. Тогда Уильям не заставил себя ждать и присягнул, и в награду за эту присягу получил еще двадцать пять мирных и тихих лет в коллеже, а его более прямодушные друзья отправились на все четыре стороны.

– Но теперь, на склоне лет, Уильям ни от кого не скрывает, что по-прежнему предан старой вере.

– Приближаясь к могиле, он стал менее суевен, куда меньше заботится о теле и страшится за душу, – задумчиво сказал Мерсер. – Быть может, если бы все мы видели перед глазами скорую смерть, мы бы выбирали совсем иные пути, но – увы! Покуда мы дышим, нас куда больше заботит мирской успех и наше бренное тело.

– Мне показалось, что больше всех в этом деле пострадал мальчик, его сын, –

откликнулся я.

— Вы уже видели Томаса? Да, вот кого жаль. Хороший студент, один из самых способных. Вернее — был. — Мерсер, точно умываясь, провел обеими руками по лицу; это был жест, выражавший безнадежность и беспомощность. — Я знал его с тех пор, как он поступил в Оксфорд. Томасу было тогда пятнадцать. Покидая страну, отец поручил мальчика моим заботам, просил, чтобы я заменил ему родителей. Эдмунд понимал, почему я поступил так, как поступил. Эдмунд меня простил, но Томас не может простить за участие в суде над отцом. Сколько раз я пытался ему помочь, дать денег, но он за меньшее унижение считает состоять слугой при этом напыщенном ничтожестве Норрисе, нежели принять от меня хоть пенни. Он даже не смотрит в мою сторону, когда я прохожу мимо, но я чувствую, как в нем, точно в раскаленной печи, пылает ненависть.

— Тяжко это, — сочувственно вздохнул я, — но мальчик еще молод, а страсти юности столь же быстротечны, сколь и неистовы. Со временем он простит.

На том я откланялся и двинулся к своему подъезду. Не терпелось приняться за работу, пока еще ночь не настала. Мерсер шагнул вперед и ухватил меня за руку.

— Надеюсь, Бруно, нам еще выпадет случай поговорить, — сказал он. — Искренне рад знакомству и надеюсь, что этим вечером мой отзыв об Агриппе и герметических трактатах не показался вам чересчур ханжеским.

— О, я привык к подобным отзывам, — с улыбкой отмахнулся я.

— Вы не поняли моих намерений. Ректор — человек набожный, и, как я уже говорил, подчас он проявляет суровость. Для тех, чье положение зависит от благосклонности начальства, лучше не спорить с ректором, тем более за его собственным столом. Но я издавна интересуюсь этими сочинениями — интересуюсь, разумеется, как ученый, ибо надеюсь, что возможно изучать оккультную философию, сохраняя при этом объективность и оставаясь добрым христианином. Вы согласны со мной, Бруно?

— Этого мнения придерживался Фичино, — подтвердил я. — И хотелось бы верить, что он был прав, иначе я буду проклят. Но мы еще поговорим подробнее, доктор Мерсер.

— Зовите меня Роджер, — дружески попросил он. — Что ж, буду с нетерпением ждать следующей беседы.

Мы наконец распрошались. Он пошел прочь через двор, а я как раз успел скрыться в своих комнатах, прежде чем с нахмутившегося неба вновь закапали крупные капли дождя.

Глава 4

Я просматривал и правил выписки для диспута, пока не выгорело масло в лампе. После этого я уснул, но спал беспокойно: в комнате было холодно, дождь колотил в окна, рамы скрипели. Поэтому, когда громкий шум пробудил меня от неглубокой дремоты, я не сразу понял: то ли утро наступило, то ли мне что-то снился.

Но постепенно шум становился громче, настойчивее. Я наконец окончательно пришел в себя и сообразил: до рассвета еще далеко, а дьявольское рычание и вой, которые раздаются под моим окном, издает какой-то обезумевший от злобы пес.

Поплотнее завернувшись в одеяло, я мысленно обругал ректора или того университетского служителя, который додумался держать в колледже такое свирепое существо, и свернулся клубком, в надежде снова заснуть. Но тут поверх звериного рыка взмыл вопль, который я до сих пор слышу иной раз во сне: это был леденящий кровь вопль человека, терзаемого невыносимой болью и ужасом. Человек вопил все громче, все отчаяннее, а рычание пса становилось все более свирепым и жутким.

Последние остатки сна рассеялись, и наконец я осмыслил: прямо под моими окнами кто-то погибает. Какой-то человек, зашедший без спроса во внутренний двор и застигнутый сторожевым псом. Даже если это посторонний, нарушитель, предоставить его столь страшной участи я не мог, а потому поспешил натянуть

Лестница привела меня во внутренний двор. Начинало светать, дождь ненадолго стих, и в утреннем воздухе висела густая серебряная пыль. Я с трудом различил циферблат часов: было около пяти. Жуткий рык сторожевого пса не прекращался, и изо всех дверей внутреннего двора начали выглядывать люди: юноши, кое-как натянувшие штаны, с растрепанными волосами, собирались группами, робко жались друг к другу и перешептывались, не решаясь идти дальше. Вопли и лай доносились из-под арки в восточном крыле, где была дверь в жилище ректора и металлическая решетка, ограждавшая тот предназначенный исключительно для членов колледжа сад, куда меня пустили накануне вечером.

Сообразив, что происходит, я ринулся в арку, к той железной калитке, и возле нее застал двух юношей, которые тщетно дергали за кольцо, всматриваясь в скрытую туманом глубину сада. Заслышав мои шаги, они обернулись; у обоих лица были серые, точно пеплом присыпаны.

– Кто-то вошел в сад, сэр, и на него напал хищный зверь! – крикнул мне парень ростом повыше. – Я только встал и начал умываться, когда засыпал крики, но отсюда ничего не видно.

– Ключа нет, – охнул второй. – Ключ хранится у старших, а калитка заперта.

– Так будите старших! – потребовал я, недоумевая: неужели ректор, чьи окна выходят в сад, не пробудился от такого шума. – Вы же знаете, у кого находится ключ? Так скорее бегите и позовите его, чтобы он отпер калитку. Другого входа нет?

– Есть, сэр, – с трясущимися губами выговорил тот, который был повыше ростом; другой уже бежал обратно во двор колледжа за помощью. – Есть еще два, но они запираются на ночь.

– Но ведь тот несчастный как-то попал в сад, – возразил я и смолк, услышав полузадушенный, но до ужаса отчетливый крик: «Господи Иисусе, спаси! Пресвятая Богородица, помоги!» Раздался еще один вопль, после чего уже совершенно неразборчивые крики, хриплое рычание и какое-то жуткое бульканье. Казалось, всему этому не будет конца. Возле нас собралась уже толпа возбужденных, любопытствующих студентов, и через некоторое время послышался строгий голос ректора:

– Пропустите! Пропустите, я вам говорю!

лицо его опухло со сна, ночную рубашку кое-как прикрывал плащ, а в руке ректор нес заветную связку ключей. При виде меня он вздрогнул и отступил на шаг.

– Доктор Бруно, это вы? Что за безбожный шум среди ночи? Кто там в саду? Вы что-нибудь видите? Я пытался разглядеть из окна, но все скрыто за деревьями и туманом.

– И я ничего не вижу, но, судя по всему, там какой-то зверь грызет человека. Несчастного нужно спасать как можно скорее.

Злобный лай и рычание все еще продолжались в саду, но голос жертвы умолк; я опасался худшего. Ректор вытаращился на меня так, как будто я невзначай обмолвился, что над колледжем пролетела стая коров. Опомнившись, он снова двинулся к калитке, начальственно потрясая ключами, но вдруг замер и опять посмотрел на меня – теперь его лицо было искажено страхом.

– Но... Не можем же мы войти туда безоружные, если там бешеный пес, – зинаясь, выговорил ректор. – Нужно убить эту тварь. Кто-нибудь, пошлите за констеблем, за королевским сержантом, пусть принесут арбалет! Кто-нибудь! Скорее! – крикнул он в толпу полуодетых студентов, которые так и стояли у входа в арку, разинув рты. – Бегите за констеблем сию же минуту!

Студенты переглянулись, двое или трое побежали выполнять приказ.

– Но ведь можно же взять дубинку, кочергу? Ректор, мы должны как можно скорее войти в сад. Боюсь, мы и так опоздали, и нам уже не спасти этого человека! – И я протянул руку к связке ключей.

Ректор панически оглядывался по сторонам.

- Но как могла собака попасть в сад? – спросил он, обращаясь словно к самому себе и в недоумении морща лоб.
- Разве вы там не держите собаку, чтобы сторожить сад от воров? – удивился я. – Наверное, вор перебрался через стену и...
- Нет у нас никакой сторожевой собаки! – Паника в голосе ректора нарастала.
- У привратника есть собака, но она старая, слепая, без лапы и спит беспробудно в его комнатке у главного входа. Больше никому в колледже не разрешается держать животных.
- Расступитесь, – раздался чей-то спокойный голос, и стайка юнцов, сбившихся у входа в арку, поспешно раздвинулась, освобождая проход высокому молодому человеку.

Светлые волосы падали ему на плечи. Одеяние его не слишком подходило для такого времени суток: нарядные штаны и камзол в тон, черный шелк искусно прорезан и открывает роскошную алую подкладку, у ворота пенятся кружева – будто с танцев явился или из лондонского игорного дома, а не вскочил с постели, разбуженный, как все мы. В одной руке юноша держал длинный английский лук, такой, с какими обычно охотятся на крупного зверя. Лук был затейливо украшен позолоченными накладками, а также зеленым и алым орнаментом. В другой руке молодой человек держал кожаный колчан с таким же узором: виноградные гроздья и позолоченные листья.

– Габриель Норрис! – возмущенно вскричал ректор, указывая рукой на его оружие. – Что это такое?

– Отпирайте поскорей калитку, доктор Андерхилл, – скомандовал юноша. – Нельзя терять время, в опасности человеческая жизнь.

Несмотря на царившее вокруг смятение, молодой человек говорил спокойно и уверенно, так, словно он, а не ректор был тут главным. Андерхилл в полной растерянности повиновался и отпер калитку. Габриель вошел, на ходу приложивая стрелу к тетиве. Я следил за ним; ректор шел последним и трусливо жался к стене.

Туман клочьями висел между ветвей искривленных яблонь. Осторожно пробираясь сквозь сизую дымку, я вдруг заметил в северо-восточной стороне сада огромного длинноногого пса, судя по всему волкодава, хотя хорошенько разглядеть его было невозможно. Я прижался к стене, Габриель, издали очень приметный в своем наряде, продолжал ровным шагом приближаться к животному, все еще рычавшему и жадно гладившему какой-то темный комок. Когда я подошел поближе, туман рассеялся, и я смог отчетливее рассмотреть эту зверюгу: из окровавленной пасти между огромных клыков клочьями свисали куски разодранной плоти. Сердце у меня прыгнуло куда-то в желудок, желудок же устремился вверх, к горлу: стало ясно, что мы безнадежно опоздали.

В нескольких шагах от пса Габриель остановился; тот оторвался от своей добычи и поднял голову. Рычание стихло, пес молча встал и хотел уже было прыгнуть на юношу, но в тот же миг Габриель спустил тетиву. Он оказался отличным стрелком, даже туман не помешал ему. Зверь рухнул на землю: стрела пронзила ему горло. Габриель тут же отбросил лук, и мы вместе устремились к темной куче, лежавшей у стены возле мертвого пса. Это было мертвое изуродованное, изгрызенное тело человека; он лежал лицом вниз, черная академическая мантия частично покрывала его, трава вокруг была выдрана собачьими когтями и пропитана кровью.

С помощью Габриеля я перевернул мертвеца и невольно вскрикнул. Роджер Мерсер лежал передо мной, голова откинута, взгляд слепо уставился в небо, горло вырвано целиком. Глаза мертвеца были неподвижны, в них застыл ужас.

Габриель Норрис проворно отскочил от растерзанного трупа и оглядел себя так внимательно, словно единственное, что его беспокоило, – не испачкал ли он кровью свой наряд. «Вот павлин», – с отвращением подумал я и тут же припомнил, что имя Норрис мне знакомо: именно Мерсер и упоминал его совсем недавно в разговоре со мной, причем тоже назвал павлином или чем-то в этом роде.

Не веря своим глазам, я присел возле трупа: руки изуродованы – два пальца откусены; видимо, Роджер пытался отбиться от пса; ноги и лодыжки ободраны: пес, похоже, схватил несчастного за ноги, повалил и протащил по земле. Но страшнее всего было вырванное горло.

Ректор осторожно приблизился к нам, заранее приложив к лицу платок.

– Он?..

– Мы опоздали. Смилуйся, Господь, над его душой! – пробормотал я, скорее по привычке, чем из искренней набожности.

Доктор Андерхилл приблизился, увидел изувеченное тело человека, вчера еще сидевшего рядом с ним за столом, и его тут же вырвало. Молодой Габриель тем временем вполне оправился и пинал ногой труп убитой собаки.

– Здоровенный какой! – пробормотал он с гордостью, словно похваляясь охотничьим трофеем.

Охотничьим?.. Я присмотрелся к собаке и понял, отчего мне на ум пришло именно такое сравнение.

– Это же охотничий пес, – сказал я, став на колени возле трупа собаки. – И вот еще что, смотрите. – Я указал на проступавшие под серой шкурой ребра. – Смотрите, как он отощал. Похоже, его морили голодом. И обратите внимание на заднюю лапу.

Действительно, левая задняя лапа внизу была ободрана до мяса. Шерсть вокруг раны была вырвана клочьями, видимо, пес пытался отгрызть привязь вместе с собственной лапой.

– Он сидел на цепи, видите? Потому и взбесился.

– Но как он попал в сад? – Теперь молодой человек смотрел на меня с уважением. – И почему в саду одновременно с ним оказался доктор Мерсер?

– Может быть, он вывел пса погулять и тот вдруг набросился на него. Собаки порой ведут себя непредсказуемо.

Впрочем, эта гипотеза даже мне самому показалась неубедительной.

– У Роджера не было собаки, – послышался слабый голос ректора, который вытирали платком рот. – Ведь я вам уже говорил: никому в колледже, за исключением привратника, не разрешено держать животных. Нет-нет, джентльмены, не на что вам тут глязеть! – вскричал он внезапно, завидев нескольких человек студентов, прятавшихся в узкую калитку. – Марш по своим комнатам! И немедленно. К шести, как обычно, всем быть в часовне, а пока находиться у себя в комнатах и привести себя в порядок.

Студенты нехотя разбрдались, бросая взгляды через плечо и тихо, взволнованно переговариваясь. Спровадив их, ректор обернулся к молодому лучнику, который так и стоял над телами человека и собаки. Колчан со стрелами все еще свисал с его плеча. На лице ректора проступило такое изумление, словно он только сейчас хорошоенькo рассмотрел молодого человека.

– Габриэль Норрис! – завопил он, неистово размахивая руками. – Боже мой, как вы одеты?

Норрис оглядел свой пестрый камзол и штаны и переступил с ноги на ногу, как будто слегка смущившись.

– Доктор Андерхилл, сейчас, полагаю, не время... – начал было он, но ректор тут же его перебил:

– Вам, полагаю, хорошо знаком указ графа Лестера о том, как подобает одеваться студентам младших курсов? На меня возложена обязанность следить за исполнением этого указа. Хотите, чтобы после всего, что уже было, нас с вами судили канцлерским судом? – Лицо его покраснело, как свекла; ректор хрюпел, будто придушенный. Мне показалось, что в настоящих обстоятельствах он чересчур разошелся из-за такого пустяка. – Кружева запрещены, а также

шелк, бархат, прорези в камзоле и в панталонах, – перечислял ректор, на каждом слове все громче подвигивая. – ОРУЖИЕ! Оружие категорически запрещено. Вы сознательно пренебрегаете каждым пунктом устава колледжа, касающегося поведения и внешнего вида студентов. Здесь ученое сообщество, мастер Норрис, а не бал, где, может быть, и уместно выставлять напоказ свое богатство.

Молодой человек закусил губу и угрюмо потупился. Но даже с такой гримасой на лице он оставался красавчиком. Видно было, что этот парень во всем повинуется только собственным прихотям и не привык себя в чем-либо ограничивать.

– Ученому сообществу колледжа мои денежки пришлись как нельзя более кстати, ректор, и вам это прекрасно известно, – парировал он. – Мы тут за все переплачиваем, а ем я как нищий. Что ж, мне и одеваться прикажете как оборванцу?

Ректор заметно смущился и сбавил тон.

– Вы обязаны одеваться так, как граф Лестер требует от студентов университета, – уже спокойнее сказал он. – А теперь ступайте и переоденьтесь. Если на вас донесут, у нас обоих будут неприятности. И как мне тогда объяснить?.. – Он вдруг замолчал и беспомощно огляделся по сторонам, как бы не понимая, что произошло и откуда взялись эти валяющиеся у его ног трупы. Руки Андерхилла тряслись крупной дрожью. Здорово же его прихватило.

Габриэль Норрис мимолетно глянул на меня, – похоже, ему не хотелось покидать арену своих подвигов и их очевидцев, – но, что-то сообразив, он торопливо подхватил свой лук и направился к выходу.

– Мастер Норрис! – крикнул ему вслед ректор.

Габриэль обернулся:

– Слушаю, ректор.

– Длинный лук! Каким образом – господи боже мой! – этот лук и эти стрелы оказались в Оксфорде?

Молодой человек только плечами пожал.

– Мне его оставил отец на память. К тому же коммонерам не запрещено охотиться забавы ради, если есть лицензия.

– Запрещено держать длинные луки в помещениях колледжа, – беспомощно возразил ректор.

– Не будь у меня лука, вам пришлось бы голыми руками сражаться с этой зверюгой, – холодно возразил Норрис. – Но от вас благодарности не дождешься.

– Тем не менее, мастер Норрис, я требую, чтобы вы отнесли лук в хранилище в башне и там его оставили. Попросите, чтобы мастер Слайхерст или доктор Ковердейл приняли его у вас и поместили под замок. Сегодня же! – добавил он вслед Норрису, уже миновавшему железную калитку.

Расставшись с непокорным студентом, ректор испустил тяжкий вздох. Я заметил, что колени у него подгибаются, подхватил бедолагу под руку, и тот с благодарностью оперся на меня.

– Доктор Андерхилл, – мягко заговорил я, жестом принуждая его взглянуть на тело жертвы. – Этот человек погиб страшной смертью, и нам следовало бы понять, каким образом мог произойти этот несчастный случай. Если только это действительно несчастный случай, – добавил я, ибо чем больше думал об этом ужасном происшествии, тем более оно представлялось мне загадочным и даже каким-то зловещим.

Хотя я и поддерживал ректора, но при этих словах доктор Андерхилл пошатнулся и чуть не рухнул на меня. Он смертельно побледнел.

– Господи боже, Бруно, вы совершенно правы. Слухи распространяются среди студентов точно лесной пожар. Как это могло случиться? Разве что... – Ужас искажал его лицо, и я не мог не пожалеть беднягу, на глазах у которого в считаные минуты развалился его спокойный и такой упорядоченный мирок.

– Начнем с наиболее понятного и правдоподобного, – предложил я. – Поскольку в колледже нет собак, за исключением старого пса привратника, этот пес должен был как-то попасть в сад снаружи. Скорее всего, он пробрался через калитку.

– Да, да! Разумеется, бродячий пес зашел в калитку. – Ректор с благодарностью ухватился за подсказку.

Мерсер был растерзан всего в нескольких шагах от деревянной калитки, которая выходила на улицу позади колледжа. Я потянул ее за ручку, но убедился, что она заперта. Ректор все еще стоял, как громом пораженный, над телами хищника и жертвы. Я осмотрел заднюю стену сада и обнаружил клочок черной материи, зацепившийся за острый выступ кирпича. В этом месте под стеной трава была вытоптана, выдрана когтями и залита кровью Мерсера.

– Кажется, несчастный пытался в этом месте перелезть через стену, – сказал я, обращаясь отчасти к ректору, отчасти к самому себе. – Вот почему пес изголодал ему ноги. Но эта стена вдвое выше человеческого роста; отчего же он полез через стену, а не выскоил на улицу в калитку? Разве что пес преградил ему дорогу? Но тогда это означает, что пес зашел в сад после него, и тоже снаружи. Каким же образом калитка после этого оказалась запертой?

Я покосился на ректора, но тот стоял неподвижно. Я сбежал ко второй калитке – та тоже была заперта на замок. Так каким же все-таки образом пес проник в сад? И почему в саду в это же время оказался Роджер Мерсер?

Я вернулся к распростертым на земле телам.

– Возможно, – заговорил я, сам еще не вполне веря своим словам, но с каждым мгновением все отчетливее сознавая, что это единственное объяснение, – возможно, кто-то намеренно запустил собаку в сад.

Ректор вытаращил на меня глаза:

– Зачем? Шутки ради?

– Хорошенькие шутки! Спустить с цепи оголодавшего волкодава – это убийство!

Опустившись на колени возле растерзанного тела Роджера, я пошарил в его карманах.

– Доктор Бруно! – завопил ректор. – Что вы делаете? Несчастный еще не остыл!

Несмотря на ранний час, Роджер Мерсер был полностью одет, и в одном из карманов его штанов я нашел то, что искал.

– Вот, – произнес я, выставляя напоказ два железных ключа на общем кольце. Один ключ был заметно крупнее другого. – Какой из этих ключей подходит к калитке?

Ректор взял из моих рук кольцо и внимательно рассмотрел ключи.

– Вот, большой ключ отпирает все три калитки.

– Значит, либо он сам вошел в сад и запер за собой калитку, либо кто-то запер калитку за ним, когда Роджер вошел в сад, – принялся рассуждать я. – Но так или иначе, он оказался тут в ловушке, один на один с озверевшим псом.

– Но мы так и не разобрались с тем, откуда в саду взялась собака, – нахмурился ректор.

– Однако совершенно очевидно, что через стену она перескочить не могла, как не могла открыть калитку, а потом запереть ее за собой, – ответил я, глядя

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
ректору прямо в глаза и ожидая, какой эффект возымеют мои слова.

Ректор ухватил меня за руку, лицо его исказилось.

– Бруно, что вы такое говорите? Вы утверждаете, что кто-то намеренно впустил собаку в сад и отрезал Мерсеру пути к отступлению?

– Не вижу другого объяснения, – признал я, поглядывая на жуткие клыки, между которых длинными нитями свисала слюна. Стрела, метко пущенная Норрисом, так и торчала из горла собаки. – Выходит, кому-то было известно, что Роджер придет сюда рано утром. Но сам Роджер ничего не опасался, иначе хотя бы прихватил с собой какое-нибудь оружие для самозащиты.

Мне припомнились вчерашние слова Роджера: мол, мы все жили бы по-другому, если бы чувствовали приближение смерти. Я принял эти слова за общее место, но что, если таким образом Роджер пытался дать понять, что опасается за свою жизнь? Или это лишь роковое совпадение, ведь он собирался присутствовать на диспуте, собирался еще раз побеседовать со мной?

Внезапно, хотя я почти не знал этого человека, я почувствовал острую жалость к нему: он был со мной приветлив и, как мне показалось, искренен. А я слышал его предсмертный крик и не успел прийти на помощь. Подумать только, он мог бы остаться в живых, будь я попроще, или если бы у кого-нибудь нашелся ключ, или если бы Норрис раньше прибежал со своим луком. Миг промедления – и участь человека решена, подумал я, и меня тоже затрясло.

– Имел ли он привычку прогуливаться в саду по утрам? – спросил я. – Кто-то мог рассчитывать застать его здесь?

– Члены коллежа любят приходить в рощу, читать в тишине и покое, – ответил ректор. – Но, разумеется, не в такое время, ведь еще темно. Студенты обычно поднимаются в половине шестого, чтобы к шести явиться в часовню – присутствие на утренней службе вменяется всем в обязанность. Но до половины шестого едва ли кто-то выходит из своих комнат, даже слуги еще не встают. Признаться, сам я никогда не прогуливается в саду до рассвета и не могу судить, есть ли подобная привычка у кого-либо из моих коллег.

Я вновь наклонился над телом Роджера, пошарил в карманах разорванной и пропитанной кровью одежды: вдруг найдется что-нибудь, что объяснит прогулку в столь неурочный час. Мне припомнилась его шутка насчет любовных встреч в саду. Неужели и он поджидал кого-то, кто не пришел? Или пришел, но привел с собой смерть? Книг у Роджера при себе не оказалось, но под камзолом я что-то нашупал. Потайной карман, сообразил я и, сунув пальцы внутрь, извлек большой кожаный кошелек, до отказа набитый монетами.

– Вряд ли он пришел сюда погулять и поразмысльить перед рассветом, – сказал я, предъявляя ректору содержимое кошелька. В английских деньгах я не очень разбирался, видел только, что их там изрядное количество. Но у ректора от этого зрелица глаза полезли на лоб.

– Господи, да тут по меньшей мере десять фунтов! – вскричал он. – Зачем ему понадобилась такая сумма? Возможно, он должен был встретиться с кем-то, чтобы уплатить долг, а его кредитор, зная, что он будет ждать в саду, спустил на него пса? Может быть, отомстил за просрочку?

Я покачал головой:

– Будь так, разве нашили бы мы при нем кошелек? Если б с Роджером расправились за неуплату, первым делом отобрали бы у него деньги.

– Но кто мог так жестоко поступить? – в усталом отчаянии простонал ректор.

– Не знаю. Однако бешеный или бродячий пес не может случайно попасть в огороженный со всех сторон сад. – Я отряхнулся, только сейчас заметив на своей одежде пятна чужой крови. – Полагаю, ректор, после этого ужасного происшествия нам следует отложить намеченный на сегодня диспут?

Лицо ректора снова исказилось; что за человек, что ни скажи, все его пугает.

– Нет! – яростно крикнул он, схватив меня за плечо. – Диспут состоится! Мы не допустим, чтобы этот... этот инцидент испортил высочайший визит в колледж. Вы осознаете последствия, доктор Бруно? В особенности если распространятся слухи, что это... – Он огляделся по сторонам и шепотом закончил свою мысль: – Что это не трагическая случайность. Колледж будет замаран, моя репутация окончательно погибнет. Ведь у нас в последнее время и так уже хватало неприятностей. Передать вам не могу, как я боюсь навлечь неудовольствие Лестера.

– Но человек погиб страшной смертью, и это, вполне вероятно, убийство, – запротестовал я. – Не можем же мы сделать вид, как будто ничего и не произошло.

– Тише, тише. Ради Христа, Бруно, не произносите это ужасное слово «убийство»! – Ректор в очередной раз безумным взором обвел сад и еще более понизил голос, хотя мы оставались наедине. – Мы объявим, что произошло несчастье, трагедия... Мы скажем... – Он замолчал, сочиняя подходящую версию. – Да! Мы скажем, что садовую калитку забыли запереть, что в сад забрел бродячий пес и напал на Роджера, когда тот вышел утром помолиться и поразмыслить.

– В это кто-нибудь поверит?

– Поверят, если я это скажу. Я же ректор колледжа, меня сам граф Лестер назначил. – Былое самодовольство отчасти вернулось к доктору Андерхиллу.

Было еще темно, висел туман, никто из студентов ничего толком не успел разглядеть.

Лицо ректора как-то отяжелело, сделалось даже грозным. Я понял, что его решимость любой ценой сохранить доброе имя колледжа не поколеблет ничто. С такой же беспощадностью, подумал я, он свидетельствовал на процессе против несчастного Эдмунда Аллена.

– Но все калитки заперты, – возразил я.

– О запертых калитках известно только вам да мне, Бруно. И, с вашего позволения, о них мы упоминать не станем.

– А привратник? Он же проверял замки перед сном.

Ректор сухо рассмеялся.

– Вы еще не имели удовольствия познакомиться с нашим привратником. Он не отличается ни ясностью мысли, ни крепкой памятью. Да и вообще, если я скажу, что калитку забыли запереть, он не осмелится возражать. Вот так мы и скажем, это надежнее всего.

Он видел, что меня обуревают сомнения, и, скав пальцами мое плечо, добавил уже более веселым голосом:

– Если мы не допустим распространения слухов, будет проще расследовать это происшествие. В противном случае начнется паника, по Оксфорду поползут слухи, что у нас совершено такое жестокое, изощренное преступление, злоумышленник – если тут имеется злоумышленник – воспользуется суетой и успеет скрыться. Коль скоро вы действительно желаете, чтобы правосудие восторжествовало, не стоит кричать об этой трагедии. И большое вам спасибо за помощь, доктор Бруно.

Не знаю, за что уж там он меня благодарил, – за то, что я пытался выяснить истину, или за то, что согласился ее скрыть? Меня преследовала мысль, что я, вполне вероятно, был последним, с кем беседовал несчастный Роджер Мерсер, и что злодей, который обрек его на смерть, вполне вероятно, притаился где-то рядом в Оксфорде и довольно потирает руки. И обман, на котором с тупым упрямством настаивал ректор, тоже смущал меня: слишком быстро жалость – естественная человеческая реакция на страшную гибель коллеги – уступила место шкурному страху за свою должность.

Небо светлело, туман редел, лишь редкие клочья его еще висели между деревьев. Два тела на росистой траве словно застыли в этом сером утреннем свете. Ректор с тревогой глянул на небо.

– Господи боже, пора уже быть в часовне! Я должен выступить, всех успокоить. Слухи-то уже распространяются. – Он принялся в отчаянии ломать и выворачивать себе пальцы и говорил уже как будто не со мной, а с самим собой. – Прежде всего надо прислать слуг с мешком и вынести труп, нельзя оставлять его здесь.

Тут он заметил неподдельный ужас на моем лице и снизошел до объяснения:

– Я говорю о собаке, разумеется! Хотя вы правы, Бруно, сначала необходимо провести следствие, только потом можно будет унести их. Ох, сколько дел! Надо попросить Роджера... – Тут он прижал ладонь ко рту и уставился на труп так, как будто теперь лишь понял, что лишился своего заместителя. – Боже мой! – прошептал он. – Роджер мертв!

– Вот именно, – подтвердил я, наблюдая за тем, как эта страшная истинна медленно проникает в его сознание.

– Но это значит... Это значит, снова придется собирать совет, выбирать нового заместителя ректора, а на это нет времени! Незамедлительно придется временно назначить кого-то, кто бы мне помогал, и значит, опять начнутся зависть, грызня – именно сейчас, когда нам это меньше всего нужно! Господи, как такое могло случиться?

Страх совсем овладел им. Ректор обратился ко мне, словно к последней своей надежде; руки его как-то странно дергались, будто он пытался ими взмахнуть.

– Доктор Бруно, бес совестно требовать подобной услуги от гостя, но, быть может, вы согласились бы подежурить подле тела несчастного Роджера до прихода следователя? Мне нужно спешить в часовню и там представить события таким образом, чтобы пригласить слухи, насколько это еще возможно. Не впускайте сюда студентов, нечего им глазеть на это.

– Разумеется, я останусь, – пообещал я, втайне надеясь, что слишком тут не задержусь.

Я не испытываю суеверного страха перед покойниками, но мне казалось, что пустой, мертвый взгляд Роджера как будто упрекает меня за то, что я не успел прийти ему на помощь. «Мы страшимся за бренное тело», – говорил он накануне. Теперь он познал этот страх. В моих ушах все еще отдавались его вопли и мольбы к Иисусу и Деве Марии.

Ректор понуро брел по траве к внутренней калитке, а я остался наедине с трупами и собственными мыслями.

Наклонившись над телом Роджера, я приподнял полу разорванной мантии и прикрыл ему лицо. Суеверие гласит, будто образ убийцы запечатлевается на сетчатке глаз жертвы, и я, в последний раз взглянув в глаза Роджера, подумал: будь это правда, я увидел бы в них огромного пса. Но непреложный факт, что калитка была заперта, доказывал: пес не был убийцей, он был только орудием убийства.

От тела Роджера я перешел к трупу собаки, чтобы как следует осмотреть его. Огромное животное, в холке, пожалуй, человеку по пояс; узкая, длинная морда. Тощий, снова отметил я, но других следов дурного обращения не видно. Тот, кто натравил пса на Роджера, все продумал заранее: за несколько дней до нападения перестал кормить собаку, чтобы та озверела от голода. Имея в виду набитый кошелек Роджера (его унес с собой ректор), можно было предположить, что он назначил свидание человеку, у которого хотел что-то купить или за что-то заплатить. Если произошла ссора из-за денег, да такая, что привела к убийству, то почему оставили кошелек? Выходило странно: хотя деньги, по-видимому, имели прямое отношение к встрече, убийцу они не интересовали – он хотел только его смерти.

Я еще раз внимательно оглядел сад. С северной стороны, как мне говорили, была еще одна калитка, однако с моего места ее не было видно. Сад был с трех сторон окружен стеной высотой не менее двенадцати футов, а с четвертой его закрывала та часть здания колледжа, в которой располагались зал и апартаменты ректора. Роджер, насколько я понял, вошел в сад, отперев калитку своим ключом; затем либо он сам запер калитку, чтобы его не побеспокоили, либо же кто-то подождал, пока он войдет, и запер калитку,

убедившись, что Роджер в ловушке. Что же получается? Тот же самый человек затем открыл калитку с улицы, впустил пса и снова запер ее? Понадобилось бы несколько минут, чтобы, выскочив из главных ворот, обежать вокруг здания. К тому же если привратник не спал, он бы наверняка заметил пробегающего мимо человека.

Во дворе зазвонил колокол, созывая студентов в часовню. Сейчас там ректор уж постараётся внушить всем, будто не было никакого преступления. Интересно, вдруг подумал я, сбудется ли теперь мечта Джеймса Ковердейла стать заместителем ректора? Эта мысль буквально пронзила меня. Ректор спрашивал – просто так, не рассчитывая на ответ, – мол, неужели кто-то желал причинить зло Роджеру? А я ответил, что мне ничего об этом не известно. Но теперь я вспомнил: даже я, совершенно здесь посторонний, не пробывший и дня в колледже, успел наткнуться на двух человек, ненавидевших покойного. Так, может, их было больше? Может, кто-то вымогал у него деньги, а потом убил?

Роджер показался мне человеком теплым и искренним, но его участие в процессе Эдмунда Аллена многих отвратило от него, и кто-то мог затаить смертельную вражду. Но если так, зачем эту вражду так долго скрывать? Зачем надо было ждать высокого визита, чтобы отомстить? Разве что...

От этой новой мысли меня отвлекла возникшая вдруг как бы ниоткуда фигура. Кто-то бежал ко мне со стороны колледжа, петляя между деревьями. Я шагнул навстречу, надеясь, что это коронер спешит сменить меня с дежурства, но, к своему изумлению, узнал Софию. На ней было тонкое голубое платье и платок на плечах, волосы свободно развевались за спиной. Увидев меня, она замерла и посмотрела на меня с таким же удивлением, как я на нее.

– Доктор Бруно! Что вы здесь делаете?

– Жду вашего отца, – ответил я и подвинулся так, чтобы хоть отчасти скрыть от нее ужасный вид двух трупов.

– Говорят, Габриэль Норрис застрелил какого-то чужака в саду, – заговорила она, и ее лицо вспыхнуло. – Его тело все еще здесь? – Она оглядывалась по сторонам и заламывала в волнении руки точь-в-точь как ее отец.

– Не совсем так, – ответил я, усмехнувшись: как ректор ни старайся, а слухи уже не остановить. – Вы еще не говорили с отцом?

– Он в часовне на заутрене. Новость я узнала от двух студентов, опоздавших на службу, – пояснила она, заглядывая через мое плечо туда, где, полускрытые в густой траве, лежали тела человека и собаки. – Мы, конечно, слышали под окнами крики, но мне и в голову не приходило... Это вор там лежит? – Ей во что то ни стало хотелось посмотреть, но я упорно стоял у нее на пути.

– Прошу вас, мисс Андерхилл, отойдите. Это зрелище не для ваших глаз.

Закинув голову, девушка вызывающе посмотрела на меня.

– Мне уже приходилось видеть покойников, доктор Бруно. Я видела, как мой родной брат лежал со сломанной шеей, так что не стоит оберегать меня, как девочку, которая не бывала нигде, кроме собственной гостиной.

– Я не стал бы скрывать от вас покойника, но это все намного страшнее, – упирался я и даже руки расставил, как будто мог ими загородить трупы. – Нет, конечно, это не хуже, чем смерть родного брата, я не это хотел сказать, но там лежит кровавый, изувеченный труп, зрелище не для женщины, поверьте мне, мисс Андерхилл.

Она презрительно фыркнула и уперла руки в бока.

– Мужчины считают нас неженками. Нам уж и на кровь поглядеть нельзя! Да у нас каждый месяц кровотечения! Мы рожаем детей в крови и слизи! Думаете, мы рожаем, зажмутившись, чтобы это зрелище не оскорбило наших нежных чувств? Право, доктор Бруно, любая женщина может смотреть на кровь столь же хладнокровно, как старый солдат, так что нечего оберегать нас! И не надо обращаться со мной так, будто я хрустальная!

В ее аргументах была и убежденность, и правда, но мне было поручено оберегать мертвого Роджера от любопытных глаз, а потому я сделал еще один шаг вперед и остановился прямо перед девушкой, так близко, что мог коснуться ее рукой. Ростом она была почти с меня, и это тоже почему-то смущало.

— Я вовсе не считаю вас хрустальной, мисс Андерхилл, боже упаси! И все же я вынужден просить вас удалиться, ибо тело жестоко изувечено. Как бы ни были вы крепки духом, смотреть на это не стоит.

Девушка еще с минуту постояла, затем вынуждена была отступить.

— Что же на самом деле произошло? — с тревогой спросила она.

— Бродячий пес растерзал человека. Норрис убил его.

— Собака? В нашем саду? Постойте... — Она покачала головой, как будто начала задавать вопросы не с того конца и хотела упорядочить собственные мысли. — Какого человека?

— Роджера Мерсера.

— О нет, нет, — простонала она, хватаясь за грудь. — Нет!

Глаза ее широко распахнулись, взгляд вдруг как-то остекленел, и девушка медленно оседать наземь. Лицо ее так побледнело, что я испугался, что София либо упадет в обморок, либо у нее начнется истерика. Но она лишь стонала, повторяя: — О нет... Господи, только не это...

Я присел возле нее, осторожно положил руку ей на плечо.

— Мне очень жаль. Вы были к нему привязаны?

София бросила на меня мимолетный взгляд, как будто что-то в моих словах озадачило ее, потом кивнула.

— Да, да, конечно. Это же мой дом, члены колледжа стали для меня семьей за последние шесть лет, — дрожащим голосом проговорила она. — Не могу поверить, чтобы такое могло произойти в нашем колледже, прямо у нас под окнами. Бедный, бедный Роджер. — Она ухитрилась заглянуть через мое плечо и содрогнулась. — Если только... — Голос ее сорвался.

— Если только?.. — повторил я.

Но София молча покачала головой и вновь принялась озираться по сторонам.

— А где же мастер Норрис?

— Ваш отец отправил его переодеваться. Он был одет неподобающим образом.

девушка тихонько рассмеялась, а я ни с того ни с сего почувствовал укол ревности. Неужто она неравнодушна к этому красавчику-стрелку?

— Но собака? — задумчиво проговорила она, словно размышляя вслух. — Собака-то откуда взялась?

— Должно быть, калитку забыли запереть на ночь, и бродячий пес забрел в сад. Он так изголодался, что мог наброситься на кого угодно, — как можно спокойнее пояснил я.

София недоверчиво прищурилась:

— Нет. Калитку никогда не оставляют открытой. Отец безумно боится, как бы в сад ночью не проникли бродяги или воры или студенты не затащили в кусты каких-нибудь судомоек. Нет, он сам каждый вечер в десять часов, перед отходом ко сну, проверяет замок. Он не мог забыть про калитку, как не забывает свою работу или молитвы. Это просто невозможно.

— Наверное, вчера он передоверил эту обязанность привратнику, поскольку сам занимался ужином и гостями, — сказал я, прекрасно понимая, насколько глупо это предположение. Зачем мне отстаивать эту совершенно нелепую ложь? Куда

правильнее было бы подумать над подозрениями Софии. – Впрочем, насколько я знаю, привратник – старый пьяница, человек ненадежный.

София глянула на меня так, словно окончательно разочаровалась во мне.

– Коббет стар и выпить любит, но он служит в нашем колледже с молодости, и, если бы отец поручил ему такое дело, он бы скорее умер, чем подвел его. Вы говорите о нем высокомерно потому лишь, что он всего-навсего слуга. Но Коббет – славный старик, и не следует так к нему относиться.

– Прошу прощения, мистрис Андерхилл, – виновато выговорил я. – Я вовсе не хотел...

– Зовите меня лучше София. Когда я слышу обращение «мистрис Андерхилл», мне кажется, что речь идет о моей матери.

– Вашу мать не разбудил этот шум?

– Не знаю, – вздохнула София. – Она не вставала. Она целые дни проводит в постели.

– Тяжкое бремя скорби легло на ее плечи, когда погиб ваш брат, – мягко сказал я.

– Все мы несем тяжкое бремя скорби, – огрызнулась София, и ее глаза вновь полыхнули. – Но если каждый будет прятать голову под одеяло и делать вид, будто солнце перестало вставать и заходить, семья распадется. Кстати: что вам известно о смерти моего брата?

– Вчера вечером ваш отец кратко упомянул об этом несчастье. Тяжкая потеря для вас.

– Похоронить единственного брата – тяжкая потеря для любого, – уже не так агрессивно отозвалась она. – Но для меня в особенности, потому что при нем мне жилось свободнее: Джон заступался за меня, я разделяла его мысли, он обращался со мной как с равной. Потеряв его, я вынуждена вести себя как леди, а мне это не по нраву, вовсе не по нраву.

К моему облегчению, на этих словах она рассмеялась, но смех быстро угас, и девушка принялась носком туфельки задумчиво ковырять траву.

– Вероятно, ваш диспут придется отложить? – спросила она, жестом указывая в ту сторону, где лежали тела. Судя по интонации, ей это было безразлично.

– Нет. Ваш отец ни за что не желает разочаровывать своего знатного гостя. Он распорядился, чтобы все шло по плану.

Ее лицо вновь вспыхнуло гневом, она вскочила на ноги, быстрыми, сердитыми движениями отряхивая юбку. До чего же переменчивы настроения этой девушки, будто небо над Везувием, подумал я.

– Еще бы! Человек погиб страшной смертью – всего-то навсего! Главное, чтобы ничего не нарушало течение жизни колледжа. Давайте притворимся, будто ничего не произошло! – Глаза вспыхнули яростью. – Знаете, доктор Бруно, когда погиб мой брат Джон, отец ни слезинки не пролил. К нему прибежали с этой страшной вестью, а он только кивнул, сказав, что будет у себя в кабинете, и не велел беспокоить. До конца дня он не выходил из кабинета. Он работал. – Последнее слово она будто выплюнула с презрением, почти с ненавистью.

– Я слышал, – неуверенно заговорил я, – что англичане стараются в любых обстоятельствах соблюдать спокойствие и приличия. Возможно, они не желают выражать на людях свои чувства.

Девушка презрительно покачала головой.

– Мать прячется от своих чувств в постели, отец в работе. Стараются забыть, что у них был сын. Только я им мешаю – верчусь перед глазами, напоминаю о Джоне.

– Да нет же... – начал я, но София отвернулась от меня, крепко скав губы.

– А каким трудом столь увлечен ваш отец? – спросил я через минуту, чтобы сменить тему.

– Пишет комментарий к книге мастера фокса «События и памятники наших последних и опасных дней», – пренебрежительно отмахнулась она.

– Ах да, «Книга мучеников», – кивнул я, припоминая, что накануне за столом кто-то упоминал о проповедях ректора на эти сюжеты. – Разве книга фокса нуждается в комментариях? Он и сам довольно-таки многословен.

– Отец считает, что нуждается. Для моего отца не существует ничего важнее этих комментариев – разве что бесконечные заседания совета колледжа, где ничего не происходит, все только сплетничают и грызутся между собой. – Она яростно дернула свисавшую над ее головой ветвь, и листья посыпались на землю. – Умнейшие люди Британии, доктор Бруно, а ведут себя как прачки, собравшиеся позлословить у пруда.

– Да, я насмотрелся такого в университетах, – улыбнулся я в ответ.

София еще что-то хотела добавить, но из внутреннего двора послышался шум и в проходе показались двое крепких мужчин, опоясанных кухонными фартуками.

– Пойду-ка я лучше, – сказала София, в последний раз боязливо оглянувшись на мертвые тела. – Простите, что не смогу побывать на диспуте, доктор Бруно. Мне не разрешают, а хотелось бы услышать, как вы побьете отца в споре.

Я удивленно приподнял бровь, а девушка ответила мне печальной улыбкой.

– Что, не полагается так говорить преданной дочери? Ну да, только дело в том, что у отца обо всем раз навсегда сложившееся мнение – и о миропорядке, и о том, кому какое место отведено в этом порядке. Порой мне кажется, он во все это верит лишь потому, что ему проще ни о чем не задумываться и не принимать самому никаких решений. А я бы так хотела, чтобы кто-нибудь разрушил эту его окаменелость, заставил подумать. Может быть, если бы он хотя бы допустил, что люди имеют право думать по-разному, он бы понял, что мир не неподвижен, а переменчив. Вот почему я желаю вам победы, доктор Бруно. – Она даже схватила меня за руку и слегка встряхнула. Я с улыбкой кивнул ей в ответ.

– То есть если ректор признает, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, он сумеет поверить и в то, что дочь имеет право учиться, как сын, и сама может выбирать себе мужа?

София покраснела и улыбнулась:

– Примерно так. Вы умны, доктор Бруно.

– Зовите меня Джордано, – попросил я.

София беззвучно задвигала губами, потом покачала головой:

– Мне это имя не выговорить. Давайте уж лучше буду звать вас Бруно. Итак, Бруно, вы должны выиграть этот диспут ради меня. Вы – мой рыцарь на этом поединке умов. – Она снова бросила взгляд на вытоптанную и окровавленную траву, и ее короткое оживление пропало. – Бедный доктор Мерсер! Как же так?

Еще раз пристально взглянувшись в лежавшие под деревьями тела, – выражения ее лица я не мог разгадать, – она повернулась и побежала по траве в сторону колледжа, легкая, быстрая. Обернулась и кинула мне прощальный взгляд как раз в тот момент, когда поравнявшийся со мной коренастый мужчина спросил, развязывая большой мешок:

– Так где нам закопать этого пса, приятель?

Глава 5

Наконец пришел коронер, освободивший меня от обязанности караулить тело Роджера Мерсера, а вместе с ним явился преисполненный важности доктор Джеймс Ковердейл, – как же, ему поручили вынос тела покойного соперника. Я с облегчением покинул сад через внутреннюю калитку и вышел во двор

колледжа.

Служба закончилась, студенты в раздуваемых ветром мантиях толпились у входа в часовню, оживленно сплетничали и явно были в восторге от происшествия, хотя и делали вид, что страшно напуганы.

Было семь утра, но, поскольку мой ночной сон был прерван, мне хотелось поскорее вернуться в комнату, переодеться и еще немного поспать. А затем нужно было привести мысли в порядок перед вечерним диспутом, хотя нельзя сказать, что этот диспут интересовал меня по-прежнему.

На моей рубашке и штанах остались пятна крови, на что Ковердейл довольно ехидно указал мне, когда я прощался с ним и коронером.

– Вам бы лучше переодеться, доктор Бруно, – с издевкой посоветовал он, – а то, чего доброго, вас за убийцу примут.

Возможно, его разозлило, что я, а не он оказался в центре событий. Пусть, дескать, чужак не считает себя чересчур важной персоной. Поглядывая на взволнованных студентов, я пытался понять, как мог Ковердейл даже в шутку заговорить об убийстве, если ректор официально всех уведомил, что произошел несчастный случай. Впрочем, быть может, я слишком много значения придавал случайному вырвавшимся словам.

Однако действительно следовало переодеться. Стягивая штаны, я вдруг что-то нашупал в кармане. Ба, да это же ключи Роджера! Видимо, я машинально сунул их к себе в карман.

Я внимательно рассмотрел ключи. Меньший, по-видимому, был от двери в комнату Роджера: похожий выдали мне от моих комнат. Я кинул взгляд в окно на двор колледжа. Студенты постепенно расходились; у каждого книги под мышкой или в руках; кто спешит в библиотеку, кто-то направляется к главным воротам; на меня никто и не взглянул.

Я все смотрел на ключи. Что, если в комнате Роджера удастся найти какую-то подсказку или улику? Кого это, интересно, он ждал в саду и зачем взял с собой деньги? Я мог бы накрою осмотреть его комнату, пока студенты заняты своими делами, а чуть попозже вернуть ключи ректору. Скажу, что по рассеянности сунул их в карман. Тем более, это чистая правда.

Роджер упоминал, что живет в башне над главным входом. Я глянул на высокие сводчатые окна первого этажа, прикидывая, где могут находиться его комнаты, а затем уверенно ступил на лестницу, ведущую через западную пристройку в башню.

На первой же площадке была невысокая деревянная дверь с надписью: «Доктор Р. Мерсер, заместитель ректора». Воровато оглянувшись по сторонам, я сунул ключ в замок, без усилия повернул его и скользнул внутрь. Всего два часа тому назад Роджер покинул эту комнату, даже не подозревая о том, что ему уже не суждено вернуться. На миг мне послышались над головой легкие, частые шаги. Я замер, насторожился, но скоро все стихло.

Я никак не ожидал увидеть того, что предстало моим глазам: комната была разгромлена, книги и карты сброшены с полок и раскиданы по полу, одежда выброшена из сундуков и ящиков и тоже валяется на полу. Толстый ковер скатали и оттащили в сторону; судя по следам, кто-то пытался вырвать доску из пола. Одно из двух: либо Роджер покидал комнату в страшной спешке и перед уходом что-то лихорадочно искал, либо кто-то другой прежде меня обыскал его комнату.

Комната была длинная, с высоким потолком; узкие окна в одной стене выходили на квадратный двор, другие – на улицу. В этой стене был еще широкий камин, выполненный кирпичом, напротив которого стоял массивный дубовый стол с красивыми резными ножками. С противоположной от входной двери стороны виднелись три ступеньки и распахнутая дверь. Ладони у меня вдруг вспотели, и биение собственного сердца буквально оглушило меня: я вспомнил услышанные ранее шаги. Что, если доносились они вовсе не сверху, а из соседней комнаты, где притаился злоумышленник. Я прихватил единственный предмет в комнате, годившийся в качестве оружия самозащиты, – кочергу с каминной решеткой – и, крепко сжимая ее обеими руками, на цыпочках двинулся к раскрытой двери. Зашел, занес кочергу... В маленькой комнате не было никого.

Только простая кровать на колесиках (из тех, что можно днем закатывать под более высокую), рукомойник и тяжелый дубовый шкаф с резными дверцами. Эта маленькая спальня тоже подверглась обыску: простыни были грубо сорваны с кровати, глиняный кувшин сброшен с умывальника и разлетелся на куски.

Подойдя ближе, я увидел, что соломенный матрас вспорот в нескольких местах. В углу комнаты обнаружилась еще одна дверь – маленькая, утопленная в стене. Я подергал ручку, но дверь была заперта. Когда я постучал по ней, то, судя по гулкому эху, пришел к выводу, что за ней скрывается лестница, ведущая в верхние этажи башни. С кочергой наготове я заглянул за тяжелые оконные портьеры и под кровать, но и там никого не обнаружил.

Итак, я был один. Успокоившись на этот счет, я вернулся в кабинет и аккуратно запер за собой дверь, чтобы без помех обыскать его. Но с чего начать в таком хаосе? Комната была набита самой разнообразной мебелью из крепкого дуба. Тот, кто обыскивал кабинет до меня, перевернул стулья, проволок по полу сундук и взломал его, выставив напоказ хранившиеся в нем книги. Этот человек рылся в вещах Роджера торопливо и с такой настойчивостью, что было ясно: он твердо рассчитывал найти здесь нечто весьма ценное. Но вот удалось ему это или нет?.. И если нет, смогу ли я найти? И если найду, пойму ли, что это именно то, что мне нужно?

Красивый письменный стол был весь завален бумагами и перьями. Небольшую бронзовую астролябию сбросили на пол. Я наклонился, чтобы поднять ее, и увидел, что стрелка погнулась. Рядом с астролябией под столом валялся еще какой-то темный, свернувшийся спиралью предмет. Заинтересовавшись необычной формой, я вытащил его на свет и понял, что это просто-напросто длинная полоска давно уже засохшей апельсиновой кожуры. Затем я торопливо просмотрел бумаги на столе, но если в них и таилась разгадка смерти хозяина кабинета, то, чтобы разобрать все эти рукописи и прочесть их, требовалось чересчур много времени.

Из стола были вытащены все ящики. Я проверил каждый – нет ли двойного дна, – однако ничего не обнаружил. Я даже высыпал на пол содержимое этих ящиков, благо все и так было перемешано. В конце концов я почувствовал усталость и отвращение к этому занятию. Что я здесь делаю? Я же понятия не имею, что надо искать.

В верхнем левом ящике мне попался небольшой кожаный бювар. Я открыл его в надежде, что там, возможно, хранятся письма или какие-то записки за последние дни, которые могут пролить свет на происшествие. Освободил место на столе и раскрыл бювар. Из него выпала тонкая книжица в кожаном переплете. Я пролистал ее: это был календарь-ежедневник на 1583 год. Страницы размечены по дням недели, наверху каждой страницы обозначен месяц и выписаны соответствующие астрологические прогнозы. Сердце у меня колотилось, я лихорадочно переворачивал страницу за страницей к последней дате: быть может, Роджер записал, с кем назначил встречу в саду?

Пока я искал страницу с датой двадцать второе мая, я отметил одну особенность этого календаря: на каждый день были проставлены две даты, одна черными типографскими чернилами, другая – красными от руки. Красная дата на десять дней опережала черную. Я сразу понял, что это такое, потому что видел то же самое в календаре у французского посла: красная дата проставлялась по новому стилю, который с прошлого октября был введен во всех католических странах буллой папы Григория *Inter gravissimas*. Англия и другие реформаторские государства нововведение не приняли, так как не подчинялись авторитету папы, и я слышал, как посол жаловался: мол, теперь переписка между послами в разных странах и чиновниками на родине превратилась в сплошную головоломку, ибо никто не знает, где дата по старому стилю, где по новому. Сам он для верности проставлял обе даты. Но зачем, спрашивается, понадобился григорианский календарь английскому протестанту Роджеру Мерсеру?

Вот и сегодняшняя страница: двадцать второе мая (первое июня). Красивым почерком, с легким наклоном, Роджер вписал время и место диспута: «Дж. Бруно пр. Андерхилла Шк. бог. 5», гласила запись. Я присмотрелся и увидел еще одну запись под той же датой: в левом верхнем углу стояла пометка «Дж». Я даже заморгал, так пристально я всматривался. Что это – имя человека, с которым Мерсер должен был встретиться? Если «Дж» – первые буквы имени, область поисков заметно сужалась. На предыдущей странице, 21 (31) мая, имелся лишь какой-то причудливый символ, кружок, пересеченный линиями, вроде колеса со спицами.

Пролистывая книжку в обратном направлении, я регулярно обнаруживал этот знак примерно раз в десять дней, в разные дни недели. Явно какой-то секретный код, но мне не разгадать его. Инициал «Дж» казался мне более существенным намеком. Я подносил дневник все ближе к носу и учуял, наконец, странный аромат: апельсин. Сперва я подумал, что запах исходит от моих пальцев – я же поднимал с пола корку, – однако, понюхав пальцы и книжку, убедился, что запах исходит от страниц календаря. Впрочем, не так уж странно: если Роджер Мерсер любил полакомиться апельсинами, то мог вполне брызнуть соком на свой календарь – вчера я имел возможность убедиться, что ест он не слишком аккуратно. И все же какая-то мысль крутилась у меня в мозгу, когда я принюхивался к календарю. И вдруг меня осенило. Я даже выругался: надо же быть таким ослом!

В этот самый момент дверь шкафа заскрипела, поворачиваясь на старых петлях, и я чуть из башмаков не выскошил. Инстинктивно сунул календарь под рубашку, за пояс штанов, и резко обернулся: никого. Дверь поддалась под собственной тяжестью. Распахнув дверь шкафа пошире, я сначала увидел только груды одежды, разбросанной неизвестным во время обыска, а потом заметил и какой-то небольшой темный предмет в глубине, накрытый старым одеялом. Отбросив одеяло в сторону, я обнаружил под ним маленький деревянный ларец с массивным замком, окованный металлическими скобами. Я выволок его на свет, и тут ларец вдруг вывернулся у меня из рук и с грохотом обрушился на пол. Я замер, затаив дыхание: сейчас кто-нибудь прибежит на шум и застанет меня в комнате покойника. Но нет, тишина.

Когда ларец упал, я сквозь грохот рассыпал в нем звон монет. Стало быть, это сейф Роджера Мерсера, по-видимому набитый золотом. Не слишком-то тщательно он прятал свою казну. Однако тот, кто разгромил комнату, деньгами пренебрег. И на теле Роджера остался нетронутый кошелек. Стало быть, деньги убийцу не интересовали. Но ради чего люди убивают, если не ради денег? Бывает, убивают из мести, прикидывал я, бывает, из страха перед разоблачением.

Стоит наведаться к привратнику, решил я, и расспросить обо всех калитках, замках и ключах: тот, кто обыскивал комнату Роджера, очевидно, отпер дверь в кабинет, а потом, уходя, запер ее за собой.

И тут, когда я сидел на корточках возле ларца и размышлял, послышался звук, который ни с чем не перепутаешь, – звук легко повернувшегося в замке ключа. Прятаться было поздно; я так и остался сидеть на корточках, беспомощно следя за тем, как дверь открывается и в нее протискивается тощая фигура Уолтера Слайхерста, казначея колледжа. Я увидел, как он с изумлением оглядывает царящий в комнате хаос, затем его возмущенный взгляд остановился на мне. Пауза: маленький мозг старательно обрабатывал увиденное. Потом Уолтер аж взвизгнул и уставился на меня так, словно я был призраком или преступником.

– Господь пресвятой! – завопил он. – Вы! Какого дьявола?!

Необычайная изобретательность понадобилась бы, чтобы правдоподобно объяснить, зачем я проник в разгромленную комнату только что погибшего человека и сижу теперь на полу, крепко прижимая к груди сундук с золотом жертвы. Я набрал в грудь побольше воздуха и постарался вести себя как ни в чем не бывало.

– Buongiorno, [10] мастер Слайхерст.

Кривое, костистое лицо Слайхерста было как будто создано для цинической усмешки, но сейчас оно исказилось от злобы, а сам Слайхерст, похоже, лишился дара речи.

– Что?.. – попытался было он заговорить, но ему пришлось снова набрать воздуха в грудь, прежде чем он смог договорить: – что это такое?!

– Помогаю ректору, – объяснил я, утрируя итальянский акцент. Акцент, как я не раз имел случай убедиться, отличное прикрытие для странных на первый взгляд поступков: чего, мол, еще и ждать от иностранца. – Я был с ним утром, мы первыми оказались на месте, где произошло несчастье. Одежда, как вы знаете, вся испорчена, и я поднялся сюда поискать чистую, чтобы было во что переодеть бедного доктора Мерсера к похоронам. – Я скорчил

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
благочестивую рожу, прекрасно понимая, что Слайхерст не поверит ни единому
моему слову. Я бы, во всяком случае, не поверил.

Слайхерст прищурился, глаза его под редкими бровями превратились в щелочки.

– Понятно. Отыскать одежду было непросто. – Он жестом обвел разгромленную
комнату.

От его голоса пожухла бы и весенняя листва на деревьях, но я выдержал его
подозрительный взгляд и спокойно отвечал:

– Я застал комнату в таком виде.

– Зачем же вам понадобилось запереться изнутри?

– Привычка, – смущенно улыбнулся я. – Глупо, сам понимаю, но в Италии у
меня были причины опасаться за свою жизнь. Я путешествовал и останавливался
в таких местах, где следует запирать за собой дверь, да понадежнее. А
теперь я делаю это инстинктивно. Признаться, я даже не обратил внимания на
то, что запер дверь.

Слайхерст с минуту поразмыслил, затем сложил руки на груди.

– А ключ вы где взяли?

– Ключ был у доктора Мерсера с собой. Я дождался коронера и направился сюда
посмотреть, что еще можно сделать.

– Хм, – протянул Слайхерст, делая шаг вперед и поглядывая на стол с
бумагами. – Меня сюда послали провести осмотр личного имущества покойного,
которое должно быть возвращено семье, – скороговоркой произнес он, не глядя
на меня.

Теперь уж я почуял ложь. Объяснение было странное, тем более что казначей
колледжа не обязан был отчитываться передо мной, посторонним. Я поднялся на
ноги и встал лицом к лицу со Слайхерстом (вставал аккуратно, чтобы
календарь не выскоцкнул из-за пояса). Слайхерст обернулся, все так же
держал руки на груди, и мы постояли, меряя друг друга взглядами. Каждый
знал, что другой лжет, но ни один из нас не осмеливался прямо заявить об
этом. Я прикинулся: не может ли быть так, что мы ищем одно и то же? Впрочем,
я даже не знал, что ищу. Искал просто «нечто», что объяснило бы присутствие
Роджера в саду. Возможно ли, чтобы эта же неизвестная мне улика
интересовала Слайхерста и того, кто обыскал комнату до нас?

Я всмотрелся в бледное, безбородое лицо казначея. Он вызывал во мне
отвращение – я в нем пробуждал, по-видимому, сходные чувства. А что, если
он сам и разгромил комнату Мерсера? Ему помешали при первой попытке обыска,
и теперь он вернулся, чтобы закончить? Вряд ли: я видел его лицо в тот
момент, когда он открыл дверь и увидел разгром. Совершенно очевидно, это
зрелище ошеломило его так же, как прежде меня. Выходит, «нечто» в комнате
Мерсера ищет не один человек, а несколько, и возможно, по разным причинам и
с разными целями.

– Что это? – Слайхерст прервал молчание и указал на лежавший у моих ног
сундучок.

– Полагаю, это казна доктора Мерсера.

– И что вы с ней собирались делать? – Голосом его можно было резать стекло.

– Ларец лежал в глубине шкафа. Сначала я принял его за одежный ящик и
вытащил, чтобы посмотреть.

Вновь я удостоился взгляда из-под полуприкрытых век, каким меряют уличного
мальчишку, пытающегося своровать хлеб.

– Вы весь перемазались, доктор Бруно, – проговорил он, а сам не сводил глаз
со стола.

– Я пытался помочь человеку, истекавшему кровью, – негромко возразил я.

— Все-то вы стараетесь помочь. — Он прошел к двери в спальню и вновь зыркнул на меня. — Уже и на лестнице побывали? — Жестом он указал на внутреннюю деревянную дверцу.

— Та дверь заперта, — сообщил я.

— Заперта? — с удивлением переспросил Слайхерст. — Странно.

Он подошел, подергал: мол, ни одно мое слово не принимает на веру. Снова повисло молчание, я понимал, что казначей дожидается моего ухода, но не хотел покидать комнату: вдруг то, что искал первый посетитель и зачем пришел Слайхерст, все еще находится здесь. Но и задерживаться не было возможности. Я принужденно поклонился:

— Оставляю вас исполнять ваш печальный долг, мастер Слайхерст.

Он молча кивнул, а когда я был уже возле двери, вдруг окликнул:

— Доктор Бруно, вы ничего не забыли?

Я подумал было, что он имеет в виду ключи Мерсера и хочет отобрать их у меня, однако в ответ на мой недоумевающий взгляд казначей расплылся в насмешливой улыбке:

— Одежду. Вы же хотели обрядить тело.

— Да, конечно. — Я рывком устремился обратно к шкафу, собрал в охапку все, что попалось под руку.

— Уверен, ректор поблагодарит вас за помощь, — любезно произнес Слайхерст, придерживая передо мной дверь. Но когда я протискивался в нее с кучей никому не нужной одежды в руках, он прошипел едва слышно: — Я слежу за тобой, Бруно.

Я ответил любезной улыбкой и вышел. Мгновение — и за моей спиной раздался скрежет проворачиваемого в замке ключа.

Во дворе я повстречал Габриеля Норриса: он успел переодеться в черный костюм и простую студенческую мантию, от чего его внешность только выиграла. Стоя у входа в западное крыло по другую сторону от башни, он собрал вокруг себя группу однокурсников и повествовал им о своих подвигах. Одну руку он вытянул на уровне груди, тем самым, вероятно, обозначая (хотя и весьма преувеличенно) рост собаки. Я невольно усмехнулся: молодость так любит похвастаться. При виде меня Габриель на полуслове оборвал свою речь и подозрительно уставился на охапку одежды, которую я нес, — нетрудно было догадаться, откуда я вышел и чью одежду несу.

— Что, доктор Бруно, можно приступать к мародерству? — дерзко окликнул он меня.

— Я помогаю ректору, — повторил я уже привычную ложь: пусть никто не поверит, но ведь и оспорить никто не сможет.

— Ага, — кивнул он и, покинув друзей, направился ко мне. Вблизи я рассмотрел, что этот парень постарше других студентов, ему было, пожалуй, уже все двадцать пять. — Выпало нам нынче утром приключеньице, а?

— Не совсем подходящее слово.

— Да-да, разумеется. — Молодой человек напустил на себя серьезный вид. — Просто жизнь у нас в Оксфорде унылая, ничего не происходит, а тут вдруг и королевский гость, и трагедия, все сразу, даже не сообразить, о чем в первую очередь сплетничать.

— Утром вы держались с поразительным хладнокровием. — Комplимент не повредит, подумал я. — Боюсь, я бы не сумел в подобных обстоятельствах так метко выстрелить. Нам повезло, что рядом оказался такой стрелок, как вы.

Норрис поклонился, принимая похвалу.

– Отец с детства приучал меня к охоте, – сказал он. – Жаль только, что я не подоспел вовремя и не спас доктора Мерсера. – Он потер ладонью лицо, и я понял: сколько парень ни выхвалялся, а кровавое «приключеньице» потрясло его до глубины души.

– Вы хорошо его знали? – спросил я.

– Он стал моим наставником в прошлом году, когда отстранили от должности доктора Аллена. – Тень скользнула по лицу Габриеля. – Наверное, можно сказать, что мы были друзьями. По крайней мере, я его глубоко уважал.

– Этот пес, который его загрыз, охотничьей породы, верно? – спросил я его как знатока.

– Ирландский волкодав. Это лучшие охотники, они сразу вцепляются в горло, – оживленно заговорил парень, польщенный тем, что я обратился к нему за консультацией. Вдруг он умолк и озадаченно нахмурился. – Но волкодавы добрые псы, очень послушные, их можно держать в доме. Мастифы – те непредсказуемы, а волкодав ни за что не бросится на человека, если только не приучить его к этому специально.

– Но пес изголодался. Вы заметили, в каком он был состоянии?

Габриель все так же задумчиво кивнул.

– Бродяга, бездомный. Должно быть, умирал с голоду, раз накинулся на человека.

– Откуда посреди ночи в Оксфорде вдруг мог появиться бездомный волкодав? – спросил я.

Габриель посмотрел на меня так, словно счел этот вопрос нелепым, и, пожав плечами, ответил:

– К востоку от города располагается королевский лес Шотовер. Можно заплатить егерю и взять свору на день для охоты. Кое-кто из коммонеров время от времени ходит на охоту, правда, часто нас не отпускают. Возможно, пес сорвался, убежал и забрел в город. – Похоже, парень утратил интерес к разговору; к тому же его ждали товарищи, и ему не терпелось вернуться к ним. – доктор Бруно, мне пора собирать книги и идти на занятия. Надеюсь, нынешние события не омрачат ваше пребывание в Оксфорде. – Он коротко поклонился и двинулся к лестнице.

– Вы там живете? – Я жестом указал в ту сторону, куда он направлялся.

– Ага, – небрежно ответил он. – Лучшее помещение в Оксфорде. Я живу там вместе с моим слугой Томасом.

– Но в таком случае... – Я глянул в сторону калиток, соединявших двор колледжа с внутренним садом. – В таком случае вы должны обладать исключительным слухом, если вас разбудил шум в саду, ведь ваши комнаты находятся так далеко.

Парень с минуту смотрел на меня, сжав губы, потом шагнул поближе, взял за локоть и доверительно шепнул:

– Подловили вы меня, доктор Бруно. Вынужден сознаться, что в тот момент я не был в своей постели, но пусть это останется между нами.

Я вопросительно поднял бровь; он ответил мне дружеским тычком в ребра, очевидно, намекая – как мужчина мужчине – на какие-то ночные похождения. Мы стояли вплотную друг к другу, и я мог убедиться, что от Габриеля не пахнет алкоголем. Да и вряд ли человек, проведший ночь в кабаке, смог бы наутро так метко выстрелить. Напрашивался вывод: наш приятель забавлялся с какой-то девицей и не прочь был поделиться с кем-нибудь этой приятной тайной. Что ж, если он навещал любовницу, неудивительно, что он явился поутру в неподобающем студенту наряде.

– Ночь я провел вне стен университета, вы же меня понимаете, – подмигнув, добавил он, – а возвращаясь, проходил по Сент-Милдред-Лейн возле колледжа Иисуса, и тут услышал лай и страшные вопли. Я сообразил, что шум доносится

Джордано Бруно Ересь filosoff.org из сада, и прямиком побежал за луком, а потом к воротам. Вы там уже все собирались, стояли и глазели.

Последние слова меня задели, и я ответил упреком на упрек:

– Отчего же вы не прошли через калитку с Брейзноуз-Лейн? Так было бы быстрее.

– А где бы я взял ключ от калитки? – удивился он. – Ключи есть только у руководства колледжа. Я же не знал, что калитку оставили открытой, обычно профессора стерегут этот сад как святыню. Нет, доктор Бруно, я не терял ни минуты.

– Кого-нибудь видели по пути у стен колледжа? – с деланой небрежностью осведомился я.

Норрис склонил голову набок, вспоминая.

– Постойте, вот сейчас, когда вы спросили, я вспомнил: в какой-то момент мне показалось, будто я слышал впереди шаги. Кто-то вроде бы бежал, но эти вопли из сада заглушили все звуки, а потом я и вовсе забыл об этом – такое было смятение. А почему вы спрашиваете?

– Хотелось прикинуть, скольких людей в тот час не было дома, – ответил я, отступая на шаг. – Мне пора идти, отнести одежду.

Парень с живым интересом уставился на меня и вдруг фамильярно хлопнул по плечу.

– Веселенький диспут выйдет у вас сегодня вечером. На богословие мне, впрочем, наплевать, но если сумеете выставить ректора дураком, я первый вам поапплодирую. Хотя, полагаю, с этой задачей он прекрасно справится и сам. – Габриэль усмехнулся и тоже сделал шаг назад, вроде бы собираясь уходить, однако напоследок глянул на меня и вдруг сделался серьезным. – Полагаю, нас всех будут опрашивать, если дойдет до расследования. За лук и стрелы мне влетит, на территории университета запрещено держать оружие. Но вы же скажете им, что без меня с собакой не удалось бы справиться? Скажете, доктор Бруно?

– Разумеется, если от меня потребуется отчет об этих событиях, я постараюсь по мере своих сил во всем придерживаться истины, – поклонился я в ответ.

– Благодарю вас. Arivederci, il mio dottore![11] – весело воскликнул он, развернулся на каблуках и быстрым шагом направился к главным воротам.

Я смотрел ему вслед, заинтригованный: павлин, действительно напыщенный павлин. Но, однако, кем-кем, а дураком Габриэль Норрис не был.

А вот я выглядел довольно глупо посреди двора с охапкой чужой одежды в руках. Что же мне теперь делать? – прикидывал я. Солнце скрылось за тучами, и в одной тонкой рубашке я уже ежился и дрожал от холода. Слайхерст, разумеется, донесет ректору, что застал меня за обыском комнаты убитого и что я достал из тайника сундук с деньгами. Значит, единственный способ оправдаться – повторять эту глупую ложь, будто я пришел за одеждой, чтобы обрядить покойника.

Я присмотрелся к охапке одежды, которая оттягивала мне руки: знакомый запах Роджера Мерсера все еще исходил от нее. Надо, решил я, поскорее отнести все это добро ректору, пока Слайхерст ничего не напел ему в уши. Скажу, что мы в Ноле издавна так выражаем свое почтение к умершим. Он сочтет меня за идиота, но хоть не за вора. Он также призадумается, почему я не вернул ключи Мерсера. Поэтому ключи придется сразу же отдать, хотя я предпочел бы оставить их у себя на случай, если выпадет шанс еще раз внимательнее осмотреть комнаты в башне. Впрочем, что толку-то: если первый «посетитель» не нашел того, что искал, теперь уж это точно отыщет Слайхерст.

Голова у меня кружилась, больше всего хотелось вернуться в свою комнату и лечь в постель, но вместо этого я поплелся к центральной арке. Там, справа от массивных деревянных ворот была дверь с надписью «Привратник».

Я приоткрыл дверь и заглянул внутрь: толстый старик с короткими седыми

Джордано Бруно Ересь filosoff.org

волосами сидел за деревянным столом, свесив голову на грудь и похрапывая. Куртка его была залита пивом, у ног растянулся старый черный пес с седой мордой. Пес чуть приподнял голову, засыпав мои шаги, посмотрел на меня мутно-белыми глазами и снова задремал – на большее усилие он не был способен. Я громко откашлялся и постучал; это заставило старику резко вскинуть голову. В растерянности, еще не вполне проснувшись, он приоткрыл рот, и на подбородке его заблестела ниточка слюны.

- Прошу прощения, сэр, на минуточку задремал, – пробормотал он.
- Вы – привратник Коббет? Мое имя Джордано Бруно.
- Знаю, сэр, знаю, вы наш почетный гость, нынче вечером вы скрестите клиники с ректором – я имею в виду клиники словесные, ибо железные в университет не допускаются, как вам известно, сэр. Ужас-то какой, сэр, и что за несчастье, что вам довелось именно в такое утро оказаться тут, прямо подумать об этом страшно. – Он драматически замотал головой из стороны в сторону, аж щеки затряслись.
- Да, весьма тяжелое зрелище, – откликнулся я, доставая из кармана ключи. – Я был там, в саду, помогал ректору. Он попросил меня приглядеть, чтобы ключи доктора Мерсера вернулись на место. Полагаю, он хотел, чтобы я отнес их вам.
- При виде ключей лицо старика просияло от облегчения.
- О, хвала Небесам, хоть один набор вернулся. Мне уж кажется, ключи отрастили ноги и бегают где хотят.
- Разве у вас нет запасных? – спросил я, протискиваясь внутрь и закрывая за собой дверь.
- Есть, сэр, как не быть, но пару дней тому назад они пропали куда-то с моей доски, и это очень странно, ведь доктор Мерсер не спрашивал их у меня, а я из своей каморки и не выходжу почти. Кто мог их взять? Подумал было, может, казначею срочно понадобилось заглянуть в хранилище? Ведь чтобы попасть в башню, надо было пройти через покой заместителя ректора, однако он говорит, что ничего такого не было. – Привратник снова покачал головой. – Профессора эти – хуже студентов, по правде говоря. Засунут ключи, а куда – не помнят. А новые-то денег стоят.
- У вас есть запасные ключи от всех помещений колледжа?
- Конечно, сэр. Вот, смотрите. – Старик поднялся на ноги, ужасно сопя и задыхаясь, повернулся к неглубокому деревянному шкафу в глубине комнаты за его столом. Он распахнул обе дверцы, чтобы с гордостью продемонстрировать мне ряды железных ключей всех видов и размеров. Каждый ключ висел на особом крючке, обозначенном буквенным и цифровым кодом.
- Как же вы их различаете? – прикинулся я дурачком.
- О! – Коббет похлопывал себя по животу. – Я разработал целую систему, чтобы ключи не попали в чужие руки. Ясно? Если б я надписал, как есть: «Башня», «Библиотека» и так далее, юнцы могли бы пробраться сюда и стащить ключ, пока я сплю, или облегчаюсь, или еще что. Вот почему я и придумал код – давно уже, много лет назад. Если кто потеряет ключи, он приходит ко мне, и я подбираю ему запасные. Но стащить у меня ключи и пробраться куда не следует или еще какую проделку затеять – это у них не выйдет.
- Значит, у вас тут полный набор ключей от всех дверей и ворот колледжа?
- Выходит, так, если б только люди их не теряли, – мрачно отвечал привратник. – Единственное, чего у меня нет, – ключей от хранилища. Попасть в него можно только через комнату заместителя ректора, а ключи от хранилища есть только у ректора и у казначея. Специально так придумано, чтобы в хранилище могли входить вдвоем, а не поодиночке, – пояснил он.
- А от всех остальных комнат ключи есть только у вас?
- Нет, сэр, у ректора тоже есть полный набор ключей от всех комнат главного здания, однако он их никому не дает. И студенты, и профессора должны

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
обращаться ко мне, и ни к кому больше. – Тут он что-то сообразил, заерзal на стуле и внимательнее взглянул на меня.

- А у казначея есть ключ от комнаты заместителя ректора?
- У казначея? – с удивлением переспросил Коббет. – Нет, сэр, у него есть ключ от хранилища, но в башню его впускает заместитель. Специально так придумано, против злоупотреблений и воровства.
- А если случится, что заместитель ректора в отъезде, а казначею понадобилось наведаться в хранилище?
- Тогда ему придется попросить ключ у меня или же ректор его проведет. Да что вас так заинтересовали ключи?
- Я просто пытаюсь понять, каким образом тот бродячий пес оказался в саду,
- ответил я.

По правде говоря, меня также сильно занимал вопрос, где Слайхерст добыл ключи от комнаты Роджера Мерсера. Украли запасные из шкафа Коббета? А если так, то каким образом в комнату Мерсера попал тот первый посетитель, который учинил там обыск? У кого еще, кроме ректора, был ключ?

- А! – Старик потер щетинистый подбородок. – Ну да, ну да. Моя вина, сэр. Стало быть, не проверил я калитку на Брейзноуз-Лейн с вечера.

Повисло молчание. Старику противна была эта ложь, которая к тому же вредила его репутации. Его вынудили сказать эти слова, и он сказал их, вполне убедительно, хотя и против своей воли.

- Не могу в такое поверить, – польстил я ему. – Все тут знают, что вы с молодости служите в колледже, и никогда такого не бывало, чтобы привратник Коббет пренебрег своим долгом.

Лицо привратника осветилось благодарной улыбкой, и он жестом поманил меня подойти поближе. Я почти уткнулся носом в его лицо и почуял тяжелый запах перебродившего пива.

- Благодарю вас, сэр. Я уж говорил ректору. Сэр, сказал я, как вы прикажете, так я и сделаю, только все равно никто не поверит, чтобы старый Коббет мог хоть какую щель не проверить, хоть один замочек, когда обходит колледж. Все здесь знают, как я выполняю свой долг, сэр! – Он выпятил грудь и тут же зашелся в кашле.

- Надеюсь, вас не накажут без вины, – посочувствовал я.
- Еще раз спасибо, сэр, вы очень добры.
- Скажите-ка, привратник Коббет, – заговорил я совсем уж небрежно, даже привстал, будто собрался уходить. – Скажите, если кто-то захочет выйти из колледжа в город, а вернуться после того часа, когда вы запираете ворота, – возможно ли такое?

Привратник все десны выставил напоказ в улыбке.

- Все возможно, доктор Бруно, – подмигнул он. – Вероятно, вы слыхали, что порой мы с молодыми студентами уславливаемся кое о чем, ну, в смысле, калитку-то не запирать. У профессоров есть ключи от главных ворот, и гостям их всегда дают. Но вам со мной ни о чем таком говорить не следует.

- Вот как? – удивился я. – Значит, члены колледжа могут выходить и входить через главные ворота в любой час дня и ночи?

- Это не поощряется, – осторожно отвечал Коббет, – но мочь-то они могут. Мало кто пользуется этим правом, ведь это люди серьезные, не станут они по городу шляться. Студенты – те, конечно, рады бы выбраться в город, но их мы не пускаем. А я вот что вам скажу: я и сам был молод, и по мне, когда молодежь лишает удовольствий, вреда от этого больше, чем пользы. Все работать и работать, а поиграть не смей – так мальчишка и зачахнет.

Слегка подавшись вперед, я выглянул в маленькое окошко. Мимо как раз

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
проходили двое студентов, оба прижимали к груди кожаные мешки.

– Значит, вам отсюда видно всех, кто ночью входит и выходит? – спросил я.

– Ежели не засну, – уточнил Коббет, хрипло расхохотался, а затем и раскашлялся.

Хотел бы я еще кое-что узнать, однако в старике мало-помалу просыпалась подозрительность, так что я предпочел рас прощаться.

– Благодарю за помощь, Коббет, – мне пора.

– Доктор Бруно, – окликнул он меня в тот момент, когда я открывал дверь. Я обернулся. – Вы только никому не говорите, что я рассказал вам насчет сада, хорошо? Мне, конечно, обидно, однако приходится делать, как ректор велит, и брать вину на себя.

Я пообещал, что ни словом не упомяну про наш разговор. Напряженное лицо привратника расслабилось.

– Рад буду сколько угодно рассказать вам про замки и ключи, ежели вы ими интересуетесь, – приветливо добавил он, крутя в толстых пальцах ключи Роджера. Затем привратник сунул руку под стол, извлек глиняный кувшин и многозначительно помахал им у меня перед носом. – От этой болтовни у меня все нутро пересохло. Когда люди беседуют, не мешает и глотку промочить. Вы меня понимаете?

Я улыбнулся.

– Постараюсь к следующей нашей беседе принести, чем глотку промочить, – посулил я. – Буду рад снова встретиться с вами.

– И я буду рад, доктор Бруно, и я. Дверь оставьте открытой, будьте так любезны.

Он наклонился и почесал собаку между ушей.

Добравшись наконец до своей комнаты, я с облегчением скинул пропитанные кровью Роджера Мерсера и уже задубевшие штаны и рубашку, заодно вытащив из-за пояса календарь. Оставшись в одних подштанниках и не замечая холода, достал из коробки на камине дешевую сальную свечку – такие мне выдали здесь для освещения. Комнату сразу же заволокло вонючим дымом.

Я вновь взялся за календарь Мерсера, но на этот раз принял листать его с конца. Обнаружилось несколько чистых листков, один из которых странно топорщился, словно его намочили, а затем высушили. Я понюхал его и убедился, что именно от этой страницы пахнет апельсином. Осторожно – только бы не вспыхнула – я приблизил к этой странице пламя свечи и стал следить за тем, как постепенно проступают на ней темно-коричневые знаки.

Я медленно двигал свечу сверху вниз страницы, и на ней в какой-то последовательности проявлялись странные буквы и символы, в которых я пока не распознавал никакого смысла. Под первой надписью обнаружилась более короткая последовательность из тех же знаков, но в другом порядке: две группы по три символа, затем одна из пяти. Очевидно, это был некий шифр, но я не был сведущ в криптографии и не знал, как разгадать его. Возможно, подумал я, с этим справится Сидни, ведь он, в отличие от меня, готовился к секретной службе. Так что я взял перо и перенес на другой лист все знаки точно в той последовательности, в какой они проявились на странице. Вот, подумал, задам я Сидни задачку.

Но, копируя первые три строки, я подсчитал, что эти странные символы образуют ряды по двадцать четыре символа в каждом и всего таких рядов три. Тут я призадумался. Двадцать четыре соответствует числу букв английского алфавита, но не слишком ли это примитивно для шифра? Тем не менее попробовать стоило. На своем листке я подписал английские буквы под первыми двадцатью четырьмя символами. Если это обычный шифр с подстановкой, то следующие группы символов превратятся в слова. Я подставил под символы в группе из трех знаков буквы, и, когда я увидел результат – O-R-A, – пульс мой участился. Я поспешно надписал буквы под следующими двумя словами – из

Аккуратно сложенный листок отправился под мою подушку, а сам я с облегчением растянулся на постели и стал соображать, зачем Роджеру Мерсеру понадобилось писать эти слова – отрывок из католической литании – невидимыми чернилами на последней странице дневника. В задумчивости я прикрыл глаза: надо было собраться с мыслями, подготовиться к вечернему диспуту, от которого зависит моя репутация в Оксфорде. Но, видимо, я задремал и проснулся от неистового стука в дверь. Я так и подскочил на кровати, слегка напуганный.

– Отворяй, во имя Христово! – орал мужской голос.

Господи, неужто еще кого-то убили?..

Дверную ручку дергали, так и норовя оторвать, пока я вылезал из-под простыни и натягивал на себя чистую рубаху. Когда же я кое-как оделся и распахнул дверь, передо мной предстал Сидни, взволнованный, нетерпеливый, но безукоризненно одетый с головы до ног в зеленый бархатный костюм с таким высоким воротником, что голова его казалась лежащей на блюде, как голова Иоанна Крестителя.

– Иисусе, Бруно, я прибежал, как только услышал об этом! – Оттолкнув меня, он ворвался в комнату, на ходу снимая перчатки. – Я еще и не позавтракал толком, слышу, слуги между собой болтают: мол, в колледж ночью забрел хищный зверь, какое-то чудище, людей насмерть грызет! – Он оглядел меня с ног до головы, ужас на его лице был уже скорее наигранным, нежели искренним. – По крайней мере, руки-ноги у тебя целы, благодарение Богу!

– Филип, сегодня утром на моих глазах погиб человек! – мрачно сообщил я.

– Вот именно об этом и расскажи-ка мне поподробнее, – живо подхватил он. – давай, дружище, одевайся. Свожу тебя на обед.

– Который час? – встревожился я.

И так было ясно, что проспал я дольше, чем следовало: живот от голода подвел. Но я даже не заглянул в свои заметки, хотя диспут намечался на пять часов.

– Только что пробило час. – Сидни принял бродить по комнате, от ничего делать перебирая мои книги, а я тем временем искал чистые штаны и камзол. – Один паренек у нас в колледже Церкви Христовой говорил, будто в колледж забрался волк, но я не очень-то верю. Ты все видел собственными глазами?

– Завтра будут говорить, лев, – проворчал я. – Студентам тут скучно, что угодно насочиняют. Но я и сам хотел тебе все рассказать, потому что многое в этой истории меня смущает. Надо, чтобы ты взглянул на одну вещь. Однако сначала неплохо бы поесть.

Я вытащил из-под подушки дневник и, сунув его под камзол, застегнул все пуговицы сверху донизу. Сидни с любопытством наблюдал за моими действиями.

В воздухе по-прежнему висела сырость, однако небо просветлело. Через башенные ворота мы вышли на Сент-Милдред-Лейн и свернули к югу, мимо высокого шпиля церкви Всех Святых. На Хай-стрит остановились, пропуская двух всадников, затем оказались на грязной, размытой дождем улочке. Хорошо, что я сообразил надеть дорожные сапоги.

Мимо нас торопливо пробегали небольшие группы одетых в короткие черные мантии юношей, на ходу болтая друг с другом. В конце улочки Сидни свернул за угол и подвел меня к двухэтажному зданию с вывеской, на которой масляной краской было выведено: «Постоялый двор Пиквотер».

Мы прошли в калитку и оказались на заполненном людьми дворе: кто вел лошадей в конюшню, кто разгружал с телег тяжелые бочки. Здание гостиницы охватывало три из четырех сторон квадрата; вдоль каждой стороны здания тянулись балконы с видом на двор.

Мы вошли в дом. В дальнем конце залы в камине пыпал огонь, и все помещение было в дыму. Вдоль стен тянулись длинные, грубо сколоченные столы и скамьи,

Джордано Бруно Ересь filosoff.org

за многими столами уже сидели обедающие, жевали и одновременно разговаривали. Окошко для подачи еды было прорублено в стене против камина; раскрасневшаяся баба в фартуке сновала между этим люком и столами, таскала блюда, оловянные кружки, то и дело на ходу отбрасывая с лица влажную прядь волос. При виде нас затравленное выражение на ее лице сменилось радостью. Трактирщица кинулась к нам, вытирая руки о фартук.

– Сэр Филип! Вот радость-то! Мы слыхали, что вы снова в Оксфорде! Говорят, вас целая процессия встречала!

– Насквозь промокшая процесия, да и встречали не меня, Лиззи, – ответил Сидни, снимая шляпу и торжественно кланяясь. – Позволь представить тебе моего итальянского друга, доктора Джордано Бруно.

– Buongiorno, signorina,[13] – поклонился я, не желая уступить Сидни в любезности.

– Очень рада, очень рада, – захихикала трактирщица, ее огромная грудь заколыхалась.

– Ну, Лиззи, устрой-ка нам тихий уголок, кувшин пива, лучший пирог из дичи, какой у тебя найдется, и свежего хлеба.

Улыбка на лице трактирщицы сделалась еще шире.

– Садитесь себе в уголок, никто вас не потревожит, – сказала она и унеслась на кухню.

– Я тут всегда раньше обедал, – объяснил Сидни. – От колледжа Церкви Христовой два шага, а компания тут повеселее, чем студент может найти в колледже, сам понимаешь. Накормят нас тут от пуз, я никогда не жалел чаевых. А теперь, Бруно, рассказывай!

Он откинулся к стенке и сложил руки на груди, приготовившись слушать. Слишком уж легко воспринял он смерть ученого, подумалось мне. Для него это просто занимательный рассказ, все равно что для Габриеля Норриса. Впрочем, возможно, допустил я, такова уж манера богатеньких мальчиков: отсутствие забот наводит скучу, а тут, наконец, подвернулось приключение. Я уж было и рот раскрыл, но Лиззи принесла кувшин пива, две кружки и буханку хлеба. Сидни тут же оторвал горбушку, протянул мне.

С набитым ртом я принялся рассказывать обо всем, что случилось с тех пор, как утром меня разбудил яростный собачий лай и рычание. Когда я упомянул о запертых калитках, легкомысленное выражение соскользнуло с лица моего приятеля, он подался вперед, глаза его вспыхнули.

– Подозреваешь, что дело нечисто? – спросил он, но тут вновь явилась трактирщица, доставив нам блюдо с пышным мясным пирогом.

Дождавшись ее ухода, я торопливо рассказал о своем визите в комнату Роджера Мерсера, о том, как меня застиг там Слайхерст, и о чем поведал мне старый привратник. Когда я закончил, Сидни присвистнул.

– Непростое дельце, – покачал он головой. – Значит, ты думаешь, кто-то нарочно спустил на него пса и кинулся обыскивать его комнату, в которой было что-то важное?

– В том-то и загадка. Что-то важное, однако не для всех, потому что злоумышленника не интересовали ни десять фунтов золотом, которые Мерсер имел при себе, ни сундук с деньгами в его комнате. Вот чего я никак не могу понять: кто-то заманил Мерсера в сад, скорее всего назначив ему там встречу, и, судя по всему, этому-то человеку Мерсер нес деньги. Так почему же он не забрал деньги, прежде чем натравить на него пса?

– А если это был не кредитор? – с полным ртом возразил Сидни. – Может быть, это был продавец?

Я нахмурился.

– Что же он собирался покупать в столь ранний час? Что-то запрещенное?

В глазах Сидни мелькнула усмешка, на губах заиграла ухмылка.

– Подумай, Бруно, что покупает мужчина под покровом ночи?

Я тупо уставился на него, потом сообразил:

– Потаскушка? Но в таком случае проще было не торчать на холоде, а наведаться в городской бордель, – покачал я головой. – даже если он ждал там шлюху, получается, кто-то еще знал, что Мерсер будет там в этот час, и этот кто-то имеет ключи от калитки. К тому же все это вовсе не объясняет, зачем обыскивали его комнату. Что-то очень важное пытались там найти – все перевернуто вверх дном, вещи разбросаны: тот, кто рылся в комнате, во что бы то ни стало хотел «это» найти.

– Ты утверждаешь, что «это» – что бы оно ни было – интересует как минимум двух человек, казначея и того, кто побывал в комнате до тебя. – Сидни, в свою очередь, нахмурился, но тут же смил озабоченность добрым глотком пива. – Другое странно: зачем убивать человека настолько изощренным способом, да еще и не быть уверенным, наступит ли ему конец. Раз уж решил прикончить, куда проще зарезать, когда человек вышел в сад один, безоружный. Кто может поручиться, что пес загрызет его до смерти?

– Ты сам охотник, – сказал я, отрезая себе очередной кусок пирога. – Разве нельзя такого пса выдрессировать, приучить к определенному запаху, чтобы он какого-то человека считал своим врагом или добычей?

Сидни призадумался.

– Пожалуй, можно. Собака идет по следу кабана, волка – почему бы и не человека? Можно было дать псу понюхать какую-то одежду этого Мерсера. У ирландцев волкодавы участвовали в битвах, они могут тяжеловооруженного рыцаря стащить с коня. Опять же, ты говоришь, что пса морили голодом, значит, его охотничьи инстинкты обострились. – Упервшись локтями в стол, Сидни задумался. – Такое впечатление, что этот пес – часть некоего замысла, постановки. Перед нами разыграли спектакль, кровавый спектакль. Человек погибает, запертый в клетке с кровожадным чудовищем. Погоди-ка, – пробормотал он, снова закидывая в рот кусок хлеба, – ведь таким способом римляне казнили первых христиан – бросали их на арену и выпускали хищников. Джон Фокс пишет об этом в «Книге мучеников».

Я замер, не донеся до рта кусок. Так и сидел с отвисшей челюстью, таращась на Сидни.

– Что ты? – Сидни тоже перестал жевать.

– «Книга мучеников». Ректор только о ней и говорит. Проповеди в часовне колледжа на этот текст читает.

Сидни свел брови к переносице:

– Хочешь сказать, кто-то решил избавиться от Мерсера, а вдохновение черпал у Фокса? – Сидни такая версия, похоже, не убеждала.

– Думаешь, притянуто за уши? Возможно, я чересчур много об этом думаю. Ты прав: скорее всего, это скора из-за долгов или из-за женщины. Неудивительно, что ректор хочет все замять, тем более сейчас, когда в Оксфорде высокие гости.

Сидни выдержал паузу и вдруг с размаху врезал ладонью по столу.

– Нет, Бруно, ты прав! Все это очень подозрительно. Собаку впустил в сад человек, у которого был ключ, то есть кто-то из старших членов колледжа или, по крайней мере, кто-то, кто имеет доступ к ключам. По меньшей мере двум людям что-то было нужно от Мерсера, но не его деньги. Возможно, чем-то он им угрожал, что-то о них знал. А если благодаря ректору все в колледже до тошноты наслушались о мученичестве святых, то это могло подсказать идею. Быть может, преступник умышленно воссоздал сцену из книги. Но в чем причина? Ты что-нибудь нашел в его комнате?

– Только это, – сказал я, передавая ему тонкую книжицу. – Взгляни, что сразу бросается в глаза?

Сидни перелистнул несколько страниц и поднял на меня посеребреневший взгляд:

– Григорианский календарь. Так значит, он все-таки был тайным папистом, как и его друг Аллен?

– Перед смертью он взывал к Деве Марии.

– Я бы тоже воззвал к Марии, если б такая псина вцепилась мне в задницу, – проворчал Сидни, вертя в руках дневник. – Это еще ничего не значит. Другое дело календарь: для чего он нужен, если не для переписки с католиками? Эдмунд Аллен сейчас в Реймсе, так? Он ведь в родстве с Уильямом Алленом, который основал там Английский колледж?

– Кузен, как мне говорили. Ты думаешь, Мерсер поддерживал связь с ним?

Сидни огляделся по сторонам и понизил голос.

– Не забывай, зачем мы сюда приехали, Бруно! Для Уолсингема эти семинарии в Реймсе и Риме – головная боль. Они получают из Ватикана кучу денег и пачками готовят попов для миссионерской деятельности в Англии. Бывших оксфордских профессоров среди них немало. – В задумчивости Сидни подергал себя за бородку, потом оставил ее в покое и вновь взялся за тетрадь Мерсера.

– Что это за кружок? – ткнул он пальцем в похожий на колесико символ. Им был отмечен вчерашний день.

– Не знаю, но он часто встречается. Наверное, какой-то шифр?

Сидни взгляделся внимательнее и покачал головой:

– Что-то знакомое, но пока не припоминается. Похоже на твои магические символы, Бруно.

Меня это не порадовало. Я уж и сам думал: не иначе как Роджер интересовался магией. Тем не менее этот символ не был мне знаком и оттого еще более интриговал меня.

– Во всяком случае, это не астрологический символ, за это я ручаюсь, – сказал я. – Но это еще не все: ты понюхай страницы.

Заранее поморщившись, Сидни поднес тетрадь к носу.

– Апельсин?

– Да. Глянь в конец книжки.

Он пролистал страницы, затем поднял голову и кивнул – будь я тщеславен, я бы сказал, с восхищением:

– Отличная работа, Бруно. Добрый старый трюк, невидимые чернила из апельсинового сока. А саму запись ты нашел?

– Зашифрованную. Я ее переписал, – сказал я, бросая на стол клочок бумаги с латинской молитвой. – Видишь, что написано в самом низу?

– *Ora pro nobis.* Ну-ну... – Сидни аккуратно сложил листок и вернул его мне. – «Молись за нас». Возможно, это пароль или тайный сигнал.

– Я так и подумал. Сообщим Уолсингему?

Сидни призадумался, покачал головой:

– Пока не о чем сообщать. Мы подозреваем в симпатии к католикам человека, который уже мертв. Уолсингем нам спасибо не скажет, если мы будем по пустякам отнимать у него время, так что не стоит тратиться и посыпать гонца в Лондон, пока мы не раздобудем сведения поинтереснее. Было бы хорошо, если бы ты продолжил расследование, только очень осторожно, – добавил он, закрывая книгу и возвращая ее мне. – Тем более если ректор, как ты говоришь, старается все скрыть. Возможно, ему что-то известно. Хотя мой

дядя сам назначил его на эту должность, это еще ничего не значит. Графу и прежде случалось доверяться ненадежным людям. – Губы Сидни вытянулись в ниточку. – Кто такой этот «Дж»? Есть идея?

– Здесь я знаю только двоих с инициалом «Дж», – ответил я. – Джеймса Ковердейла и Джона Андерхилла, ректора. Но, возможно, это вовсе не инициал, а опять же код.

Сидни угрюмо кивнул.

– Возможно. Тут есть над чем подумать. Но пока что, дорогой мой Бруно, – улыбка вдруг осветила его лицо, – ты ни о чем не думай, готовься к диспуту. Порази Оксфорд своей новой космологией, а об этом деле пока забудь. Лиззи, давай счет! – крикнул он, заметив, что трактирщица обернулась к нам. – И большую бутыль крепкого эля на дорогу, – весело добавил он, выуживая монеты из кошелька. Трактирщица побежала за элем, а Сидни, подаввшись ко мне через стол, подмигнул. – Угостишь своего друга привратника. Так уж заведено в Оксфорде: самые осведомленные люди – привратники. Подружись с привратником, и он откроет перед тобой все двери, буквально и фигулярно. А теперь, Бруно, – хлопнул он меня по спине, – ступай и разберись с этим вопросиком: вертится Земля вокруг Солнца или все-таки наоборот?

Я тоже поднялся и собрался уже покинуть трактир, как вдруг у меня за спиной раздался громкий смех, крики. Дверь распахнулась, и в зал ввалилась дружная компания – четверо юношей, все, как на подбор, высокие, в дорогих кожаных куртках, шелковых камзолах и коротких панталонах с прорезями, сквозь которые видны были крепкие мускулистые ноги в тонких шелковых чулках. У каждого через плечо переброшен короткий бархатный плащ, топорщатся накрахмаленные кружевные воротники. Эти ребята даже двигались и жестикулировали одинаково, говорили громко и грубовато подшучивали над трактирщицей. Но речь их, совершенно очевидно, была речью образованных людей, и, когда парни подошли ближе, в самом высоком из них я признал Габриеля Норриса. Он тоже меня заметил и поднял руку, приветствуя.

– *Il gentile dottore!* [14] – крикнул он и поманил друзей к нашему столику. – Сюда, ребята, познакомьтесь с моим другом, знаменитым итальянским философом доктором Джордано Бруно и с... – Тут он присмотрелся к Сидни, признал в нем джентльмена и отвесил низкий поклон, а затем обернулся ко мне, ожидая, что я его представлю.

– Это мастер Габриэль Норрис, – объявил я, и Норрис вновь поклонился. – Тот самый, который столь метко сразил нынче утром стрелой бешеного пса. А это мой друг сэр Филип Сидни.

– Вы, значит, славный охотник? – насмешливо изогнул бровь Сидни.

– Хвастаться особо нечем, сэр, пес был в нескольких шагах от меня. Я предпочитаю целиться из лука в не столь легкую добычу. – Норрис легкоизменно рассмеялся и добавил: – Однако в шотовере охота хороша, и если вы хотите позабавиться, пока вы тут, в Оксфорде, сэр Филип...

– С удовольствием, как только небо прояснится, – откликнулся Сидни. – Вас, значит, зовут Норрис? Кто ваш отец?

– Джордж Норрис, джентльмен из Бэкингемшира, – с очередным поклоном отвечал Норрис. – Но большую часть жизни он провел во Франции и во Фландрии.

Сидни покачал головой:

– К сожалению, он мне не знаком. Во Франции, говорите? В изгнании?

– О нет, – рассмеялся Норрис. – Он купец. Торговал одеждой и всякой роскошью. Мастер своего дела. – Он широко улыбнулся и сделал общепринятый жест пальцами, словно считал деньги. Я уже начал привыкать к его разухабистым манерам. – Выпьете с нами? – весело продолжал парень и полез в кошелек за деньгами. – Эй, там! Девчонка! – нетерпеливым жестом он призвал к себе Лиззи. – Мои друзья надеются разбогатеть, выиграв у меня в очко, но меня в этом триместре никто ни разу еще не побил в этой игре. Вы играете, сэр Филип? А вы, доктор Бруно?

Я отмахнулся от него, но в глазах Сидни вспыхнул огонек, и он, потирая

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
руки, подвинулся на скамье, освобождая место для Норриса.

- Из философов картежники никакие, – сказал он и жестом велел мне тоже подвинуться, чтобы усадить приятелей Габриеля.
- Так пусть доктор Бруно останется и поучится у нас. – Улыбка на лице Норриса сделалась еще шире. Он полез в карман камзола, достал колоду карт и принялся тасовать их легко и умело, как заправский игрок.

И тут я понял, что меня смущает в этом парне и в этой сцене: сама по себе снисходительная приветливость английских джентльменов, их манера с размахом хлопать по плечу давно уже не задевала меня. Я вполне привык к такому поведению Филипа. Но вот то, что Сидни с такой непринужденностью присоединился к компании юных бездельников... А мне среди них делать нечего. И страх, что их общество он предпочтет моему. Вновь этот укол в сердце, укол одиночества. Чувство, знакомое каждому изгнанику: я здесь чужой, я никогда не стану своим.

Норрис хлопнул засаленной колодой по ладони и принялся быстро и ловко сдавать карты.

- По шиллингу с носа для разгона? Если хочешь сохранить свои денежки, Тоби, – обратился он к темноволосому юноше напротив, – начинай прямо сейчас молиться святому Бернардину Сиенскому, покровителю игроков: я нынче в ударе.
- Молиться святому, Гейб? – юнец по имени Тоби хитро усмехнулся, собирая и рассматривая свои карты. – Кто-нибудь тебя услышит и решит, будто ты заделался папистом.

Норрис пренебрежительно фыркнул:

- Шучу я, дурачина. Приличные люди за столом не говорят о богословии. А правда ли, доктор Бруно, будто ваш земляк помогает картежникам? Я имею в виду, правда ли, будто так говорят те, кто верит в подобные глупости, – пренебрежительно добавил он, швыряя на стол горсть монет.
 - Вообще-то в Италии он больше прославился обличением содомитов, – ответил я, поднимаясь из-за стола.
- Норрис резко обернулся, глаза его засверкали.
- В самом деле?
 - Он сокрушался о том, что в последнее столетие итальянцы прославились на всю Европу как нация содомитов.
 - И вы из их числа? – искривил он в усмешке рот.
 - Мы величайшая нация во всем и всегда, друг мой! – иронически бросил я.
 - Бруноолжизни провел в монастыре. – Перегнувшись через стол, Сидни ткнул Норриса в ребра. – Ему ли не знать.

Все дружно расхохотались, потянулись к здоровенным кувшинам эля, которые Лиззи только что водрузила на стол.

Пора идти, твердо решил я.

- Желаю вам ограбить друг друга с помощью святого Бернардина, – сказал я нарочито легкомысленным тоном. – А у меня дела.
- К пяти часам вечера Бруно должен переустроить Вселенную, – не поднимая глаз от карт, сообщил Сидни.
- Нам всем не терпится послушать, – откликнулся Норрис.

Он внимательно рассматривал свои карты, но вдруг с лицом вспотевшим всплыл на стол бубнового туза и сгреб со стола все монеты. Проигравшие разразились бранью. Никто и не обернулся, когда я выходил.

Пройдя в высокие деревянные двери, я очутился под сводчатым потолком из светлого камня в просто и красиво обставленной комнате длиной футов сто. Десять высоких окон поднималось от пола до потолка с обеих сторон – казалось, будто северная и южная ее стена целиком состоят из стекла. Я подумал, что столь прекрасного здания, как школа богословия, я еще не видел в университете.

Присмотревшись, я отметил, что все окна в расписных рамках, на которых изображены щиты и гербы различных покровителей университета и его выдающихся членов. По потолку расходились симметричные узоры, которые спускались к статуям в нишах. Сильно пахло воском от множества свечей, ламп и закрепленных на стенах факелов: при дюжине высоких окон зал все-таки нуждался в дополнительном освещении, ибо небо все еще было затянуто тучами, а день клонился к вечеру.

На западном конце зала возвели подобие театральной сцены, на которой для почетных гостей расставили стулья с высокими спинками и пухлыми бархатными подушками. Пфальцграф уселся посередине, Сидни по левую руку от него, а вице-канцлер в отделанной горностаями мантии – справа; далее полукругом сидели другие старшие члены университета в черно-алых мантиях и бархатных беретах – профессора и доктора, звания которых можно было угадать по степени удаленности от почетного гостя. Весь зал был заполнен мужчинами в мантиях членов колледжа, а в просторной нише поставили две резные деревянные кафедры. Кафедры предназначались для оппонентов – нам с доктором Андерхиллом пора было занять свои места.

Совсем далеко, у восточного конца зала, стояли низкие скамьи для студентов. Молодые люди торопливо вбегали в зал, толкаясь, чтобы занять места получше, и все еще болтая на ходу. На миг, когда я всходил по ступенькам туда, где мне предстояло провести ближайший час, желудок скжала спазма, но, увидев перед собой эти ряды оживленных, ожидающих глаз, я, как всегда, почувствовал восторг предстоящего публичного выступления, тем более что это был первый мой диспут в Англии. Сейчас начнется – я ждал поединка с таким же нетерпением, с каким дуэлянт ждет схватки на шпагах.

Последний взгляд влево, на сцену: Сидни весело подмигивает мне, пфальцграф развалился подле него, ковыряет ногтем в зубах. Во втором ряду я узнал Ковердейла, Слайхерста и Уильяма Бернарда. Ковердейл ответил мне спокойным взглядом, а Слайхерст оглядел меня с ног до головы, не моргая, холодно и недобро, а затем подчеркнуто – так, чтобы я не мог этого не заметить, – отвернулся. Бернард сложил костлявые руки и быстро кивнул мне; полагаю, это было поощрение. Доктор Андерхилл взошел на кафедру, встал против меня и подался вперед, демонстрируя готовность к бою. Глубокая тишина воцарилась в зале. Я откашлялся. Приступаем.

Незадолго до описываемого часа, а именно без четверти пять, ко мне в комнату явился студент, отряженный проводить меня в школу богословия. Крепкий и неглупый с виду молодой человек с темными волосами отрекомендовался Лоренсом Уэстоном и пояснил, что ректор поручил ему показать мне дорогу в школу богословия, поскольку сам ректор отправился туда заранее. Я воспринял это как жест вежливости и гостеприимства и охотно последовал за молодым Уэстоном через двор к воротам. Как раз в этот момент из башни вышли двое слуг, тащившие вдвоем большой деревянный сундук, а за ними шел третий, нагруженный книгами.

– Уже начали разбирать вещи доктора Мерсера? – спросил я Уэстона, стараясь не выдать тревоги. Юноша пожал плечами: его это мало касалось.

За воротами, на Сент-Милдред-Лейн, мы наткнулись на привратника Коббета: он стоял и терпеливо следил за тем, как его старый пес прудит под стеной колледжа.

– Добрый день, доктор Бруно, – жизнерадостно окликнул он меня и даже рукой помахал. – Идете обменяться с ректором парой ласковых?

– *Buona sera,* [15] Коббет, – ответил я, взмахом руки указывая на оставшуюся за спиной башню. – Я так понял, комнату заместителя ректора уже прибирают.

Коббет захихикал:

- У нас с этим тянуть не любят, на такие апартаменты охотников немало. Доктор Ковердейл спешит переехать.
- Значит, должность перейдет к нему?
- Официально пока не решено, однако это его не останавливает. Хватит, Бесси, пошли домой. – Старая сука справила нужду и захромала в сторону ворот. Коббет ее легонько подталкивал. – Кстати, доктор Бруно, для вас еще одна загадка подвернулась. – Он снова усмехнулся, выставляя напоказ черные пеньки зубов.
- Какая? – Я замер на месте, весь внимание.
- Запасной ключ от комнат доктора Мерсера. Я говорил, он куда-то пропал из моей каморки. Так вот, нынче днем мастер Слайхерст возвратил мне его. Сказал, что нашел на северо-западной лестнице чуть ли не под дверью башенной комнаты. Кто уж там взял его?.. Верно, обронил накануне и не заметил, на лестнице-то почти весь день темно. Что ж, теперь у меня полный комплект ключей имеется для нового заместителя.
- Потерял на лестнице? Но зачем казначей бродил там? – спросил я, не понимая, как объяснил Слайхерст еще и эту ложь.
- Наверное, шел в хранилище. – Привратник со своим медлительным псом добрался до ворот, распахнул их и обернулся напоследок ко мне. – Удачи в диспуте, сэр, – пожелал он. – Пусть победит сильнейший.
- Благодарю вас, – откликнулся я.

Признаться, новость изрядно сбила меня с толку. Очевидно, Слайхерст забрал тот самый «пропавший» ключ и воспользовался им, чтобы войти в комнаты Мерсера. Если бы в комнату погибшего его послал ректор, не пришлось бы изобретать ложь для привратника.

- Сэр, нам бы поторопиться, вас ждут к пяти. – Уэстону явно было неловко давать мне указания.

Я кивнул. В самом деле, не стоит отвлекаться на замки и ключи, когда мне предстоит перед всем Оксфордом обсуждать законы мироздания.

- Да-да, извините. Поспешишь, – сказал я.

– Говорят, вы были там сегодня утром, когда Гейб Норрис пристрелил пса. Вы все видели своими глазами, сэр?

Мальчишеское возбуждение прорвалось в голосе Уэстона. Мы свернули на Брейноз-Лейн, в узкий проход вдоль северной стороны колледжа. Под ногами было влажно и скользко, а уж воняло так, будто весь колледж приходит сюда мочиться. Стараясь не дышать, я шагал вслед за Уэстоном, а тот все оборачивался, чтобы заглянуть мне в лицо.

– Я был там. Но мы опоздали. Никогда себе этого не прощу. Молодой Норрис отлично стреляет, подоспей он минутой ранее, бедный доктор Мерсер мог бы остаться в живых.

Уэстон надулся.

– Таким, как Гейб Норрис, больше делать нечего, знай себе спортом занимаются. Ему наплевать, получит он диплом или не получит: для него университет – развлечение, болтается тут в шикарных лондонских нарядах. Не то что мы, бедняки, нам кроме церкви ничего не светит! – И он сердито рассмеялся.

– Я так понимаю, Гейб вам не очень по душе? – усмехнулся я.

Уэстон немного смягчился:

– Да нет, он парень неплохой. Но я против того, что в университет пускают коммонеров. Ученое сообщество должно быть сообществом равных, а из-за этих

мы острее чувствуем, кто беднее, кто богаче, кто из какой семьи. И противно смотреть, как мало они занимаются. Гейб Норрис еще не самый худший, он щедр и вовсе не глуп, не то что некоторые. А вы знаете, что у него и лошадь своя есть? – Уэстон даже остановился. – Породистый жеребец, такого не каждый день увидишь. Он поставил его в конюшню за городом, потому что студентам не полагается держать лошадей. Но Гейб делает все, что вздумается, кто ему запретит?

– Похоже, он очень уверен в себе. Думаю, и с женщинами он тоже не промах, этот красавчик.

Уэстон покосился на меня, изогнул уголки губ в ироничной улыбке.

– Думаете? Ну, думайте-думайте, – проворчал он. Лукавая улыбка и эта интонация – трудно было не догадаться.

– Вон что, – присвистнул я. – Так мастер Норрис не женщинами интересуется?

– Я про него сплетничать не стану, сэр. Понятия не имею, как и чем он живет, но слухи бродят.

– Мало ли что наплутут от зависти, – возразил я, примеряясь к его шагу. – Что дало повод для сплетен, вы можете сказать?

Уэстон смущенно глядел себе под ноги.

– Ну, во-первых, он в бордели не ходит.

– Из этого не следует, что он содомит, – возразил я, хотя втайне готов был разделить это подозрение: очень уж Норрис был наряжен и изыскан. К тому же мне припомнилось выражение его лица, когда я заговорил о святом Бернардине и содомитах. – Вы бы поосторожнее распускали сплетни, ведь в вашей стране содомитов вешают, насколько мне известно.

– Вы правы, сэр. Конечно же вы правы, – смутился Уэстон. – Но поневоле мы обращаем внимание. Когда красивая девушка строит парню глазки, а ему наплевать, кто поверит, что это настоящий парень, верно, сэр? – Щеки мальчика разгорелись, сразу было видно, что разговор задел его за живое. Поскольку в тесном мирке этих школьников имелась лишь одна девушка, я без труда вычислил, о ком он говорит.

– Так вы говорите о дочери ректора?

Ничего удивительного в этом не было: отчего бы единственной в колледже девице не заинтересоваться самым красивым и богатым студентом? И все же я почувствовал разочарование. Мне почему-то казалось, что девица такого ума, как София, не поведется на наружность и внешний блеск.

– Она доверилась вам?

– Что вы, нет, сэр! Я просто наболтал лишнего.

Юноша попытался переменить тему, но тут я сообразил, что мы добрались до конца Брейзноуз-Лейн, и по правую руку от нас началась стена внутреннего сада колледжа Линкольна. Утопленная в стене толстая деревянная дверь сейчас была заперта накрепко. Именно через эту дверь волкодава впустили в сад.

– Погодите, – остановил я своего провожатого и присел на корточки, изучая грязь у подножия калитки.

Какие-то следы на ней виднелись, но столько ног прошло с утра по влажной земле, что не осталось ни одного четкого отпечатка. Как же я не догадался сразу же пойти и поискать улики! Поднявшись, я на всякий случай повертел ручку двери, убедился, что она заперта, и шагнул уже прочь, как вдруг приметил что-то в траве под калиткой. Я вновь опустился на корточки и вытянул на свет тонкую полоску кожи, с одного конца разорванную и похожую на короткий собачий поводок. На всякий случай я засунул находку в карман, хотя не был уверен в том, что она пригодится.

– Сэр, мы опоздаем, – торопил меня Уэстон, хотя он с жадным любопытством следил за моими действиями. – Нам только до конца улицы осталось дойти, и

мы на месте.

Улица вывела нас на широкую площадь; справа высилась церковь Святой Марии, а слева над стеной, ограждавшей сад коллежа Эксетера, возвышался шпиль школы богословия. Далеко впереди я различал городскую стену, зубчатые укрепления с бойницами.

Мы свернули за угол, и над нами навис громадный фасад школы богословия. Я снова остановился: должен же был я оглядеть это здание с его башенками над высокими сводчатыми окнами.

Обычно с такой помпой возводятся лишь церковные здания, но это светское строение подражало собору и было ничуть не менее помпезно, чем церковь Сан-Доменико Маджоре в Неаполе, где я начинал свое обучение. Смутившись, пожалуй, при мысли, что твои слова будут эхом разноситься под столь величественными сводами. Я собрался было поделиться этими соображениями со своим проводником, но тут неприятное покалывание в затылке дало мне знать, что кто-то за мной наблюдает.

Я обернулся: к почерневшим камням городской стены, сложив руки на груди, привалился какой-то человек, откровенно и нагло взирающий на меня. Одет он был в старую кожаную куртку и штаны из поношенной коричневой ткани, волосы спереди уже основательно поредели и свисали на затылок, оставляя обнаженным высокий лоб; лицо было в осинах. Угадать его возраст не представлялось возможным – то ли мой ровесник, то ли перевалил уже за пятьдесят, – однако всего удивительнее и ужаснее в нем было отсутствие ушей. На их месте бугрились уродливые шрамы – признак того, что этот человек был наказан за уголовное, хотя и не заслуживающее петли преступление.

Безухий следил за мной, не отводя спокойного, наглого взгляда. Злобы в этом взгляде не было, скорее любопытство да легкая насмешка. Я даже не мог толком сообразить, следует ли он специально за мной или же это карманник, выжидающий удобного момента, чтобы вытащить у кого-нибудь кошелек в толпе, которая собирается на диспут.

Путешествуя по Европе, я не раз подмечал, что мелкие уголовники заведомо считают образованных людей богачами, хотя по своему опыту знал, что образование с богатством вовсе не дружит. Что ж, если этот человек действительно присматривается к чужим кошелькам, надо отдать должное его смелости: повторный арест означает для него смерть на виселице.

В другой ситуации я бы ответил таким же вызывающим взглядом, но сейчас времени терять было нельзя, а потому я повернулся спиной к безухому, а лицом к главному входу школы богословия и хотел было уже подняться по ступеням, однако Джеймс Ковердейл – доктор Джеймс Ковердейл, спешивший вниз по этим самым ступеням и расталкивающий толпу юнцов в черных мантиях, – преградил мне дорогу. Увидев меня, он остановился, и на лице его выражилось облегчение.

Краем глаза я заметил, что коричневая фигура у городской стены пошевелилась и сделала шаг вперед. Ковердейл тоже заметил это движение и уставился на безухого; тот вроде бы слегка кивнул. Эти двое явно узнали друг друга. Ковердейл как-то странно смотрел на того человека – и возмущение было на его лице, и глубокая озабоченность. Наконец, он нацепил на лицо улыбку – несомненно, ради меня – и, легонько подхватив меня под локоть, повел вправо от входа, подальше от любопытствующего взгляда безухого.

– Спасибо, Уэстон, что доставили нашего гостя в целости и сохранности. Можете присоединиться к своим друзьям, – любезно отпустил он моего юного проводника.

Уэстон поклонился мне и галопом понесся вниз по ступенькам, в толпу приятелей.

– Доктор Бруно, не могли бы мы приватно переговорить, прежде чем зайти в школу? – забубнил мне в ухо Ковердейл. – Не беспокойтесь, времени достаточно, высокий гость еще не прибыл, а без него мы начать не можем.

Я безучастно кивнул: никто и не надеялся, что пфальцграф прибудет вовремя ради моей персоны. Я изобразил на лице вежливое внимание; Ковердейл мучился, подбирая слова.

- Предстоит расследование обстоятельств смерти несчастного доктора Мерсера, и всех, кто первыми прибыли на место происшествия, попросят дать свидетельские показания, – выдавил он из себя наконец и крепче скжал мой локоть, то ли ободряя, то ли угрожая. – Насколько я понимаю, вы там оказались почти сразу же вместе с ректором и мастером Норрисом.
- Безусловно, и я с радостью отчитаюсь обо всем, что видел. Надеюсь, что мне удастся это сделать до того, как мои спутники соберутся возвращаться в Лондон, – сказал я, выжидая, что к этому добавит мой собеседник.
- Но только... ха-ха... – У Ковердейла вырвался короткий нервный смешок. – Ректор сказал, вы решили, будто садовая калитка, что выходит на Брейзноуз-Лейн, была заперта в тот момент, когда вы обнаружили бедного Роджера.
- Да, я проверил, она была заперта. И обе другие калитки тоже.
- Вот именно: когда я это услышал, сразу понял, что вы-то в колледже впервые, потому и не знаете, что у калитки, выходящей на улицу, ручку сильно заедает.

Я только бровь приподнял.

– Да-да, – продолжал Ковердейл, пряча глаза. – Очень трудно поворачивается, нужна привычка, вот эдак нажать ее, а потом сдвинуть вправо. Я потому говорю об этом, что если вы на дознании скажете, дескать, калитка была заперта, сами понимаете, из-за этого только лишние осложнения возникнут, а на самом деле все объясняется просто, да, очень просто и печально. Привратник забыл запереть дверь, в сад забрел одичавший пес, и бедный Роджер поплатился за чужую небрежность. Ужасно, ужасно. – Он прижал руку к груди и сморщил жирную физиономию: так, по-видимому, в его представлении выглядела маска скорби. – Но если поднимутся разговоры о запертых калитках, это даст основания подозревать какой-то умысел, заговор там, где его вовсе нет.

Я с трудом верил своим ушам. Вырвал у Ковердейла руку и повернулся так, чтобы смотреть ему прямо в лицо. Студенты, поднимаясь по лестнице, проходили чересчур близко от нас, и пришлось понизить голос до шепота.

– Доктор Ковердейл, калитка была заперта, у меня нет на этот счет ни малейших сомнений. Я сам проверял. Но даже если бы она была не заперта и пес вошел в нее, как мог он закрыть ее за собой?

– Ветер захлопнул, – отмахнулся от вопроса Ковердейл.

Неужели он думает, что я, ученый, могу вот так запросто пренебречь свидетельством собственных глаз?

– Ветер нагло захлопнул тяжелую деревянную калитку? Я был там, доктор Ковердейл, мы с ректором перебрали все возможности, – запротестовал я.

– Утром ректор был в растерянности, а потом он спокойно поразмыслил обо всех этих событиях, – не сбиваясь, продолжал Ковердейл, – и пришел к выводу, что в той панике трудно было что-либо увидеть и распознать наверняка, тем более что висел туман. Он и припомнил, какая у той калитки тугая ручка, и понял, что это обстоятельство могло сбить с толку иноземца. Коронер, который будет проводить расследование, конечно же примет во внимание, что вы еще толком не знаете нашего колледжа. Я только потому заговорил об этом, что, если вы будете настаивать, будто в этом деле есть некая тайна, это лишь усложнит и затянет расследование, столь мучительное и горестное для всех близких доктора Мерсера. Стоит ли добавлять к трагедии нелепые подозрения и слухи?

Я смотрел на него, не веря своим ушам. Значит, обстоятельства смерти Роджера будут переиначены так, чтобы ни малейшая тень не упала на колледж, и в результате убийца останется безнаказанным. Покрывают ли они таким образом преступника, который им известен, или для них главное – честь корпорации? Соблюдает ли ректор свое обещание провести частное расследование? Весьма сомнительно: ведь он больше всех профессоров беспокоился о престиже колледжа.

– Полагаю, я должен буду сообщить на следствии то, что я видел, или, как мне кажется, видел, – заговорил я. – Если я заблуждаюсь, то окажусь в дураках, но готов рискнуть, ибо утрачу сон, если солгу или утаю нечто важное от следствия.

Ковердейл прищурился, но, казалось, согласился с моими словами.

– Прекрасно, доктор Бруно, каждый должен поступать по совести. Зайдем? – Он указал жестом на крыльце школы богословия; там толпа уже поредела, большая часть слушателей прошла в зал. – Да, кстати, еще одно странное обстоятельство, – как бы мимоходом добавил он через плечо. – Мастер Слейхерст сообщил мне, что сегодня утром, по пути в хранилище, он услышал доносившийся из комнат доктора Мерсера шум, и, заглянув, кого бы, вы думаете, он застал роющимся в имуществе Мерсера? Нашего почтенного итальянского гостя. Тот пытался открыть сундук с деньгами Мерсера, вот так-то! А привратник сказал, что вы принесли ему связку ключей, которую сняли с покойного.

Дурак я, дурак, подумал я. Пошел к себе в комнату, рухнул на постель и проспал все на свете. Так и не отнес одежду ректору, и нет теперь у меня даже того неуклюжего оправдания, будто я приходил за одеждой. А Слейхерст спас собственную шкуру,бросив подозрение на меня. Выходит, я просто воришак, граблю мертвцев. О той немаловажной детали, что у него самого имелись ключи от комнаты Мерсера, Слейхерст благородно умолчал.

– Я могу объяснить... – начал я, но Ковердейл выставил руку ладонью вперед, прервав мою речь.

– Не сомневаюсь, доктор Бруно, не сомневаюсь ни на миг. Но любой магистрат считет подобное поведение странным, даже подозрительным, а горожане и без того чужеземцев недолюбливают, вы же знаете, особенно из римлян. – Последние слова он произнес почти извиняющимся голосом. – Так что слепой предрассудок может оказаться влияние на их выводы, и, если расследование будет усложнено сверх необходимости, выйдут на свет никому не нужные подробности.

Мы стояли уже у самого входа; я заглянул внутрь и убедился, что зал полон, студенты толпятся, рассаживаются даже на подоконниках. Ковердейл приветливо улыбался. Я посмотрел на него и кивнул.

– Я вас понял, доктор Ковердейл, и непременно подумаю об этом.

– Умница, – радостно похвалил он меня. – Ну конечно же вы сами поймете, насколько это разумно. Войдем?

Я все еще медлил на пороге. Оглянувшись через плечо, я убедился, что безухий все так же стоит, прислонившись к городской стене, и смотрит в нашу сторону. Я тронул Ковердейла за локоть.

– Кто этот человек? – спросил я, кивком указав на него.

Ковердейл взглянул, поморгал и покачал головой.

– Да никто, – резковато ответил он и придержал дверь, пропуская меня.

Готовясь к выступлению, я старался выкинуть из головы этот разговор. Глубочайшую тишину прерывали, как обычно, лишь редкое поскрипывание половиц да шуршание мантий. Я откашлялся и, подавшись вперед, заговорил:

– Я, Джордано Бруно Ноланский, доктор высшего богословия, профессор чистейшей и невиннейшей мудрости, известный лучшим академиям Европы, аттестованный и почитаемый философ, неизвестный лишь варварам и простолюдинам, пробуждающий дремлющий дух, укрощающий предрассудки и закоренелое невежество, проповедующий своими словами и делами любовь ко всему человечеству, не оказывающий предпочтения ни британцу, ни итальянцу, ни мужскому, ни женскому полу, ни епископу, ни королю, ни мантии, ни доспехам, ни мириину, ни монаху. Предпочтение я отдаю лишь тем, чья беседа окажется наиболее мирной и кроткой, наиболее разумной и просвещенной, кто не творит себе кумиров и не поклоняется мертвым догмам посредством

помазания головы, омовения рук, начертания знаков на лбу или обрезания детородного члена, но кто почитает лишь дух и свободный ум, тем, кого ненавидят апологеты глупости и лицемерия, но любят разумные, – я, Джордано Бруно Ноланский, таков, каков я есть, приветствую выдающегося и прославленного вице-канцлера великого Оксфордского университета!

Я низко поклонился в сторону сцены, где восседал вице-канцлер, и выпрямился, ожидая шквала аплодисментов, которых подобное вступление удостоилось бы в любой европейской академии. Признаться, я изрядно растерялся, когда вместо аплодисментов услышал нечто, куда более похожее на смех.

Краем глаза я видел Сидни, тот гримасничал и кривлялся: мол, наговорил с три короба, а все впустую. Как это понимать? В Париже никто бы не удостоил своим вниманием диспут, на котором ораторы не изощрялись бы в риторике и не украшали бы свою речь стилистическими фигурами, сколь бы абсурдны они ни были. Но оказалось, что англичане, по-видимому, предпочитают совсем иное – простоту и скромность. Смеялись уже без малейшего стеснения, смеялись почтенные члены коллежа, а студенты брали с них пример, кривляясь и передразнивая мой акцент – занятие, достойное школьников! Напротив меня развалился доктор Андерхилл, свободно облокотившись на кафедру. Судя по его улыбке, он уже считал себя победителем. Пфальцграф громко и откровенно зевал.

– Категорически отвергаю! – крикнул я, с размаху ударив кулаком по кафедре, а затем выразительно поднял руку, смех умолк, похоже, все слегка растерялись. – Я категорически отвергаю мнение, будто звезды неподвижно закреплены на небесном своде! Звезды небесные той же природы, что и наше Солнце, и не могут отличаться от него, а область хвоста Медведицы не более заслуживает наименования Восьмой Сфера, чем Земля, на которой мы обитаем. Обладающие разумом должны признать, что видимое глазом движение Вселенной происходит от вращения Земли, ибо куда меньше оснований предполагать, будто Солнце и весь бесконечный космос с его бесчисленными звездами вращается вокруг этого крохотного комочка, именуемого Землей. Напротив, разум требует согласиться с тем, что это Земля движется в космосе. И впредь наш разум не должен находиться в пленау представлений об этих восьми или девяти сферах, ибо существует одно лишь небо, глубокое и бесконечное, с неисчерпаемым количеством миров, подобных нашему, и все они движутся по собственным своим орбитам, как вращается по своей орбите Земля.

Я сделал паузу, чтобы набрать в грудь воздуха. Такое начало оказалось, похоже, куда более удачным, нежели моя вступительная речь. Андерхилл воспользовался моментом, чтобы меня перебить:

– Вы это утверждаете, сэр? – довольная ухмылка не покидала его губ. – А мне кажется, дело не в том, что Солнце стоит, а Земля вращается. Кружится ваша голова, и не могут остановиться ваши мозги!

Он обернулся к соотечественникам, рассчитывая на их похвалу, и не был разочарован: громкий хохот приветствовал его тупую остроту и заглушил мой ответ.

С сожалением должен признать, что диспут не имел успеха и не стоит досаждать читателю более подробным его изложением. Все шло все в том же духе: доктор Андерхилл не мог предложить ничего, кроме старых, изношенных Аристотелевых догм и не искал иных доказательств, кроме ссылок на авторитет схоластов, поместивших неподвижную Землю в центр Вселенной. Ректор также заявил, что Коперникова теория есть не истинное описание устройства Вселенной, а лишь условная схема для вычислений. Все эти аргументы мне уже много раз случалось и выслушивать и опровергать в куда более ученых сообществах, нежели это собрание, однако в оксфордской школе богословия у меня не было ни малейшего шанса убедить публику, ибо Андерхилл не стремился изложить слушателям свою позицию, поскольку все присутствовавшие более или менее разделяли его взгляды и не желали выслушать мои хотя бы из простой любезности. Он просто старался высмеять меня, сделать из меня шута перед коллегами.

Так вот как эти люди понимают ученые диспуты, думал я. Кроме того, эта публика была настолько невоспитанна, что ее болтовня, выкрики и замечания временами вообще заглушали нас.

Во время моей горячей речи, в которой я приводил сложные математические выкладки, меня прервал сначала негромкий, но постепенно нарастающий рык. Естественно, после утренних событий подобные звуки пугали: я вздрогнул и взглянул, откуда исходил рык: голова пфальцграфа упала на грудь, и оказалось, что это просто его вельможный храп. Я сбился, а еще через минуту меня отвлек шум в задних рядах: какой-то студент энергично пробирался вперед, расталкивая публику, ему срочно понадобился доктор Ковердейл. Доктор Ковердейл, сидевший в переднем ряду, встал и двинулся к выходу, громким шепотом извиняясь перед каждым из коллег, кто вынужден был встать, чтобы пропустить его. Я не рассчитывал на любезность Ковердейла по отношению ко мне, однако было довольно странно, что он не выказывает уважения своему ректору и покидает зал в разгар дебатов.

В общем, худо-бедно мы подошли к заключительной части, которая очень мало походила на итог научной дискуссии: я привел собственные сложные вычисления диаметров Луны, Земли и Солнца и их взаимных пропорций в таких терминах, что понял бы даже идиот; Андерхилл же в ответ попросту повторил те замшелые глупости, которые разделяют все те, кто путает науку с богословием и считает Святое Писание вершиной ученой мысли. Ректор также позволил себе многократно упомянуть о том, что я иностранец, как будто иностранец заведомо глупее англичанина. Много раз попрекнул он и Коперника за то, что тому не повезло быть уроженцем Благословенного Острова: где уж ему состязаться с крепким умом британца. Крепкий умом ректор совсем упустил из виду то обстоятельство, что диспут был затеян, чтобы почтить соотечественника того самого Коперника.

Я был рад, когда все это закончилось, склонился в низком поклоне перед лицемерными aplodimentами и сошел с кафедры, униженный и оскорбленный.

Зал стремительно пустел, никто из публики не хотел не то что беседовать со мной – встретиться взглядом. Я опустился на стул под окном и сидел в одиночестве, дожидаясь, пока все они разойдутся, чтобы избежать насмешек или, хуже того, сочувствия, но Сидни, энергично проталкиваясь сквозь толпу, уже спешил ко мне со своего почетного места. Он остановился передо мной и сокрушенно покачал головой.

– Сегодня мне стыдно за родной университет, Бруно! – воскликнул он, и два красных пятнышка действительно простили у него на щеках. – Андерхилл – подлый хорек, он крутил и юлил и даже не пытался опровергнуть твои аргументы. Стыд и позор! Не ученый спор, а наглость и самомнение. – Он вновь покачал головой, крепко сжимая губы с таким видом, как будто стыдился самого себя. – Самая скверная черта нашей нации – высокомерие: всех-то мы лучше, всех умнее!

– Мне не повезло, что я хорошо знаю тебя и Уолсингема. – Я потряс головой, словно просыпаясь от дурного сна. – Я-то думал, все англичане мыслят столь же свободно, но как же я заблуждался!

– Кое в чем ты сам виноват, Бруно, – меланхолически заметил Сидни. – Что это было за вступление?

– В Париже оно принесло мне славу.

– То в Париже. У нас это не принято. У нас не жалуют тех, кто сами себя чересчур расхваливают. Думаю, тут-то ты и упустил аудиторию. Да в следующий раз и насчет обрезания помалкивай.

– Учту, – угрюмо отвечал я, – если будет следующий раз.

– Не слишком-то веселый получился визит в Оксфорд, старина, а? – Сидни с маxу дружески хлопнул меня по плечу. – Сначала общество этого польского осла, потом человека загрызли насмерть у тебя под окном, а теперь над тобой смеются придурики. Мне и правда жаль, что так вышло, но пора нам сосредоточиться на главной задаче, – добавил он, понизив голос. – Вечером мы приглашены на обед в колледж Церкви Христовой. Опустошим их винные погреба, забудем хоть на время все печали и весело проведем вечерок. Согласен?

Я посмотрел ему в глаза. Конечно, я был благодарен за добрые слова и за желание меня развеселить. Но вот только шумная компания меня в этот вечер совсем не привлекала.

– Спасибо, филип, но, боюсь, сегодня я плохой собутыльник. Позволь мне уйти и в тихом уголке зализать свои раны. Завтра я буду готов к любым приключениям, обещаю.

Сидни был явно разочарован, однако согласно кивнул:

– Ловлю на слове. Вообще-то пфальцграф рвется поохотиться, может быть, даже с соколами в лесу Шотовер, как только дождь утихнет, а я обязан удовлетворять его капризы. Но я не вынесу, если ты не поедешь с нами.

– Взял бы с собой своего нового дружка, Габриеля Норриса.

– Я приглашал его, но у него на завтра другие планы, – простодушно ответил Сидни, изdevки в моем голосе он не заметил. – Впрочем, я об этом не жалею – этот петушок и так меня здорово обчистил. В случае чего напомни мне: я зарекся играть с ним в карты.

– Ладно, если выспись, непременно присоединюсь к вам, – пообещал я.

Норрис сказал, что волкодав мог забрести в коллеж из Шотовера. Я не любитель охоты, но стоило съездить в лес и осмотреться на месте. Сидни пожал мне руку, снова от души дружески треснул меня, на этот раз по спине – ох уж и способ у этих англичан выражать дружеские чувства, – и ушел, предоставив мне пройти недлинный путь к коллежу Линкольна в одиночестве.

– Dio fulmini questi inglesi![16] – завопил я, свернув на Брейзноуз-Лейн, в ярости пиная камни на дороге. – Si comportano come cani di strada[17] – хуже псов бродячих! Наглый, заносчивый народ, тупые мозги, самодовольные обитатели крошечного островка! Где им постичь новую философию и новое знание, если они даже жрут без приправ! Бесконечный дождь размыл им мозги. Смеются над человеком не потому, что поняли его, а потому, что он имел счастье родиться не на этих угрюмых берегах! Как посмели они смеяться над моим выговором, если я родом из тех мест, где бьет источник мудрости? Asini pedanti![18]

Так я в свое удовольствие ругался всю дорогу до ворот коллежа Линкольна, пока наконец не отвел душу. Злость немного утихла. Хорошо, что никто не встретился по пути, – вот бы испугались моих непонятных воплей.

И все же на сердце у меня было тяжело, когда я открывал главные ворота. Возле двери привратницкой я остановился: хотел попросить у старого Коббета фонарь. Привратник тихонько похрапывал в своем кресле, почтый кувшин эля стоял на столе, сука тоже спала, положив морду на ногу хозяина. Я кашлянул, и привратник очнулся, засуетился.

– Прошу прощения, доктор Бруно, я не слышал, как вы вошли, был погружен в размышления. – Он подмигнул мне, и я вымучил ответную улыбку.

– добный вечер, Коббет. Лишнего фонаря не найдется?

– Разумеется, сэр. – Привратник с трудом извлек свое толстое тело из кресла и зашаркал к ряду деревянных шкафов у стены. – Рановато вы укладываетесь, сэр, если можно так сказать. Я слышал, нынче в Крист-Черч большой прием в честь высокого гостя?

– Я устал, – кратко ответил я.

Только бы ему не вздумалось расспрашивать, как прошел диспут. Но он лишь сочувственно кивнул.

– Неудивительно, после всего, что стряслось утром. Хоть бы нам всем удалось нынче спокойно спспать, верно? Странное дело, – добавил он, открывая фонарь, чтобы зажечь внутри свечу, – доктор Ковердейл тоже вернулся засветло, да еще так спешил. Я видел, как он промчался в ворота, и сказал себе: что-то нынче рано закончили. Обычно как начнут диспут, так ему и конца нет, каждый соловьем разливается, не считите за дерзость, сэр. Но поскольку после него больше никто не явился, я и пришел к выводу, что у доктора Ковердейла были какие-то свои дела! – Эту изысканную фразу он сопроводил хриплым смехом.

- Вероятно, эти дела были намного важнее, чем моя проклятая речь, – подхватил я, не в силах скрыть горечи и возмущения.
- Что ж, сэр, надеюсь, Бог пошлет вам нынче хороший сон, – искренне пожелал Коббет, передавая мне фонарь; желтое пламя метнулось и замерло. – Полагаю, вы останетесь у нас до конца расследования? Скоро вы тут обживаетесь.
- Конечно, останусь, – мрачно согласился я и пожелал Коббету спокойной ночи.

Его слова тяжким грузом легли мне на сердце. Как долго придется задержаться в коллеже? – гадал я. Неужели по закону я вынужден буду оставаться здесь и давать показания даже после того, как Сидни и пфальцграф в назначенный день покинут университет?

В окнах, окружавших небольшой квадрат внутреннего двора, янтарным светом горели свечи, но я не мог избавиться от мистического ощущения, томившего меня с тех пор, как мы покинули Лондон: какая-то злая сила проникла в эти древние стены. Я предчувствовал, что мы были свидетелями еще не последнего из ее проявлений. Когда я остановился, чтобы оглядеться по сторонам, вновь мне почему-то показалось, что за мной наблюдают.

На лестнице, которая вела в мою комнату, было тихо и так темно, что без выпрошенного у Коббета фонаря мне пришлось бы передвигаться ощупью, как слепцу, и я не заметил бы подсунутый под дверь вдвое сложенный лист бумаги. Когда я развернул его, из него выпал другой, маленький и узкий, как ленточка. В тусклом свете фонаря я разглядел на большом листе ряд концентрических кругов и в нетерпении увидеть стал торопливо зажигать свечи, крепившиеся к подсвечникам на стенах комнаты. Когда я его разглядел, недоумение мое только возросло: я отчетливо увидел рисунок, но смысла его постигнуть не мог. Совершенно очевидно, это была схема Коперника космоса, начертанная умелой рукой: семь планет на своих орbitах вокруг Солнца – вернее, так мне показалось на первый взгляд. Однако на месте привычного символа Солнца был кружок со спицами, такой же, как тот, который украшал многие страницы календаря Роджера Мерсера.

Озадаченный, я потянулся за вторым листком, который чуть было не потерял, – он забился в щель между половицами, – и увидел на нем какие-то слова. Приглядевшись внимательнее, я убедился, что слова написаны не от руки, а вырезаны из книги. Это была цитата, и она заставила меня глубоко вздохнуть:

«Я пшеница Божия: пусть измелют меня зубы зверей, чтобы я сделался чистым хлебом Христовым». [19]

Глава 7

На мой бешеный стук в дверь ректора выбежал слуга с перекошенным от страха лицом – он явно боялся услышать известие еще об одной трагедии.

- Мне требуется безотлагательно поговорить с ректором, – заявил я, потрясая обеими бумажками перед носом слуги.
- Ректор теперь обедает в коллеже Церкви Христовой, сэр, со всеми профессорами. – Он вновь с тревогой поглядел на меня; руки его дрожали, когда он поднимал свечу, чтобы получше разглядеть мое лицо. Тени заплясали на стенах. – Что-то случилось, сэр?

Правда, я и позабыл, что час еще совсем не поздний, Андерхилл, по-видимому, торжествует победу на диспуте и не скоро вернется.

– Дело срочное, – заявил я, пытаясь отдышаться. – Я готов подождать, но поговорить с ректором я должен, не откладывая до завтра.

Суровый немолодой слуга – ему, вероятно, было уже под шестьдесят – еще раз подозрительно оглядел меня.

– Возвращайтесь через час, сэр, приличия не позволяют мне оставить вас дожидаться в покоях ректора. У нас тут леди проживают.

– Я их не обижу. Мне необходимо дождаться хозяина.

– Кто там, Адам? – послышался из внутренних комнат голос Софии, и вскоре она сама появилась за спиной слуги – тонкая фигурка, подсвеченная пламенем свечи; в руках книга.

– Иноземный господин пришел к вашему отцу, мистрис София. Я сказал, что ему нужно зайти попозже.

– Глупости, пусть подождет здесь, в тепле. Отец скоро вернется. Он у нас небольшой любитель пиров, – с улыбкой пояснила она мне, все так же выглядывая из-за плеча слуги. – добрый вечер, доктор Бруно. Заходите, прошу вас!

Слуга в растерянности переводил взгляд с молодой госпожи на меня.

– Ваш отец, мистрис, вряд ли одобрит... – завел он, но София взмахом руки прервала его.

– Доктор Бруно – гость моего отца, Адам, и прославленный философ. Отец будет возмущен, если я не окажу такому человеку подобающего гостеприимства. Будьте добры, примите у доктора Бруно его плащ и принесите нам вина.

Адам совсем растерялся, но приказа своей госпожи ослушаться не посмел: поклонился и отступил в сторону, пропуская меня внутрь, но смотрел при этом все так же недоверчиво. София вновь улыбнулась и жестом пригласила меня следовать за собой. Мы прошли в столовую с высоким потолком, где ужинали накануне. В другом конце столовой была еще одна дверь.

София была одета в простое платье зеленого цвета, темные волосы волной спадали ей на спину. Она двигалась с непринужденной уверенностью истинной красавицы. Вслед за ней я прошел в комнату с темными панелями на стенах. В камине неярко горел огонь; возле окна стоял массивный дубовый стол, заваленный книгами и бумагами.

– Это кабинет отца, можете подождать его здесь, – любезно предложила девушка, усадив меня в одно из обтянутых гобеленовой тканью кресел возле камина. Она остановилась, ей явно что-то хотелось спросить у меня. – Почему вы не пошли на ужин в колледж Церкви Христовой, доктор Бруно?

– Не было у меня настроения пировать. С сожалением должен признать, что аудитория оказалась на стороне вашего отца. – Я опустился в кресло поближе к камину. – В риторике он безусловно одержал надо мной верх.

– Растоптал все ваши аргументы, даже не выслушав? – сочувственно улыбнулась София. – Мой отец не умеет спорить по правилам, Бруно, – не дожидаясь ответа, продолжала она. – Вся его сила – в непоколебимой уверенности в своей правоте и неправоте остальных. Просто удивительно, как подобная самонадеянность помогает ему оспаривать чужие аргументы. Прежде я думала, что это всего лишь заносчивость, но с годами стала понимать, что причиной всему – страх.

Я вопросительно посмотрел на нее. Для столь юной девушки она была на редкость умна.

– Всю свою жизнь он полностью зависел от покровительства сильных мира сего, таких как граф Лестер. Все академики и священнослужители ищут покровительства. – В голосе ее прозвучала нотка сожаления. – Отец знает, как оно ненадежно, и поэтому живет в постоянном страхе потерять свою должность. За последние годы в университете было столько интриг, столько человек было уволено по доносам: они, мол, общаются с подозрительными людьми, читают запрещенные книги или попросту произнесли неосторожную фразу... – Она тяжело вздохнула. – А после того, что стряслось с Эдмундом Алленом, отец и вовсе не оправился.

– Отчего же? Разве он тоже втайне сочувствует Риму?

– Вот уж нет! Да он последний, кто... – Она даже головой затрясла, таким нелепым показалось ей мое предположение. – Но мы видели, как профессора и все остальные сразу же сплотились против Аллена. Старая дружба тут же была забыта, все беспокоились только об одном: как бы близость к Аллену не была вменена им в преступление. В наши времена обвинить можно кого угодно и в чем угодно. Обвинение может оказаться и ложным, но грязь-то все равно

Джордано Бруно Ересь filosoff.org

пристанет. А мой отец превыше всего дорожит надежностью своего положения. Все перемены, говорит он, лишь к худшему. Он не злой человек, но ему приходится жить с оглядкой, он защищает себя, свое положение и свою семью, точно медведица медвежат. Оттого-то он и кажется таким строгим и самоуверенным, хотя это вовсе не так.

Усмехнувшись собственным словам, девушка наклонилась и поворошила угли в камине. Кто-то негромко постучал в дверь – вошел Адам с кувшином вина, поставил его и два кубка на низенький деревянный столик у огня.

– Спасибо, Адам. Пошли в кухню за хлебом и сыром, и, наверное, там найдется кусок холодного пирога. Думаю, наш гость проголодался.

Я благодарно кивнул. Только сейчас я сообразил, что, в гневе отказавшись от ужина в колледже Церкви Христовой, лишил себя возможности подкрепиться перед сном. Теперь мой желудок протестовал против такого с ним обращения.

Адам поклонился (взглядом он все же не мог не выразить мне свое неодобрение) и вышел, намеренно не прикрыв за собой дверь. София поднялась и сама закрыла ее. Я налил нам вина.

– Вы так стучали в дверь, что мертвого могли поднять, Бруно, – заговорила она, усаживаясь напротив меня и уютно, как котенок, свернувшись в кресле. – И лицо у вас было бледное, как у мертвеца. Я уж испугалась, что вы принесли весть о новом несчастье.

– Ничего подобного, уверяю вас, – ответил я и с удовольствием глотнул вина.

– Так что же привело вас к нам, да еще с такой поспешностью? Вам пришло в голову блестящее опровержение замешленых доводов моего отца и вы решили срочно изложить их – лучше поздно, чем никогда? – девушка с улыбкой указала на листок бумаги, который я все еще судорожно сжимал в руке.

– Нет, блестящее опровержение придет мне в голову только ночью, – полушутя ответил я, передавая ей заветный листок. – А вот это послание вы сумеете расшифровать?

Она взглянула на рисунок и в недоумении подняла взор:

– Это же схема мироздания согласно вашему Копернику, разве не так?

Я кивнул.

– Но зачем было так спешить, если диспут уже закончился?

– Вам ничего не кажется странным в этом рисунке?

Слегка нахмурившись, девушка присмотрелась к рисунку. На миг ее глаза расширились, затем она подняла голову и небрежно ответила:

– Солнце как-то не совсем обычно нарисовано.

– Вот именно.

– На колесо похоже. Очень изящный рисунок, – добавила она, возвращая мне листок.

– Изящный, но заслуга в этом не моя – не я это нарисовал.

– Кто же? И откуда это у вас?

– Мне это прислали. Понятия не имею кто, но в этом рисунке может скрываться некий смысл. Я хотел посоветоваться с вашим отцом.

Девушка громко засмеялась.

– Вы примчались и колотили в дверь так, словно наступил конец света, только потому что вам понадобилось показать отцу это? Право, Бруно, кто-то подшутил над вами. Подшутил и над вашим Коперником. Отец будет недоволен, если вы вздумаете отвлекать его такими пустяками.

– Возможно, вы правы, – спокойно отвечал я, забирая у нее листок и разглаживая его в ладонях. – Но все же я хотел бы дождаться вашего отца, если вы не против.

Она кивнула. Я так и не понял, что за выражение мелькнуло в ее глазах, когда она внимательнее приглядилась к рисунку. Узнавание? Страх? Казалось невероятным, чтобы девушка была посвящена в тайное значение этого «колесика». Но если учесть, насколько тесно все общались в университете, вполне можно было допустить, что этот символ – если он был известен Роджеру Мерсеру и моему неизвестному корреспонденту – был знаком также и другим обитателям колледжа, в том числе и Софии.

– Скажите, – заговорил я, откидываясь на спинку кресла и обводя жестом высокие книжные шкафы у стены, – у вашего отца найдется издание Фокса?

София закатила глаза.

– Вы бы еще спросили, найдется ли у папы распятие. Мой отец собрал у себя все три издания мастера Дея, причем второе и третье в двенадцати томах каждое. А нынешним летом ожидается очередное издание, и, пари держу, его он тоже пожелает присоединить к своей коллекции. Вот уж в чем наш дом недостатка не ведает, так это в изданиях Фокса. Какое из них вам нужно?

– Не знаю. – Я пробежал взглядом по наваленным на столе книгам и вновь обратился к Софии: – «Я пшеница Божия: пусть измелют меня зубы зверей, чтобы я сделался чистым хлебом Христовым».

На ее лице я не увидел ничего, кроме вежливого недоумения.

– Прошу прощения?...

– Это не из Фокса?

– А, цитата. К сожалению, не могу вам ответить. Это ректор у нас специалист по мученикам, а не я. По правде говоря, Бруно, я лишь мельком заглянула в сочинение мастера Фокса, и то немногое, что я прочла, вызвало у меня отвращение. Человек посвятил свою жизнь тому, чтобы собирать и описывать всевозможные пытки и жестокости. Да еще так подробно – по-моему, он смакует детали. А гравюры! Мне после этого снились кошмары! – девушка поежилась и скривила выражительную гримаску.

– Насколько я понимаю, мастер Фокс старался укрепить веру и искал наиболее сильные и выразительные примеры.

– Это попросту пропаганда, и единственная ее цель – внушить ненависть к католикам! – вспыхнула София; ее злость настолько поразила меня, что я не сумел этого скрыть. Девушка заметила это, покраснела и добавила уже спокойнее: – Между христианами и так довольно вражды и распри, к чему подливать масла в огонь.

Смушенная этим взрывом чувств, она отвернулась к огню, а я в изумлении не сводил с нее глаз. Неудивительно, что ректор отчаялся выдать дочь замуж: она настолько смела и оригинальна в разговорах и мыслях, – разве мужчине нужно это в невесте? Независимость суждений редко делает женщину привлекательной в глазах поклонников, но именно этот яростный протест против отведенной ей роли восхищал меня. Я тщетно пытался понять, что она имела в виду. Хотел было подробнее расспросить ее о Фоксе, но дверь вновь отворилась, и Адам принял с намеренной неторопливостью расставлять на столе тарелки с хлебом и холодными закусками.

– Ваш отец не одобрит, что ужинают в кабинете, – упрекнул он молодую хозяйку, но та жизнерадостно принялась за хлеб.

– Сам он всегда ужинает в кабинете, – парировала она. – Спасибо, Адам, больше нам ничего не нужно.

Слуга не спешил уходить.

– Мистрис София, а ваша матушка...

– Моя матушка легла в постель вчера вечером, когда мы сидели за ужином, и с

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
тех пор не вставала. У нее разгулялись нервы, и она предпочитает, чтобы ее оставили в покое. Спасибо, Адам. – Она улыбалась, но в голосе ее был металл.

Адам, по-видимому произведший себя в защитники чести молодой хозяйки, подыскивал очередной предлог, чтобы помешать нам оставаться в кабинете ректора наедине, но, не отыскав такового, покорно склонил голову и удалился, на этот раз тихонько притворив за собой дверь.

– Угощайтесь, – предложила София, протягивая мне блюдо. – С фоксом потом разберемся.

Я придвинулся к столу и оторвал кусок хлеба.

– Бруно, – заговорила София, понижая голос и склоняясь ко мне, словно это она пригласила меня для беседы. – Вы обещали рассказать мне о магической книге Агриппы, вот вам и представилась возможность преподать мне урок.

– Обещал, – с набитым ртом подтвердил я, – но сперва объясните мне, зачем вам понадобились заклинания и любовные талисманы? Это запретная книга, обладать подобными знаниями небезопасно.

– Про любовные заклинания я и словом не обмолвилась, – высокомерно отвечала она. – Что это вы себе вообразили? – Но выступившая на лице краска опровергала ее слова.

– Зачем бы девице из приличной семьи понадобилось изучать магию?

– Меня увлекает сама мысль, что возможно овладеть силами, находящимися за пределами нашего понимания, и заставить их служить нашим целям. Разве есть человек, которого не манила бы такая возможность? Я всегда верила, что магия существует. Ведь если б это был пустой соблазн, с какой стати Церковь стала бы тратить столько усилий, чтобы опровергать это?

Я все еще колебался.

– Разумеется, во Вселенной имеются некие могущественные тайные силы, но, чтобы познать их, требуется долгая и тщательная подготовка. Гермесова магия, о коей пишет Агриппа, не сводится к зельям из двух-трех трав и пению заклинаний, как делают это деревенские знахарки. Необходимо разбираться в астрономии, математике, музыке, метафизике, философии, оптике, геометрии и так далее. Целая жизнь уходит на то, чтобы сделаться посвященным.

– Понятно. – Она плотно сжала губы и обхватила руками колени. – Хотите сказать, мне, женщине, на такое ума не хватит?

– Ничего подобного я не говорил! – я вскинул руку, протестуя и удивляясь, с чего это она сразу вздумала обижаться, но тут вспомнил свой бессильный гнев, охвативший меня во время диспута, когда ее отец намекнул, что я, будучи итальянцем, заведомо должен быть идиотом. Я-то, по крайней мере, мог бы указать такие европейские страны, где не разделяют подобных предрассудков против моей нации, но, сколько мне было известно, нигде в христианском мире девушке не позволили бы учиться и на равных беседовать с мужчинами, каким бы острым ни был ее ум и сколько бы книг она ни прочитала. Разве что королеве дозволено совмещать мудрость с женской слабостью.

– Я хотел сказать лишь, что магии Гермеса придется посвятить всю жизнь, принести немало жертв, а потому я бы никому не порекомендовал этот путь. Не говоря уж о том, что это может привести человека и на костер, – поспешил я добавить, пока мы не поссорились окончательно.

На миг девушка призадумалась, потом вскинула голову и поглядела на меня в упор – в глазах ее была мука.

– Значит, нет возможности научиться действующей магии? – вырвалось у нее.

– В каком смысле действующей? – переспросил я, напуганный очередной переменой в ее настроении. – У вас что-то на уме, но пока вы не объяснитесь, я не смогу дать вам совет.

София вновь обратила лицо к огню и какое-то время молчала. Я тем временем

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
отрезал себе кусок сыра и жевал его, ожидая, решится ли она высказаться откровенно.

- Вам не случалось полюбить кого-то, кто не мог ответить вам взаимностью?
- Нет, – искренне отвечал я, – но я любил девушку, которой не мог обладать, так что я хотя бы отчасти вас понимаю.

Она кивнула, все так же глядя в колеблющееся пламя. Затем подняла голову, вперила в меня взгляд ясных карих глаз.

- Кто она была?
- Знатная француженка. Я жил тогда в Тулузе. Она тоже презирала роль, отведенную женщине, и стремилась к знанию. Она была похожа на вас и духом, и красотой, – ласково добавил я.

девушка слегка усмехнулась.

- Вы хотели жениться на ней?

Я призадумался.

- Я хотел любить ее. Я хотел, чтобы наши беседы не прерывались, я мечтал сжать ее в объятиях. Но жениться – нет, это было просто невозможно. Ее отец готовил ей брак, соответствующий его честолюбию, а не ее чувствам. И не моим.
- Совсем как мой, – сказала она и вновь кивнула; волосы рассыпались вокруг ее лица. Она вновь пристально посмотрела на меня. – Вас разлучили?
- Ее отец разлучил нас. Но помимо всего прочего в Тулузе продолжались распри между католиками и гугенотами, и ради собственной безопасности мне пришлось уехать. Такова уж моя участь – постоянно скитаться с места на место и создавать себе имя заново. Так что семейное счастье – не мой удел.

- Печально. Однако и тут у вас будет множество поклонниц, Бруно. Ни у кого из англичан нет таких глаз, как у вас.

Комplимент застал меня врасплох, и я не нашелся что ответить. София тоже смущилась и вновь уставилась в огонь.

- Как я вам завидую, вы столько успели повидать! У вас было множество приключений, а я уже шесть лет не покидала Оксфорда. Порой мною овладевает беспокойство и страх, что я так ничего, кроме этого, и не увижу, разве что сумею каким-то образом решительно изменить свою жизнь. Порой я готова сломать ее, мою жизнь, разбить ее в куски! На вас когда-нибудь такое находит? – Выразительные глаза смотрели на меня с мольбой о понимании.
- Безусловно. Тринадцать юношеских лет я провел в монастыре, и эта тоска, мечта о новом небе, новой земле знакомы мне лучше, чем многим другим. Но будьте осторожны, София, ибо мне пришлось также понять, что не стоит искать приключений ради самих приключений. Ценность дома осознаешь только тогда, когда его лишишься, – негромко договорил я.
- Отец рассказывал, что вы жили в Париже, при дворе короля Генриха. Там, верно, много красивых дам?
- Я видел немало красивых лиц и роскошных нарядов, это верно, однако красоты ума при дворе не съешь.
- Но ведь вы увлекли их своими идеями! – увлеченно сказала София.
- Вот уж не думаю, чтобы придворных дам интересовали мои идеи, – печально усмехнулся я. – Мало кто из них утруждал себя чтением, а уж тем более «идеями». Большинство ничего не смыслит даже в политике своего же государства, а я не умею притворяться, что меня привлекает женщина, чьи интересы сводятся лишь к модам и придворным сплетням. Я терпимый человек, но глупости не переношу.

Она выпрямилась и посмотрела на меня с интересом.

- Значит, вы цените в женщине способность мыслить и выражать свои мысли?
- Разумеется, при условии, что женщина образованна. Без образования женщина обречена быть лишь украшением, а тогда уж лучше повесить картину в гостиной, тем более что, в отличие от женщины, ценность художественного произведения с годами возрастает.

Усмехаясь, София покачала головой.

- Да уж, не похожи вы на англичан, Бруно. Впрочем, это было видно с первого взгляда. Мой отец уверяет, что, если женщина умна, это способно лишь отвратить мужчин и, если, мол, я хочу найти мужа, мне следует помалкивать, мило улыбаться и держать свои мысли при себе.
- Ваш отец столько же смыслит в человеческих чувствах, сколько в космологии.

Она расхохоталась, но глаза оставались серьезными.

- А ваш *inamorato*?[20] – рискнул я. – Что ценит он? – девушка промолчала, и я с большей уверенностью продолжал: – Не могу допустить, чтобы девица столь богато одаренная нуждалась в каких-то магических средствах, чтобы добиться внимания мужчины. При всем уважении к вам, могу лишь предположить, что ваш *inamorato* слеп или туп.
- Нет никакого *inamorato*! – выкрикнула она вдруг, крепко прижав руки к груди и отвернувшись от меня. – Не смейтесь надо мной, Бруно. Я-то думала, вы не такой, как все.
- Прошу прощения.

Я подлил себе вина и откинулся на спинку кресла, стараясь скрыть улыбку. Если уж девушка хочет довериться кому-то, она все равно это сделает, но только когда сама считет нужным. Несколько минут мы сидели в молчании, лишь треск поленьев и убаюкивающее гудение огня нарушали тишину.

– Что касается Агриппы, он добыл знания о практической магии из древнего трактата, именуемого в Европе *Picatrix*, – заговорил я, когда стало ясно, что София по своей инициативе молчание не прервет. – Правильнее именовать его *Ghayat al Nakim*, то есть «Цель мудрых». Этот трактат был составлен арабами в Харране примерно четыре столетия тому назад. Но на самом деле это перевод с гораздо более древнего труда, написанного еще до разрушения Египта и вдохновленного, как полагают, самим Гермесом Трисмегистом. – Я сделал паузу и отпил глоток вина в полной уверенности, что внимание слушательницы вновь безраздельно принадлежит мне: ее глаза неотрывно глядели на меня. – Эта книга запрещена Римом и никогда не печаталась в типографиях, ибо это слишком опасно, однако по приказу короля Альфонса Мудрого она была переведена на испанский, а затем на латынь, так что появилось несколько рукописных копий. Одна из этих копий была десять лет тому назад тайно доставлена в Париж для короля Генриха. Король собирает запретные эзотерические книги, хотя и не умеет пользоваться ими.

- И вы прочли ее? – шепотом спросила София, всем телом подаввшись ко мне.
- Его величество разрешил мне взглянуть на этот манускрипт после того, как я торжественно поклялся, что не буду переписывать его для себя – ни целиком, ни даже отдельные его части. Он упустил из виду, что я – первый в Европе специалист в искусстве запоминания. – Тут я позволил себе скромно усмехнуться, но София как будто ничего и заметила.
- Так что же там было?
- Это учебник астральной магии, наставление в искусстве применять себе в помощь талисманы, образы и те силы, что движут звездами и планетами. – Я понизил голос до шепота и оглянулся, проверяя, надежно ли прикрыта дверь. – Магия эта основана на идее, что при всем бесконечном разнообразии вещества во Вселенной все силы в ней взаимосвязаны и все это входит в единое, одухотворяемое Божеством вещество. А потому человек, обладающий достаточными познаниями, может установить связи между элементами природного мира и теми небесными силами, коим они подчинены.

София недоуменно нахмурилась.

– Но как это действует? – настойчиво переспросила она.

– Вижу, вы не отступитесь, пока не узнаете, – улыбнулся я. – Ну, к примеру: предположим, – так, просто ради поддержания разговора, – что вы хотите вызвать к себе любовь некоего человека. – Я внимательно следил за ее реакцией: щеки девушки разгорелись и губы приоткрылись в нетерпении, однако она ответила на мой взгляд почти гневным взглядом. – В таком случае вам нужно привлечь на помощь могущество планеты Венера, а значит, для начала узнать, какие растения, камни и металлы находятся под властью Венеры. Вам также понадобится усвоить наиболее могущественные символы Венеры, написать их на талисмане, сделанном из подходящих материалов, в день и час, наиболее подверженные астрологическому влиянию Венеры, правильно составить призыв к Божеству, имя, магические числа... Как видите, все это очень сложно.

– Но вы могли бы меня научить? – выдохнула она.

– Понимаете ли вы, о чем просите? – возразил я, понижая голос до еле слышного шепота. – Чтобы я учил вас «дьявольскому колдовству», как назовет это большинство? Да знаете ли вы, какой опасности подвергнемся мы оба? К тому же, должен признаться, я никогда не пытался использовать магию в практических целях, меня всегда интересовала лишь интеллектуальная, теоретическая сторона вопроса. Право, София, если объект вашей привязанности не отвечает вам взаимностью, не разумнее ли обратить свои взоры к иному предмету?

Она склонилась ко мне и на миг коснулась тонкими пальцами моей руки, печальная улыбка вновь заиграла в уголках ее губ.

– Конечно, разумнее, – тихо признала она. – Однако сердце часто бывает не в ладу с разумом, вы и сами это знаете, Бруно.

Я смотрел на нее с болью в сердце. Наконец я понял, что и мне самому грозит серьезная опасность: я могу привязаться к этому полному жизни и странных идей существу со страстным взглядом карих глаз. А она? Что привлекало ее во мне? Лишь возможность обрести слушателя? Того, кто согласился воспринимать ее всерьез? При этой мысли ревность невольно кольнула меня: все это богатство, вся глубина чувств для какого-нибудь тщеславного павлина вроде Габриеля Норриса? Стоит ли расспросить ее, прикидывал я, и как подступиться к такой скользкой теме?

Мои размышления прервал глухой стук по ту сторону двери, словно кто-то потерял равновесие и всем телом врезался в косяк. София поспешила отдернуть руку, оттолкнула свое кресло и вскочила на ноги, сердито оглянувшись на дверь. Но едва она сделала шаг, как ноги ее подкосились и она, тихо вскрикнув, вцепилась в спинку кресла, чтобы не упасть. Я тоже вскочил и поспешил подхватить девушку; она, держась за мое плечо, замерла на миг, повисла на мне, тяжело дыша.

– Вам нехорошо? – забеспокоился я. Идиотский вопрос – лицо ее было серым, как зола.

– Я... я не знаю, что со мной. Извините, – пробормотала она. – Чересчур поспешно вскочила, наверное, в этом все дело. Вдруг внезапная слабость. Или вино ударило в голову. Черт бы побрал Адама, старый хлопотун остался-таки подслушивать у замочной скважины.

– Мы разговаривали очень тихо, он не мог ничего услышать, – попытался я ободрить ее, хотя у меня самого по спине пополз ледяной ручеек.

– Он слышал достаточно, чтобы донести отцу, – сквозь стиснутые зубы возразила она.

Казалось, мы стоим так, не двигаясь, вечно. Левой рукой София вцепилась в мой камзол, я осторожно подхватил ее под правую руку. Ее волосы касались моей щеки, от них вкусно пахло ромашкой. Грохот собственного сердца оглушал меня, я с трудом переводил дыхание. Наконец София приподняла голову и со вздохом произнесла:

– Простите, Бруно. Помогите мне сесть. – Голос ее ослаб, она все еще была очень бледна.

Я помог ей сделать шаг и опуститься в кресло. В коридоре кто-то с силой хлопнул дверью, послышался разговор двух мужских голосов.

София вскинула голову.

– Отец вернулся. Надо выйти ему навстречу и рассказать про вас, пока Адам не сообщил ему о своих подозрениях. – Она еще раз глубоко вздохнула и с усилием поднялась на ноги, остановилась, придерживаясь рукой за спинку кресла.

– Вам все еще нехорошо? – Я протянул руку, чтобы ее поддержать, но девушка прошла мимо, словно не заметив меня, и остановилась у двери.

– Я скоро оправлюсь. Доброй ночи, Бруно, спасибо, что выслушали мои глупости. Надеюсь, мы еще поговорим. – Она улыбнулась и высокользнула в коридор, прикрыв за собой дверь.

Я взял в руки схему Коперниковой Вселенной и снова принял ее изучать. Что таинственный символ Солнца был Софии знаком, в этом у меня сомнений не оставалось. Поразмыслив, я сложил листок бумаги и убрал его: разумнее будет не спрашивать ни о чем ректора, а завоевать доверие девушки, и тогда она поделится со мной тем, что знает.

В коридоре вновь зашумели голоса, на этот раз голоса ректора и его дочери. Оба раздраженно спорили. Из его слов я разобрал только «неприлично» и «папист», а из слов Софии «нелепо» и «гостеприимство». Потом София вдруг яростно завопила:

– Ты ругаешь меня за то, что я взяла на себя роль хозяйки! Но тебя самого вечно нет дома, а настоящая хозяйка не желает вылезать из спальни! Кто, кроме меня, позаботится о доме и о гостях?!

– Ступай в свою комнату, дочка, и поразмысли о своем положении и своем долге, пока я не отправил тебя к тетке в Кент. Пожалуй, мне стоит вновь пригласить гувернантку, чтобы она не давала тебе бездельничать и научила, как следует себя вести приличной девице! – Кипя от раздражения, ректор распахнул дверь кабинета и обратил ко мне багровую от гнева – и, подозреваю, от славного винца из подвалов колледжа Церкви Христовой – физиономию. Впрочем, увидев меня, он сразу сделался прежним ректором. Отвесил вежливый поклон, глядя мне в лицо, правда избегая встречаться глазами.

– Доктор Бруно! Вы застали меня врасплох, в такой час... – Самодовольное выражение мгновенно исчезло с его лица, глазки забегали, и я почувствовал некоторое удовлетворение: одно дело издеваться над оппонентом в присутствии пяти сотен человек, в чьей поддержке ты уверен, и совсем другое – встретиться с ним с глазу на глаз. Ректор держался настороженно и, похоже, боялся, как бы я не возобновил наш спор. – Позвольте вас заверить, этот вечер...

– Доктор Андерхилл! – прервал я его излияния. – Мне требуется ваш совет по другому поводу: это связано с гибелью Роджера Мерсера.

Ректор побледнел, взглядел его забегал. Он поднес руку ко лбу и вытер пот рукавом.

– Да, за ужином в колледже Церкви Христовой только об этом и говорили, но, полагаю, нам удалось замять дурные слухи и клевету. – Он призадумался. – По-видимому, завтрашняя служба в часовне будет поминальной. Да, так и сделаем, ведь похороны придется отложить до окончания следствия, а это, как я выяснил, займет несколько дней, ибо сейчас коронер в отъезде. Надеюсь, доктор Бруно, вы сможете задержаться в Оксфорде и дать показания?

Вместо ответа я протянул ему листок с вырезанной из книги цитатой.

– Вам это знакомо?

Доктор Андерхилл низко наклонился, вчитываясь в мелкий шрифт, затем поднял
Страница 85

– Пшеница Христова, – прошептал он. – Игнатий. Что это такое?

– Значит, это цитата из Фокса?

Он все так же замедленно кивнул.

– Мученичество святого Игнатья – епископа Игнатья Антиохийского, как мы теперь говорим, – пострадавшего при императоре Траяне. Фокс приводит его последние слова перед тем, как его бросили на съедение хищникам. – Он вернулся мне листок; рука его дрожала, но лицо, как мне показалось, стало злобным.

– Этот листок подсунули мне под дверь, пока я был на диспуте. Видимо, кто-то хочет привлечь внимание к характеру смерти доктора Мерсера.

– Изуродовав книгу? У кого на нее рука поднялась? Боюсь, я вас не очень понимаю, доктор Бруно.

– Это уж как всегда, – проворчал я, но вовремя вспомнил, что следует соблюдать вежливость. – Сегодня утром Роджера Мерсера заперли в саду с изголодавшимся псом, чему мы с вами оба свидетели. Вполне вероятно, кто-то заманил доктора Мерсера в сад под предлогом важной встречи и натравил на него пса. Возможно, этим он хотел кощунственно спародировать сцену мученичества. И вот теперь этот кто-то оставляет мне послание, чтобы не оставалось никаких сомнений: ему известно, почему Роджер Мерсер умер именно такой смертью, а может быть, известен и сам постановщик.

Андерхилл отчаянно замахал руками, призывая понизить голос и тревожно оглядываясь на дверь кабинета. Он явно был напуган до смерти. Но, надо отдать ему должное, сумел-таки собраться, придать лицу спокойно-достойное выражение и даже засмеяться, правда, хриплым, нервным смешком.

– Господи, ну и фантазия у вас, итальянцев! – покачал он головой. – Боюсь, что в смятении и страхе от разыгравшейся перед нами трагедии мы поспешили с выводами. Да, мы сами себя запугали. Непозволительно, чтобы эмоции брали верх над рассудком, чтобы естественные для нормального человека потрясение и скорбь превратили несчастный случай в невероятный вымысел. Что же до этой бумажки, то похоже, кто-то шутит над вами, дразнит ваше и без того воспаленное воображение, чтобы потом посмеяться над вами. Советую вам не поддаваться.

Я отвернулся от него. Чтобы сдержаться и не наорать на этого напыщенного идиота, я вонзил себе ногти в ладони.

– Я – очевидец, доктор Андерхилл. Я осматривал тело Роджера Мерсера и место трагедии, пока вы, как баба, блевали на свои башмаки. Мои показания будут гораздо более весомыми, чем ваши.

Он уже не скрывал враждебности:

– Неужели? Показания иностранца? Католика? Уличенного колдуна, человека, который открыто заявляет, будто Земля вращается вокруг Солнца?

Я глубоко вздохнул, чтобы успокоиться и сгоряча не вмазать ему как следует, а затем распахнул дверь.

– Спасибо, что уделили мне время, ректор. Не смею более надоедать вам.

– Одну минуту, Бруно. Ваши итальянские обычай мне неизвестны, однако в Англии считается неприличным, чтобы незамужняя девица из хорошей семьи беседовала наедине с мужчиной, пусть даже с джентльменом. А потому я запрещаю вам впредь приватно беседовать с моей дочерью. – Он торжественно сложил руки на груди.

– При всем уважении к вам, ректор, вряд ли вы можете командовать мной, словно одним из студентов. Но если хотите, наймите и для меня гувернантку, пусть научит меня приличному поведению. Мне бы это пригодилось. – И, подмигнув напоследок, я прикрыл за собой дверь, чувствуя, как бьется сердце.

Слуга Адам подал мне плащ и пожелал спокойной ночи – почти оскорбительным тоном. Я вырвал у него плащ и ринулся к двери: задержись я среди этих несносных людей еще на минуту, боюсь, могло бы произойти второе убийство.

Глава 8

В воскресенье я проснулся перед рассветом и долго лежал на своей узкой жесткой кровати, следя, как в щель между шторами постепенно проникают и растекаются по потолку лучи бледного света. Спал я дурно: возмущение против Андерхилла и его коллег не давало мне покоя. Я пришел к выводу, что мне нет смысла оставаться в Оксфорде – ни ради высокого гостя, ни ради следствия. Как только рассвятет, решил я, заберу своего коня из ректорской конюшни и отправлюсь в Лондон. Ничего полезного для Уолсингема мне разузнать не удалось, и вряд ли он благосклонно примет мои объяснения, – решит, что я, потерпел публичное унижение и с досады поспешил покинуть университет. Однако мне столь явно дали понять, что здесь я нежеланный гость, что у меня пропала всякая надежда завоевать доверие членов колледжа и добить здесь хоть какие-то сведения.

Со вздохом я перевернулся на другой бок, закутавшись в простыню от утреннего сквозняка, и мысли мои вновь обратились к дочери ректора. Ночью я долго не мог заснуть, думая о ней. Только ради нее одной и стоило бы остаться в Оксфорде – из-за нее же имело смысл и поскорее уехать. Давно уже я не был так близок с женщиной, как с Софией в тот миг, когда она едва не упала мне на руки, и теперь мучительная тоска сжимала мне грудь. Дорого бы я дал, чтобы узнать, чувствовала ли она в тот момент то же самое. Во время нашего разговора были такие моменты, когда ее взгляд встречался с моим, и мне казалось, она как будто просит меня прочесть что-то в ее глазах; впрочем, я понимал и другое: мне, гостю ее отца, нужно соблюдать величайшую осторожность и деликатность.

И еще одно: она с презрением, хотя и с сочувствием говорила о зависимости своего отца от покровительства влиятельных людей, – а разве я сам не находился в таком же точно унизительном положении? У меня не было никакой собственности, не было средств на женитьбу и содержание семьи; ничего я не мог предложить молодой девушке из приличной семьи, разве что свою любовь, а этот товар отцы недорого ценят. Я не мог ухаживать за Софией, ибо не мог сделать ей предложение. И хотя достаточно было мимолетного прикосновения в той комнате, перед камином, чтобы желание властно пробудилось во мне, я прекрасно понимал, что не стану даже пытаться соблазнить эту девушку – слишком она мне нравилась и слишком я ее уважал. Другое дело, что я всей душой стремился еще раз увидеть ее, но чего я от этого ждал – и сам не мог бы сказать. Одна картина неотвязно стояла у меня перед глазами: как изменилось ее лицо в тот миг, когда я показал ей Коперникову диаграмму, как промелькнуло в ее взгляде узнавание, когда она увидела тот символ-колесико. Что она знала и как мне завоевать ее доверие?

Все громче пели за окном птицы. Я откинул простыни, подошел к окну, раздвинул шторы и окинул взглядом внутренний двор колледжа. Ранний розовый свет вспыхивал то и дело на небе между рваными тучами. Дождь на какое-то время стих, но поди знай, осталась ли проезжей дорога на Лондон после двух дней непрерывного ливня.

Ночная влага еще блестела на камнях двора, в мелких лужицах отражались лучи солнца. Стоя у окна, я не мог разглядеть стрелки башенных часов, но решил, что пора одеваться: как только в колледже начнется жизнь, можно будет спросить у Коббета, как мне получить моего коня. Стоит ли официально прощаться с ректором? Я мог бы сказать ему, что меня ждут в столице неотложные дела, однако опасался услышать, что закон обязывает меня оставаться в университете, пока я не дам показания коронеру. Нет уж, лучше удрать, а потом сослаться на то, что здешние правила мне были неизвестны. И пусть Андерхилл не думает, что это он изгнал меня как беса. Только, покидая Оксфорд, нужно было бы, пожалуй, оставить записку Сидни.

Приняв окончательное решение, я отошел от окна, но в последний момент краем глаза подметил какое-то движение во дворе: фигура в черном плаще, с низко опущенным капюшоном поспешила вывернула из-за угла здания и растворилась под башенной аркой. Я не успел разглядеть этого типа, но инстинктивно напрягся. Интересно, кто это тут рыскает в столь ранний час? Я схватил рубашку, но вовремя спохватился: ведь я же решил – все, что происходит в колледже, все

его секреты, кто тут и где бродит по ночам и возвращается по утрам, меня не касается. Сегодня я уезжаю. Вполне вероятно, что в колледже прячется убийца, но пусть достопочтенные профессора сами разбираются. Я пытался обнаружить истину, но что получил в награду? Презрение и угрозы. Больше я не желаю иметь с этим ничего общего.

Я, уже не спеша, натянул рубашку и штаны. Зазвонил колокол – печально, негромко звал он на заутреню, а я только теперь почти с ужасом сообразил, что наступило воскресенье. Все слуги отпущены, – кто подскажет мне, в какой конюшне стоит мой конь? Но даже если я найду его, с ним придется расстаться в Виндзоре, откуда мы выехали верхами. А как я доберусь из Виндзора в Лондон без спутников и в праздничный день? Кроме того, теперь в безжалостном свете занимавшегося дня бегство представилось мне малодушным; более того, сам план был неразумен и практически неосуществим.

На маленьком столике стоял кувшин для умывания. Я поплескал себе воды в лицо. Что ж, если придется пробыть в колледже еще день, попробуем извлечь из этого хоть какую-то пользу и начнем с посещения часовни. Англиканская служба как таковая меня мало интересовала – меня и католическая-то месса не вдохновляла, несмотря на то что паписты хотя бы старались создать пышное, театральное зрелище, англиканская же служба казалась мне безвкусной и пресной, как непропеченнное тесто. Тем не менее надо пойти: в часовне соберутся все обитатели колледжа, у меня будет возможность присмотреться к ним, и, если среди них будет тот, кто подсунул мне под дверь загадочное сообщение, он, хотелось бы надеяться, выдаст себя чем-нибудь – хотя бы взглядом или жестом. Заканчивая умывание, я вновь с досадой подумал об этом таинственном информаторе: если человеку есть что сказать, отчего бы не выражаться яснее?

За ужином в первый вечер Джеймс Ковердейл упоминал, что ректор читает проповеди по книге Фокса; если убийство Роджера Мерсера представляло собой извращенную пародию на мученичество, в чем аноним, видимо, пытался меня убедить, вполне вероятно, что именно проповеди ректора подсказали ему идею преступления. А если так, вполне вероятно, что преступник явится на службу. От этой мысли я вздрогнул, но продолжал одеваться. Надел башмаки и под заунывный звон колокола поспешил вслед за облаченными в черные мантии фигурами к арке северного крыла. Когда я проходил под часами, было без нескольких минут шесть.

Часовня занимала большую часть первого этажа по правую руку от арки. Вместе со студентами и преподавателями я поднялся по сумрачной лестнице, освещенной лишь подвешенным под потолком светильником. У двери я заметил чашу для святой воды; сама вода в ней давно уже высохла. Пол в скромной, выбеленной комнате с деревянными балками под потолком был устлан камышом, в дальнем ее конце, напротив входа, стоял небольшой алтарь, по правую руку от алтаря – кафедра.

Вдоль стен и на алтаре горели свечи. Собравшиеся рассаживались на жестких дубовых скамьях – интересно, эти сиденья специально делают такими неудобными, чтобы прихожане не уснули во время службы? В узкие сводчатые окна без витражей бил яркий утренний свет, играл бликами на белой известке стен и на длинных темных волосах Софии Андерхилл – она заняла место в переднем ряду, напротив кафедры, под бдительным присмотром отца. Спасибо и на том, что он пускает ее в часовню вместе со студентами: наверняка ее присутствие отвлекает молодых людей от благочестивых мыслей. Возле Софии сидела ее мать, – узкие плечи, спина сгорблена, виден только прикрывающий волосы белый чепец. Рядом с женщинами и позади них в передних рядах расселись преподаватели, далее – студенты постарше, те, кому вскоре предстояло сдавать магистерский экзамен или защищать диссертацию; у самой двери места для младших. Я стоял в дверях, раздумывая, где положено сидеть мне, и заодно имел возможность прикинуть количество членов колледжа. Всего их было человек тридцать, и, поскольку все они жили вместе и все были друг у друга на виду, неудивительно, что кто-то из них лучше других знал подоплеку вчерашней трагедии.

Окинув взглядом помещение, я заметил среди молодежи Томаса Аллена и Лоренса Уэстона. Однако где же Норрис и его горлопаны-дружки, с которыми он вчера приходил в таверну? Похоже, и от утренней службы богачи могут откупиться, как и от прочих университетских правил. Уильям Бернард и Ричард Годвин, библиотекарь, сидели в переднем ряду, Джона Флорио я разглядел подальше, в центре, он о чем-то оживленно болтал с соседом. Больше я ни с кем не был

знаком лично, однако тот, кто меня интересовал, вполне возможно, и не входил в число представленных мне членов колледжа. Но он, несомненно, был здесь своим человеком, раз так легко нашел мою комнату. Я прошел внутрь и оглянулся на задние ряды: сидевшие там юнцы без любопытства встретили мой взгляд. Эти английские мальчишки все с виду одинаковы – бледные, беспокойные, недокормленные какие-то. Возможно, один из них что-то знал и хотел сообщить мне, но боялся. Но – который из них?

Я хотел устроиться так, чтобы со своего места видеть все собрание, однако Годвин примирил меня у двери, с улыбкой поманил к себе и указал свободное сиденье в переднем ряду. Отказаться было бы неприлично. Под взглядами десятков глаз – я чувствовал, что и София смотрит на меня, – я прошел по центральному проходу в передний ряд и уселся подле Годвина. Тот шепотом приветствовал меня и вновь склонил голову в молитве. Уолтер Слайхерст и Джеймс Ковердейл отсутствовали. Ректор прошествовал от двери к алтарю в сопровождении четырех юношей в белых облачениях певчих, и все дружно встали.

Я поднял голову и встретился взглядом с ректором. Возможно, он удивился моему появлению среди протестантов или же пожалел о вчерашней своей резкости, однако на его лице ничего не выразилось. Он склонился и начал молитву.

– Господи, отверзи уста мои! – провозгласил он, и все собрание прилежно отвечало:

– И уста мои возгласят Тебе хвалу!

Я не был знаком с чином англиканского богослужения, а потому произносил ответы шепотом, чтобы мои невольные ошибки не привлекали внимания. Годвин вышел к кафедре и прочел отрывок из Евангелия от Матфея, затем он сел, и хор на четыре голоса спел по-английски *Te Deum Laudamus*[21] – простенько, но так, что почему-то брало за душу.

– Джентльмены! – решительно заговорил ректор, уставившись поверх голов присутствующих. – Джентльмены, вчера наша маленькая община была поражена неожиданным трагическим событием. Я знаю, что гибель Роджера Мерсера, постигшая его в тот час, когда он гулял и молился в саду, до глубины души потрясла всех нас. Я также знаю, что подобные страшные события настолько возбуждают сознание, что люди, потрясенные несчастьем, чересчур легко поддаются всевозможным нелепым вымыслам и слухам. – Тут он метнул на меня взгляд, острый и такой быстрый, что большинство, вероятно, этого не заметило. Доктор Бернард захрустел костяшками пальцев, и этот хруст раскатился в мертвой тишине часовни.

– Было бы гораздо полезнее, – продолжал ректор, возвышая голос, словно перед ним сидело не тридцать человек, а три сотни, – если бы вместо бесплодных сплетен мы извлекли из этой трагедии урок, сосредоточив наши помыслы на краткости земной жизни и ожидающей нас всех вечности, и поразмыслили о том, какими мы сами в скорости предстанем перед Господом. Давайте же простимся с Роджером, как подобает, но обратим его смерть себе на благо и зададимся вопросом: если бы смерть поразила нас сейчас, в сей миг, кто мог бы встретить ее с уверенностью в спасении?

– Можно подумать, он предвидит еще одну смерть, – шепнул я Годвину; Андерхилл пронзил меня гневным взглядом, хотя и не мог расслышать мои слова, стоя за кафедрой.

– А теперь, как и в прошлые воскресенья, обратимся к повествованию мастера Фокса о мучениях первых христиан, наших предков, которые пострадали за веру в те дни, когда Церковь была чиста и едина. Мы не поклоняемся им, словно идолопоклонники, и не именуем святыми, как делает это Римская церковь, ибо они были обычными, подобными нам мужчинами и женщинами. Но их вера является высоким образцом истинной веры, и мы все должны стремиться к тому же. Нам подобает знать древнюю и прекрасную историю страданий во имя Христово, ибо первые христиане в наш беспокойный век служат примером твердости в вере и для мучеников Реформации. Ныне, вспоминая житие Альбана, первого из британских мучеников, зададимся вопросом: на самом ли деле твердость в вере остается первейшим благом в наших душах? Ибо настали трудные времена, друзья мои. – Он еще более возвысил голос, всем телом подаввшись вперед и суровым взглядом пронзая своих «друзей». – Церковь Британии осаждают со

всех сторон те, кто хотел бы вновь привести нас под власть Рима. Вы, молодые люди, сидящие здесь передо мной, вы – будущие вожди Церкви и государства. Именно вам предстоит отстаивать свободу и независимость государства и Церкви в грядущие годы. Достанет ли вам решимости даже перед лицом смерти? Будете ли вы защищать нашу свободу от тех идолопоклонников и тиранов, которые попытаются отнять ее у нас? Молюсь, чтобы вы были готовы к этому.

В задних рядах слышался какой-то шорох и шум: юноши подтягивались и горделиво выпячивали грудь, отвечая на этот воинственный призыв. Тон Андерхилла мне не нравился, он явно отдавал фанатизмом; вместе с тем содержание его речи напомнило мне слова Уолсингема.

В целом это больше напоминало лекцию, чем проповедь, но я с удивлением обнаружил, что ректор гораздо лучше толкует чужой текст, нежели излагает в публичном диспуте свои собственные идеи. Впрочем, своих идей я у него как раз и не обнаружил.

Под его занудную речь я до такой степени погрузился в размышления, что прослушал, как он произнес заключительные слова службы, и очнулся лишь от дружеского толчка Годвина: все вокруг уже поднимались.

Ректор и хористы гуськом двинулись к выходу, прихожане разминались, тоже собираясь уходить. Какой-то ярко-рыжий веснушчатый мальчишка, на вид совсем еще ребенок – даже странно, как это мамаша отпустила его в университет, – возился у алтаря, убирая утварь, закрывая оставшуюся на алтаре огромную Библию, гася свечи. София прошла мимо меня, улыбнулась и что-то хотела сказать, но ее мать, заметив это движение, решительным жестом ухватила дочь за руку и повлекла к двери. На ходу София оглянулась через плечо, и мне показалось, будто она о чем-то просит меня взглянуть; возможно, и впрямь показалось.

– Простите, что столь бесцеремонно толкнул вас, доктор Бруно, – шепнул мне Годвин, – но я опасался, что вам нелегко следить за ходом нашей службы. Должно быть, она вам совершенно незнакома.

Рыжий мальчишка, прибрав у алтаря, подошел к нам и передал Годвину последнюю свечку, чтобы мы могли светить себе по дороге.

– Не то чтобы совсем незнакома, – усмехнулся я. – Вы все-таки немало у нас позаимствовали.

Мой собеседник вежливо негромко рассмеялся.

– А как вам понравился наш маленький хор? – жизнерадостно спросил он, провожая меня к двери и согнутой ладонью защищая мерцающий огонек свечи от сквозняка.

– Доводилось мне слышать большие хоры, которые куда хуже справлялись с пением псалмов, – искренне ответил я.

– Композиция мастера Берда, придворного композитора ее величества, – радуясь похвале, сообщил мне библиотекарь.

– Кажется, он и сам католик?

Годвин смущался:

– Ну да, да. Но не этим же он мне нравится, – поспешил оговориться он. – Если уж королева терпит этого еретика ради его прекрасной музыки, мы тоже можем проявить терпимость.

– Разумеется. И еще меня восхитило ваше чтение: вы передаете евангельский текст с истинно поэтическим чувством. – Я постарался вложить в свои слова как можно больше пыла.

– Благодарю вас. Вообще-то это обязанность заместителя ректора, но, поскольку доктор Ковердейл не явился сегодня на заутреню, ректор в последний момент попросил меня заменить его.

Годвин не пошел за студентами вниз по лестнице, а пересек площадку, открыл

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
деревянную дверь напротив входа в часовню и, одной рукой все еще прикрывая пламя свечи, поманил меня за собой.

– Помнится, вы интересовались нашей библиотекой, доктор Бруно. Не хотите ли заглянуть, раз уж мы здесь? Если только вы не спешите завтракать, – заботливо добавил он.

Он передал мне свечку и вытащил из-за пояса связку ключей, нащупал самый крупный из них.

– С радостью, – ответил я, следя за ним, хотя в тот момент меня больше занимало отсутствие доктора Ковердейла. – Значит, доктор Ковердейл отлучился из университета?

– Не знаю, он никого не предупредил, – сердито ответил Годвин, поворачивая ключ в замке. Дверь заскрипела, застонала, открываясь, как будто обидевшись, что ее потревожили.

Я припомнил, как накануне во время диспута какой-то мальчишка прибежал за Ковердейлом, и тот, по словам Коббета, примчался обратно в колледж так, словно за ним гнались. Однако привратник не говорил, что Ковердейл затем вновь ушел. Может быть, он незаметно ушел ночью или на рассвете? Не связано ли это как-то с предстоящим расследованием или с теми угрозами, которые мне пришлось выслушать от него?

– Странно, что и казначея, мастера Слайхерста, тоже не было на службе, – как бы между прочим заметил я.

Годвин прикрыл дверь и небрежно махнул рукой.

– Слайхерст часто отлучается по своим должностным обязанностям. Он должен регулярно осматривать недвижимость колледжа в разных концах графства, а ведь до иных нескользко дней пути верхом. Думаю, нынче утром он отправился в Бэкингэмшир, а завтра вернется. А вот и наша библиотека! – Он широко раскинул руки, словно пытаясь единым жестом охватить свои владения, и поощрительно улыбнулся мне: давай, мол, высказывай восхищение.

Библиотека располагалась в первом этаже северного придела напротив часовни и несколько уступала ей в размерах. внешне оба помещения были схожи: те же деревянные балки под потолком, тот же камыш на полу. Здесь сохранилась обстановка прошлого столетия: длинные деревянные кафедры, за которыми читатели стоя могли изучать огромные фолианты, прикованные для верности медной цепью к медному же шесту, стоявшему между кафедрами. В углах горели фонари, закрепленные под сводчатым окном; вдоль стен комнаты стояли деревянные скамьи, а в дальнем конце еще и низенький столик у окна с видом на двор. Годвин подошел к столику, положил ключи, затем взял у меня из рук свечку.

– Вас интересует какая-нибудь книга в особенности, доктор Бруно, или для начала показать вам самые ценные наши манускрипты? – спросил он, обернувшись ко мне через плечо, в то время как сам уже шел вдоль рядов, педантично зажигая свечу за свечой.

– Полагаю, этим ваше собрание не исчерпывается? – указал я на прикованные к столам книги.

– Ну конечно же нет, здесь только ценные старинные тома, которые полагается хранить таким образом, – стыдно сказать, но мы опасаемся воров. Здесь находятся книги, которыми чаще всего пользуются студенты. В основном это сочинения по холостническому богословию, и все они представляют собой величайшую ценность. Большинство подарены нам нашим первым покровителем.

– Декан Флеминг привез их из Италии, – сказал я, кивнув. – А где вы прячете запрещенные книги?

Годвин отшатнулся, побледнел и вытаращился на меня. Похоже, я не на шутку его напугал.

– Нет у нас никаких запрещенных книг, доктор Бруно. О чем это вы?

– Полнο, мастер Годвин, – восклікнул я и легкомысленно махнул рукой: мол,

Джордано Бруно Ересь filosoff.org

ничего особенного не имел в виду и никого не хотел обидеть. – В любом университете есть книги, которые убирают подальше с глаз молодежи. Книги, доступные пониманию лишь старших членов университета.

Годвин вздохнул с видимым облегчением.

– А, ну да, конечно, у нас есть немало книг, которые выдаются только преподавателям, и они уносят их к себе в апартаменты, чтобы там читать без помех. Мы держим их в ларях в той комнате. – Подойдя к стене позади письменного стола, он отворил в ней маленькую, почти незаметную дверцу; по другую сторону дверцы в слабом мерцании свечей можно было разглядеть полутемную комнату и большие сундуки вдоль стен. – А я уж было подумал, вы о еретических книгах ведете речь, – со смущенным смешком добавил библиотекарь.

– Нет-нет, те, как я понял, королевские эмиссары конфисковали и уничтожили много лет тому назад.

Годвин печально кивнул.

– В шестьдесят девятом году прошла большая чистка университетских библиотек. Все, что уцелело во время прежних чисток, – при отце ее величества, при ее брате и сестре, – забрали и уничтожили. Между нами говоря, ничего особенно еретического в тех книгах не было, но после католического разгула в царствование Марии Кровавой университеты попали под подозрение, и всем колледжам пришлось избавляться от любого сочинения, которое могло показаться хоть сколько-нибудь неортодоксальным. К сожалению, в ту пору и наше собрание пострадало.

– Понятия о ереси меняются в зависимости от того, кто приходит к власти, – поддакнул я. – И что же стало с этими опасными книгами?

Библиотекарь посмотрел на меня с недоумением, как будто сам он никогда не задумывался над судьбой конфискованных книг.

– Полагаю, их сожгли, хотя публичной церемонии не было. Продать их не могли, поскольку они были внесены в список книг, запрещенных для чтения. Я в ту пору был студентом, так что не очень-то обращал внимание на происходящее – потел над греческим, старался поменьше думать о девочках. Но если бы у нас тут сложили костер из книг, такое я бы запомнил. – Он ностальгически улыбнулся. – Вы бы спросили Уильяма Бернарда, в то время он был здесь библиотекарем.

Это уже была ценная информация, и я удивился, отчего Бернард ни словом не обмолвился о своей прежней должности во время того разговора о книгах за ужином у ректора. Сообщение меня взволновало: кто знает, этот вспыльчивый старишкашка вполне мог утащить в свое логово драгоценные книги, которые сочли слишком опасными для студентов, предназначенных стать высшими чиновниками и определять будущее Англии? Да, был шанс, хотя и весьма призрачный, что среди этих скрываемых сокровищ, если таковые здесь вообще есть, обнаружится и рукопись, купленная за сто лет до того деканом Флемингом у некоего флорентийского книготорговца, – книга, смысла и цены которой покупатель себе не представлял. Почему же Уильям Бернард столь яростно отрицал даже саму возможность нахождения ее в университете?

Я глубоко вздохнул и попытался скрыть свое волнение от библиотекаря. Я понимал, что, скорее всего, книги в колледже нет, – но имел же я право надеяться? Единственный, кто мог ответить, находилась ли греческая рукопись, не внесенная в каталог, среди приобретенных деканом книг, – это Уильям Бернард: он больше других работал в колледже, он читал по-гречески и, попадись манускрипт ему в руки, уж он бы понял, что это такое. Проблема в том, как заставить его довериться чужаку – нравный стариk и так отнесся ко мне с подозрением: как же, иностранец, да еще и безбожник.

Годвин тем временем зажег последнюю свечу и обернулся ко мне, словно гостеприимный и слегка озабоченный хозяин.

– Хотите посмотреть наш экземпляр *De Officiis*[22] Цицерона, который декан Флеминг скопировал собственноручно? – предложил он, указывая мне рукой на одну из дальних кафедр. – Я зажег свечи, потому что даже по воскресеньям многие студенты любят посидеть тут, позаниматься, тем более что младшим не

– А нет ли в вашем собрании книги мастера Фокса? – по возможности небрежно осведомился я.

– «События и памятники»? – удивился Годвин. – Да, есть издание пятьсот семидесятого года, вторая редакция. Не уверен только, здесь книга или на руках. Она вам нужна?

– После утренней проповеди ректора хотелось бы заглянуть в текст.

– Можете почитать, – неуверенно кивнул Годвин, – однако, боюсь, Фокс не слишком-то благосклонен к вашим единоверцам. Однако я вынужден просить вас читать здесь, выносить книги дозволено только членам колледжа: это как бы некоторая гарантия, на случай если книга пострадает.

– Кому гарантия? – пошутил я. – Книгам или читателям?

Годвин любезно рассмеялся, а затем подвел меня к большому сундуку в задней комнате. Пока он, наклонившись, доставал оттуда стопки книг, я огляделся по сторонам и заметил сундук поменьше, спрятанный в угол да еще и запертый на замок. Годвин аккуратно разложил тома на полу, затем снова нырнул в сундук и вытащил толстый фолиант в простом переплете.

– Я видел эту книгу в Парижской библиотеке, – сказал я, принимая ее из рук библиотекаря, – но тогда только пролистал. Сейчас же проповедь ректора пробудила во мне любопытство. Скажите, житие Игнатия также включено в рассказы о первых мучениках?

– Да-да, десять гонений при римских императорах. – Годвин посмотрел на меня, склонив голову набок: похоже, мои вопросы вызывали у него все большее недоумение. – Они все описаны в первой книге.

В этот момент дверь распахнулась, и рыжеволосый парнишка, который убирал часовню после службы, просунул голову в дверь и легонько кашлянул.

– Мастер Годвин, сэр! Ректор Андерхилл желает поговорить с вами по личному делу, если вы сейчас можете прийти.

Годвин с тревогой посмотрел на меня, затем на посыльного.

– Вы извините меня на минутку, доктор Бруно? Полагаю, вы не злоупотребите моим отсутствием и не попытаетесь украсть книгу-другую. – Он прикрыл шутку смешком.

Я кивнул: пусть себе идет, мне бы в Фокса заглянуть.

– Ваши книги в безопасности, мастер Годвин!

– Если можно, дождитесь здесь моего возвращения. Нельзя оставлять библиотеку незапертой и без присмотра. – Годвин глядел на меня с тревогой, но я поспешил заверить его, что готов защищать его сокровища даже ценой собственной жизни. Только тогда он последовал за рыжеволосым мальчишкой, и то все время оглядывался через плечо.

Я уселся за просторный стол Годвина и раскрыл Фокса на первой книге, но вдруг заметил, что библиотекарь вспыхах оставил на столе ключи. Идея поразила меня как молния: быстро оглянувшись на закрытую дверь, я схватил связку и выбрал маленький железный ключик – с виду как раз от навесного замка, на который был заперт маленький сундук. Вернувшись в заднюю комнату, я опустился на колени, сунул ключ в скважину и повернулся; к моей радости, замок легко открылся. Я поднял крышку. Под ней обнаружилась какая-то черная материя. Это была университетская мантия, покрывавшая книги. Я откинул ее в сторону и взял в руки верхний фолиант, в переплете из телячьей кожи, хрупкий на ощупь, с потертymi краями; достаточно мне было взглянуть на первую страницу, чтобы у меня вырвался испуганный вздох, и я вновь оглянулся на дверь, проверяя, не нарушил ли кто мое одиночество.

Это был экземпляр книги казненного иезуита Эдмунда Кэмпиона «Десять доводов» с печатью типографии города Реймса. Разумеется, эта апология католицизма в Англии – и уж тем более в Оксфорде – была под запретом. Я еще

порылся в сундуке и отыскал другие тексты, столь же неприемлемые для английских властей: памфлеты и трактаты Роберта Персонса, Уильяма Аллена и прочих католических авторов, бежавших на континент. Я быстро пролистывал их, и пульс мой все учащался; когда же снаружи послышался скрип половиц, я чуть из собственной кожи не выпрыгнул – боже, ведь Годвин обещал скоро вернуться! И все же я успел пошарить на самом дне сундука и убедиться, что греческих рукописей нет. Здесь хранились запрещенные издания совершенно определенного sorta – католические книги. Их я быстро покидал обратно, вновь накрыл их мантией, запер сундук, бросил на место ключи, а сам уселся за стол, сосредоточившись на книге фокса и понимая, что Годвин явится с минуты на минуту. Я спешно пролистывал страницы в поисках истории святого Игнатья. Впрочем, найти ее было несложно, уже на сорок шестой странице обнаружилось то, что я и предполагал: из страницы были вырезаны две строчки, причем так аккуратно, что остальной текст не пострадал. Вырезали только то, что составляло содержание подсунутого под мою дверь послания. Страница разрезана с такой точностью, словно орудовали переплетным или острым перочинным ножом, подумал я, бросив взгляд на чернильницу и мастерски заточенное перо библиотекаря. Круг поисков тем самым вовсе не сузился: любой школьник имел при себе перочинный нож.

Тихо клацнула задвижка, и передо мной вновь предстал Годвин. Он прикрыл за собой дверь, остановился и покачал головой будто в тakt каким-то своим мыслям.

– Простите, что бросил вас одного, доктор Бруно. Ректор Андерхилл решил срочно обсудить, какие из книг Роджера Мерсера должны быть переданы в наше собрание. Вам удалось найти то, что вы искали? – любезно уточнил он.

– Боюсь, мастер Годвин, до ваших книг добрались крысы, – прошептал я, жестом поманив его к себе.

Я раскрыл книгу на испорченной странице и предъявил ее библиотекарю. С минуту он постоял, ошеломленный, переводя взгляд с книги на меня и обратно, затем осознал катастрофу, и ярость исказила его лицо.

– Кто?! кто посмел?! – заорал он и вдруг оглянулся через плечо, словно испугался, что нас могут подслушать. – Как вы об этом узнали?

– Листок с вырезанными строчками вчера ночью подсунули мне под дверь.

– Но зачем? – Годвин вытаращился на меня как на опасного безумца.

– Прочтите то, что осталось, – шепнул я.

Он поднес книгу ближе к глазам и бегло просмотрел страницу, а когда вновь поднял глаза на меня, было очевидно, что библиотекарь потрясен до глубины души.

– Игнатий, – прошептал он. – Я – пшеница Господня... Как там дальше, я в точности не помню, но как раз эти слова и вырезали, верно? Там было что-то о хищниках, о зубах хищников.

Я кивнул. Годвин снова заглянул в книгу и медленно выдохнул.

– Вот, значит, что. Думаете, это как-то связано со смертью Роджера?

– Думаю, что именно на эту мысль и хотел навести меня тот, кто послал мне эти строки.

Годвин закрыл книгу и нахмурился, глубокие морщины избороздили его лоб.

– Извините за вопрос, доктор Бруно, но почему он обратился именно к вам?

Я помедлил, прикидывая, что можно открыть этому человеку, а о чем лучше умолчать.

– Дело в том, что я одним из первых был вчера утром в саду, когда на доктора Мерсера напала собака. – Я еще более понизил голос, так что лишь стоя вплотную ко мне Годвин мог разобрать слова. – И то, что я обнаружил в саду, натолкнуло меня на мысль, что смерть Мерсера не была случайной.

Годвин широко раскрыл глаза.

- Но ведь говорили, что калитку забыли запереть, и бродячий пес зашел...
- Да, ваши коллеги не пожелали принять мою версию. А кто-то, напротив, решил укрепить меня в убеждении, что смерть была не только не случайной, но продуманной и спланированной. – Я кивком указал на книгу, которую Годвин все еще держал в руках.

Библиотекарь зачем-то внимательно осмотрел переплет – так, словно сама книга могла заговорить и объяснить, что происходит. Затем взгляд его вновь обратился ко мне.

- По вашему мнению, кто-то хочет дать понять, что Роджер мученик?
- Не знаю, – честно признался я. – Но этот кто-то старается привлечь мое внимание к очевидному сходству между его смертью и смертью Игнатия. Хотя непонятно, для чего превращать доктора Мерсера в мученика?

Мой шепот повис в воздухе. Годвин молча смотрел на меня.

- Не знаю, – повторил он вслед за мной и покачал головой.
- Кто имеет доступ к книгам в дальней комнате? – спросил я.

– У каждого члена колледжа есть ключ от библиотеки, но прежде, чем вынести книгу из хранилища, необходимо обязательно предупредить меня и расписаться в тетради. Студенты пользуются библиотекой только в моем присутствии, и я должен следить за ними, но... но я не всегда так уж бдителен, – огорченно признался он. – Порой мне бывает нужно отлучиться, и, если тут сидят два-три студента и работают, зачем же я буду отрывать их и выгонять из читальни? Украдь книгу кто-нибудь из них на глазах у товарищей вряд ли смог бы, да и за библиотекой присматривают в мое отсутствие.

- Похоже, кто-то злоупотребил вашим доверием, – заметил я.
- Лицо Годвина вновь омрачилось – он уже думал не о загадочной смерти коллеги, а только о вандализме, учиненном в его владениях.
- Но вчера я сидел тут до без пятнадцати пять, а затем запер дверь и вместе со студентами, которые сидели в читальне, отправился на диспут.

- А до этого ни разу не отлучались?

– Вы задаете вопросы, доктор Бруно, прямо как настоящий следователь. – Годвин выдавил из себя усмешку, но глаза его смотрели настороженно. – Наверное, я пару раз отлучился по нужде, хотя в точности не помню. Однако отлучался я совсем недолго, за это время такое, – он стукнул кулаком по злосчастному фоксу, – не сотворишь. Очень уж аккуратно вырезаны строчки, а если бы злоумышленник торопился да поглядывал через плечо, у него бы рука дрогнула.

- Пожалуй, – согласился я. – Но ведь кто-то мог зайти, пока вы были на диспуте?

– Как я уже говорил, ключи есть у всех членов колледжа, а они все присутствовали на диспункте. – Но тут взгляд его метнулся в сторону.

Все, кроме Джеймса Ковердейла, подумал я, но он-то как раз всеми силами отводил меня от подозрений насчет убийства.

- И больше ни у кого ключа нет?
- Только у ректора. И... да, конечно... – Он осекся.
- У кого? – не отставал я.

– Иногда мистрис София пользуется ключом своего отца, – произнес библиотекарь, прикрыв рот рукой, как будто собирался кашлянуть. – Она воображает себя студентом не хуже иных прочих, а ректор ей в этом потакает. Наверное, из-за того, что он потерял сына. Впрочем, это не мое дело, –

добавил он, покачав головой. – Я бы, будь у меня дочь, не распускал ее так, ибо женский ум не предназначен для учения. Я давно уже опасаюсь за ее здоровье. Хорошо еще, что девушке разрешается находиться здесь лишь в те часы, когда нет студентов, иначе они все собирались бы вокруг нее, точно мартовские коты, а такого в своей библиотеке я не допущу, доктор Бруно, ни за что не допущу. Так что пусть уж лучше она открывает дверь своим ключом, когда молодые люди уходят на лекции.

– Значит, она бывает в библиотеке и в ваше отсутствие?

– Наверное, – отвечал Годвин; это явно не от него зависело. – Раз уж отец ей позволяет, что я могу поделать? По крайней мере, книги-то она воровать не станет.

Воровать не станет, подумал я, но ведь могла она прийти сюда вчера вечером, зная, что все члены колледжа ушли на диспут и раньше чем через час не вернутся?

Накануне я пытался расспросить ее насчет цитаты из Фокса, а она и глазом не моргнула, но ведь это еще не доказательство. С другой стороны, зачем бы София стала посыпать мне анонимное письмо, а затем притворяться, будто ничего не знает, когда у нее была возможность обсудить все со мной наедине? Тот, кто подсунул листок под дверь, старался не выдать себя. Как бы скучны ни были предоставленные сведения, информатор желал остаться неизвестным. Возможно ли, чтобы София кого-то подозревала, но не могла открыто заявить о своих подозрениях? Что, если она подозревает родного отца?

– Благодарю вас, мастер Годвин, – сказал я, поднимаясь со стула и собираясь уходить.

– Но я же еще не показал вам иллюстрированный манускрипт посланий святого Киприана – его декан Флеминг тоже привез из Флоренции. – В глазах библиотекаря мелькнула обида.

Пока я многословно извинялся за то, что столь поспешно расстаюсь с его сокровищами, я имел возможность как следует рассмотреть лицо Годвина: большие печальные глаза, и в них какая-то беспомощная искренность. Но я знал, что у Годвина есть свои секреты, и напомнил себе, что не следует верить тем лицам-маскам, которые члены колледжа являются мне и миру. В первый же вечер Уильям Бернард любезно предупредил меня: ни один человек в Оксфорде не есть тот, кем он кажется.

Глава 9

Погруженный в эти мысли, я вышел во внутренний двор – впервые с того дня, как мы покинули Лондон. Тучи еще клубились над головой, но дождь, непрерывно ливший последние три дня, на время стих. Часы над аркой показывали половину девятого. Тишина, зловещая тишина.

Я поднял голову и посмотрел на окна комнат, которые занимал ректор. Интересно, в какой из них София? Как же мне повидаться с ней, несмотря на отцовский запрет? Да плевать я на него хотел!

И тут у меня вырвалось проклятие: я же почти пообещал Сидни, что поеду вместе с ним и пфальцграфом Ласким на охоту в лес Шотовер. Придется пойти в колледж Церкви Христовой и поговорить с Сидни. Он разозлится, если я откажусь от поездки, и я его прекрасно понимал и сочувствовал, – каково целый день таскаться с этим болваном! – но мне на охоте делать нечего, даже если бы все мои мысли не были поглощены поисками убийцы. Не гожусь я для джентльменского спорта, этим искусствам надо обучаться смолоду, как обучался Сидни. Надо бы только поручить ему разузнать насчет охотничьей своры. А я пока смогу что-нибудь разведать, оставаясь в университете. И следует, пожалуй, каким-то образом расположить к себе Томаса и Уильяма Бернарда: оба, как я подозреваю, что-то знают о католическом подполье и это «что-то» может быть связано со смертью Мерсера. Хотя, если они причастны к столь опасным тайнам, со мной уж точно не станут откровенничать.

Без особой охоты я вернулся к себе в комнату, хорошенко умылся и напомнил себе, что надо бы узнать у Коббета, где проживает цирюльник. Пора уже мне привести в порядок бороду. Надо также найти прачку и отдать ей мои рубашки: ведь мне предстоит провести в колледже еще как минимум три дня.

Пока я одевался, желудок громко требовал пищи. Я достал из своего багажа полученный от Уолсингема кошелек и решил выбраться в город. Авось найдется местечко, где дадут поесть и утром в воскресенье.

двор все еще был пуст, и тишина казалось неестественной. Или в Оксфорде по воскресеньям студенты сидят взаперти? На пути к воротам я заметил Габриеля Норриса. Парень спустился по лестнице и куда-то направлялся с кожаной сумкой на плече. Я отступил назад в тень: не хотелось вновь заводить разговор о следствии.

Норрис был одет в черное, однако даже на расстоянии было видно, что и камзол, и штаны сшиты из шелка дорогим портным, а короткий плащ на его плечах явно был бархатный.

Габриель оглянулся по сторонам, но меня в моем укрытии вроде бы не заметил и быстрым шагом направился к воротам. Что-то в этом поспешном бегстве показалось мне странным, — я не сразу припомнил, что именно, но потом сообразил: Габриель отказался от приглашения поохотиться вместе с пфальцграфом и Сидни. Любопытно, конечно, что оказалось для молодого англичанина привлекательнее охоты? Я решил последовать за Габриелем, тем более что я все равно собирался в город. Учитывая его хвастливую болтовню насчеточных вылазок и сплетни Лоренса Уэстона, касающиеся некоторых странных предпочтений молодого человека, я даже понадеялся поймать его на горяченьким и подтвердить догадки Уэстона. Если бы мне это удалось, я мог бы в подходящий момент представить доказательства Софии и убедить ее отказаться от этого субъекта — если, конечно, вздохала она именно по Габриелю.

Я пропустил парня вперед и, помахав рукой Коббету, глазевшему в свое маленькое окошко, неторопливо прошел через главные ворота на Сент-Милдред-Лейн. Норрис был уже довольно далеко. Он быстро шел на север, в сторону колледжа Иисуса, и мне пришлось пуститься рысью, чтобы вовсе не отстать от него. Я держался в тени колледжа Эксетера, который мы как раз проходили, при этом напустив на себя вид праздного гуляки, — если бы Габриель вдруг обернулся и заметил меня, вряд ли он заподозрил бы меня в соглядатайстве.

После трехдневного дождя улица была вся в грязи, и Норрис тщательно обходил канавы и лужи, а один раз остановился, чтобы счистить брызги со своих изящных кожаных башмаков; даже на расстоянии было видно, как он недоволен. На пересечении Сент-Милдред-Лейн с Соммер-Лейн Габриель, не раздумывая, свернул вправо, и я последовал за ним, прижимаясь к старинной городской стене — она вдруг выросла слева от меня, точно настоящий крепостной вал. На улицах практически никого не было, только две семейные парочки в нарядной одежде — они конечно же спешили в церковь. Впереди слышался звон колоколов, до службы уже оставалось недолго.

Мой «объект» шагал быстро, как будто опаздывал на условленную встречу, но, судя по его свободной манере держаться, на уме у него не было ничего такого, что он хотел бы скрыть. Мешок, который он нес, был хотя и довольно большой, но, видимо, не оттягивал ему плечи. Проходя мимо школы богословия, я невольно поежился, но двинулся дальше вслед за Габриелем. Дойдя до поворота на другую улицу (там висел указатель с надписью «Кэт-стрит»), Габриель зашел в дверь в городской стене, рядом с маленькой часовней. Я остановился между домов напротив этой двери и окончательно почувствовал себя в дураках: чего увязался?

За городской стеной шла широкая дорога с редкими домами; дома были низкие, старенькие, окруженные большими, не слишком ухоженными участками земли; позади них, насколько хватало глаз, тянулись сады. Земля вокруг меня была разбита колесами повозок и лошадиными копытами, но я смотрел не под ноги, а вслед Норрису: тот пересек дорогу и двинулся вправо; мешок свободно болтался у него на плече.

Он миновал небогатые домишкы и вышел в открытое поле. Там для меня уже не было укрытия, а потому я решил приотстать. Городская стена отчасти прикрывала меня, однако, если бы Габриель обернулся, он бы, конечно, заметил меня. Минут через десять Габриель вновь свернул налево, на широкий проселок, по обеим сторонам которого тянулись сады и поля. Поскольку тут мне уже негде было спрятаться, я едва не повернул назад, но любопытство

Строений тут никаких не было, впереди я видел только приземистую, с квадратной башенкой, церковь – очень старинную, как понял я, приблизившись. Норрис обошел церковь, за ним и я. Сзади нее открылась стена, сложенная из светлого камня, окружавшая солидный сельский дом: трехэтажное здание с окнами под самой крышей. Придомовой участок также окружала стена из светлого камня. Остановившись возле церкви, я следил, как Норрис подходит к калитке в этой стене. Калитка отворилась, и гости пустили внутрь – кто ему открыл, я со своего места разглядеть не мог.

делать мне тут было больше нечего, я развернулся и пошел обратно в город, браня себя за напрасно потраченное время. Признаться, я был не прочь подглядеть за свиданием Норриса с каким-нибудь юным содомитом, но сама по себе его прогулка не вызывала особых подозрений: естественно, что у богатого молодого человека имеются знакомые среди зажиточных оксфордцев, а этот каменный дом конечно же принадлежал не бедным хозяевам. Ничего полезного я не выяснил, и только на обратном пути через поля, время от времени останавливаясь и вдыхая запах мокрой земли и свежей листвы, я припомнил: ведь Габриэль держит собственного коня где-то в конюшне за городской стеной. Так вот куда он шел – взять свою лошадку и прокатиться! Хорошо, что я не попался ему на глаза, – вот дураком бы я выглядел, соглядатай самозваный!

Но ругать себя не хотелось: так свежо пахло после дождя и такая здесь царила свобода, после удущивой, почти тюремной атмосферы колледжа Линкольна, с его интригами и тайной злобой, которая прорвалась наружу и погубила несчастного Роджера Мерсера. Не хотелось возвращаться в этот квадратный двор, окруженный со всех сторон окнами, за которыми множество недобрых глаз. Я решил пройтись вдоль длинной городской стены, так сказать, провести разведку на местности, а заодно отыскать постоянный двор, где меня накормили бы горячим завтраком.

Когда я прошел уже церковь Святой Марии Магдалины, чуть подальше, возле покосившегося здания – вероятно, заброшенной таверны – внезапно налетел порыв ветра. Он пронесся по улице, срывая последние лепестки с уже отцветающих деревьев, а надо мной вдруг раздался угрожающий треск. Я поднял голову и увидел раскаивающуюся на ржавых петлях вывеску. Она скрипела и скрежетала, явно собираясь рухнуть мне на голову. И хотя краска на ней выцвела и облупилась, я чуть не вскрикнул от изумления: на ней отчетливо видно было то самое колесо со множеством осей или спиц, которое я видел в дневнике Мерсера и на астрономической схеме, подсунутой мне под дверь.

Я подошел к двери в это заброшенное заведение и дернул за ручку, отнюдь не рассчитывая попасть внутрь: казалось, дом необитаем и вот-вот развалится. Однако дверь со скрипом отворилась, и я увидел помещение с низким потолком, шаткими столами и скамьями. Пахнуло сыростью и пылью. Огонь в очаге давно погас и был присыпан холодной золой; немногочисленные посетители беседовали вполголоса, склонившись над своими кружками с таким видом, словно стыдились самих себя.

В этом заведении, ясное дело, не приветствовали случайных гостей. Но я все же зашел, осторожно прикрыл за собой дверь и уселся в углу, поблизости от той дыры в стене, из которой подавали пищу. Незамеченным я не остался: я чувствовал на себе быстрые, исподтишка, взгляды. Но и я кое-кого узнал поодаль: в компании из четырех человек, которые поглядывали на меня, перешептываясь, сидел безухий, тот самый, что следил за мной у городской стены перед диспутом и которого знал Джеймс Ковердейл, хотя и отговорился, что это, мол, «никто». Безухий не перешептывался, а в упор смотрел на меня тем же ледяным и дерзким взглядом. Я, не выдержав, отвернулся: очень уж необычные были у него глаза – светло-голубые и прозрачные, как будто подсвеченные изнутри.

Незнакомец смотрел на меня так, что я испугался, не напрашивается ли он на ссору – мне уже было совершенно очевидно, что в подобном месте прохожий не может спокойно выпить, посторонних здесь встречают враждебно. Я отвел глаза, а когда вновь поднял взгляд, то увидел перед собой плотную женщину лет сорока в запачканном фартуке. Она стояла почти вплотную ко мне, сложив руки на груди. Пряди седоватых волос обрамляли лицо с тяжелой квадратной челюстью, глаза смотрели подозрительно.

– Чего желаете, сэр?

– Кувшинчик эля.

Она коротко кивнула, но продолжала разглядывать меня.

– Ваше лицо незнакомо мне, сэр. Как вы попали в «Колесо Катерины»?

– Я шел по улице и проголодался. Увидел вывеску и решил завернуть сюда.

Женщина подозрительно сощурилась:

– Похоже, вы не местный.

– Я родился в Италии, – ответил я, честно глядя ей в глаза.

Хозяйка поджала губы и кивнула.

– Друг папы?

– Лично с ним незнаком, – пошутил я, и на миг ее лицо смягчилось; она чуть было даже не улыбнулась.

– Вы поняли, о чем я, сэр.

– От моего ответа зависит, получу ли я выпивку?

– Мы просто хотим быть уверены в наших посетителях, сэр.

Я снова оглядел зал: да уж, таких надежных посетителей поискать. Больше всего это зрелище напоминало придорожные гостиницы, в которых мне доводилось ночевать после бегства из Сан-Доменико.

– Я был воспитан в католической церкви, – ровным голосом ответил я. – Не знаю, как это отразится на моей репутации, во всяком случае, деньги у меня в кошельке такие же, как у всех.

Женщина окончательно успокоилась и уже двинулась прочь за моим элем, но приостановилась:

– А как вас звать?

– Филиппо, – ответил я и сам удивился легкости, с какой это имя соскользнуло с языка.

Ожила память скитальческих лет, когда я мог называться только именем, данным мне при рождении – открыть свое монастырское имя означало бы попасть в руки палачей. И здесь, в этом мрачном кабаке, под косыми взглядами и перешептыванием завсегдатаев, инстинкт снова пробудил осторожность.

– Меня зовут Филиппо Нолано, – сказал я.

Этим хозяйка вполне удовлетворилась. Она кивнула и даже изобразила нечто, похожее на реверанс.

– Вдова Джоан Кенни, к вашим услугам. Что желаете покушать, сэр?

– А что у вас есть?

– Похлебка, – непререкаемым тоном сообщила она.

За время моего пребывания в Англии я успел выяснить, что похлебка – это студенистое варево, получаемое из смеси овсяных хлопьев и крепкого мясного бульона. Если ее сварить правильно, собаки, может, и станут есть. Впрочем, англичане поедали ее, как бы она ни была приготовлена, едва ли не трижды в день.

– А мяса нет? – с надеждой осведомился я. – Как-никак, воскресенье.

– У нас варят похлебку. Хотите – берите, нет – так нет.

я нехотя согласился.

– Хамфри! – позвала хозяйка.

дверца возле окошечка в стене отворилась, и высунулся молодой человек – простоватое лицо со светлыми кудряшками, в руках грязное полотенце. Ростом он, пожалуй, превышал шесть футов и явно давно уже отпразновал совершеннолетие, но его взгляд, в котором сквозило детское желание угодить, выдавал слабоумного.

– Принести мастеру Нерлано похлебку и кувшин эля, да поживее, и не лезь к нему со своей болтовней! – распорядилась хозяйка.

Хамфри часто-часто закивал головой. При этом он сильно запрокидывал голову, а затем резко опускал подбородок к самой груди, вертя при этом в руках свой грязный утиральник.

– Он из Уэльса, – сочла нужным пояснить хозяйка, словно этим объяснялись странности молодого человека.

Парень скрылся в недрах кухни, а женщина пересекла комнату и остановилась возле стола, где сидел безухий, и негромко поговорила с ним о чем-то. Тот наклонил голову и, в отличие от уэльсца, слегка кивнул, продолжая при этом наблюдать за мной.

Юный Хамфри притащил мне миску с еле теплой серой жижей – половину он расплескал прямо на стол – и поставил передо мной деревянную чашу с пивом (сверху плавала грязная пена), сам же остался стоять возле стола, улыбаясь во весь рот.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил я, но он не уходил. Чаевых, что ли, ждет? – удивился я.

– Вы из Италии? – нараспев спросил он, наклоняясь, чтобы заглянуть мне в глаза, и по-собачьи склонив голову набок.

– Точно, – подтвердил я и попытался обмакнуть горбушку хлеба в похлебку. Похоже, чертово варево успело застыть.

– Скажите что-нибудь по-итальянски, – попросил Хамфри. Так ребенок просит уличного фокусника «показать что-нибудь».

– Non darei questo cibo nemmeno al mio cane,[23] – с любезной улыбкой отвечал я, однако на всякий случай понизил голос. Глаза парня зажглись таким восторгом, словно я сумел извлечь монету у него из уха, и улыбка его сделалась еще шире.

– Что это значит?

– О, так просто это не переведешь. Похвалил вашу прекрасную пищу.

Парень наклонился совсем близко, его дыхание защекотало мне ухо. До чего же он провонял луком!

– Итальянского я не знаю, – шепнул он, – зато я учил латынь.

– О, прекрасно, – отозвался я, ожидая, что сейчас он обрушит на меня какую-нибудь галиматию: где уж приурковатому трактирному служке набраться латыни? Но парень вновь энергично закивал, и его лицо сделалось почти торжественным.

– Ora pro nobis, – шепнул он мне на ухо, а затем слегка отодвинулся, чтобы разглядеть, какое произвел на меня впечатление. Он был доволен собой и ожидал похвалы.

Я с трудом удержал равнодушный вид. В голове стучало. Впервые забрезжил пока еще очень слабый свет.

– Молодец, Хамфри! А что ты еще знаешь? – прошептал я в ответ.

Парень просиял и снова склонился поближе ко мне, но тут раздался визгливый
Страница 100

голос трактирщицы:

– Хамфри Причард! Я же тебе говорила, не лезь к джентльмену. Или тебе заняться нечем? Джентльмен не станет слушать твою чушь, дай ему покушать в свое удовольствие! – Ведьма врезала Хамфри по затылку и погнала здоровенного детину обратно в кухню. Хотя он был вдвое выше нее, он согнулся и виновато зашаркал прочь.

Хозяйка деловито вытерла руки о фартук и выжала из себя профессиональную улыбку.

– Он не дерзил вам, сэр? – спросила она, однако я хорошо понял, чем вызвана тревога в ее глазах.

– Вовсе нет. Только спросил, нравится ли мне угощение.

Женщина воинственно прищурилась.

– И как – нравится?

– Мм... Большое спасибо.

Она посмотрела на меня так, словно хотела еще что-то добавить, но лишь кивнула и удалилась в кухню; откуда послышались голоса – насколько я мог понять, хозяйка продолжала отчитывать беднягу Хамфри, а тот пытался оправдываться.

Еда меня, конечно, не порадовала. Я с трудом пропихивал внутрь эту мерзкую слизь, причем мрачные взгляды безухого и его компании отнюдь не способствовали аппетиту. Лучше бы уж он подошел и объяснил, чем я так его заинтересовал. Но безухий оставался сидеть на своем месте, лишь изредка чуть наклоняясь, чтобы шепнуть что-то одному из товарищей.

Я уткнулся взглядом в тарелку, перебирая в уме крохи добытых сведений. Ога *pro nobis*. Молись за нас. Слова зашифрованные на последней странице дневника Роджера Мерсера. Слова из *Ave Maria*, слова, повторяющиеся в литании всем святым. Неученый парень, вроде Хамфри Причарда, мог подцепить их только на католической мессе. Значит, он либо участвовал в службе, либо слышал ее. Как это могло случиться? Не от завсегдатаев ли «Колеса Катерины» нахватался он этого? Тогда понятно, почему хозяйка запрещает ему разговаривать с чужаками. Но почему Роджер записал эти слова тайнственными символами? Был ли это пароль, по которому опознавали друг друга заговорщики? А «Колесо Катерины» – не место ли их тайных встреч? Или это прибежище уцелевших католиков и мой анонимный корреспондент хотел привести меня именно сюда?

Раздумывая над этим, я машинально уставился на безухого, сам себе не отдавая в этом отчета. Но он, словно разбуженный моим взглядом, поднялся на ноги, одернул на себе камзол и, окликнув хозяйку, попросил счет.

– К моему прискорбию, вдова Кенни, придется мне вас покинуть. Хотя нынче день субботний, но дела призывают, – сообщил он, а я с удивлением отметил, что у безухого речь образованного человека. Это совершенно не вязалось с его наружностью клейменого вора.

В очередной раз я вынужден был укорить себя за привычку судить человека по внешности и манерам. Я выждал, пока за ним закрылась дверь, и двинулся следом. Возможно, вдова Кенни и сочла мою поспешность неприличной, но ее взгляд все равно не мог бы стать более неприязненным. Она равнодушно поблагодарила меня, когда я бросил на стол несколько монет. Я же выскочил на улицу и поглядел в обе стороны, высматривая безухого. Мне повезло: он успел только дойти до угла, где стояла церковь. Уже привычно держась в тени, поближе к стенам домов, я двинулся вперед, убеждая себя, что следить за безухим – вполне достойно агента Уолсингема (не то что выслеживать мальчишку Норриса). Мне вообще нравилась опасность. Она придавала мне сил.

Безухий пересек широкую улицу и прошел в северные ворота близ церкви Святого Михаила и тюрьмы Бокадо. Я шел за ним на приличном расстоянии по Соммер-Лейн, мимо парадного входа в колледж Эксетера и заднего в школу богословия. В какой-то момент мне показалось, будто кто-то следит за мной, и я резко обернулся. Но увидел лишь нескольких прохожих, все они, как мне

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
показалось, были заняты собственным делом и мной не интересовались, а потому я отнес это внезапное подозрение на счет разыгравшихся нервов и пошел за безухим дальше.

На углу возле университетских школ безухий свернул направо, в узенькую Кэт-стрит, где дома так плотно жались друг к другу, что верхние этажи, нависавшие над улицей, совершенно затеняли ее, и земля под ногами не просыхала. Надо мной висели, негромко поскрипывая и раскачиваясь на ветру, пестрые вывески; судя по их обилию, это была торговая улица, а покупатели тут, похоже, были в основном из университетского сообщества: виднелись знаки типографов, торговцев канцелярским товаром, изготовителей мантий, книготорговцев и переплетчиков. По случаю воскресенья все было закрыто и рамы опущены.

Безухий замедлил шаг. Я тоже. Показалась фигура в черной академической мантии и бархатном берете, двигающаяся с другой стороны навстречу нам. Человек шел медленно, с трудом передвигая ноги, по всей видимости, он был уже стар. Перед небольшим магазинчиком с грязными окнами безухий остановился и поднял руку в приветствии, а стариk в бархатном берете махнул в ответ рукой и неторопливо сделал еще несколько шагов. Я отскочил и спрятался в каком-то проходе – и вовремя: поравнявшись с тем магазинчиком, стариk снял берет и внимательно оглядел улицу, словно опасаясь слежки. Теперь я узнал его: это был доктор Уильям Бернард. Безухий, ни слова не говоря, отсоединил от пояса связку ключей и отворил дверь магазина; затем он тоже огляделся по сторонам – я еще больше вжался в тень, – распахнул дверь, пропуская доктора Бернарда, а сам вошел вслед за ним, склонив голову под низкой притолокой. Дверь закрылась, я услышал громкий стук засова.

Странный это был магазин – без вывески. Я вылез из своего убежища и подобрался поближе, но вплотную подойти не рискнул, хотя, думается, они мало что могли рассмотреть сквозь единственное грязное окно. Вблизи я увидел, что над дверью имелась-таки надпись, мелкая, но, впрочем, выведенная аккуратно: «Р. Джэнкс. Переплетчик и книготорговец».

Я сделал шаг назад и с размаха налетел на высокого человека, прикрывавшего лицо широкими полями шляпы. Бедняга чуть не упал.

– Scusi, – машинально извинился я на родном языке.

Прохожий в ответ пробормотал что-то и поспешил прочь. Глядя ему вслед, я пытался угадать, откуда он взялся, ведь до сих пор я у себя за спиной никого не видел. Вышел из какого-то магазинчика? Вряд ли, ведь все они закрыты. Мне припомнилось неприятное ощущение, будто за мной кто-то наблюдает, когда я вслед за безухим свернул на Кэт-стрит.

Человек, которого я толкнул, дошел до ближайшего поворота и, не оглядываясь, скрылся за углом. Лица его я разглядеть не успел, запомнил лишь темную бороду. Была ли такая борода у кого-нибудь из завсегдатаев «Колеса Катерины»? Надо было внимательнее разглядеть товарищей безухого, но все они сидели ко мне спиной. Зачем бы кому-то из них преследовать меня от самой таверны? Или достаточно было мне забрести в кабак, где меня явно не ждали, чтобы возбудить подозрения? А может, они заметили, что я слежу за их дружком?

На обратном пути я тщетно пытался привести мысли в порядок. Кто был этот безухий, который общается в тавerne с какими-то бандитами и с докторами из Оксфорда? Если это был Джэнкс, «переплетчик и книготорговец», то неудивительно, что Бернард знает его. Но с чего бы старику заниматься делами в воскресенье? Кроме того, похоже было, что профессору не очень-то хотелось попасться на глаза знакомым. Напрашивалось простейшее объяснение: вероотступники собирались в «Колесе Катерины», а Бернард, как я мог заметить, сочувствовал старой вере. Связующим же звеном между ними служил книготорговец. Все это было вполне логично и, стало быть, означало, что я нашупал конец цепочки, по которой в городе передавались запрещенные книги, нашупал нить заговора, так интересовавшего Уолсингема. Да, но только сам-то я ничего не выяснил, сообразил я, опомнившись: кто-то обдуманно и умело подвел меня к этому открытию, кто-то позаботился о том, чтобы я соотнес знаки в записке со смертью Роджера Мерсера. Мне следовало бы не по улицам бегать, а попытаться найти этого тайного осведомителя.

Привычной дорогой я миновал школу богословия и свернул на
Страница 102

Сент-Милдред-Лейн. Слева от меня уже возвышались башенные ворота колледжа Линкольна, светлые под ярким полуденным небом. Пройдя под арку, я услышал за спиной стук и, обернувшись, понял, что меня зовет Коббет, прильнувший к своему окошку.

— Малый только что искал вас, доктор Бруно, — прохрипел он, отдуваясь так, словно сам пробежал немалое расстояние, разыскивая меня. — Малый из Церкви Христовой приходил узнать, поедете ли вы нынче днем в Шотовер.

Я едва не выругался: надо же, увлекся своими похождениями и совершенно забыл и о просьбе Сидни, и о том, что надо сходить к нему и извиниться. А сейчас, наверное, уже поздно.

— Не поеду, — сказал я то ли самому себе, то ли Коббету. — Надо было мне зайти и предупредить моего друга.

— Ясное дело, — посочувствовал Коббет. — Я так и смекнул, что охота не для вас. Ростом вы не вышли для большого лука, с позволения сказать.

Я кивнул — не вышел так не вышел — и собрался было уходить, но вовремя припомнил совет Сидни: привратник колледжа — бесценный кладезь информации, а бутылочка эля, которую мы с Филиппом купили как раз для того, чтобы откупорить этот кладезь, все еще дожидалась в моей комнате.

— Выпить со мной не откажетесь? — спросил я Коббета.

— Да вы будто мои мысли читаете, доктор Бруно, — весело ухмыльнулся он беззубым ртом. — Как раз думаю, что-то в горле пересохло. Ясновидение это у вас, не иначе.

— Какое там ясновидение! Настоящую жажду распознать нетрудно, — рассмеялся я. — Вы меня подождите, сейчас сбегаю.

Привратник грузно опустился на свой стул.

— Не извольте беспокоиться, я отсюда ни ногой. Поищу нам пока что чистые кружечки. Мы ведь к гостям непривычные, правда, Бесс? — продолжал он, ласково почесывая псину за ушами, и та отзывалась таким же ласковым ворчанием.

Когда я принес бутылку, Коббет, не теряя времени, откупорил ее и щедро плеснул эля в две деревянные кружки. Всматриваться в свою, чиста она или не очень, я не стал. Коббет усадил меня на низенький стульчик в углу привратницкой; лицо его так и лучилось от удовольствия.

— Добрый эль и добрая компания, — провозгласил он, изрядно отхлебнув из кружки; подержал эль во рту, посмаковал его, прежде чем проглотить. — Ну что ж, вижу, у вас есть ко мне вопросы. Я ведь тоже читаю мысли, а вы и не знали? — подмигнул он.

Я заранее решил говорить с Коббетом так же открыто, как он говорил со мной: этот старик мог легко разгадать любые уловки.

— Знаком ли вам книготорговец Джэнкс с Кэт-стрит? — спросил я.

Запрокинув голову, Коббет захохотал так, что я испугался, как бы его не хватил удар. Он ревел, топал ногами и отлевывался. Наконец, пришел в себя и утер рот рукавом.

— Господь и все святые, доктор Бруно, во что вы тут у нас превратились? — Он укоризненно покачал головой, все еще посмеиваясь. — Вы приехали в Оксфорд в обществе знатнейших людей страны, и вот, пожалуйста, двух дней не прошло, а вы уже водите компанию с самым отпетым мошенником в городе! Держитесь-ка вы подальше от Роуленда Джэнкса, вот вам и весь мой сказ.

— Небогатый книготорговец — первый преступник в городе?

— Этот Роуленд Джэнкс непростая штучка. Он папист, да еще и колдун.

— В самом деле? — Любопытство мешало мне усидеть на низеньком стуле.

Коббет был из тех рассказчиков, которые ничего не скрывают, лишь бы заинтересовать публику.

– Про черные ассизы[24] слыхали? – таинственно начал он.

Я покачал головой.

– Ну так вот. – Он мастерски выдержал паузу, не спеша допил эль и столь же щедро плеснул себе вторую порцию. – Шесть лет тому назад, летом семьдесят седьмого это было, жара стояла страшнейшая, а Роуленда Джэнкса арестовали по обвинению в заговоре и мятеже и заперли в Оксфордском замке – там у нас держат заключенных от одной сессии суда до другой.

– В каком заговоре он участвовал?

– Не гоните, дойдет и до этого в свое время, – возразил умелый рассказчик.
– Его уличили в распространении запрещенных книг – папистских книг, которые у нас тут не издают. Он ввозил их контрабандой из Франции и Нидерландов. Говорят, он и сам по крови голландец, но это сплетни, а я не из тех, кто распространяет брехню.

– Разумеется, нет, – замотал я головой.

– Вот именно. Итак, голубчика взяли за эти книги, и нашлись свидетели, которые показали, что слышали от него мятежные речи супротив самой королевы. Но когда дело дошло до суда, вот тут-то весь ужас и приключился. Его привели в Шир-Холл, это у самой тюремной стены, и там он с другими подследственными ждал, покуда лорд главный шериф и лорд первый барон не вызвали его пред свои светлые очи. Само собой, его признали виновным. Но в тот самый момент, когда ему выносили приговор, зал суда наполнился вдруг ужасной вонью, такой, что присутствовавшие задыхались, а некоторые и в обморок падали.

Коббет замолчал, чтобы подкрепиться живительной влагой, а я прямо-таки извергся на краешке стула.

– И что же?

– Вы-то, наверное, не поверите, но мне рассказывали люди, которые это своими глазами видели, – зашептал Коббет, и глаза у него округлились, как будто он сам себя напугал своим рассказом. – Все присяжные, сколько их было, померли через день-другой после того суда, да не только присяжные, а все вообще, кто был тогда в зале суда. Недели не прошло – все покойнички. Шериф, барон, приставы – все до единого. Триста человек вымерло в Оксфорде к концу месяца, опосля чего мор прекратился, как бы его и не было. И вот еще что. – Коббет подался вперед, уткнулся подбородком в кружку с элем. – Они-то все померли, а заключенные, которых таскали в тот день на ассизы, все живы остались, даже ни одна баба не померла, ни один младенчик! И вы будете говорить, что это обычная болезнь?

– Значит, это был сглаз?

– Проклятие Роуленда Джэнкса, – почтительно произнес Коббет. – Пока он сидел заперты, дожидалась сессии, его, бывало, выпускали на прогулку, под стражей, понятное дело. Говорят, Джэнкс зашел как-то к аптекарю и спросил у него кучу снадобий по списку. Аптекарь видит, что все самые сильные яды, и спрашивает: зачем ему отрава? А Джэнкс и говорит: крысы, мол, у него в магазине все книги погрызут, покуда он в тюрьме сидит. Ясно? Купил он это все, а потом, надо думать, пропитал этим фитиль да и поджег, когда ему приговор оглашали.

– Значит, у заключенного имелись при себе кремень и огниво и он пронес их в зал суда? – усомнился я. – По-моему, все проще: в тюрьме от тесноты лихорадка началась, а затем перекинулась на судей.

Коббет был явно разочарован: стоило ли рассказывать такому скептику?

– Ну, уж про тюремную лихорадку мне ничего не известно, сэр, а только добрые христиане переходят на другую сторону улицы, как завидят Роуленда Джэнкса. Да и вам не мешало бы следовать их примеру.

– А запрещенные книги? Он все еще ими торгует?

– Кто его знает, чем он занимается, сэр. Я же вам говорю, от него все стараются держаться подальше. Уж наверное, чем-то он промышляет, но ни один суд теперь не решится преследовать его!

Привратник вновь плеснул себе эля в кружку, предложил и мне, однако был весьма доволен, когда я отказался.

– А к чему его приговорили в тот раз? – поинтересовался я.

– Прибили за уши к позорному столбу! – Коббет явно смаковал каждое слово. – И знаете, что он сделал?

Отчасти я уже догадался, но не лишать же рассказчика удовольствия: я покачал головой – понятия, мол, не имею – и выпучил глаза в ожидании.

– Простоял час у столба как миленький, а тем временем его приятель отыскал где-то мясницкий нож и принес ему. Джэнкс преспокойно отрезал себе оба уха на глазах у горожан, которые собрались позабавиться, и пошел себе. Говорят, даже не вскрикнул. Пошел себе, а уши остались висеть на столбе.

Я аж содрогнулся, и Коббет одобрительно кивнул: действовало.

– Вот что за человек Роуленд Джэнкс, доктор Бруно. И держитесь-ка вы от всей этой шайки подальше.

– От какой шайки? Которая в «Колесе Катерины» собирается?

Если бы я обругал Коббета прямо в лицо, а заодно и всю его семью, и то бы он так не побагровел.

– Христос владыка, чем это вы с утра занимались, доктор Бруно? Да ведь не то что ходить в такое место – достаточно его помянуть, и неприятностей не оберешься.

– Как это? – прикинулся дурачком я. В конце концов, я же иностранец, могу и не знать ничего.

– Слушайте. – Коббет зашипел, захрипел, поманил меня поближе к себе. – Слушайте: те, которые ходят в «Колесо Катерины», они не за выпивкой и не за едой туда ходят.

– В этом я имел несчастье убедиться, – понимающе откликнулся я. – А из студентов или преподавателей колледжа кто-нибудь там бывает?

Коббет прищурился и принялся рассматривать меня, будто прикидывая, стоит ли еще что-нибудь объяснять этому придурковатому, но чересчур любопытному иностранцу. Он бы, пожалуй, не удержался и ответил, но тут дверь в привратницкую распахнулась, и быстрыми шагами вошел ректор Андерхилл, подол его мантии так и развевался. Он явно удивился, застав почетного гостя колледжа за кружкой пива с привратником, но быстро овладел собой и приятно улыбнулся.

– Добрый день, доктор Бруно, – любезно и официально приветствовал он меня. – Коббет, доктор Ковердейл сегодня выходил из колледжа? Его нигде нет, но он не предупреждал меня об отлучке.

– Не видал его, даже краем глаза не видал с прошлой ночи, – отвечал Коббет, снимая со стола бутылку и кружки и пряча их под стул, как будто ректор до тех пор не успел их разглядеть.

Ноздри Андерхилла заметно раздувались, он был в ярости.

– Как только он войдет в эти ворота, шлите его прямо ко мне! Срочно!

– Непременно, сэр, – почтительно ответил Коббет.

– Могу я попросить вас на два слова, доктор Бруно? – таким же вежливым, но угрожающим тоном предложил мне ректор.

– Непременно, – отвечал я, только что не добавив «сэр», и поднялся с шаткого стула. Кивком распрощался с Коббетом, тот весело подмигнул мне, и мы с ректором вышли в арку.

– Буду вам весьма благодарен, если вы не станете впредь угощать моих работников спиртным. Этому и так особого приглашения не требуется. – Ректор бранил меня, почти не раскрывая рта, а стоило мне открыть рот, чтобы возразить или извиниться, как он остановил меня, приподняв руку и сменив вдруг тон: – Буду рад видеть вас сегодня за ужином в столовой. Все мы несколько приуныли после смерти бедняги Роджера, а в вашем присутствии ужин, будем надеяться, пройдет веселее.

– Благодарю вас, буду счастлив, – столь же вежливо и неискренне принял я приглашение.

– Прекрасно. Мы садимся за стол в половине седьмого. Вы услышите колокол.

Прежде чем ректор удалился, я окликнул его:

– Доктор Андерхилл, хотел вас спросить: сегодня утром после службы я ходил на прогулку – подышать свежим воздухом, осмотреть ваш прекрасный город...

Ректор сложил руки на груди и все так же подозрительно смотрел на меня.

– Надеюсь, вы получили удовольствие от прогулки?

– О, разумеется. Но я вышел за городскую стену и, кажется, слегка заблудился. Я вышел через ворота возле часовни Богоматери и свернул направо, а потом, после того как я некоторое время шел мимо полей и садов, дорога свернула влево, и там я увидел очень красивый дом с усадьбой подле старинной на вид церкви. Мне бы хотелось знать, что это за место?

Ректор призадумался и, кажется, счел мой вопрос достаточно безобидным. Он даже удостоил его ответом.

– У Смитгейта? должно быть, это церковь Святого Креста, она действительно из самых древних здесь, а усадьба – Холивелл-Манор, больше в той стороне ни одного особняка нет. Там еще есть колодец, сохранившийся со времен саксов, раньше к нему ходили паломники, но теперь с этим папистским обычаем покончено.

– Спасибо, что удовлетворили мое любопытство. Стало быть, там проживают дворяне?

Андерхилл вновь поджал губы.

– Дворяне-то дворяне, однако в Оксфорде их не очень высоко ставят. Там проживает семейство Наппер, отец прежде преподавал в колледже Всех Святых, но он давно умер, а младший сын, Джордж, сидит в тюрьме в Чипсайде.

– За что?

Ректор все больше хмурился: все-таки мои расспросы насторожили его.

– Насколько мне известно, он не посещал церковь. Но право же, доктор Бруно, некогда мне стоять тут и сплетничать как баба. Скоро идти на вечерню ко Всем Святым. – На полпути к своим апартаментам он приостановился и обернулся ко мне. – Кстати, доктор Бруно, в церкви будет и мировой судья Барнс, так что заодно я узнаю, скоро ли начнется следствие по несчастному случаю с доктором Мерсером. Надеюсь, проволочек не будет, – добавил он со скупой улыбкой. – Не хотелось бы задерживать вас в Оксфорде сверх необходимости.

– Не хотелось бы и мне злоупотреблять вашим гостеприимством, – столь же холодно ответил я. – Прошу вас передать поклон мистрис Андерхилл и вашей дочери.

– Непременно – отвечал он, круто развернулся и скрылся под тенью арки.

Глава 10

На ужин колокол приглашал столь же заунывно, как и на заутреню. Он оторвал меня от мыслей и от записей, которые я успел разбросать по всему столу в отведенной мне комнате. После разговора с ректором я наведался в колледж Церкви Христовой и, к своему облегчению, убедился, что Сидни уже уехал вместе с компанией охотников. Я оставил ему записку с извинениями: мол, срочное дело помешало мне прийти, – и ушел к себе. Часок полежал на кровати, мысленно пытаясь сложить воедино кусочки очередной головоломки. Если латынь Хамфри Причарда и темные намеки Коббета означали, что в «Колесе Катерины» собираются тайные католики, напрашивался очевидный вывод: Роджеру Мерсеру было известно об этой общине, а дни, отмеченные в календаре колесиком, могли означать дни их собраний. Планировал ли Мерсер выдать их? Вполне возможно, свидетельствовал же он против друга и коллеги Эдмунда Аллена. Если так, его убили, чтобы он не проговорился. В таком случае люди, обыскивавшие его комнату, пытались найти те улики, которые Мерсер собирался использовать против них. Далее: Ричард Годвин, кроткий и приятный в общении библиотекарь. Он явно замешан в контрабанде католических книг, но означало ли это связь с Роулендом Дженксом и «Колесом Катерины»? Что, если он с ними связан и Мерсер вывел его на чистую воду?

Твердо решив пристально следить во время ужина и за студентами, и за профессорами, я натянул камзол и уже протянул руку к двери, как вдруг с другой стороны раздался такой неистовый стук, что я аж вздрогнул. Осторожно приоткрыл дверь и разглядел взволнованное лицо Софии Андерхилл. Она смотрела не на меня – она пугливо оглядывалась через плечо.

- Впустите меня, Бруно, впустите скорее, пока никто не видел. Мне нужно поговорить с вами, – шепнула она, вновь оглядываясь в сторону лестницы.
- Да-да, – пробормотал я в растерянности и распахнул дверь пошире.

Девушка тут же захлопнула ее за собой. Она тяжело дышала, щеки ее раскраснелись. Куда девалась ее обычная сдержанность? Губы дрожали, в глазах стояли слезы.

– Простите меня, Бруно, – едва слышным шепотом заговорила она. – Отец запретил мне разговаривать с вами, но я вынуждена послушаться, больше мне не с кем поделиться. – Она умолкла, с трудом переводя дыхание, словно только что плакала или бежала. – Простите меня, – повторила она и покачнулась, словно ей, как и прошлым вечером, стало дурно.

Я успел подхватить ее, и она с благодарностью прислонилась к моему плечу. Рыдания сотрясли ее худенькое тело. Я обнял девушку покрепче и принялся поглаживать по волосам, чтобы помочь ей успокоиться. Я понятия не имел, зачем она пришла ко мне, однако мне казалось, что София не из тех легкомысленных девушек, которые рыдают и падают в обморок по любому поводу. Раз она пришла, значит, ей на самом деле нужно рассказать мне о чем-то важном.

Когда София несколько оправилась, она чуть отстранилась от меня и поглядела мне прямо в лицо, так пристально и с такой тревогой, что мне показалось, будто она пытается заглянуть мне в самую душу. Я не удержался: повинувшись инстинкту, наклонился и поцеловал ее. Она ответила. На миг я почувствовал, как обмякло и прижалось ко мне ее теплое тело, но столь же внезапно девушка отпрянула, оттолкнула мои руки, и в глазах ее зажегся страх.

- Нет, нет, не могу! Вы ничего не понимаете! – вскрикнула она, бессильно взмахнув руками.
- Простите... – смущенно пробормотал я, но София неистово затрясла головой.
- Нет, Бруно, это я должна просить прощения. Зачем я пришла? Но к кому же еще мне обратиться? – Она ломала руки и глядела на меня с мольбой. – Мне страшно, мне грозит опасность.

Я похолодел и поспешил усадить девушку на стул. Календарь Роджера Мерсера и свои заметки по поводу его смерти я предусмотрительно накрыл большой книгой.

- Расскажите мне все, – попросил я. – Что за опасность? Это как-то связано со смертью доктора Мерсера?

София долго не отвечала, а когда собралась заговорить, в дверь снова настойчиво постучали. София в паническом страхе уставилась на дверь, зажав рукой рот, чтобы не закричать. Я не торопился открывать: что, если ректор проследил за дочерью и явился за ней? Но стук не прекращался.

– Доктор Бруно! Вы у себя?

Голос молодого человека. Спасибо хоть на том, что это не доктор Андерхилл. Однако в любом случае нельзя было обнаруживать присутствие Софии в моей комнате. Но и делать вид, что меня нет дома, я не мог, ведь вскоре мне предстояло выйти из этой самой двери и отправиться на ужин в Холл.

– Минуточку, прошу вас! Одеваюсь! – прокричал я в ответ, жестом указывая Софии на длинные, до пола, гардины.

Ситуация была настолько нелепой, что даже перепуганная девушки не удержалась от смеха. Я подтолкнул ее к окну, задрапировал гардинами и, убедившись, что она вполне укрыта от посторонних глаз, прошел к двери и открыл ее: на пороге, весь так и трепеща от любопытства, стоял Джон Флорио.

– Мастер Флорио! – я обычно неплохо прикидываюсь легкомысленным и приветливым. – Что привело вас ко мне?

– Я помешал вам, доктор Бруно? – спросил он, заглядывая мне через плечо и пытаясь окинуть взором всю комнату. – Если у вас гости, я зайду в другой раз. Кажется, я слышал голоса.

– Просто у меня привычка разговаривать вслух с самим собой, – признался я.
– Это мой способ заинтересовать аудиторию, особенно во время диспута.

Джон рассмеялся и забавно покрутил носом.

– Да уж, вчерашний диспут честным состязанием не назовешь, и те из нас, кто не ослеплен предрассудками, прекрасно это понимают. Я зашел спросить, ужинаете ли вы нынче с нами? Нам так и не удалось поговорить, и я бы хотел сесть рядом с вами.

– Конечно, конечно. – Взгляд мой невольно метнулся к окну, однако усилием воли я вновь направил его на гостя. – Но с вашего разрешения, мне бы надо... Э... воспользоваться горшком перед уходом.

– Я подожду вас внизу.

Я закрыл за ним дверь и прислушался к шагам. Флорио чуть помедлил на лестничной площадке и начал спускаться. Когда по моим расчетам он добрался до первого этажа, я отдернул гардину, и София предстала передо мной. Храбрая девушка! Вопреки всему она улыбалась.

– Я уж думала, на всю ночь тут застряла, – усмехнулась она.

– Был бы только рад, – заметил я, но тут же пожалел о своих легкомысленных словах: девушка ответила смущенной и печальной улыбкой.

– Простите, – заторопился я. – Конечно, если бы вас тут застали, это погубило бы и вашу репутацию, и мою. Но расскажите же мне, чего вы боитесь? Вам кто-то угрожает? Почему? Вы что-то узнали?

Она изумленно глянула на меня:

– Что бы такое я могла узнать?

– Я подумал, поскольку в колледже произошло убийство...

– Ко мне это не имеет ни малейшего отношения, – отрезала она. Потом вздохнула, рассеянно поправила выбившуюся прядь волос. – Все так сложно, Бруно, все так перепуталось. Я не стану сейчас рассказывать, вам надо спешить. Подожду до другого раза.

– Погодите. – Я ласково придержал ее за плечо и заглянул ей в глаза. – Вы кого-то боитесь?

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
Она прикусила губу и вывернулась из-под моей руки.

– Помните, я говорила, что мечтаю о приключениях, о том, чтобы изменить мою жизнь? Вы тогда еще посоветовали мне быть осторожнее. – Она примолкла на миг. – Бруно, как узнать, можно ли человеку доверять? Можно ли ему доверить свою жизнь?

– Не узнаешь, пока не испытаешь. Но что с вами стряслось, София? Кому вы боитесь довериться?

– Все это глупости, пустяки. – Она сплела пальцы и взглянула на меня смущенно и растерянно. – Извините, Бруно. Зря я вас побеспокоила.

– Никакого беспокойства... – Я замер: из-за двери послышался скрип половиц, хотя я не слышал, чтобы кто-то поднимался по лестнице.

– Ступайте! – Она подтолкнула меня к двери. – Я уйду потом, когда станет безопасно. Я давно в колледже, все ходы и выходы тут знаю, – через силу усмехнулась она. – И, Бруно, простите меня... ну, вы понимаете...

– Это мне следует просить прощения, я злоупотребил... – Я замолчал, не зная, что сказать.

– Вам не за что просить прощения. – Теперь она уже почти кокетничала. – Это я во всем виновата. Меня с первого дня потянуло к вам, но сейчас ничего нельзя поделать, это не в моей власти. Если выдастся случай, я все объясню, а теперь идите, пока отец не прислал за вами.

Я еще раз легонько сжал ее плечо, не зная, что делать, как с ней рас прощаться. Она привстала на цыпочки и не поцеловала – клюнула меня в щеку.

– Вы правда сумеете выбраться? – Я остановился у двери.

Она кивнула:

– Выеду еще немного и удеру. К тому времени все будут ужинать.

– А опасность, о которой вы говорили?

Она прижала палец к губам и кивком указала мне на дверь. Я рас прощался с ней взглядом и прикрыл за собой дверь, сердясь на Флорио, хотя это и было несправедливо. Но надо же было ему подвернуться так не вовремя!..

Колокол тем временем уже замолчал, квадратный двор опустел, из-за высоких окон столовой, озаренных огнем множества свечей, доносились голоса. Я нехотя двинулся следом за Джоном Флорио, а в мыслях моих была одна лишь София.

После ужина я вернулся к себе в комнату поразмыслить, как бы устроить встречу с Софией и все обсудить наедине. Ее страхи не казались мне пустыми: если, как я подозревал, ей было известно что-то о смерти Роджера Мерсера, токазалось вполне вероятным, что девушке угрожает серьезная опасность; тем более если Роджера убили только затем, чтобы заставить его замолчать. Но о ком она говорила? Кому не решалась доверить свою жизнь? И этот поцелуй... Я стоял перед камином и смотрел на свое отражение: небритый, волосы растрепаны. Этот человек в зеркале меня не порадовал, я даже рассердился на него за его за напористость и грубость: девушка пришла к нему за помощью, просила выслушать, а он набросился на нее, как жеребец. Но тот, в зеркале,казалось, выражал: она сама этого хотела, она сначала ответила на поцелуй, и лишь потом угрызения совести или девичья стыдливость заставили ее оттолкнуть меня. И она призналась, что ее тянет ко мне. В чем же заключалось препятствие? Не в прежнем ли ее увлечении? И не с этим ли связаны ее страхи? Черт бы побрал Флорио, вновь повторил я, хотя вообще-то этот приветливый молодой англо-итальянец мне скорее нравился – он легко и весело болтал за ужином, пока старшие члены колледжа сидели погруженные в свои мысли и бросали мрачные взгляды на опустевшее кресло Мерсера.

Я все еще вел беседу с зеркалом, когда дверь в мою комнату распахнулась – на этот раз без стука и прочих церемоний – и дверной проем заполнила высокая фигура Сидни: с одного плеча свисает короткий зеленый плащ, в

– Я удрал от поляка! На сегодня я свободен! – радостно возвестил он, захлопнул дверь и зубами выдернул пробку из бутылки, в то же время оглядывая комнату в поисках кружек или стаканов.

Не обнаружив ничего подходящего, он развалился в кресле у окна и отхлебнул прямо из горлышка.

– Как в наши университетские времена, Бруно, – улыбался он, поднимая бутылку, словно собирался произнести тост. – Так вот! – Он напустил на себя суровый тон и ткнул в меня пальцем. – Ты меня бросил, я весь день один таскался с этим Ласким, так что, если ты ничего интересного не нарыл, я на тебя в обиде. Чем ты занимался целый день, черт тебя побери?

Он передал мне бутылку, и я охотно хлебнул из нее, прежде чем перейти к подробному отчету. Я показал Сидни листки, подсунутые под мою дверь, поведал о находках в библиотеке, о том, как случайно забрел в «Колесо Катерины», пересказал слухи о проклятии Роуленда Джэнкса, передал странный разговор с пропавшим неизвестно куда доктором Ковердейлом и закончил все словами Софии, которой, мол, грозит опасность. Последнюю часть информации я постарался передать самym что ни на есть равнодушным тоном, чтобы приятель не заподозрил, будто я влюблён, но тем не менее по лицу Сидни скользнула проказливая усмешка, и глаза, как всегда, вспыхнули похотливым огнем.

– Так вот почему ты совсем забыл про меня, Бруно, старый лис, – проворчал он и дружески ткнул меня в бок, отбирая бутылку. – Так у здешнего ректора есть дочка, вот оно что! Я в Церкви Христовой не так распекрасно устроился – одни только костлявые старики да прыщавые мальчишки. Ты ее своей итальянской магией приворожил?

Я тоже рассмеялся, но в глаза ему смотреть не мог.

– Я беспокоюсь за нее, только и всего, – возразил я и сделал вид, будто не слышу его насмешливого фырканья. – Девушка так ничего и не объяснила, но я подозреваю, что угроза для нее как-то связана со смертью Роджера Мерсера. А если это убийство, в свою очередь, имеет какое-то отношение к тем католическим сбирающим в «Колесе Катерины»...

– В таком случае тебе следует еще раз наведаться в «Колесо Катерины», – постановил Сидни, возвращая мне бутылку, содержимого в которой существенно поубавилось. – На себя я это взять не могу: моя физиономия слишком тут примелькалась. Для того-то Уолсингем и обратился к тебе, Бруно. Ведь ты можешь прикинуться таким же, как они. Войди к ним в доверие. Признаться, ты уже добыл немало ценной информации: книги, мальчишка, заучивший слова мессы. Быть может, они собираются лишь затем, чтобы служить мессу, но кто их знает: они могут планировать заговор против королевы, опираясь на поддержку Испании и Франции. Выясни все, что сумеешь.

Я закивал, хотя идея втереться в доверие к Джэнксу и его мрачным дружкам из «Колеса Катерины» мне вовсе не казалась простой.

– А теперь, – произнес Сидни, поднимаясь и потягиваясь всем своим длинным телом, – у меня тоже есть новости: егермейстер Шотоверского леса подтвердил, что недосчитался одного пса. Пропал один из пяти волкодавов, которых неделю тому назад брала на время компания охотников. Джентльмен, который брал собак напрокат, сообщил, что пес испугался шума и удрал. Его искали по всему лесу, но так и не нашли.

– Имя джентльмена он назвал? – взволновался я.

– А как же. – Сидни с виду небрежно прислонился к камину. На самом же деле он чуть не лопался от гордости: как же, раздобыл информацию! – Мастер Уильям Наппер из Холивелл-Манора, тут, в Оксфорде. Но любой охотник подтвердит, что натасканный волкодав так просто не сбежит – к дисциплине они приучены получше королевских солдат.

– Наппер? – повторил я в изумлении. – Как странно!

– Почему странно?

– Твой новый приятель, мастер Норрис, по-моему, держит свою лошадь в Холивелл-Маноре. Сегодня с утра он ходил туда.

Сидни склонил голову набок, размышляя, и в этот момент я заметил нечто, от чего на сердце мне легла тяжесть.

– Это совпадение. Конечно, мы хорошо знаем эту семью, – продолжал Сидни, выглядывая во двор, – но Уильям Наппер всегда был так называемым церковным папистом: он соблюдает правила, является в государственную церковь, как добродорядочный гражданин, хотя всем известно, что в глубине души он католик. Его младший брат Джордж – тот сам напрашивается на неприятности. Он учился в Реймсе, а сейчас сидит в тюрьме в Чипсайде. Любопытно, с какой стати Норрис выбрал себе таких друзей. Придется нам и за ним проследить. – Обернувшись, Сидни посмотрел мне в лицо и удивился: – Бруно, да ты не слушаешь!

– Минутку, Филип, – взмолился я.

Да, аккуратностью я, конечно, не отличаюсь, но в таком беспорядке не мог оставить свой рабочий стол. Только сейчас я заметил, как разбросаны, перемешаны бумаги и книги. Быстро поднявшись с постели, я переворошил несколько листков, надеясь развеять охватившие меня подозрения, потом принялся торопливо шарить в этой груде бумаг. Бесполезно: кто-то успел обыскать мой стол. Пропал и календарь Роджера Мерсера, и все мои записи.

– София, – сам себе не веря, прошептал я.

Глава 11

Дождь, скучно и равнодушно бьющий в окна дождь разбудил меня в понедельник, еще до того, как церковный колокол созвал прихожан к заутрене. За ночь густые тучи вернулись, и небо стало свинцово-серым, квадратный двор снова покрылся лужами и жидкой грязью.

Ночью отдохнуть почти не пришлось: мы с Сидни засиделись допоздна, размышляя над тем, что нам было известно, но это было похоже на детскую игру в веревочку: сплошные умствования. Распутать узелки ни он, ни я не могли. Я решил поговорить с Софией, и чем раньше, тем лучше: либо календарь и мои бумаги забрала она, либо кто-то видел, как она выходила из комнаты, и воспользовался случаем, сообразив, что дверь осталась незапертой.

Я перекинул ноги через край кровати и тут заметил на полу что-то белое – потянулся рукой и нашупал клочок бумаги. Поверив его в руках, я узнал собственный почерк: это была копия шифрованной записи из календаря Роджера, и под ней были записаны две-три фразы с использованием этого кода – накануне перед сном я всерьез занялся этой загадкой. Обрывок бумаги, стало быть, завалился под кровать и ускользнул от внимания вора – не хотелось мне думать, что это была София, – который обчистил мой стол, пока я был на ужине. Хорошо хоть копия кода у меня осталась, но где взять письма, которые Роджер Мерсер писал или переводил с помощью этого кода? Тот, кто обыскивал комнаты Мерсера до меня, очевидно, искал эти письма или другие документы в том же роде; возможно, за ними приходил и Слейхерст. Преуспел ли кто-нибудь из них в поисках, я так и не знал.

На Сидни все еще лежало тяжелое бремя развлекать пфальцграфа, однако он обещал мне расследовать связи Габриеля Норриса с семейством Наппер и разузнать, что это была за охота, во время которой пропал волкодав. Я взял на себя визит в лавку Дженкса на Кэт-стрит. Решил, что сделаю вид, будто хочу купить книги, и попытаюсь выяснить что-нибудь насчет его незаконного бизнеса. Кроме того, придется собраться с духом и вновь наведаться в «Колесо Катерины»; авось услышу от Хамфри Причарда еще что-нибудь интересное. Злоупотреблять доверием слабоумного кухонного мальчишки, – совесть при мысли об этом слегка покалывала. Но дело есть дело, и я, как советовал Уолсингем, постарался сосредоточиться на конечной цели. Но, в отличие от моего патрона, я не был политиком, и рассуждения о том, что можно принести отдельных людей в жертву отдаленному, но конечно же прекрасному будущему, давались мне нелегко... Впрочем, пока что об этом можно не думать, надо поговорить с Софией.

На заутреню я не пошел, с меня вполне хватило и одного посещения англиканской церкви. Утро я провел с книгой у окна в надежде заметить

Софию, если она, по своему обыкновению направляясь в университетскую библиотеку, пройдет через двор. Я понимал, что ректор не позволит мне поговорить с дочерью, если я попрошу у него разрешения, но надеялся, что София отважится прийти в библиотеку, пока все студенты в церкви и на занятиях. Но что, если отец лишил ее и этой привилегии? Сам я лишил себя привилегии позавтракать, и мой желудок громко протестовал, но я решил не отлучаться на поиски пропитания – еще, чего доброго, упущу Софию.

Незадолго до девяти часов она вышла из апартаментов ректора – не глаза, но почему-то вдруг вздрогнувшее сердце предупредило меня о ее приближении. Я торопливо схватил плащ, собираясь бежать ей навстречу, но девушка шла вовсе не в библиотеку, да и одета она была сегодня особенно нарядно. Решительным шагом София направлялась к привратницкой.

Я поспешил запереть дверь комнаты. Хотя зачем? Ничего ценного там не было: бумажку с шифром я сунул в карман, тяжелый кошелек – аванс Уолсингема – подвесил к поясу. Тоже глупо: если нападут бандиты, я разом лишусь всего, но зато могу больше не опасаться обыска в свое отсутствие. Скатившись вниз по ступенькам, я побежал через двор к арке ворот, скользя на влажных камнях, но, когда я выскочил за ворота на Сент-Милдред-Лейн и глянул по сторонам, Софию нигде не увидел. Идти так быстро, чтобы успеть свернуть за угол, она никак не могла, стало быть, я неправильно определил, куда она шла. Я вернулся на территорию колледжа, прикрыл за собой ворота и тут услышал негромкий женский голос – он доносился из привратницкой.

Деликатно постучав, я приоткрыл дверь и увидел Софию. В своем роскошном праздничном платье она стояла на коленях на сырому полу, обнимая голову старой псины. При виде меня девушка улыбнулась, вежливо, но несколько холодно, словно мы встречались только на официальных мероприятиях, и вновь полностью сосредоточилась на собаке, гладя ее, ласково играя ее ушами. Та негромко урчала от удовольствия, все глубже зарываясь мордой в юбки Софии.

Вот бы и мне превратиться в пса, подумал я, но тут же осадил себя: кобель ты! Старый, кобель!

– Доброе утро, доктор Бруно! – приветствовал меня Коббет, не вставая из-за стола. – Куда-то вы нынче спешите?

– Нет-нет, я… доброе утро, мистрис Андерхилл, – поклонился я.

София быстро глянула на меня – теперь ее лицо почему-то сделалось озабоченным, улыбка исчезла.

– Доктор Бруно. – Вместо приветствия она равнодушно произнесла мое имя и продолжала, обращаясь к привратнику: – Мне кажется, бедняжка Бесс слепнет.

Должно быть, София стыдится меня после вчерашнего, подумал я.

– О да, немногого ей уже осталось, – подхватил Коббет, давно, видимо, смирившийся с этой мыслью. – София привязалась к собаке, – добавил он, как будто я сам этого не видел.

Меня удивило другое: с какой фамильярностью слуга в лицо называл по имени дочь ректора. София заметила мой взгляд и усмехнулась:

– Доктор Бруно, вас удивляет, что Коббет именует меня не «мистрис Андерхилл»? Когда мы переехали в Линкольн, мне было тринадцать, а брату четырнадцать. У нас не было тут сверстников, у членов колледжа детей нет, и мы их основательно раздражали, а Коббет и его жена были с нами ласковы. Мы целые дни проводили здесь, болтая и играя с Бесси. Да, Коббет?

– Ага, отвлекали меня от исполнения долга, – любовно проворчал старикан.

– Не знал, что у вас есть жена, – заметил я.

– Теперь уже нету, сэр. Господь прибрал ее пять лет тому назад. Годами она обстиривала колледж – отличная была прачка, сэр. Так уж оно заведено в мире. А скоро и моей старухи Бесс не станет. – Он смачно высыпался в платок и отвернулся к окну.

– Не говорите так, Коббет, она вас услышит, – взмолилась София, прикрывая

— Как вы сегодня нарядны, мистрис Андерхилл, — отважился я на комплимент, но добился только гримасы.

— Сегодня мама почувствовала себя достаточно хорошо для похода в гости. — Тон девушки давал понять, как ей неприятна сама мысль об этом походе. — Мы идем в город к ее знакомой. Дочь этой знакомой — она на два года моложе меня — только что обручилась и скоро выйдет замуж. Мы с девицей поиграем на лютне и на верджинеле, пока наши матери побеседуют о таинстве брака и множестве сопутствующих ему радостей, порадуемся за девушку и пожелаем ей счастья. Я в восторге, вы же понимаете! — София произнесла эти слова не моргнув глазом, но Коббет без труда распознал горькую иронию в ее голосе.

— Боже, София, да вам-то чего завидовать, вы можете заполучить любого муженька, какого только захотите, — вмешался он.

Он, конечно, хотел подбодрить девушку, но я видел, как по ее лицу скользнула тень, как будто эти утешения лишь усугубили боль.

Обдумать это я не успел: снаружи раздался грохот торопливых шагов, дверь привратницкой распахнулась с такой силой, что врезалась в стену. Я невольно отшатнулся. Перед нами предстал Уолтер Слейхерст, казначей коллежка, — глаза вытаращены, лицо мертвенно-белое, сам дрожит как осиновый лист. Безупречный джентльмен был весь помят и взъерошен, толстый плащ и высокие дорожные сапоги сплошь заляпаны грязью. Я припомнил, что казначей отправлялся куда-то по делам коллежка, и подумал, уж не подвергся ли он в дороге нападению разбойников.

— Позовите, — прохрипел он с трудом. — Ректора позовите. Хранилище... Этот ужас... Пусть он сам посмотрит... — Внезапно казначей изогнулся, и его вырвало прямо на каменный пол. Если бы он не цеплялся рукой за стену, должно быть, рухнул лицом вниз.

Мы с Коббетом обменялись взглядами, и старый привратник начал медленно, торжественно выползать из-за стола. Я шагнул вперед: было ясно, что дело срочное, а бедный Коббет недостаточно проворен.

— Я сбегаю за ректором, — вызвался я. — Но что мне ему сказать?

Слейхерст отчаянно замотал головой, скав губы, словно опасаясь очередного бунта своего непокорного желудка. Выпяченным подбородком он указал в сторону Софии.

— Чудовищное преступление, об этом нельзя говорить при девушке. Пусть ректор Андерхилл придет... — Голос его прервался, дыхание вырывалось натужно, с хрипом, колени подогнулись, и казначей затрясся всем телом. Мне доводилось и прежде видеть людей в состоянии шока, и я знал, что беднягу необходимо как-то срочно успокоить.

— Усадите его и дайте выпить чего-нибудь покрепче, — посоветовал я Коббету.
— А я пока сбегаю за ректором.

— Я могу сходить за ним, если хотите, с утра он работал у себя в кабинете, — вызвалась София, поспешно поднимаясь на ноги. Но встав, она вдруг прижала руку ко лбу и пошатнулась, как уже однажды было у меня на глазах.

Я подхватил ее под руку, и девушка с благодарностью оперлась на мое плечо. Но тут же отдернула руку — взглянув друг другу в глаза, мы оба вспомнили странную близость, связавшую нас накануне. Она прислонилась к стене, и лицо ее сделалось почти таким же бледным, как у Слейхерста. Омерзительный запах блевотины заполнил маленькую привратницкую; София ринулась к двери, но не успела: только отворила и, нагнувшись, тоже извергла свой завтрак на пол.

Коббет только ухмыльнулся, словно по должности каждый день имел дело с подобными явлениями.

— Может, и вам охота опорожниться, доктор Бруно, а я пока за водой сбегаю?
— любезно предложил он.

Ясное дело, мой желудок тоже отреагировал на запах, так что самое время

– Ждите здесь, я сразу же вернусь вместе с ректором, – сказал я уже с порога.

– И чтобы никто не приближался к башне, – выкрикнул мне вслед Слайхерст. Его тряслось уже не так сильно. Коббет тем временем достал бутылочку эля и налил казначею изрядную дозу в грязноватую деревянную кружку.

На мой отчаянный стук в дверь ректора опрометью выскочил Адам. При виде меня лицо старого слуги скривилось в презрительной гримасе.

– Снова к нам, доктор Бруно?

– Я должен срочно поговорить с ректором! – выдохнул я, не обращая внимания на унизительный для меня тон «дворецкого».

– Ректор Андерхилл не может принять вас сегодня, он занят. А дамы ушли, – сообщил он, делая ударение на слове «дамы» – мол, знаю, зачем ты явился.

– Кровь Христова, ты что, не слышишь? Срочное дело, ректор пойдет со мной!

– Я отшвырнул ревностного слугу в сторону, ворвался в столовую и забарабанил в дверь кабинета.

– Что такое? – вскричал ректор, открывая дверь. – Доктор Бруно, вы?..

– Он силой ворвался, сэр! – пожаловался Адам, делая в мою сторону такое движение, как будто хотел меня схватить.

– Вы должны немедленно идти, – заявил я. – Мастер Слайхерст наткнулся на что-то ужасное в хранилище – «чудовищное преступление», так он выразился. Ему стало плохо... Он просил меня сбегать за вами, привести вас как можно скорее.

Глаза ректора в испуге расширились, скулы затряслись.

– Ограбили хранилище?

– Боюсь, дело хуже, – сочувственно отвечал я. – Мужчину не станет выворачивать при виде кражи. Слайхерст видел что-то более... более страшное, судя по тому, как отреагировал его желудок.

Ректор уставился на меня:

– Неужели еще одно?..

– Мы ничего не узнаем, сэр, пока вы не придете и не займитесь расследованием.

Андерхилл молча кивнул.

Слайхерст ждал нас у западного придела, перед дверью на лестницу в комнаты заместителя. Слабый румянец вернулся на его щеки, но дрожь не утихла.

– Соберитесь с духом, ректор, – осипшим голосом выговорил он. – Я вернулся поутру из Бэкингемшира, выехал с рассветом и только что добрался до колледжа. Решил сперва отнести деньги, собранные в нашем поместье, в хранилище, а потом уж переодеться. Постучал и позвал Джеймса, но он не ответил. Я взял запасные ключи от его комнаты у Коббета. Дверь в хранилище была заперта снаружи, как полагается, но, когда я открыл ее, я увидел... – Глаза казначея выпучились, словно он вновь увидел «этот», и он затряс головой, изо всех сил сжимая зубы.

– Увидел – что? – спросил ректор, но, судя по голосу, ему вовсе не хотелось услышать ответ.

Слайхерст молча покачал головой и указал нам на лестницу. Ректор смущенно обернулся ко мне.

– Доктор Бруно, если б вы... Вы уже проявили мужество и ясность мысли в подобной ситуации.

Я кивнул. Трусишка ректор правил своим мирным книжным царством, где врага побивают риторикой, но в его мир вторглось насилие, и он был в полной растерянности. Он страшился того, что предстояло увидеть, и забавный итальяшка уже не казался ему смешным – мистер Андерхилл просил итальяшку поддержать его. Слайхерст искося, прищурившись, смерил меня взглядом: он-то и в момент потрясения не забыл, как меня любит, и предпочел бы обойтись без меня. Но не спорить же с ректором.

Ступенька скрипнула, и ректор задрожал всем телом. На площадке было сумрачно, однако, войдя в комнату доктора Ковердейла – Слайхерст после себя оставил дверь нараспашку, – я заметил на пороге какие-то пятна. Наклонившись, я разглядел, что это размазанные следы, и веши они сюда из башенной комнаты. Я тронул пальцем один из следов, и на нем осталась липкая ржавого цвета масса – судя по запаху, это могла быть только кровь, причем давно запекшаяся. Полный дурных предчувствий, я обернулся к своим спутникам: лицо ректора побелело и молочным пятном выделялось в сумраке лестничного пролета. Все же он решительно кивнул, приказывая мне идти вперед.

Дверца в глубине башенной комнаты тоже была распахнута. За ней обнаружилась узкая винтовая лестница, ведущая в верхний этаж башни. Примерно на полпути была еще одна тяжелая дубовая дверь – ее Слайхерст тоже оставил открытой, когда бежал от ужасного зрелица. Пахло смертью – ошибиться было невозможно. Этот запах ударили мне в нос уже на пороге, и ректор, тоже почувствовавший этот запах, как-то по-заяччи взвизгнул и присел. Я набрал в грудь побольше воздуха, распахнул дверь и вошел в хранилище колледжа.

Взвизгнул я не хуже ректора, и меня тоже чуть не вырвало. Но немного пришел в себя, когда ректор ухватил меня сзади за полу камзола – ему, видите ли, не терпелось посмотреть. Так вот, значит, куда подевался доктор Джеймс Ковердейл...

Хранилище было довольно просторным помещением, однако здесь казалось, будто стены и потолок давят на тебя со всех сторон. Главным образом это ощущение вызывал чудовищный запах; впрочем, балки и впрямь нависали ниже, а оба окна – одно с видом на двор, другое на Сент-Милдред-роуд – были уже. Вдоль стен стояли разного размера тяжелые деревянные сундуки, все украшенные гербами, окованные железом, с крепкими навесными замками – казна колледжа Линкольна.

Слева от окна, выходившего на двор колледжа, стоял джеймс Ковердейл. Руки его были соединены над головой и привязаны к металлической скобе в стене, куда обычно вставляли свечи. Джеймс был раздет до нижнего белья, голова его упала на грудь, на пропитанную засохшей кровью льняную рубашку. Судя по всему, он уже довольно давно был мертв, но более всего меня поразило не зрелице смерти как таковой – не это заставило меня вскрикнуть в испуге, – а стрелы, целый десяток стрел, торчавших из его груди. Несчастного превратили в подушечку для булавок. А может, в статую святого? Догадаться было нетрудно – сообразил это и ректор, судя по тому, как он вцепился дрожащими пальцами мне в руку. Я искося глянул на него: замерев от ужаса, не в силах отвести взгляд, Андерхилл смотрел на второй за два дня труп. Губы его беззвучно шевелились, и я подумал, что ректор шепчет про себя молитву. Но оказалось, что он пытается заговорить, вот только голос не слышится. Когда ректор произнес, наконец, слово – вернее, имя, – это было то самое имя, которое минутой раньше чуть не сорвалось с моих уст:

- Себастьян!
- Какой Себастьян? – нетерпеливо спросил Слайхерст. Он так и не вошел в комнату, медлил на ступеньках и даже отвернулся. С него, мол, хватит.
- Святой Себастьян, – тихо пояснил я.

Ректор кивнул и рассеянно заговорил:

– «Приказали взять его и вывести в чистое поле, и там его же воины пронзили его тело стрелами без счета», – хрипло процитировал он, из фокса разумеется. – И вот,смотрите. – Дрожащей рукой ректор указал на стену: палец, смоченный кровью убитого, кривовато вывел возле окна уже знакомый мне символ зубчатого колеса.

– А вот и оружие, – окрепшим голосом произнес Слайхерст. Он переступил порог и указал в том же направлении: у стены под окном был небрежно прислонен длинный английский лук с изящной резьбой, с накладным ало-зеленым узором, а рядом лежал такой же резной пустой колчан. Можно было подумать, закончив работу, убийца хладнокровно и аккуратно сложил здесь орудия своего ремесла.

– Это лук Габриеля Норриса, – в изумлении вскрикнул ректор. – Я велел ему отнести лук в хранилище, после того как он застрелил того пса.

– Теперь мы знаем, кто убийца, – удовлетворенно кивнул Слайхерст.

Я подошел поближе к телу и присел на корточки, чтобы заглянуть в лицо покойнику.

– Не стрелами его убили, – сказал я.

– Должно быть, он умер от лихорадки. – Быстро же к Слайхерсту вернулось привычное ехидство.

– Тише, Уолтер! – одернул его ректор, и в кои-то веки я порадовался еголастному тону. – Что вы обнаружили, доктор Бруно?

– Горло перерезано, – ответил я.

Сжав зубы, я схватил Ковердейла за волосы и приподнял голову. Ректор взвизгнул и закрылся платком, Слайхерст содрогнулся и отвел взгляд. Глаза мертвца были полузакрыты, во рту у него торчал кляп, а горло было перерезано от уха до уха. Когда я приподнял голову, рана полностью обнажилась; судя по ее неровным краям, работа была проделана грязно: убийца несколько раз наносил удары, оставляя царапины и порезы, пока, наконец, сумел-таки завершить свое кровавое дело. Не так уж он был опытен, этот убийца.

– У кого могло быть орудие убийства? – с дрожью в голове спросил ректор. – Холодное оружие членам университета запрещено носить даже в городе.

– Хватило бы и бритвы, – мрачно ответил я. – Даже хорошо отточенного перочинного ножа.

– Но зачем, убив, стрелять в него из лука, словно в кабана? – Слайхерст отважился подойти поближе. – А этот рисунок – это какое-то сообщение?

– Ректор уже все объяснил, – напомнил я. – Он пронзен стрелами, как святой Себастьян, а смерть Роджера Мерсера была обставлена как мученичество святого Игнатия. Уж это вам не удастся выдать за несчастный случай, – добавил я, оборачиваясь к ректору, который, тяжело опустившись на один из сундуков, закрыл руками лицо.

– Бессмыслица, наглая ложь! – провозгласил Слайхерст; от гнева силы вернулись к нему. – На Роджера напал бродячий пес, а вы видите в этом инсценировку мученичества святого Игнатия? Кому могло бы прийти в голову создавать себе такие сложности? Да у вас воспаление мозга, доктор Бруно! Это, – он указал на пронзенное стрелами тело, подвешенное на медной скобе, – это, конечно, ужасное преступление, но бедный Джеймс пал жертвой какого-то безумца, и, если вы начнете выдумывать фантастические версии, это не поможет нам поймать опасного маньяка! Очевидно, кто-то пытался проникнуть в хранилище, Джеймс хотел остановить его и погиб!

Казначей замолчал, упервшись руками в бока, – попробуй, мол, опровергни его стройную версию, это тебе не Землю вокруг Солнца запустить.

– И этот вор не поленился нарисовать какой-то знак кровью убитого им человека? – Под наглым взглядом казначея я не опустил глаз. – Кстати, ни одна дверь не взломана, а вы сами говорили, что утром обе двери – хранилища и наружная – были заперты. У кого мог быть ключ от хранилища?

– У нас троих. – Жестом Слайхерст указал на себя, ректора и кровавый труп в углу. – У каждого из нас был ключ от двери хранилища, но на больших сундуках три разных замка. Только мы трое, собравшись вместе, можем открыть их. Мы так и зовем их: трехключевые сундуки. В них хранится казна колледжа.

- Мера предосторожности от хищений, – пояснил ректор.
- Значит, доктор Ковердейл сам открыл дверь и впустил убийцу, – подытожил я. – Затем тот вышел, заперев за собой дверь ключом убитого.
- Наверное, убийца, угрожая ножом, заставил его открыть дверь, – предположил Слайхерст.
- Но какой смысл вторгаться в хранилище, если сундуки грабитель открыть не мог?

– А он, наверное, не знал, что понадобятся другие ключи, – подхватил Слайхерст. – Грабитель обозлился и поэтому убил его. Да-да, в этом все дело!

Что ж ему так не терпится опровергнуть мою версию о связи смерти Мерсера и смерти Ковердейла? Неужели только потому, что я, чужак-итальянец, ни в коем случае не могу быть прав? Или все-таки Слайхерсту хочется сбить нас со следа? Ведь, в конце-то концов, ключ от хранилища был у него и у ректора.

- А из вас двоих кто и когда был здесь последним? – спросил я.

Слайхерст тревожно оглянулся на ректора, но тот погрузился в печальные мысли и по-прежнему прятал лицо в ладонях, чтобы не смотреть на труп.

- При всем уважении к вам, доктор Бруно, разве вы назначены расследовать это преступление? Вы уже допрашиваете нас, словно судья.

– Да ответьте же ему, Уолтер, он пытается помочь, – устало выговорил ректор, и его благожелательность приятно удивила меня. – Я здесь не был со вторника, когда мы приготовили деньги и документы для нашего поверенного. Это ведь был вторник, верно, Уолтер?

– Да, тогда мы в последний раз собирались здесь втроем. – Слайхерст метнул на меня взгляд, полный ненависти. – Лично я приходил сюда в последний раз вечером в субботу, перед диспутом: Джеймс впустил меня, я собрал необходимые документы по нашим имениям в Эйлсбери, а также взял деньги на дорожные расходы. В воскресенье рано утром я отправился в путь, и никак не мог оказаться в хранилище вплоть до моего возвращения, свидетелями которого вы были. Полагаю, такого ответа довольно? – сверкнул он на меня глазами.

- Это не мне решать, – уклонился я. – В котором часу в субботу вы приходили за бумагами?

– Сказано вам, перед самым диспутом! Стало быть, около половины пятого. Я хотел заранее все подготовить для поездки, поскольку ужин в Крист-Черч мог затянуться, а я не хотел беспокоить Джеймса ночью. – Произнеся имя покойного, он невольно глянул в его сторону и тут же опустил голову.

Я вернулся к утыканному стрелами телу и вновь осмотрел его со всех сторон, потрогал пальцем кровавое пятно на рубашке.

– Вполне возможно, что тело находится здесь с вечера субботы, – сказал я. – Кровь засохла, окоченение полностью завершилось, труп уже начинает разлагаться. Будь сегодня теплее, мы бы, вероятно, задохнулись здесь. Но вот что мне припомнилось: ведь доктора Ковердейла кто-то вызвал прямо в разгар диспута. Один из студентов прибежал за ним с каким-то срочным известием. Возможно, таким образом его и заманили, чтобы убить.

– В самом деле, он не явился в тот вечер на ужин в честь пфальцграфа, – пробормотал ректор. – Меня еще это удивило, ведь он ждал этого. Джеймс любит общаться с влиятельными людьми. Любил! – поспешно оговорился и печально покачал головой. – Боже мой! – это был крик искренней скорби, хотя, как мне показалось, не смертью коллеги она была вызвана. Следующие его слова подтвердили мое предположение: – Вы правы, доктор Бруно, эту смерть замолчать невозможно. Будет расследование, придется вызвать коронера, судью... Наш колледж погиб! Благотворители не захотят оказывать поддержку тому месту, где совершены преступления, не захотят, чтобы их известные имена были связаны с этим. Они отберут у нас пожертвования и

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
отдадут их другим университетам, не запятнанным злодеяниями. Поистине, это дьявольская работа! Кто еще решился бы на такое кощунство – пародировать мученичество первых христиан! – И вновь ректор уронил голову на руки; мне даже почудилось, будто он сейчас зарыдает.

- Во всяком случае, это работа того, кто умеет владеть большим луком. Хотя, вероятно, с такого расстояния даже я угодил бы в неподвижную мишень, привязанную к стене, так что нет надобности искать опытного лучника. Видно, убийца достаточно хитер и обставил все так, чтобы навести наши подозрения на кого-то другого.
 - Книга фокса и пародия на мученичество – это все ваши теории, доктор Бруно, – заявил ректор.
 - Эту теорию мне кто-то подсказал, – напомнил ему я.
 - Вот именно! Вам подсунули страничку, вырезанную из фокса. И это, – жестом он указал в угол, на покойника, – это было проделано для ваших глаз, в расчете на то, что вы увидите связь. – Он смотрел на меня с таким ужасом, словно это я своими теориями навлек на беднягу Джеймса злую участь.
 - Как мог убийца предвидеть, что я окажусь на месте преступления одним из первых и сделаю подобные выводы? – возразил я. – Скорее ему нужно было, чтобы именно вы на этот раз уж наверняка связали эту смерть со смертью Роджера.
 - Значит, вы полагаете, в обоих случаях действовал один и тот же человек? – Ректор с тревогой уставился на меня.
 - У Норриса есть бритва, – вмешался Слайхерст. – Каждое утро скоблит себя. Я невольно погладил отросшую бородку.
 - И бритва, и лук. Кто-то очень хочет навести подозрения на Габриеля, – это-то уж, во всяком случае, очевидно.
 - Вы думаете, это не его рук дело? – Ректор смотрел на меня с какой-то детской доверчивостью.
 - Я мало знаю его, но мне представляется маловероятным, чтобы он замыслил столь непростое, театрально обставленное преступление, и, главное, оставил оружие – прямую улику против самого себя. Да и какой у него может быть мотив?
 - Джеймс ненавидел коммонеров, все время выступал против них. Да вы и сами слышали это за ужином у ректора, – подсказал Слайхерст.
 - Маловато для убийства, – возразил я. – Скорее уж кто-то, ненавидящий коммонеров, решил убить разом двух зайцев, или двух птиц одним камнем, как выражаетесь вы, англичане, – разделаться с доктором Ковердейлом и подставить Норриса. На лестнице остались отпечатки чьих-то ног, и, будь у нас больше света, я мог бы их осмотреть. Но на дворе дождь, вероятно, все равно все следы смыты.
 - Уолтер, сходите вниз и попросите у Коббета фонарь, – распорядился Андерхилл. – Доктор Бруно прав: надо как следует осмотреть комнату, прежде чем мы сможем сделать какие-то выводы, а здесь темно. И захватите кувшин воды, – добавил он. – Надо смыть этот рисунок со стены, чтобы коронер его не увидел.
- Слайхерст в изумлении широко раскрыл глаза.
- Это же одна из улик, ректор! Этот рисунок что-то означает, мы не вправе...
 - Так я велю, Уолтер. Извольте выполнять мои приказы.
- Слайхерст в бессильной ярости переводил взгляд с ректора на меня и обратно: надо же, ему приказывают, как какому-то слуге. Однако не подчиниться он не мог. Развернувшись на пятках, казначей тяжело зашагал вниз по лестнице.
- Доктор Бруно! – Ректор с трудом поднялся на ноги и тут же ухватил меня за

обе руки. Куда девалась его самоуверенность, даже величие! Старый, напуганный человек стоял передо мной, и я не мог не пожалеть его: да, второе убийство непременно вызовет скандал. – Вы угадали все с самого начала, а я был слеп, я отмел вашу теорию насчет фокса, она показалась мне надуманной и нелепой, и к тому же легче было согласиться с другими, чтобы уберечь колледж. Все, и Джеймс один из первых, назвали смерть Роджера несчастным случаем. Но я вынужден смиленно признать вашу правоту: какой-то безумец убивает наших коллег и разыгрывает при этом чудовищную, кощунственную пародию на мученичество первых христиан. Если бы мы с Джеймсом не отвергли вашу теорию, возможно, он был бы теперь жив.

– Если это может послужить вам хоть каким-то утешением, ректор, – отвечал я, успокаивающе похлопывая его по руке, – то, думается мне, доктор Ковердейл был уже мертв к тому времени, как вы в субботу вечером разбили в пух и прах мою теорию. Но повторю еще раз: кто-то в Линкольне знает убийцу, и этот кто-то, скорее всего, из членов колледжа.

– Вы уверены, что убийца один и тот же человек? – повторил он, цепляясь за мой рукав.

– Все указывает на это.

– Значит, если мы его не остановим, будут и другие жертвы?

– Этого я сказать не могу. Пока мы не выясним, с какой целью превратили в мучеников этих двоих, мы не сможем ни установить преступника, ни даже понять, зачем ему понадобилось устраивать такие изощренные декорации.

– Доктор Бруно... – Голос ректора сорвался; он умолк, пытаясь выровнять дыхание. – Я прекрасно понимаю, что эти злодеяния нам не удастся скрыть, но убийца положит конец моей карьере, возможно, покончат и с колледжем! Линкольн не богат, и, если благотворители отвернутся от нас, уйдут и богатые студенты. Не за себя одного я боюсь, доктор Бруно, – что станется с моей дочерью, если я лишусь покровительства Лестера? Что?!

Он потряс мою руку, словно пытаясь вытрясти из меня ответ.

– Ваша дочь имеет достоинства, которые не зависят от покровительства графа.

Андерхилл покачал головой:

– Вы же знаете, что такое свет. И без того в порядочных семействах Оксфорда София слывет странной, своевольной девушкой. Лишь пока мне покровительствует граф, у нее есть надежда выйти замуж, в противном случае ни один молодой человек из хорошей семьи не сделает ей предложения. Ей вообще не следовало жить в университете, поскольку ее мать не в силах руководить ею и всюду ее сопровождать, но я, старый глупец, не смог расстаться со своими близкими. Каждый день, проведенный в Оксфорде, все более вредит ее репутации! – вновь ему потребовалось передохнуть. Он был настолько потрясен, что не мог совладать со своими чувствами. В какой-то момент я опасался даже, что он разрыдается, но ректор, переведя дух, продолжал: – Разумеется, эти ужасные вести достигнут слуха графа Лестера, но было бы гораздо лучше для нас, если бы он узнал о преступлении тогда, когда мы сможем предъявить ему и преступника, вы понимаете, доктор Бруно?

– Будем надеяться, ваши коронеры и судьи работают быстро, – ответил я, притворяясь, будто не понял истинного смысла его слов.

– В том-то и дело, что они работают не быстро, они вообще не смогут разобраться в столь запутанном деле. Они полезут в нашу частную жизнь, которая любопытна посторонним, тем, кто не понимают, что такое колледж. А вот вы... – Он не закончил фразу, но взгляд его, исполненный надежды, договорил за него.

– Я, сэр? – Я сделал вид, что изумлен. – Иностранец? Католик? Обличенный колдун, да еще еретик, который открыто заявляет, будто Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот?

Андерхилл потупился и выпустил мою руку.

– Простите мне, доктор Бруно, мои необдуманные и грубые слова. Страх
Страница 119

порождает предосуджение, а у нас сейчас опасные времена. И вот – ужас проник сюда, в святилище знания! – Голос его оборвался, ректор отвел взгляд от тела Ковердейла и слепо уставился в дальнее окно.

– Вы просите меня помочь разыскать преступника? – откровенно спросил я.

Вновь в его маленьких водянистых глазах вспыхнула надежда.

– В обычных обстоятельствах я бы и подумать не смел навязать гостю, но мне кажется, что убийца сам старается вовлечь вас. Те бумаги, которые вы мне показали... Тогда я подумал, что кто-то подшутил над вами, но теперь... – снова жест в сторону убитого. – Быть может, вы сумеете изобличить его прежде, чем снова прольется кровь.

– Значит, вы думаете, что уже намечена следующая жертва? – быть может, чересчур резко спросил я.

Ректор заморгал, закачал головой.

– Но ведь это же безумец или одержимый бесами!

Что-то зашуршало и с глухим стуком обрушилось – я боковым зрением уловил движение и обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как оседает тело Ковердейла. Ректор вззвизгнул и вцепился мне в руку; я и сам громко охнул, поддавшись на миг панике: неужели Джеймс не был мертв, неужели он висел тут немой, безгласный, но все еще терзаемый смертной мукой? Но я справился с ужасом и, осторожно приблизившись к трупу, убедился, что причиной переполоха был развязавшийся узел веревки.

– Ничего страшного, ректор, – сказал я. – Веревка ослабла, и тело опустилось ниже. Надо бы его отвязать и положить на пол.

Его руки отчаянно тряслись, цепляясь за мой камзол. Не мешало бы Андерхиллу глотнуть крепкого эля в гостеприимной привратницкой.

– Почему он пришел сюда в нижнем белье?

Наконец-то ректор задал разумный вопрос. Стоять он не мог, и я усадил его на большой сундук. Голова его трялась.

– Очевидно, убийца привел его под угрозой смерти. Возможно, он застал доктора Ковердейла, когда тот переодевался, – начал было рассуждать я, но тут заметил под окном еще один предмет: рядом с луком лежал большой, аккуратно сложенный кусок материи. Я подошел и поднял его. Это была обычная университетская мантия, судя по покрою, она принадлежала доктору богословия. Спереди и на рукавах мантия была густо вымазана кровью.

– Мантия Джеймса! – выдохнул Андерхилл, отворачиваясь.

– Убийца накинул ее поверх собственной одежды, – сообразил я. – А я-то ломал себе голову, как мог преступник незамеченным пройти через двор, если на его одежду было столько крови.

На лестнице послышались шаги, и явился Слайхерст с фонарем. Удостоив меня очередного злобного взгляда, он передал фонарь ректору. Но Андерхилл все дрожал и заламывал руки, так что я сам поспешил взять фонарь, и он даже коротко благодарно улыбнулся мне. Казначей, со своей стороны, вообразил, что, если ректор не владеет ситуацией, настал его черед распоряжаться.

– Первым делом мы должны послать за коронером и попросить, чтобы тело вынесли отсюда, дабы очистить хранилище и вновь использовать его по назначению. Чем скорее будет проведено расследование, тем скорее мы сможем предать несчастного Джеймса погребению по-христиански. Следует известить семейство – насколько мне известно, в Фенз живет его брат. Вы не знаете, ректор? – Не получив ответа, Слайхерст продолжал, словно был уверен, что Андерхилл впал в прострацию: – Нам следует объявить, что доктор Ковердейл пал жертвой неизвестного злодея, пытавшегося ограбить хранилище, иначе студенты бог знает что напридумывают! – Предостережение явно адресовалось мне.

– Это разумно, Уолтер. – Ректор отвечал Слайхерсту с усилием и смотрел на

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
него столь озадаченно и удивленно, как будто не узнавал этого человека. –
Так у вас будет больше времени, да, Бруно? – Тот же растерянный взгляд
обратился ко мне.

Слайхерст резко обернулся.

- Больше времени – для чего?
- Ректор Андерхилл просил меня расследовать обстоятельства обеих смертей и попытаться установить взаимосвязь между ними, – хладнокровно ответил.

Лицо Слайхерста побелело от ярости.

– При всем моем величайшем уважении к вам, ректор, – запыхтел он, – благоразумно ли это? Доктор Бруно одарен слишком живым воображением. И вообще, стоит ли допускать чужестранца, – это слово он выговорил с ледяным презрением, – к делу, которое может столь существенно отразиться на судьбе колледжа. Мало ли что обнаружится... – Он примолк и уставился на меня, щека его судорожно подергивалась. Но видимо, такая аргументация показалась ему опасной, и казначей добавил: – В любом случае скоро он уедет.

– Он уже вовлечен в это дело, Уолтер, – с горечью отвечал ректор. – Доктор Бруно получил после гибели Роджера Мерсера записку от человека, который, по-видимому, что-то знает – возможно, знает убийцу!

– Студенческий розыгрыш! – буркнул Слайхерст; взгляд его, полный ненависти, метался от меня к ректору. – Мы позже поговорим о разумности ваших действий, ректор, – поговорим наедине.

Андерхилл устало кивнул.

– Поговорим, Уолтер, но сейчас мы должны действовать заодно. Принесите воды, я сам вымою стену. Ни следа от этого рисунка не должно остаться, и я прошу вас обоих молчать, вы поняли? Пошлите надежного человека за коронером, – добавил он, обращаясь к Слайхерсту. – Я схожу к себе в кабинет и напишу записку. Отдадите ее посыльному. Доктор Бруно, чем вы намерены заняться?

К чему ректор упомянул полученное мной таинственное письмо в присутствии Слайхерста? Доверять казначею у меня оснований не было. Только с его слов мы знали, что он забрал нужные ему бумаги из хранилища в субботу перед диспутом. А много ли стоило его слово, если он скрыл, что побывал в комнатах Роджера Мерсера и обыскивал их? Казначей имел ключи и от комнаты заместителя ректора, и от хранилища. Чем меньше людей знают о моем таинственном корреспонденте, что бы этот корреспондент ни намеревался мне сообщить, тем лучше.

Теперь убийца сам решил связать свое преступление с «Колесом Катерины», а ректор собирался смыть со стены рисунок этого колеса до прихода коронера. Все это было мне непонятно. Оставалось одно: выяснить, почему Ковердейл так поспешно ушел с диспута: это, разумеется, имело непосредственное отношение к убийству.

– Нужно разыскать студента, который во время диспута вызвал доктора Ковердейла. Выясним, по какой причине доктор поспешил обратно в колледж.

Андерхилл кивнул:

- Я распоряжусь. Еще раз прошу вас обоих: ничего не говорите студентам, я сам сделаю общее объявление за ужином. К тому времени я постараюсь найти какое-то объяснение, чтобы избежать паники, если удастся.
- А до тех пор мне стоит побеседовать с Габриелем Норрисом, – вставил я. – Если он послушался вас и сдал лук и стрелы в хранилище, нужно выяснить, когда он это сделал и не доктор ли Ковердейл впустил его сюда. А вам, ректор, хорошо бы вернуться в кабинет и для начала выпить стаканчик самого крепкого зелья, какое найдется у вас в хозяйстве, а уж потом решать, как нам быть дальше.
- Счастливые денечки наступили для Оксфорда: папист-итальянка указывает ректору, что ему делать, – проворчал Слайхерст, а ректор смущенно кашлянул

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
и поглядел на меня хотя с удивлением, но и с благодарностью.

По лестнице мы спускались медленно, я шел с фонарем впереди и останавливался и присматривался к кровавым отпечаткам на каменных ступенях. Немного крови осталось и на полу в комнатах Ковердейла, однако в целом главная комната и примыкающая к ней спальня были прибраны и чисты. Я прошел через апартаменты Ковердейла и осмотрел другую дверь – ту, что вела на лестницу во внутренний двор.

– Утром, когда вы пришли, комната была заперта? – во второй раз спросил я Слайхерста.

Тот фыркнул сердито.

– Сколько раз повторять? Я решил, что Джеймс вышел, а мне требовалось срочно убрать в хранилище деньги и бумаги из Эйлсбери, так что я взял у Коббета запасной ключ и вошел сам. На что вы, собственно, намекаете, доктор Бруно?

– Ни дверь на винтовую лестницу в башню, ни главная дверь Ковердейла не были взломаны, – сказал я. – Значит, он сам впустил убийцу, или же его убил человек, у которого был при себе ключ.

Если бы взглядом можно было зарезать, Слайхерст в тот миг присоединил бы меня к числу жертв. Я предпочел отвернуться от него и обратился к ректору.

– Правильно было бы опечатать вход, покуда не уберут тело, – посоветовал я.
– Поставьте одного из служителей колледжа на лестнице внизу, тогда мы сразу же узнаем, если кто-то попытается пробраться в хранилище. Мало ли, может быть, преступник вернется поискать что-то в комнатах убитого. Но для начала я хотел бы тут оглядеться, вдруг остались улики.

– Да-да, это разумно. – Лицо ректора становилось все более усталым и бледным. – И надо срочно послать за коронером. Уолтер, вы теперь старший после меня, вы поможете мне решить, что и как мы объявим членам колледжа. Может быть, вы прямо сейчас подниметесь ко мне? А Коббету скажите, пусть пришлет мужика с кухни сторожить лестницу.

Слайхерст кивнул и заторопился вниз по лестнице к привратницкой. Андерхилл вновь обернулся ко мне:

– Его расстреляли из лука уже после смерти?

– Трудно определить, но мне кажется, что из раны в горле вытекло очень много крови. Почти вся кровь оттуда. Если он еще и не был мертв, когда в него стреляли, то уже умирал и не сознавал, что происходит. Вы об этом хотели спросить?

– Все быстро кончилось? – боязливо уточнил ректор.

Я помедлил – стоит ли грешить против истины? – однако решил пожалеть ректора и не упоминать о порезах и царапинах, которые заметил на шее Ковердейла. Все равно коронер их обнаружит.

– Ковердейл умер страшной смертью, не стоит себя обманывать, но мне и прежде доводилось видеть, как умирают люди, которым перерезали горло, – конец в таких случаях наступает быстро.

Андерхилл пригляделся ко мне, склонив голову набок. Свеча в фонаре угасала, и, хотя час еще был непоздний, комната погружалась в тень.

– Необычная у вас жизнь для философа, доктор Бруно, – проговорил он негромко. – Мы тут жили тихо и спокойно. Вернее, так я думал до прошлой недели. Я спрятался тут от мира и считал Оксфорд убежищем, почти святой землей. Слишком долго я на все закрывал глаза, а теперь пришел час расплаты – и для меня, и для моих близких.

– Ректор Андерхилл, – настойчиво заговорил я, подаваясь ближе к нему. – Что вам известно, что вы подозреваете? Не пытайтесь ничего утаить. На что вы до сих пор закрывали глаза?

Он пугливо оглянулся через плечо, затем в свою очередь подался ближе ко мне. Теперь фонарь подсвечивал его круглое лицо снизу.

– Ваш друг, сэр Филип...

– При чем тут он?

– Нельзя, чтобы он узнал. Обещайте, доктор Бруно, обещайте, что вы не расскажете ему о том, что тут творится. Он племянник Лестера, он обязан будет рассказать обо всем графу.

Снизу послышались шаги, вернулся Слайхерст. Андерхилл покачал головой, как бы запрещая мне продолжать разговор, и с тревогой обернулся к казначею, тот явно собирался что-то сказать.

– Да, Уолтер?

– Мне подумалось, ректор, – масляным голосом заговорил Слайхерст, – что, уж если доктор Бруно собирается осматривать комнату, мне следует ему помочь. Две пары глаз лучше, чем одна.

– Прекрасно, Уолтер, но мне требуется ваша помощь. Приходите ко мне сразу, как только закончите.

Перед тем как прикрыть за собой дверь, Андерхилл в последний раз посмотрел на меня все с той же тревогой во взгляде. Я слышал, как он тяжело спускается по лестнице во двор.

Слайхерст, запрокинув голову, бегло оглядел комнату.

– Что вы тут надеетесь найти?

– Полагаю, мастер Слайхерст, вы лучше меня знаете, что здесь следует искать, – подколол я его.

И вновь губы казначея искривила злобная усмешка.

– Мне следовало бы спросить вас, доктор Бруно, что вы забрали из комнаты покойника? В последнюю нашу встречу вы рылись в чужих вещах, когда труп Мерсера еще остыть не успел. Что вы тогда прихватили с собой?

– Я ничего не брал, – отвечал я по возможности спокойно, хотя предпочел все-таки отвернуться и отойти к окну. Дождь бил в окно, струйки ползли по стеклу, и оно сделалось непрозрачным.

– В самом деле? – Я затылком ощущал его ненавидящий взгляд. – Ректора вы обвели вокруг пальца, но я-то вас вижу насквозь и знаю вам цену.

– И велика ли эта цена? – осведомился я, складывая руки на груди и прикидываясь, будто меня это не слишком волнует.

– Вы один из тех людей, кто слишком много возомнил о себе и не хочет трудиться – достаточно, мол, ума и обаяния. Вы добиваетесь покровительства знатных и сильных и живете их благодеяниями. Вы явились сюда, похваляясь своей славой и покровительством вельмож и королей, но здесь Оксфорд, милостивый государь, и нас такими дешевыми погремушками не удивишь. Здесь вы никто и останетесь никем, хоть и позволяете себе лезть в дело, которое не имеет к вам ни малейшего отношения. – Последние слова он произнес с пеной у рта, и, когда смолк, глаза его все еще сверкали неугасимой ненавистью.

– Вы решили, что я пытаюсь таким образом закрепиться в Оксфорде?

Неужели он и правда так думает, удивился я.

– А зачем бы еще вам втиратся в доверие к ректору, корчить из себя следователя? – рявкнул он в ответ.

– Другой причины вы не видите, потому что сами всегда хлопочете лишь о своей прибыли. – Я шагнул вперед и встал прямо перед Слайхерстом, чтобы вынудить его посмотреть мне в глаза. – Так позвольте же мне кое-что

Джордано Бруно Ересь filosoff.org

объяснить вам, мастер казначей. Три года я прожил беглецом в своей родной стране. Я видел, как запросто убивали людей – так мальчишки забавы ради бросают камнями в воробьев. Человека могли зарезать, чтобы снять с него башмаки, отобрать несколько грошей, а закон безмолвствовал, потому что искать преступника, судить его – чересчур многое возни. Чего ради, если убитый был таким же негодяем, как и убийца? Тот, вероятно, в свою очередь падет от чьей-нибудь руки. А по-моему, жизнь любого человека драгоценна, поэтому мы не можем закрывать глаза на преступление и оставить его безнаказанным. Вот почему я вмешался в расследование. Ради справедливости, мастер Слейхерст!

Я говорил так же пылко и убежденно, как сам казначей, однако он, хотя и отступил на шаг, смотрел все так же насмешливо. Я отвел взгляд: все это лишь красивые слова, сотрясение воздуха, подумалось мне. Я стараюсь отыскать убийцу, чтобы выслужиться перед Уолсингемом и Лестером, которые мне доверили важное дело. И если я справлюсь, последует и награда.

– давайте-ка лучше займемся нашим делом, – переменил я тему. – Ведь мы решили поработать вместе.

Беспорядок, который царил здесь в прошлый раз, убрали, но комната носила следы поспешного переезда. Всего денек провел бедняга Ковердейл в должности заместителя ректора. И вещи-то распаковать не успел, как жестокая смерть постучала в дверь тех апартаментов, которыми он так долго мечтал завладеть. Слейхерст безо всякой сентиментальности занялся оставшимися на столе Ковердейла бумагами. Меня это не порадовало: конечно же если какие-нибудь улики, относящиеся к событиям вечера субботы, здесь остались, искать их надо в первую очередь среди документов Ковердейла. Я хотел предложить Слейхерсту разделить этот труд, но тут заметил пятно крови у самого камина.

Я присел на корточки, чтобы рассмотреть его внимательнее, и тут увидел, что один из кирпичей, справа от камина, слегка вышел из стены и торчал наружу, как будто вокруг него рассохлась известка. Я попытался вытащить кирпич, но не смог, только пальцы ободрал и слегка вскрикнул от боли.

– Что у вас там?

Слейхерст вскинул голову, уронив книгу, в которую сунул было нос, резво подбежал ко мне и тоже уселся на корточки. Я облизнул поцарапанные пальцы, снова взялся за кирпич и начал осторожно его раскачивать, чувствуя, как с каждым движением он все больше подается вперед.

– Ну же! – нетерпеливо зашептал Слейхерст. – Давайте я.

– Уже-уже, – с таким же азартом пропыхтел я в ответ, и тут кирпич вывалился. За ним обнажилось темное пространство в боковой стене камина. Я сунул туда руку, но нашупал лишь заднюю стенку тайника. – Пусто, – разочарованно сказал я.

– Подвиньтесь. – Слейхерст грубо оттолкнул меня. Его тощая ручонка могла проникнуть дальше моей, но, хотя ему очень хотелось выставить меня дураком, тайник разочаровал и его. – Черт бы побрал ублюдка! – выругался казначей, тоже поцарапавший пальцы.

– Тот, кто пришел на этот раз, знал, где искать, – признал я и с трудом поднялся на ноги. – И он, похоже, нашел то, за чем явился.

– Черт! – ругнулся Слейхерст, пустой тайник он почему-то воспринял как личное оскорбление.

Неужели в тайнике камина и было спрятано то, что Слейхерст пытался отыскать после смерти Роджера Мерсера? Тайник невелик, но там могла храниться связка писем, документы. В таком случае злится Слейхерст не на преступника, а на самого себя, растипу. На этот раз комнату не громили, как после убийства Мерсера. Тот, кто расправился с Ковердейлом, прямиком направился к тайнику, едва смыв кровь Джеймса со своих рук. Тогда выходит, что человек, обыскивавший комнату в субботу утром, перед моим приходом, в те самые минуты, когда Роджер Мерсер погибал от клыков изголодавшегося пса, – не знал о тайнике, и, значит, он и убийца Ковердейла – два разных человека. Слейхерст не мог быть ни тем ни другим, разве что в нем умер великий актер. Правда, только он один, кроме ректора, мог законно потребовать ключ от

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
комнат заместителя, а время его отъезда в Бэкингемшир и время его
возвращения никто не мог подтвердить.

Слайхерст заторопился уходить: уверился, что больше мы ничего не найдем.

– Что нам тут еще делать? – проворчал он, отходя к двери и выразительно позывая ключами: мол, ваше время истекло. – Меня ждет ректор, и я должен запереть комнату, так что если вы закончили...

– Как вы думаете, мастер Слайхерст, – отважился я, – убийца нашел то, что вы сами искали здесь после смерти Роджера Мерсера?

Снова презрительный взгляд.

– Понятия не имею, о чем вы говорите. Не я вытащил ключи из кармана покойника, едва он испустил последний вздох. Это по вашей части.

До чего же неприятная у Слайхерста манера приближать лицо вплотную к лицу собеседника и обдавать его своим кислым дыханием.

– Я спрашиваю потому, что уже двое погибло из-за того, что было спрятано в этой дыре, и если вы знаете, о чем идет речь... – поддел его я.

– Похоже, неплохой урок любопытствующим. – Зловещая улыбка исказила его лицо. – Мне пора к ректору, а вы бы пока отыскали того, кому принадлежит орудие убийства. С этого ведь полагается начинать расследование, раз уж вы любезно предложили свои услуги.

Он распрошался со мной в коридоре, напоследок одарив меня таким взглядом, что я от души пожелал: пусть бы таинственным убийцей оказался казначей Слайхерст, – с величайшим удовольствием передам его в руки властей! Однако я тут же заставил себя отбросить предвзятость.

Внизу у лестницы стоял на карауле здоровенный коренастый мужик. Шеи у него почти не было, зато тела было в избытке, чтобы полностью заслонить собой арку. Услышав шаги, он встрепенулся, и рука его скользнула к поясу. Я усмехнулся, разглядев его оружие: это была огромная поварская вилка. Так вот какого стражи приставили к башне!

– Спокойно, дик! – Слайхерст повысил голос и приподнял руку. Мужик узнал его, почтительно склонил голову и отодвинулся, выпуская нас во двор, под все тот же нескончаемый дождь.

Между камнями двора текли ручьи. Натянув камзол на уши, я приготовился ступить в эти хляби, как вдруг из соседнего подъезда выскочили трое студентов, болтая, смеясь и прикрывая головы кожаными сумками. Одного из них я узнал, это был Лоренс Уэстон, тот самый парень, который в субботу вечером провожал меня на диспут. Я решил, что мне стоит расспросить его.

– Могу ли я попросить вас о помощи, мастер Уэстон? – заговорил я; мальчишка посмотрел на меня в замешательстве; только тут я заметил, что вспыхах ухватил его за рукав мантии.

– Помогу чем смогу, доктор Бруно, – ответил он без особой уверенности, мое поведение не могло не показаться ему странным. – Но давайте уйдем из-под дождя. – Он завел меня в тот подъезд, откуда только что вышел с друзьями.

Слайхерст подозрительно смотрел нам вслед; я почувствовал его взгляд и обернулся, но казначей поспешно закутался в мантию и устремился через двор к апартаментам ректора.

– Понимаете, какой-то молодой человек, студент, доставил вечером в субботу доктору Ковердейлу срочное сообщение, – заговорил я, как только мы вошли в подъезд. – Доктор Ковердейл прочел записку и тут же ушел. Кто был этот молодой человек?

– Откуда мне знать, сэр? – возмутился было юный Уэстон, но тут же смягчил тон. – Если это важно, я могу порасспрашивать.

– Спасибо, – ответил я. – Если найдете его, с меня шиллинг.

Это произвело впечатление: Уэстон кивнул и побеждал вслед за приятелями. Я, собравшись с духом, тоже вышел под проливной дождь.

Глава 12

Комната Габриеля Норриса располагалась на первом этаже западного крыла, позади лестницы, на двери красовалась дощечка с его именем. Я громко постучал, изнутри послышалось какое-то движение, однако никто не открывал. Я снова постучал и выкрикнул имя Норриса, тогда послышались шаги, дверь распахнулась, и передо мной предстал Томас Аллен. Очевидно, он исполнял здесь свои обязанности прислуги: рукава рубашки были закатаны выше локтя, в руках он сжимал грязную тряпку.

– Доктор Бруно! – воскликнул он, заливаясь багровым румянцем и комкая тряпку в руках; я застал его врасплох.

– Простите за беспокойство, Томас. Вижу, вы заняты, а мне требуется поговорить с мастером Норрисом.

– Его дома нет, – ответил Томас, тревожно оглянувшись через плечо, как будто не доверяя собственным словам.

Сквозь распахнутую дверь я разглядел просторную и удобную гостиную. Перед камином стояло широкое кресло с деревянной спинкой и выдвижным ящиком внизу. Да уж, по сравнению с большинством студентов Габриель жил в роскоши. Окна по обе стороны комнаты выходили на улицу и на внутренний двор, так что даже в этот хмурый денек внутри было достаточно светло. Под окном, выходившим на улицу, стоял прочный, окованный железом сундук с навесным замком.

– Думаю, он на лекции. А я его обувь чищу, – сердито добавил Томас.

– Вы на лекцию не пошли?

– У меня работы по горло! – буркнул мальчишка в ответ.

Его манеры меня несколько удивили, но я подумал, что все дело в том, что я застал его за этой унизительной работой. Однако...

– Срочно пришлось чистить Габриэлю башмаки? – сообразил я вдруг.

Мой тон насторожил Томаса, он нахмурился, приподнял плечи.

– Я их каждый день чищу, – устало проговорил он. – Зачем вам Габриель понадобился?

– Хотел спросить его, когда именно он отнес свой лук в хранилище.

Лицо Томаса выразило некоторое удивление, но он опять небрежно пожал плечами, вытер руки о грязную полу собственной рубашки.

– Я сам сдал его лук в хранилище в субботу утром. Ох и злился же он: сказал, ректор заставил его расстаться с луком, и это после того, как Гейб ректору же оказал услугу, пристрелив того бешеного пса.

– Значит, лук отнесли вы?

Он заморгал: мой тон все больше пугал его. Потом покачал головой.

– Я как раз шел в хранилище, но во дворе меня перехватили доктор Ковердейл и доктор Бернард. Они стояли у лестницы, которая ведет в часовню. Прицепились: что это я по колледжу с оружием расхаживаю. Я все объяснил, и доктор Ковердейл сказал мне, чтобы я оставил лук у его двери на лестнице, а он, мол, сам проследит, чтобы оружие поместили под замок.

– Доктор Бернард присутствовал при этом разговоре и все слышал?

– Он стоял рядом, слышал, разумеется, – все еще недоумевая по поводу моих вопросов, ответил Томас.

– Кто-нибудь мог вас подслушать?

– Не знаю. Какие-то люди во дворе были, но возле нас вроде бы никто не задерживался. Могу я спросить, доктор Бруно, что случилось? – Он снова начал мять в руках грязную тряпку.

– Ничего не случилось, – весело отвечал я.

С минуту мы взирали друг на друга в неловком молчании.

– Доктор Бруно, – заговорил Томас, подходя ко мне вплотную и понижая голос, – вы уж не считите за дерзость, но я хотел бы поговорить с вами. Дело важное, а больше мне довериться некому.

У меня чуть волосы на затылке не зашевелились: неужто парень что-то знает про эти убийства?

– Прошу вас, говорите.

– Это личное.

– А мы здесь разве не одни? – Я подозрительно оглядел пустую с виду комнату.

Томас покачал головой, плотно сжимая губы, комкая злосчастную тряпку.

– Нет, сэр, не здесь, не в колледже.

Я призадумался: лишним временем я не располагал, нужно было срочно отыскать того студента, который вызвал Ковердейла с диспута. Но искаженное отчаянием лицо Томаса убедило меня: дело не терпело отлагательства.

– Хорошо, пойдемте. Вы сегодня уже завтракали? Поищем таверну, где мы могли бы поесть и свободно поговорить.

Томас опустил глаза.

– Простите, сэр, у меня нет денег на посещение таверны.

– У меня есть, – ободрил я его. – Я вас приглашаю.

– Боюсь, сэр, на вашем положении в университете это скажется неблагоприятно, не стоит вам появляться со мной на публике, – печально продолжал он.

– Честно говоря, мастер Аллен, мое положение в университете и ломаного гроша не стоит, – проворчал я. – К черту все это, пошли поедим. Укажите мне приличный кабак, и там расскажете то, что хотели рассказать. И наплевать на все.

– Вы очень добры, сэр, – вздохнул парень и вышел вслед за мной из комнаты Габриеля, задержавшись на минуту, чтобы запереть дверь.

Приблизившись к башне, я привстал на цыпочки, пытаясь заглянуть в пустые окна комнаты Ковердейла – впрочем, окна располагались чересчур высоко, ничего видно не было.

– Все в порядке, доктор Бруно? – с беспокойством спросил Томас. – Вы с утра как будто не в своей тарелке. Что-то случилось?

Я задумался. Томас еще не слышал про убийство, но к тому времени, когда мы вернемся, по колледжу уже успеют расположиться слухи. Если ему что-то известно, нужно воспользоваться этим кратким промежутком времени, пока он не насторожился.

– Нет-нет, все в порядке, идем.

В молчании мы прошли по Сент-Милдрэд-Лейн до Хай-стрит. Томас был выше меня почти на фут, однако он сутулился, словно старался сделаться незаметнее, так что мы казались почти одного роста. Невозможно было не пожалеть мальчишку. Он как будто прочел мои мысли, обернулся ко мне, руки его были спрятаны в рукава потрепанной мантии.

- Большое вам спасибо, сэр, за то, что согласились меня выслушать. При такой разнице в положении...
- Раз уж вы заговорили о положении, Томас: вы – сын человека, который был членом университета, а я – сын солдата. Все эти различия меня мало интересуют, я еще верю, что придет день, когда человека будут судить по заслугам, а не по его происхождению.
- Это было бы прекрасно, – согласился он. – Но для жителей этого города я навсегда останусь сыном изгнанного еретика.
- А я и сам изгнанный еретик!

Впервые он посмотрел мне прямо в лицо и улыбнулся. Однако через мгновение лицо его вновь сделалось серьезным.

- Вы дружите с королями и вельможами, сэр, – напомнил он мне.
- Дружбой это вряд ли можно назвать. Французский король Генрих любит окружать себя философами, это льстит его тщеславию, ведь он притязает на ум и образованность. Это у вас или у меня могут быть друзья, у королей их нет.
- У меня вовсе нет друзей, – печально возразил Томас. Повисло молчание, оба мы подыскивали, что сказать. – Но ведь сэр Филип Сидни ваш друг, а это уже немало.
- Да, – признал я. – Я имею счастье числить Сидни среди своих друзей. Вы об этом хотели поговорить со мной – попросить, чтобы я заступился перед ним за вашего отца?

Томас еще мгновение колебался, потом остановился и решительно поглядел мне в глаза.

- Не за отца, сэр. За себя. Я должен кое-что рассказать вам, но обещайте не выдавать меня.

Я кивнул, уже не на шутку заинтригованный. Мы остановились на том самом месте, где Сент-Милдрейд-Лейн переходит в Хай-стрит. Оглянувшись, увидели ряды домиков и светлые стены зданий колледжа. В этот час улица была пустынна, небо спокойно отражалось в воде, заполнившей дорожные канавы.

- Там, дальше по улице, таверна «Цветок лилии», – сообщил Томас, указывая влево. – Дорогое заведение, сэр. – Он машинально дернул самого себя за рукав мантии.

– Пустяки, – легкомысленно отвечал я, побренчав висевшим у меня на поясе увесистым кошельком – даром Уолсингема. Мы неторопливо направились к таверне, выбранной Томасом, и я с деланой небрежностью спросил: – Вообще-то я местных заведений не знаю. Как насчет «Колеса Катерины» – что-нибудь о нем слышали?

Я покосился на Томаса и успел заметить мелькнувшее на его лице выражение страха, однако парень быстро справился с собой.

- Мне кажется, это сомнительное место, сэр. К тому же студентам не разрешается выходить за городские стены. Если кто-то попадется на этом, ему здорово влетит.

– В самом деле? Странно. Вчера я вышел на прогулку и своими глазами видел молодого человека в студенческой мантии, который вышел за городские ворота.

Томас равнодушно пожал плечами:

- Кто-нибудь из коммонеров. – В голосе его не слышалось горечи, он как будто давно уже смирился с тем, что для богатых действуют особые законы, и не ждал перемен к лучшему.
- Кто-нибудь вроде вашего хозяина Габриеля Норриса?
- Если можно, не зовите его моим хозяином, сэр. Разумеется, я прислуживаю

Мы остановились перед двухэтажным побеленным зданием с фасадом по Хай-стрит. Домик был ухоженный и чистый, а внутри мы увидели столь же уютный и приятный зал – в общем, полная противоположность «Колесу Катерины». Аромат жареного мяса защекотал нос, едва мы переступили порог. Выскочил улыбающийся хозяин. Фартук обтягивал его брюхо, такое толстое, что казалось, хозяин вот-вот разродится. Он провел нас к столику, на ходу перечисляя имеющиеся блюда – их было столько, что я успел перезабыть половину, прежде чем его монолог завершился. В итоге мы заказали сыр, ячменный хлеб и каждому по кувшину пива. Томас огляделся по сторонам с таким восторгом, словно впервые вышел в город и ждал от неожиданной свободы всяческих чудес.

– Итак, Томас, – ласково заговорил я. – Что вы хотели мне поведать?

Юноша приподнял голову и пугливо поглядел на меня, решаясь.

– Три дня тому назад, в тот день, когда я так бесстыдно обратился к вам прямо во дворе, в день вашего приезда, сэр... В тот день я кое-что узнал об отце.

Он умолк, тяжело вздохнув, и как раз в этот момент мальчишка-разносчик подскочил к нам с пивом и хлебом. Тут я вспомнил Хамфри Причарда с его латынью и подумал: с тем тоже надо поговорить. Томас уткнулся лицом в кружку и дул пиво так, словно его мучила жажда. Я подождал, пока он опустит кружку на стол, и мягко задал следующий вопрос:

– Вы с отцом, значит, поддерживаете связь?

– Мы переписываемся, – кивнул Томас. – Как вы сами понимаете, все наши письма вскрываются по личному распоряжению графа. Мой отец в Реймсе, в Английском колледже, где готовят священников для миссии в Англии. Любое письмо оттуда представляет интерес, к тому же все считают, что я разделяю убеждения отца, и ждут, когда я выдам себя. Следят за каждым моим шагом, ни с кем заговорить нельзя. Насчет этого, – он указал на хлеб и сыр, – они тоже будут допрашивать меня, когда пронюхают.

– «Они» – это кто? – уточнил я, в свою очередь отпивая глоток пива. – Кто перехватывает письма?

– Ректор. И доктор Ковердейл. Когда отца изгнали, он хотел и меня выпереть из колледжа. Твердил, что, если меня оставить, подумают, будто колледж пригрел паписта.

Говорил он с досадой, но я пристально следил за выражением его лица и готов был поклясться: Томас не знает, что его враг недавно был убит.

– Но на самом деле вы не папист? – подбодрил я юношу.

– Я – сын паписта, а значит, моя верность королеве и Англии под сомнением. В конце концов ректор разрешил мне остаться в колледже, но Ковердейл добился, чтобы меня лишили стипендии. Не думаю, чтобы и ректор особо сочувствовал мне, однако он счел, что моя переписка с отцом еще пригодится. – Парень коротко, сердито засмеялся. – Здорово же они промахнулись! Отец пишет только о погоде и своем здоровье, а я ему про учебу. Ни о чем больше мы писать не осмеливаемся. А тут еще прошел слух, будто граф Лестер поместил в колледж собственного соглядатая, вот до чего они опасаются папистского заговора.

– Соглядатая поместил? Это точно? – я аж вперед подался.

– Не знаю, сэр. Если он человек опытный, я в любом случае не смог бы его разгадать, правильно?

– Значит, веру отца вы не разделяете?

Томас спокойно выдержал мой взгляд, он был готов к испытаниям.

– Нет, сэр, не разделяю. Плевать мне и на папу, и на Рим. Я мог бы поклясться в этом, но все равно останусь под подозрением. Так что толку?

Я исподволь наблюдал за ним.

– Какие новости вы получили от отца три дня назад? – спросил я. – Он заболел?

Томас покачал головой, энергично работая челюстью.

– Плохие новости, – с горечью заговорил он, когда прожевал и проглотил. – Он... – Парень прервался, поднес кусок хлеба ко рту и посмотрел на меня так, словно видел впервые. Его взгляд тревожно впился в мое лицо: он пытался сообразить, можно ли мне довериться. – Вы обещаете, что никому об этом не расскажете?

– Клянусь, – искренне ответил я, для большей убедительности кивая и глядя парню прямо в глаза.

Он всмотрелся в мое лицо, потом тоже кивнул.

– Мой отец не вернется в Англию. Никогда не вернется, даже если королева Бесс собственоручно подпишет помилование.

– Почему же?

– Потому что он счастлив. – Последнее слово Томас подчеркнул, не скрывая гнева. – Он счастлив, доктор Бруно, он обрел свое призвание. Иногда мне кажется, что он намеренно выдал себя, чтобы получить возможность открыто исповедовать свою веру. Свои письма он диктует писцу – знаете, почему?

Я покачал головой; впрочем, Томас продолжал, не дожидаясь:

– Его допрашивали в Тайном совете. Подвешивали за руки, он висел по восемь часов кряду. Он терял сознание, но так ничего и не сказал. Правой рукой он теперь почти не владеет, но он бы с радостью пошел и на смерть, почитая себя мучеником. Три дня назад я узнал, что мой отец собирается принять обет и стать членом ордена иезуитов. – Голос его стал почти издевательским; вот только над кем он издевался? – Теперь Церковь заберет его со всеми потрохами, и он думать забудет, что когда-то у него были жена и сын.

– Ни один отец так не поступит! – горячо застулся я.

– Вы его не знаете. – Рот Томаса сложился в жесткую складку. – Мы – старая католическая семья, сэр! Но скажите, как может религия, исповедующая любовь, требовать от человека, чтобы он разорвал все узы любви и родства? Проповедовать мученичество ради будущей жизни где-то на небесах, а близкие пусть страдают! Не желаю я знать Бога, который требует подобных жертв!

Нервными движениями он мелко искрошил свой кусок хлеба и потянулся за другим. Рука его высунулась из потрапанного рукава, и я увидел на запястье Томаса грязную, неумело наложенную повязку. Местами она была в засохшей бурой крови, местами в свежей алой.

– Что у вас с рукой? – спросил я.

Он поспешил натянуть рукав пониже, скрывая повязку.

– Ничего страшного.

– Выглядит довольно скверно: кровь, похоже, хлестала ручьем. Давайте я осмотрю рану.

– Вы разве доктор? – огрызнулся он, пряча руку, словно боялся, что я и без его разрешения сорву повязку.

– Доктор богословия, – усмехнулся я. – Однако в бытностью монахом я составлял бальзамы и мази. Позвольте мне осмотреть рану, хуже не будет.

– Благодарю вас, не надо. Пустое, я сам виноват: точил Габриэлю бритву, и рука сорвалась.

Опустив взгляд, молодой человек сосредоточил внимание на еде; тема была

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
закрыта. Я насторожился, но постарался не обнаруживать своего интереса к бритве Габриеля.

– Стало быть, мастер Норрис к университетскому цирюльнику не ходит? – с деланным безразличием поинтересовался я.

Томас выдавил улыбку:

– Говорят, это циркач, а не цирюльник, и предпочитает бриться сам.

– Когда вы точили бритву?

Томас прикинулся:

– В субботу, вероятно. Он собирался побриться перед диспутом.

– И с тех пор бритва лежит на обычном месте?

– Не знаю, сэр. Я не смотрел. Наверное, куда ей деваться?

Он наморщил в удивлении лоб.

– А мастер Норрис когда-нибудь одолживает бритву друзьям?

– Никогда, сэр. Он к своей собственности ревниво относится. Многие вещи у него ценные, или же они дороги ему потому, что достались от отца.

Спрашивать, зачем мне понадобились такие подробности, он не стал, хотя смотрел на меня с удивлением. Мы посидели несколько минут молча, потом я положил остатки хлеба в тарелку и вытер руки.

– Однако это известие об отце вы получили не напрямую, ведь он не стал бы писать вам о своих планах, раз письма перехватываются.

– Нет, у него был другой корреспондент, – с полным ртом отвечал Томас.

– Был?

Томас замер, взгляд его заметался: мальчишка понял, что проговорился.

– Доктор Мерсер? – надавил я: если известие пришло три дня назад, доктор Мерсер единственный человек, о котором уместно говорить в прошедшем времени.

Парень нехотя кивнул.

– Они продолжали переписываться. Отец доверял Роджеру Мерсеру, они были близки.

– Но ведь Мерсер донес на него?

– Вряд ли. Отец так и не узнал, кто его выдал, но он не думал, что это Мерсер. Все, что сделал Мерсер, – дал против него показания на суде.

– Пожалуй, и этого достаточно, чтобы дружбе пришел конец. Или ваш отец наделен даром всепрощения?

Томас отложил нож и сердито посмотрел на меня:

– Вы так ничего и не поняли! О том-то я говорю: им важнее всего дело, важнее всего их вера. Ради веры они пожертвуют дружбой. Отец и не ожидал ничего другого от Мерсера, он и сам дал бы показания против Мерсера, если бы тот попался. Их дружба ничто перед верой. Если бы Роджер заступился за отца, они бы вместе угодили в тюрьму или в изгнание, и кто бы тогда продолжил борьбу?

Я смотрел на парня почти с ужасом.

– Роджер Мерсер тоже был католиком? – прошептал я.

Томас подался вперед, перегнувшись через стол.

- Теперь-то уж все равно, если вам я расскажу, – произнес он. – Только вы сохраните это в тайне, очень вас прошу, иначе его семья тоже пострадает.
- Я никому не скажу. Но если Роджер был католиком, – продолжал я, пытаясь осмыслить услышанное, – и если ваш отец писал ему из Реймса, он, должно быть, делился с ним планами относительно деятельности в Англии? Возможно, Роджер принимал в этом какое-то участие?
- Содержание их писем неизвестно мне, сэр, – ответил Томас, вертясь от неловкости на стуле. – Доктор Мерсер сообщал мне лишь те новости, которые непосредственно касались меня.
- Разве их переписку ректор и его приспешники не перехватывали? И никому не казалось странным и подозрительным, что Мерсер переписывается с бывшим другом, осуждению которого он способствовал?
- Доктор Мерсер получал письма не по университетской почте, сэр. – Голос Томаса упал до шепота. – Он платил кому-то в городе, у кого есть возможность отправлять письма на материк и получать почту оттуда.
- должно быть, этот «кто-то» – книготорговец?

– Я не спрашивал, это не мое дело. – Томас отвечал равнодушно, однако прятал глаза. Вдруг он подался вперед, лег грудью на стол и ухватил меня за рукава. – Сэр, за моего отца я не отвечаю, ни за его поступки, ни за письма, какие он посыпал кому-то. Целый год я пытаюсь объяснить: все, чего я хочу, – это жить спокойно, покинуть Оксфорд, изучать право в Лондоне. Однако покуда во мне видят сына моего отца, никто не позволит мне стать юристом и обзавестись семьей. А уж теперь, когда он иезуитом заделался... – добавил мальчишка, совсем рассиропившись от жалости к себе. – Тайный совет расплодил соглядатаев, и рано или поздно ему все станет известно. Если только за меня какой-нибудь влиятельный человек не заступится.

Томас жалобно взирал на меня, однако я не замечал этого, поскольку в тот момент думал совсем о другом: если Эдмунд Аллен решил стать членом ордена иезуитов, он конечно же связан с католической миссией в Англии. Так вот почему комнату Мерсера обыскивали: письма Аллена, если в них содержались сведения насчет этого, послужили бы достаточной уликой для осуждения заговорщиков. Но убийство Роджера из этого не вытекало. Может быть, он угрожал предать соучастников? Или попросту перешел кому-то дорогу? Возможно, в переписке Роджера Мерсера и Эдмунда Аллена были названы чьи-то имена, и кто-то хотел любым способом спасти от разоблачения? Инициал «ДЖ», которым был помечен день убийства в календаре Мерсера, вполне мог означать Дженкса, прикинул я. Если человек способен, не поморщившись, отрезать самому себе уши, он столь же хладнокровно убьет любого, кто станет угрозой для его дела. Впрочем, может быть, я сам себя накручиваю, наслушавшись рассказней Коббета?.. Слишком много вопросов, и слишком мало ответов. Я опустил голову на руки и уставился на стол.

- Вам нехорошо, доктор Бруно?
- Я подумал, быть может, Мерсера убил католик, – пробормотал я, не отдавая себе отчета в том, что думаю вслух; опомнился, лишь перехватив удивленный взгляд Томаса.
- Доктора Мерсера загрызла собака, – напомнил он мне.
- Полнό, Томас! Часто у вас тут в Оксфорде бродячие псы на людей кидаются? Проникают в запертый двор коллежка?
- Не знаю, сэр. – Он снова спрятал глаза. – Знаю лишь то, что сказал нам ректор: калитку оставили незапертой, и в сад забрел бешеный пес.

Он заглянул в опустевшую кружку, словно пиво могло появиться там само собой, стоит лишь пожелать.

- Выпьем еще?

Он с готовностью закивал, я подозвал служанку и попросил принести еще две кружки пива. Когда служанка отошла, я в свою очередь перегнулся через стол

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
и заставил Томаса взглянуть мне в глаза.

– Вы об этом и хотели поговорить со мной наедине? О вашем отце?

Томас поскреб ногтями дощатый стол.

– В день вашего приезда я принял вас за сэра Филипа Сидни, – тихо произнес он. – Вы были добры ко мне, когда ректор Андерхилл принял меня позорить, и я подумал – глупо, конечно, с моей стороны – но я подумал, если вы дружите с таким человеком, как сэр Филип, вы могли бы заступиться за меня.

– И что мне ему сказать?

Юноша набрал в грудь побольше воздуху, потом медленно выдохнул, повертел ладони перед глазами, как будто на них был записан ответ.

– Я хотел бы покинуть Оксфорд, сэр. Я боюсь. Когда отца арестовали, меня дважды допрашивали в суде канцлера. Никто не верил, что я не был посвящен в его тайну. Меня допрашивали с пристрастием, не верили ни единому моему слову, повторяли одни и те же вопросы и переиначивали ответы, пока я не запутался.

Руки его сильно тряслись, дыхание участилось – ему даже вспоминать эти ужасы было тяжко.

– К вам применили пытки?

– Нет, сэр! Но они разбирали каждый мой ответ, – они же юристы, – все переворачивали, и получался какой-то иной смысл. А я был напуган, запутан, и в какой-то момент вдруг понял, что подтверждаю то, чего никогда не говорил, что вовсе не соответствует истине. Если они захотят кого-то в чем-то уличить, то невиновного заставят поверить в свое преступление. Я испугался, что по глупости могу сам себя оговорить. Это было ужасно, сэр.

– Представляю себе. – Я не мог не почувствовать: ведь до сих пор ужас охватывал меня при одном воспоминании о той ночи, много лет тому назад, когда аббат объявил, что передаст меня в руки инквизиции. – И вы опасаетесь, что вас будут снова допрашивать, если узнают, что отец ваш сделался монахом-иезуитом?

Томас кивнул и впервые посмотрел мне прямо в глаза.

– Они и прежде не верили мне, что же будет теперь, когда станет известно, что отец вступил в орден? Меня повезут в Лондон допрашивать! Я слыхал о том, что делают с людьми, чтобы добиться от них нужных сведений! Они заставят человека сказать все, что им угодно.

Я припомнил разговор в саду Уолсингема, и меня даже пробрал озноб. Изнуренное лицо Томаса исказилось страхом. Он не притворялся – это был ужас, самый настоящий ужас.

– Власти считают, что вам достаточно известно и что имеет смысл подвергнуть вас суровому допросу? – мягко спросил я.

– Ничего я не знаю, сэр, ничего! – запротестовал он, и щеки его побагровели от волнения. – Но у меня не хватит мужества, и я не знаю, что могу наболтать, если меня будут пытать.

– Для начала скажите правду мне, Томас, – решительно потребовал я. – Я не смогу вам помочь, если вы что-то утаиваете.

– Я ничего не хотел знать, сэр, – прошептал он, смаргивая слезы. – Я просил отца не впутывать меня. Он требовал, чтобы я участвовал во всем, хотел взять меня с собой во Францию, чтобы ему не пришлось выбирать между верой и семьей. Он сообщал мне о всех их встречах и собраниях, хотел воспитать во мне преданность к этим людям, а я чувствовал только, что мне навязывают то, чего я вовсе не желаю знать. Я страдаю за чужую веру! – вскрикнул он вдруг, ударяя кулаком по столу.

– А добровольно расстаться с этими секретами вы не хотели бы? – осторожно предложил я. – Вы же понимаете: граф Лестер наградит любого, кто сообщит

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
ему важные сведения о католическом заговоре в Оксфорде, а вы, безусловно,
располагаете такими сведениями.

Томас уставился на меня, как будто смысл моих слов не сразу дошел до него.

– Я думал об этом! Вы когда-нибудь видели, как в Англии казнят обличенных в католицизме?

Я признался, что Бог миловал, не доводилось.

– А я видел. Отец повез меня в Лондон на казнь Эдмунда Кэмпиона и других иезуитов. Это было в декабре восемьдесят первого. Должно быть, отец хотел, чтобы я понял, какие ставки в этой игре. – Мальчик провел рукой по глазам, словно пытаясь изгнать из памяти страшную сцену. – Их распотрошили, как свиней на бойне, намотали кишкы на веретено и стали медленно их вытягивать – заживо. Они все кричали, взывая к Господу, а в это время их внутренности палац предъявлял на потеху толпе, покуда не вырвал их сердца и бросил в печь. Я не мог смотреть на это, доктор Бруно, отвернулся и увидел лицо отца – он был в восторге, словно видел самое прекрасное зрелище на свете. Я не хочу быть к этому причастен, не хочу, чтобы у меня кровь была на руках. Сэр, я одного хочу: чтобы меня оставили в покое! – Голос его сделался пронзительным, парень невольно схватился за раненое запястье, словно от волнения у него вновь разболелась рана.

– Томас, – заговорил я, но вынужден был прерваться: служанка вернулась к столу с пивом. Когда она поставила кувшины и отошла, я наклонился к нему и тихо заговорил: – Томас, могли в Оксфорде остаться католики, которые знают, что ваш отец называл вам их имена? Люди, которые знают, что вы не разделяете их веру, которые боятся, что на допросе вы можете их предать?

И снова он отвел глаза.

– А сами вы не боитесь, что эти люди попытаются заставить вас замолчать, пока вы их не выдали? Покончат с вами, как с Роджером Мерсером?

– Я больше ничего не скажу, доктор Бруно, – дрожащим голосом ответил он. – Вам этого знать не нужно, клянусь. Об одном вас прошу: если можно, поговорите обо мне с сэром Филиппом, заступитесь за меня, скажите, что я настоящий англичанин, я верен королеве и Англиканской церкви!

– А разве вы не утратили веру в Бога? – поддразнил я его.

– Я говорю о Церкви, а не о Боге, – парировал он. Где-то за окном зазвонил церковный колокол, и Томас аж подпрыгнул. – Доктор Бруно, не считите меня дурно воспитанным, но мне пора возвращаться в колледж. Скоро Габриель вернется с лекции, а я еще не приbral.

Мне показалось, что парень слишком спешит свернуть разговор: должно быть, не ожидал, что за услугу, о которой он меня просил, ему придется отвечать на столько вопросов. Я допил пиво и уплатил хозяину. Томас с нескрываемой завистью провожал взглядом каждую монету, что я извлекал из кошелька Уолсингема. Мне стало стыдно: если бы он знал, что деньги я получил от тех самых людей, которые внушили ему такой страх, что это был, можно сказать, аванс за тайны его отца и его собственные, – разве этот мальчик смотрел бы на меня с уважением, надеждой и мольбой?

Мы вышли из теплой таверны. Пронзительный ветер и косой дождь ударили в лицо. Томас поплотнее завернулся в плащ. Мы брали по Хай-стрит, с крыш домов лило ручьем, мы оба молчали: Томас погрузился в свои невеселые размышления, а я пытался увязать полученную от него информацию с убийствами Мерсера и Ковердейла. На повороте к Сент-Милдред-Лейн я вспомнил, что еще кое о чем хотел спросить молодого человека.

– Вы сказали, что у вас здесь нет друзей. А разве вы не дружите с мистрис Софией Андерхилл? – Я замедлил шаги, чтобы Томас успел мне ответить прежде, чем мы доберемся до ворот колледжа.

Он посмотрел на меня с удивлением.

– Было время, когда я считал ее другом, но я для нее все равно что кукла: прежде я забавлял ее, а теперь ей стало со мной скучно, и она дала мне

отставку.

– Потому что ваш отец впал в немилость?

– Нет. – Томас тщательно обошел лужу; башмаки его были совсем разбиты. – Нет, со мной она рассталась намного раньше. Когда моя мать умерла, а отец по приглашению графа решил вернуться в Оксфорд, меня он оставил жить в городе. Как вы знаете, только ректор имеет право жить в колледже с семьей, все остальные члены университета должны оставаться холостяками. Но семья ректора пригрела меня, нас с отцом часто приглашали в гости. Вообще-то они предполагали, что я стану приятелем Джона, сына ректора, но он потом погиб. Конечно же меня больше интересовала София. – Парень вздохнул и сгорбился еще сильнее, как будто эти воспоминания давили ему на плечи. – Когда Джон погиб, ректор Андерхилл всерьез взялся за дочь. Прежде он мечтал, что она сделает прекрасную партию, мать должна была вывести ее в свет. Но мать слегла после гибели Джона, а у Софии вместо женихов только и была компания что студенты колледжа. К ней приглашали гувернанток, но ни одна не задерживалась надолго. – Томас грустно рассмеялся. – Бедняги! Я бы не взялся воспитывать Софию против ее воли.

Я кивнул, припомнив, как она разделась с ворчливым дворецким по имени Адам.

– Да уж, пожалуй. Но думать о ней вы не перестали?

Он покосился на меня и вновь насторожился.

– Не все ли равно? Теперь я ей не пара.

– Появился кто-то другой?

Лицо его окаменело, в глазах мелькнул гнев.

– Что бы вам ни наговорили, это ложь! У Софии верное сердце, но ее легко обмануть... – Голос его сорвался; я испугался, как бы парень не заплакал, но он сдержался и продолжал: – Если уж вы спрашиваете – да, я всегда буду ее любить и сделаю все, что угодно, лишь бы ее защитить. Все, что угодно!

Я заметил, с какой силой он произнес последние слова, и резко переспросил:

– От чего вы собираетесь ее защищать? Ей что, грозит опасность?

Томас отступил на шаг, напуганный требовательным тоном и выражением моего лица.

– Нет-нет, я просто хотел сказать, что, мол, если ей понадобится, она всегда может рассчитывать на меня.

Я схватил парня за руку. Тот вскрикнул – я совсем забыл про его рану.

Выпустил руку, ухватил его за ворот мантии, притянул к себе:

– Томас, если София в опасности, ты должен сказать об этом мне!

Он прищурился, выпятил подбородок и отступил на шаг.

– Должен, доктор Бруно? Что вы можете ей предложить? Свое покровительство? Еще что-то? А через пару дней вы со всей компанией отправитесь в Лондон, и что с ней тогда будет?

– Вы обязаны сообщить об угрозе тем, кто мог бы ей помочь. – Я постарался произнести эти слова равнодушным тоном и отпустил его, однако сам понимал, что уже поздно: я выдал свой интерес к Софии, и теперь парень считает меня соперником.

Томас встряхнулся и двинулся прочь по Сент-Милдред-Лейн в сторону колледжа; длинными руками он обхватил свое тощее тело, как будто озяб.

– Вы не знаете, о чем идет речь, – сказал он, когда я нагнал его.

Головы он не повернул, смотрел прямо вперед, как будто и не со мной

Джордано Бруно Ересь filosoff.org разговаривал, а думал вслух. Но вдруг он опомнился, обеими руками сжал мою руку, поглядел виновато:

- Спасибо, что выслушали меня, доктор Бруно. Простите, если я позволил себе лишнее, я так боюсь сказать что-то не то. Вы, если будет возможно, припомните мою просьбу?
- Обязательно, Томас. Хорошо, что мы поговорили.
- Я должен убраться из Оксфорда. – Он все сильнее сжимал мою руку. – Если б только я мог попасть в Лондон и там начать новую жизнь! Вы скажете сэру Филипу? Ведь достаточно его слова, чтобы передо мной открылась новая жизнь, а я поклянусь в верности и ему, и графу до Гроба.
- Я сделаю для вас все, что смогу. – Я говорил искренне, хотя и понимал, что парень рассказал мне далеко не все. – И займитесь этой раной на запястье.

Он слегка поклонился, проскользнул в ворота и побежал чистить башмаки своего хозяина.

Дождь косо поливал двор, и казалось, конца ему не будет. Небо сделалось гораздо темнее, чем в тот час, когда я вышел на улицу. Я посмотрел на узкое окошко в вершине башни и содрогнулся при мысли, что окровавленный труп Ковердейла так и висит там на железной скобе, пронзенный стрелами. Насмешка? Чудовищная пародия? Десяток стрел, торчащих из живота и груди...

Однажды в Риме я наведался в базилику Сан-Себастьяно фуори Ле Мура. Внизу, в катакомбах, хранятся мощи святого, и там же висит огромная икона: мученический лик, стрелы, усеявшие тело густо, как иглы дикобраза. Тогда это показалось мне преувеличено неправдоподобным, как аляповатая декорация какого-то спектакля; теперь точно такое же впечатление производило убийство Джеймса Ковердейла. Мрачная сцена более походила на розыгрыш, тщательно продуманную изуверскую шутку. Я даже не поверил окончательно, что он мертв, пока не увидел перерезанное горло. Теперь я вдруг припомнил одну фразу из цитированного ректором Фокса: «Его же воины». Себастьян, капитан преторианской гвардии, был расстрелян собственными воинами по приказу императора Диоклетиана. Учел ли убийца и это? Был ли Джеймс Ковердейл убит человеком, которого считал своим союзником? И в чем союзником? Кем он сам был в этом запутанном деле?

Только я сделал шаг от арки внутрь двора, как из противоположной арки появился ректор, следом за ним шел Слейхерст. Оба надвинули капюшоны на лицо и спешили ко мне. Ректор издали махал обеими руками, чтобы я присоединился к ним. Укрывшись под аркой от дождя, он придинулся ко мне поближе, чтобы не подслушали студенты, тоже набившиеся сюда.

- Сегодня утром вы видели мою дочь в привратницкой, Бруно? – спросил меня Андерхилл.
- Да, она ждала свою мать, чтобы вместе пойти в город. – Я отметил, как звонкован голос ректора.
- Вы видели, как она уходила из привратницкой?
- Нет. Явился мастер Слейхерст с этим ужасным известием, и я побежал за вами.
- Значит, она... – Андерхилл в растерянности покачал головой. – Ладно, не важно. Она всегда была непокорной, рано или поздно она вернется.
- Что случилось? – всполошился я.

– Когда моя жена пришла в привратницкую, Софии там уже не было, – ответил ректор, оглядывая двор так, словно думал, что она в любой момент может появиться. – Маргарет сочла, что София не дождалась ее и одна пошла к тем знакомым, к которым они собирались. Она поспешила за дочерью, но, когда пришла, выяснилось, что там Софию никто не видел. Маргарет сильно тревожится, как всегда, но я склонен думать, что София решила пройтись, никого не предупредив, – она все время жалуется, что заперта здесь, будто в

тюрьме, и требует предоставить ей свободу целыми днями бродить по лугам и полям за городом, как в те времена, когда она гуляла с братом. Но ведь то было другое дело. Ей придется усвоить манеры, подобающие девице, хочет она того или не хочет. – Лицо ректора омрачилось, он вновь оглянулся по сторонам, в явной растерянности; как будто ждал, что страшные события этого дня сами по себе исчезнут, изгладятся.

– Вряд ли она отправилась гулять в такую погоду, – возразил я.

Я старался говорить спокойно, чтобы не выдать своего страха; ведь еще накануне София говорила мне, что ей грозит опасность, а только что ее слова подтвердил Томас Аллен. И вот она пропала. Только бы ректор оказался прав! Но ведь он сам встревожен и пытается себя успокоить. Все его мысли были поглощены убийством Ковердейла и судьбой колледжа, а тут еще тревога за дочь.

– Да-да, я уверен, она вернется к обеду. – Он как-то неопределенно помахал рукой. – Сейчас мастер Слайхерст отнесет от меня записку коронеру, а я должен готовиться к выступлению. Время не терпит. – Он взглянул на меня и тяжело вздохнул. За последний час этот упрямый человек состарился на добрых десяток лет. – Я буду у себя в кабинете, доктор Бруно. Мы поговорим позже. Прошу вас к полудню в зал на обед. Там я объявлю о трагедии. Было бы желательно, чтобы вы в точности знали, что я сообщу членам колледжа, чтобы не рассказывали потом никаких подробностей кроме тех, которые я сочту уместным им поведать. Необходимо пресечь сплетни.

Я поклонился, выражая полное согласие.

– Было бы также желательно, ректор, чтобы вы никому не сообщали о вашем поручении мне расследовать обстоятельства дела, – негромко посоветовал я. – Многие предпочтут скрыть от меня информацию, если проведают, что я добываю ее для вас.

– Разумеется. Ведите дело, как знаете, доктор Бруно, а я ни словом не проговорюсь о вашем участии. Но узнайте, кто совершил это злодеяние – эти злодеяния, – поправился он, – и любая награда, какую в состоянии выделить колледж, ваша. Если, конечно, я все еще буду занимать должность ректора, – мрачно добавил он, отвернулся и пошел к себе.

Глава 13

Колокол, сзвавший к обеду, еще звонил неумолчно, а члены колледжа и студенты уже спешили в зал, торопливые и напуганные. Казалось, искры потрескивают в воздухе, как перед бурей. А дождь был и был в окна с такой силой, что даже говорить приходилось довольно громко, иначе сосед не рассышал бы соседа.

К своему неудовольствию я обнаружил, что место мне отвели за ректорским столом, где сидели старшие члены колледжа. Я сел между Ричардом Годвином, библиотекарем, и Слайхерстом, который покосился на меня с неприкрытым злобой – совсем не рад был видеть меня среди своих коллег. Господи, подумал я, да ведь меня посадили на место покойника.

Главный стол возвышался на небольшом помосте, откуда я мог видеть весь обеденный зал. Это было красивое помещение с белеными стенами, завешанными французскими gobеленами (прошлый век, отметил я, тонкая, высоко ценимая работа).

Посреди зала был камин, дым от которого уходил в восьмиугольную вытяжную решетку, вмонтированную в высокий потолок; балки возле нее закоптились до черноты. По обе стороны камина вдоль окон стояли длинные столы, за которыми теснились на скамейках студенты и младшие члены колледжа. Они то и дело переглядывались и перешептывались, удивляясь мрачному лицу ректора.

Тощий юнец с непослушными рыжими волосами – мантия была ему чересчур велика – взошел на установленную возле главного стола кафедру и неожиданно звучным для такого худосочного тела голосом начал читать благословение перед трапезой. Я узнал паренька: это он накануне прибирал часовню после заутрени. Колокол смолк в тот самый момент, когда зазвучала молитва.

– Benedic, Domine, nos et dona tua, [25] – завел рыжий.

Ректор покорно склонил голову и сложил руки, все старшие члены колледжа последовали его примеру. Прищурившись, я продолжал наблюдать и видел, что студенты все еще смотрят в нашу сторону с тревогой и любопытством.

– Quae de largitate tua sumus sumpturi, [26] – провозгласил парень, и я вдруг с облегчением заметил во главе одного из длинных столов Габриеля Норриса, окруженного молодежью, чья одежда явно выделяла их из среды простых студентов. Мнение Слайхерста, будто выбор орудия убийства указывал на Норриса, я отнюдь не разделял. Мне казалось, что улика – длинный английский лук – слишком очевидна и потому указывает скорее на его невиновность. Однако мне требовалось срочно поговорить с Норрисом. Норрис не наклонил голову и не прикрыл глаза, как будто участие в общей молитве было ниже его достоинства. Мне показалось, что-то в его облике изменилось, я только никак не мог понять, что именно.

На дальнем конце второго стола я заметил Томаса Аллена. Тот низко склонил голову, чуть ли не уткнувшись носом в тарелку, а руки сжал так сильно, что даже со своего места я мог разглядеть побелевшие костяшки.

– Per Christum Dominum nostrum, Amen, [27] – завершил рыжеволосый, и глухое «аминь» донеслось от всех столов.

Ректор тяжело поднялся на ноги, и повисло тревожное молчание.

– Джентльмены, – заговорил он, и в голосе его не слышалось обычного самодовольства. – В жизни каждого христианина бывают моменты, когда Господь, в бесконечной своей премудрости, посыпает ему испытания и горести. Так и на нашу маленькую общину Господь пожелал в эти дни ниспослать тягостные испытания, дабы испытать и еще более укрепить нашу веру. – Ректор глубоко вздохнул и сложил руки на груди, фигура смирения, да и только! – С прискорбием сообщаю вам, джентльмены, что после несчастья, вырвавшего из наших рядов любимого всеми доктора Мерсера, на бедную нашу общину обрушилась еще одна трагедия. Доктор Джеймс Ковердейл был смертельно ранен, пытаясь защитить хранилище колледжа от безжалостных грабителей.

Ректор склонил голову. На миг повисло молчание, потом раздались возгласы и тревожный шепот. Ректор не требовал тишины. Он переждал, пока схлынет первая волна ужаса и потрясения, затем поднял руку и выдержал паузу, пока вновь не воцарилось молчание.

– Кто теперь согласится стать заместителем ректора? Ставки принимаются, – шепнул Норрис своему соседу так громко, что слова его долетели до нас, а за студенческим столом раздался истерический смех.

Ректор откашлялся, напустил на себя суровость.

– Если в последние дни кто-то из вас что-то видел и слышал, что могло бы способствовать раскрытию этого ужасного преступления и поимке злодеев, приходите ко мне и рассказывайте все откровенно! – призвал он.

Норрис соизволил обратить внимание на ректора и даже руку поднял.

– Ректор Андерхилл, позвольте спросить: что пропало из хранилища?

Сидевшие рядом с ним нарядные молодые люди усиленно закивали. Любопытно, подумал я, неужели коммонеры держат в хранилище свои деньги и ценности?

Ректор ответил не сразу.

– Ну... кажется... кажется, ничего не пропало, насколько мы смогли установить. Очевидно, наткнувшись на доктора Ковердейла, воры испугались и, покончив с ним, убежали.

– Странное ограбление, – тщательно подбирая каждое слово, заметил Норрис. – Отнять у человека жизнь просто так?

– В самом деле, в самом деле, – горестно подхватил ректор. – Ужасная, бессмысленная утрата.

После этого трапеза протекала для нас, за главным столом, в молчании, хотя

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
молодые люди, сидевшие внизу, без устали обменивались впечатлениями. Справа от меня мастер Годвин уткнулся взглядом в тарелку и ел молча, но, когда он подносил кружку ко рту, рука его дрожала. Слайхерст порой высказывался по поводу недостатка мер безопасности – упущение, которое, по его мнению, и стало причиной смерти обоих его коллег. Можно подумать, он не знал, что в обоих случаях убийца имел при себе ключ.

– Колледжу требуется надежный привратник, – громким голосом продолжал Слайхерст, энергично жуя. – Коббет слишком стар и вечно пьян, что с него tolku? Да мимо него целый полк может прошагать во всеоружии, а он и головы не поднимет. А уж эта его полуохлая животина!.. Колледжу нужен настоящий сторожевой пес, обученный бросаться на посторонних. И следует постоянно держать главные ворота на замке, чтобы войти могли только те, у кого есть ключ.

– Боюсь, Уолтер, злобный цепной пес – не совсем то, что нам сейчас нужно, – приподнял на миг голову Годвин. – Здесь университет, а не тюрьма, мы не можем отгородиться от мира и запереть нашу молодежь в четырех стенах. И подумай о расходах: изготовить ключ от ворот для каждого студента... – Он покачал головой и снова погрузился в свои мысли.

– Мастер Слайхерст, будучи казначеем, часто вы бываете вынуждены заказывать новые ключи для того или иного замка? – приветливо обратился я к казначею, сражаясь с куском жесткой вареной баранины.

Слайхерст испепелил меня взглядом, – знаю, мол, на что ты намекаешь, – однако нас слышало слишком много ушей, так что он был вынужден ответить:

– Это и в самом деле весьма обременительно для колледжа, то и дело ключи теряются или портятся.

– И эти лишние хлопоты всегда отягощают вас? Или же вы порой посыаете в кузницу кого-нибудь вместо себя?

– Свой долг я всегда исполняю сам, – жестко отвечал Слайхерст. – Я думаю о безопасности колледжа и принимаю все меры.

– Но имеет смысл сразу сделать несколько запасных ключей, чтобы они были под рукой на случай очередной утраты? – невинно продолжал я, протягивая руку за кувшином пива.

Скрипнул стул: Слайхерст резко поднялся на ноги.

– Если у вас есть ко мне вопросы, доктор Бруно, – сквозь стиснутые зубы процедил он, – будьте любезны спрашивать без обиняков. Но проявите хоть каплю уважения, вы же, полагаю, пока еще не назначены в колледж отцом инквизитором?

Он взглянул налево, чтобы и ректор не избежал его яростного взгляда, затем встал и, не оглядываясь, величественно и гневно покинул зал, длинная мантия развеялась на ходу широкими складками.

Перешептывания студентов стихли, изумленные взгляды следили за движением Слайхерста к дверям. Затем вновь завязался оживленный, хотя и тихий, разговор.

– Какая муха его укусила? – Ричард Годвин оторвался от жаркого и с недоумением посмотрел вслед казначею.

– Должно быть, очень уж потрясен последней трагедией.

Годвин удивленно заморгал.

– Кто его разберет? Человек не книга, его не прочтешь. Возможно, Уолтера совесть замучила.

– Совесть? – Теперь уж я уставился в тарелку, чтобы не выдать свою заинтересованность.

– Они с Джеймсом вечноссорились, – негромко пояснил Годвин. – Возможно, теперь Уолтер сожалеет о всех тех злых словах, за которые уже не сможет

извиниться.

– А из-за чего они ссорились?

Годвин только вздохнул и головой покачал.

– Не знаю. У меня сложилось впечатление, что оба они друг про друга что-то знали, что их связывала какая-то тайна.

– Что-то связанное с земельными участками? – спросил я, припомнив вдруг обрывок беседы за ужином у ректора, в день моего приезда: Ковердейл намекал, что Слейхерст участвует в сделках ректора с Лестером, в результате которых колледж лишится части своих угодий. – Возможно, доктор Ковердейл что-то прослушал о незаконных сделках с землей?

Годвин уставился на меня большими печальными глазами.

– Полагаю, это вполне вероятно. Джеймс говорил, что у него есть причины не доверять Уолтеру и что он, пожалуй, мог бы убедить ректора сместить казначея с его должности.

– Ковердейл пытался сместить Слейхерста? – прошептал я, подаваясь как можно дальше от ректора, чтобы тот не подслушал.

– Он говорил Андерхиллу, что Уолтеру нельзя доверять. Я знаю об этом, потому что ректор обращался ко мне, просил высказать мое мнение о Слейхерсте. Я сказал, что он человек холодный и скользкий, но у меня нет оснований не доверять ему.

– В чем Ковердейл подозревал его? В махинациях с фондами колледжа?

– Очевидно, – отвечал Годвин, не задумываясь. – А в чем же еще?

– Может быть, он что-то намекал насчет его веры?

Годвин положил руку мне на плечо:

– Не обо всем следует говорить вслух, доктор Бруно. У меня нет причин подозревать Уолтера Слейхерста в измене Англиканской церкви. Но в любом случае теперь он в безопасности: мертвцы забрали свои тайны с собой. – Он приподнял голову, как будто хотел посмотреть в окно, затем обернулся ко мне и закончил еле слышным шепотом: – Эта история с грабителями в хранилище – это уж слишком.

– Вы не поверили?

– Поверил бы, окажись на его месте кто-нибудь другой, но Джеймс... Не хочется говорить дурно о коллеге, тем более покойном, но всякий, кто был знаком с Джеймсом, подтвердит, что он был отъявленным трусом. Никогда в жизни он бы не решился в одиночку бороться с грабителем. Странно все это.

– Что же вы предполагаете? – наши головы почти соприкасались.

– Не знаю, – устало повторил он. – Но вот уже двое из наших погибли за два дня. Я и сам теперь боюсь.

Я хотел уточнить, кто такие эти «наши», но тут Уильям Бернард, сидевший по другую руку от Годвина, перегнулся ко мне и уставился своими водянистыми глазами.

– Что-то вы много вопросов задаете, доктор Бруно.

– Две трагедии за два дня. Такое хочешь не хочешь заставит задаваться вопросами, доктор Бернард, – вежливо отвечал я.

– Господь покарал наш колледж за отступничество от веры, – непререкаемым тоном возвестил Бернард.

– Полагаете, доктор Ковердейл заслужил смерть?

Водянистые глаза вспыхнули гневом.

– Ничего подобного я не говорил, колдун! Гнев Божий карает нас за ослушание, Он изливает на нас чашу своего гнева, и кто может предсказать, на кого падет следующий удар?

– Что это вы такое пророчите, доктор Бернард? – повернулся я к нему.

– Довольно вопросов! – Бернард с размаху стукнул костлявым кулаком по столу, из его кружки выплеснулся эль.

– Уильям, – умоляюще произнес Годвин, касаясь ладонью его руки, но стариk злобно стряхнул ее и погрузился в угрюмое молчание.

Теперь слева ко мне придинулся ректор.

– Главное – осторожность, Бруно. – Тревожный взгляд скользнул к нижнему столу, где оживленно беседовала молодежь. – Поговорите потом с каждым из них наедине, подальше от студентов. Не будем подавать лишнего повода для сплетен и слухов. Самое худшее постараемся скрывать, пока это возможно.

Он махнул рукой, и рыжеволосый парень вновь поднялся на кафедру, чтобы зачитать отрывок из огромной Епископальной Библии, прикованной к кафедре медной цепью.

Чтение Иезекииля никто не слушал. Студенты продолжали беседовать между собой, и, хотя я не разбирал слов, по интонациям и сверкающим глазам нетрудно было догадаться, что очередное убийство вызвало у них скорее незддоровое оживление, чем страх.

После трапезы, когда студенты потянулись к выходу, я, пренебрегши правилами этикета, выскочил из-за стола, не поблагодарив и не попрощавшись. У самой двери я настиг Габриеля Норриса. Тот отдал какие-то распоряжения Томасу Аллену и велел ему подождать снаружи, а сам уже выходил из двери Холла в узкий коридорчик, когда я хлопнул его по спине. Красавчик аж взмыл – интересно, с чего бы, ведь я совсем легко стукнул его ладонью. Когда он обернулся ко мне, я увидел, что челюсти его крепко сжаты, как будто он пытается сдержать ругательство или крик боли. Я коснулся его руки, извиняясь:

– Простите, не хотел вас напугать.

– Доктор Бруно! – Норрис моментально овладел собой. – Ну, что вы теперь думаете о нашем колледже? Прямо бойня какая-то, а не учебное заведение. По крайней мере, мы с вами не можем винить себя за то, что в этот раз не подоспели вовремя. Лук у меня отобрали, так что вторично сыграть роль героя-спасителя я бы не смог. А еще эта погода! – добавил он таким тоном, словно беспроблемный дождь и убийство Ковердейла были звеньями одной цепи.

Только теперь я сообразил, что изменилось в его облике: похоже, парень отрашивал бороду. Его лицо покрывала двухдневная щетина, и, хотя он был светловолосым, на лице волосы были темнее.

– Бороду отрашиваете, мастер Норрис? – усмехнулся я.

– Не было у меня такого намерения, – сердито отвечал он, потирая ладонью колючий подбородок. – Но вот уже два дня, как я нигде не могу найти свою бритву, а местному цирюльнику я свое лицо не доверю. Может быть, он ловко кромсал народ на поле боя, – таково, я полагаю, его ремесло, – однако один раз я позволил ему опробовать свое искусство на мне, и чуть не лишился носа. Что скажете, доктор Бруно, пойдет мне борода? Вам идет, но у вас-то она темная.

– Как обидно, мастер Норрис, что вы потеряли бритву, едва Томас ее для вас наточил, – спокойно прервал я его болтовню и сразу же почувствовал, как юноша напрягся от этого невинного с виду замечания.

Когда он заговорил вновь, голос его стал жестче, джентльменский лоск сокочил.

– А что? Это, по-вашему, преступление? Какое ваше дело? – Он придинулся ко мне вплотную, и на его лице выражалась угроза.

– Полегче, мастер Норрис! Я задаю вопросы по поручению ректора: нужно выяснить, у кого в колледже может быть оружие.

– Бритва – не оружие, – презрительно отвечал он. Потом внимательно посмотрел на меня и уставился в стену за моим плечом, словно там был написан ответ. – Вот оно что! Ковердейл, значит, был убит таким оружием?

Я промолчал, и Габриель кивнул, словно ответа ему и не требовалось. Лицо его ожесточилось.

– Понимаю. Вы допросили Томаса насчет моей бритвы, – прищурившись, сказал он. – Отлично, я поговорю с ним. Я буду у себя, если вы заглянете попозже, доктор Бруно. Сейчас у меня нет времени. – Он простился со мной коротким кивком, а затем, наклонив голову, нырнул под струи дождя, чтобы пересечь двор.

Я двинулся было вслед за ним, но тут меня самого схватили за рукав. Резко обернувшись, я увидел возле себя Лоренса Уэстона – глаза у парня так и горели, а рядом с ним стоял рыжеволосый чтец.

– Я же говорил, что найду его, доктор Бруно, – гордо объявил Уэстон. – Это был Нед, чтец. – Он вытолкнул вперед рыжеволосого.

Я в недоумении перевел взгляд с Лоренса на его товарища.

– кто был?

– Нед, – повторил Уэстон, рассерженный моей тупостью. – Это он во время диспута вызвал доктора Ковердейла. Вы шиллинг мне обещали, – прибавил он укоризненно, будто не доверяя моему слову.

– Верно, – признал я и полез в висевшей на поясе кошелек.

Веснушчатое лицо Неда сморщилось от негодования.

– Тебе-то за что шиллинг, Уэстон? – запротестовал он. – Ты ж ничего об этом деле не знаешь!

– Я и вам дам шиллинг, – пообещал я, подумав при этом, что следовало бы сначала разобраться с номиналами незнакомых мне английских монет, прежде чем раздавать их направо и налево. – Ну, так что? Кто поручил вам вызвать доктора Ковердейла с диспута в субботу вечером?

В нетерпении я ухватил мальчишку за плечи и сильно потряс. Он уставился на меня, недоуменно нахмурившись.

– Он сам и велел, сэр. То бишь доктор Ковердейл.

– Что? Бессмыслица какая-то.

Нед пожал плечами:

– Больше мне ничего не известно, сэр. В субботу вечером, когда все шли на диспут, он отозвал меня и дал мне грош – он не так щедр, как вы, сэр, то есть я хочу сказать, он не был щедр – и велел вызвать его во время диспута под предлогом, будто пришло срочное известие.

– Зачем – не сказал?

Нед покачал головой.

– Сказал только, что ему требуется пораньше вернуться в колледж и надобен предлог, чтобы отлучиться.

– Не говорил, что у него назначена встреча?

Нед сердито дернулся и вырвался из моих рук.

– Ничего он больше не говорил, сэр. Я взял грош, сделал, как велено, и больше об этом деле ничего не слыхал. – Тут его глаза расширились,

мальчишка сообразил, что произошло. — Вы думаете, тогда-то и напали на него, сэр, когда он раньше времени вернулся в колледж?

— Вы не видели, он ни с кем не встретился, когда вышел из школы богословия? Не было там человека с обрубленными ушами?

— Нет, сэр, хотя я знаю, про кого вы говорите, — отвечал Нед. Веснушчатое лицо просияло, как будто он справился с трудным экзаменационным вопросом. — Нет, с тем человеком встречался мастер Годвин, а не доктор Ковердейл.

— Годвин? — переспросил я, ничего уже не соображая.

— Да, я видел, как он встретился с тем человеком, с книгопродавцем Джэнксом, возле школы богословия. Я ждал там, чтобы вызвать доктора Ковердейла, но после того, как я его вызвал, я пошел следом за ним до самого колледжа, решил, что и мне представился случай удрать пораньше. Вы только не обижайтесь, сэр! — поспешно извинился он.

Я слегка покачал головой.

— Поверьте, ничего интересного вы не пропустили. Значит, Ковердейл сразу прошел к себе?

— Да, сэр. То есть я видел, как он свернулся к своей лестнице.

— А больше ничего необычного вы не видели? никто не бродил по территории колледжа?

— Нет, сэр. Вот только...

— Что — только? — Я повысил голос и еще разок тряхнул рыжего.

— Я живу над библиотекой, потому что я прислуживаю и там, и в часовне. Так я оплачиваю учебу, сэр, — смиренно пояснил он. — И вот, когда я поднимался по лестнице к себе, я услышал из-за двери голоса.

— Голоса в библиотеке? чьи?

— Не могу сказать, сэр, но один голос был громкий и сердитый. Слов я, правда, не разобрал. Я тихо пробрался мимо двери к себе на чердак, но они, кажется, все-таки услышали мои шаги — сразу замолчали. А через несколько минут я уже из своей комнаты услышал, как закрылась дверь в библиотеку, и тогда выглянул в слуховое окно, чтобы посмотреть, кто это был, — должен же я был сообщить о них мастеру Годвину.

— Может быть, сам мастер Годвин вернулся в библиотеку еще до вас? — предположил я.

— Я так и не понял, кто это. Оба они были в плащах, капюшонами закрыли лица, я никого не узнал. — Мальчишка пожал плечами, все это его мало интересовало.

— Большое спасибо, Нед.

Я отпустил мальчишку, выудив из кошелька еще один шиллинг, и дал себе зарок: впредь за информацию платить грош. Нед радостно выхватил у меня из рук монету, расплылся в улыбке, и в тот самый момент, когда он скжал в кулаке блестящий кружок, я оглянулся и увидел, как Слейхерст спускается с лестницы, ведущей в часовню и библиотеку. Слейхерст одарил меня очередным испепеляющим взглядом и поспешил сквозь завесу дождя в апартаменты ректора.

Итак, подведем итоги: мастер Годвин тоже ушел с диспута раньше, чтобы встретиться с Джэнксом. Возможно ли, чтобы потом они вместе вернулись в колледж и отыскали Ковердейла? Или же у них в библиотеке были свои дела? Запрещенные книги, например?

Так ничего и не придумав, я выскоцил во двор под холодный ливень. В арке башни собралось несколько человек, которые с интересом следили за какими-то тремя незнакомыми мужчинами.

Те отряхивали воду с длинных плащей и шляп-треуголок. Один из них держал в

руках жезл с резной бронзовой рукоятью, и я пришел к выводу, что это коронер с констеблями явились за мертвым телом. Из-за спины коронера выглядывал, в отчаянии ломая руки, ректор Андерхилл, а Слейхерст пытался отогнать студентов. Интересно, подумал я, намекнет ли ректор коронеру насчет мученичества святого Себастьяна, или же предоставит им догадываться самим.

— Dio buono, amico mio[28] — что за денек! — воскликнул у меня за спиной знакомый голос, и, обернувшись, я увидел Джона Флорио, плотно закутавшегося в плащ. — Держу пари, в Неаполе вы такого дождя не видели.

— Думаю, такого дождя иной не видел, — угрюмо отвечал я, бросая взгляд на разбушевавшиеся небеса.

— Вы куда-то собираетесь? — спросил он, подхватив меня под руку и с интересом заглядывая в лицо.

Вместе мы вышли через ворота на Сент-Милдред-Лейн.

— Не пройтись ли нам? — с энтузиазмом предложил Флорио. — Я шел на Кэт-стрит справиться насчет французских книг, которые я заказал, да и, по правде говоря, приятно будет отлучиться на часок из коллежда даже в такую погоду. Это очередное убийство всех тут потрясло. Пойдемте вместе, этот книготорговец покажет вам что-нибудь интересное. В основном-то он переплетчик, но у него есть связи с типографиями Франции и Нидерландов, и оттуда порой к нему попадает кое-что стоящее, разные редкие рукописи, которых больше нигде не найдешь. Ради этого можно некоторое время вытерпеть общество этого несносного типа.

Мы шагали по грязным улицам, Флорио трещал по-итальянски и строил предположения насчет убийства Ковердейла, жестикулируя на ходу, а я только согласно кивал, в тех редких паузах, когда он переводил дух. На углу Сент-Джон-стрит и Кэт-стрит мы услышали крики и грубый смех. Обернувшись, увидели у ворот Смитгейт стайку мальчишек-подмастерьев, которые, толкая друг друга и хохоча, тыкали пальцами в нашу сторону и выкрикивали оскорблений. Флорио покрепче ухватил меня за локоть и поволок прочь под крики: «Папистские ублюдки! Вон из Англии!»

— Не обращайте внимания, — пробормотал Флорио, ускоряя шаги.

Один из мальчишек нагнулся за камнем, другие плевали в нашу сторону. Они побежали было вслед за нами, но смелости у них хватило только на грубые выкрики издалека. Да и те через несколько минут стихли.

— Не очень-то здесь любят иностранцев, — заметил я, с облегчением ныряя под выступающие верхние этажи домов на Кэт-стрит.

Флорио печально взглянул на меня.

— Это лишь предлог, чтобы поднять шум. Для толпы всякий иностранец — католик, который только и думает, как бы зарезать невинных младенцев в колыбели. Я такое слышу чуть ли не каждый день, хотя родился и вырос в этой стране. Не обращайте внимания, amico mio. Мы почти пришли.

— Как зовут книгопродавца? — спросил я, хотя заранее был уверен в ответе.

— Роуленд Джэнкс, — бросил через плечо Флорио. — Вы о нем еще не слышали? В городе его поносят почем зря, считают колдуном, некромантом, но вы же знаете, как люди склонны злословить. Зато Джэнкс добудет вам любую книгу, за которой вам в противном случае пришлось бы самому ехать во Францию, — вот за что я его ценю. Некоторые мои коллеги в его магазин ни ногой и клевещут на любого из коллежда, кто к нему ходит, но я стараюсь не обращать внимания. У меня, un inglese italiano,[29] и так хватает неприятностей, вы сами тому свидетель. Вот мы и пришли, — закончил он свою речь, указывая на небольшой магазинчик: именно здесь накануне укрылись Уильям Бернард и Джэнкс. Сейчас ставни были открыты, но окна все равно казались темными и негостеприимными.

Флорио в нерешительности коснулся моей руки.

— Простите, доктор Бруно: прежде чем войти, я должен спросить вас, читали
Страница 144

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
ли вы мою записку? – настойчиво прошептал он, в глазах его вспыхнула тревога.

Я уставился на него, онемев от изумления.

- Вашу записку?
- Да, это я оставил вам записку. Вы ее получили?
- Да, но... я понятия не имел, что это послание от вас.

Я смотрел на Флорио, не веря своим глазам и ушам. Неужели это он располагал какой-то информацией об убийствах? Так почему же, ради всех святых, он не обратился к властям?

И тут я вспомнил слова Томаса Аллена: ходят слухи, что в колледже находится правительственный соглядатай. Действительно, Флорио, знаток иностранных языков, человек с большими связями, как нельзя лучше подходил на эту роль. Уолсингем не упустил бы случай использовать его. Вероятно, он не хотел обнаруживать себя и ждал удобного случая, чтобы вступить в контакт со мной или с Сидни. Однако я все еще молча смотрел на него, ожидая пояснений. Флорио в свою очередь с кротким недоумением смотрел на меня.

- О, я думал, вам сразу будет ясно, от кого это. Простите.
- Флорио, – заговорил я, беря его под руку и притягивая ближе ко мне. В этот момент вода с крыши вдруг с шумом обрушилась на землю, и я вынужден был повысить голос. – Но почему вы не пришли поговорить со мной с глазу на глаз?

Он потупился, вроде бы смущенный.

- Вопрос деликатный, доктор Бруно. Я решил, что будет лучше подойти к нему более формально. В таких делах формальности – вещь необходимая.
- К черту формальности, Флорио! Двое убито, и будут новые жертвы!
- Он вздрогнул, изумление на его лице сменилось страхом.
- Бруно, вы сказали, что будут еще убийства? Но почему вы так решили?
- Как можно быть уверенным в обратном, пока мы не выяснили связь между двумя убийствами и мотив преступления? Так вы можете рассказать что-то, что хотя бы приоткроет завесу этой тайны?

Флорио уставился на меня так, словно я вдруг заговорил по-голландски. Но прежде, чем он успел ответить, дверь перед нами открылась, и на пороге магазина предстал Роуленд Дженкс. Он окинул нас обычным своим странным взглядом – вроде бы ему ни до чего нет дела и вместе с тем все на свете его забавляет.

– Buongiorno, signori, – обратился он к нам с выговором и ужимками образованного человека, что так не вязалось с его изуродованным лицом, и даже отвесил – издевательски, мне показалось – небольшой поклон. – Неподходящая погодка для прогулок, мастер Флорио! Заходите, прошу вас, и друга вашего пригласите с собой. – Он отступил и гостеприимно развел руки, приглашая нас в магазин. Флорио все еще пристально смотрел на меня. В конце концов он откинулся мокрый капюшон и вошел в магазин.

Глава 14

Мы спустились по трем каменным ступеням и оказались в комнате с низким потолком; темные балки придавали ей гостеприимный, уютный вид. Вымощенный камнем пол был устлан тростником, который сразу же пропитался водой, стекавшей с нашей одежды. Мы с Флорио, оба невысокого роста, стояли прямо, но высокому Дженксу приходилось сутуляться и наклонять голову; тем самым он невольно принял почтительную позу.

В комнате было сумрачно; дневной свет едва пробивался сквозь грязные зарешеченные окна; не могли разогнать мрак и свечи, горевшие на стенах за прилавком, который располагался напротив двери. А свечи, кстати, были

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
восковые и не воняли дешевым салом, не то что те, которые мне выдали в колледже.

Впервые в Оксфорде я вдохнул давно забытый аромат – книг, свежей переплетной кожи, бумаги, тонкий запах старого пергамента и чернил – восхитительную смесь запахов, заставившую меня с внезапной болью вспомнить скрипторий в Сан-Доменико Маджоре, где прошло столько дней и лет моей юности.

По стенам магазинчика от пола до потолка тянулись резные деревянные стеллажи; переплетенные в разноцветную кожу тома были расставлены на них по высоте обрезом наружу; в мерцающем пламени свечей блестели медные застежки.

Дженкс подошел к скамье, на которой были разложены всевозможные образцы переплетов, от старинных досок, обтянутых телячьей кожей, – между ними пергамен не съеживается и не идет складками – до новейших парижских переплетов из проклеенного картона для легких, отпечатанных на бумаге книг. Эти не скрепляли медной застежкой, но попросту перевязывали ленточкой или веревкой. Как и в библиотеке Линкольна, здесь книги тоже прикреплены медной цепью к длинному стержню.

За скамьей, против входной двери, видна была другая дверь, ведшая в более просторное, однако столь же скучно освещенное помещение; насколько я мог разглядеть, это была мастерская. Мне показалось, будто краем глаза я заметил там какое-то движение; должно быть, подумал я, трудятся ученики Дженкса.

– Синьор Филиппо Нолано, если не ошибаюсь? – оскалился в кошачьей ухмылке Дженкс и протянул неожиданно узкую, аристократическую ладонь; я пожал ее без особого воодушевления, отметив при этом, что Флорио так и впился в меня взглядом. – Я все думал, когда же мы вас тут увидим, после того как вы шли за мной от самого «Колеса Катерины».

– Я... то есть... – Я не мог сразу сообразить, как парировать этот неожиданный выпад; взгляд Флорио буквально прожигал дыру в моей щеке.

Дженкс слегка махнул рукой:

– Ну ладно. Однако я заметил, синьор Нолано, что наш друг синьор Флорио удивился, услышав, как я обращаюсь к вам. Вероятно, он знает вас под другим именем? – И он насмешливо изогнул одну бровь, давая понять, что ждет ответа.

Говорил он как-то странно, почти не шевеля губами, и от этого мне казалось, что в каждой его фразе содержится какой-то намек. Я посмотрел ему прямо в глаза, стараясь справиться с растерянностью: мало того что я находился, так сказать, на его территории, оказывается, пока я воображал, будто слежу за подозреваемым, подозреваемый сам досконально выяснил мою подноготную.

– Много лет я путешествовал в тех местах, где мне было опасно именоваться подлинным своим именем, – ответил я, выпрямляясь и пытаясь сохранить достоинство. – Это превратилось в привычку, когда я среди чужих, только и всего.

Дженкс усмехнулся.

– На что только не пойдешь, чтобы укрыться от инквизиции, доктор Бруно!

Я неопределенно кивнул, не желая обнаруживать своего удивления. Флорио недоуменно хмурился.

– Надеюсь, чужими людьми мы будем оставаться недолго. Но даже в нашем славном и свободном королевстве есть такие места, где следует проявлять осторожность. Интересно было бы узнать, что привело вас в «Колесо Катерины»?

Я равнодушно пожал плечами:

– Проголодался. Увидел вывеску и зашел поесть горяченького.

Дженкс запрокинул голову и громко расхохотался, выставляя напоказ кривые

зубы.

– Ну, думаю, вы быстро поняли, что не туда забрели. Хотя не очень-то учтиво было с вашей стороны сказать юному Хамфри, что такой пищей вы не угостили бы и собаку! – Смех оборвался так же внезапно, как начался, и в комнате повисло тревожное молчание.

– Вы знаете итальянский?

– Я говорю на семи языках, доктор Бруно, хотя по мне этого и не скажешь. Внешность у меня не слишком-то академическая, согласен. Но вы же не станете судить человека по лицу, вы же и сами из тех, кого с первого взгляда не разгадаешь. Слыхали, что говорят про меня в Оксфорде?

– Не слыхал! – отрезал я. Этот тип, похоже, наслаждался своей дурной славой. Но я не собирался подыгрывать ему и с удовлетворением отметил, что мой ответ несколько его обескуражил.

– Меня именуют учеником дьявола, Бруно, – сообщил он мне с полуулыбкой, раздвинувшей тонкие губы. – Обо мне песенки сочиняют, запугивают мою детей. Говорят, я с помощью колдовства убил три сотни человек. Что вы на это скажете?

– Скажу, что тюремная лихорадка может распространяться очень быстро, – холодно отвечал я.

– И вы безусловно правы. Однако почему же я сам не заболел?

– Здоровы как бык, очевидно, – парировал я, непроизвольно косясь на те места, где полагалось бы расти его ушам. – Вы такой же колдун, как я или вон Флорио.

– Колдун, как вы? – Дженкс вытаращился на меня и вновь расхохотался. – Славный у вас приятель, синьор Флорио, с ним и клоунов не надо, – снисходительно прибавил он.

Флорио совсем растерялся. Он чувствовал, что мы с Дженксом ведем какую-то непонятную ему игру.

– Прибыл мой Монтен, мастер Дженкс? – коротко осведомился он. – Хотелось бы получить его. Или я напрасно вышел в столь скверную погоду?

– Да уж, скверная погодка, прямо-таки поганая, – подхватил Дженкс, одаряя меня загадочной улыбкой. – Два тома прибыли морем еще в конце прошлой недели, дорогой мой Флорио, и даже в эту апокалиптическую погоду сумели в субботу доехать из Плимута до Оксфорда. Никто не может сказать, будто я подвожу тех, кто мне доверяет. Подождите минуточку, я найду ваши книги. – Он вновь коротко поклонился и, не поднимая головы, нырнул в заднюю дверь, в свою мастерскую.

Флорио обернулся ко мне.

– Прошу вас, дайте мне клятву молчать, Бруно, – прошептал он, притрагиваясь к моему рукаву.

Широко раскрытые глаза смотрели серьезно, даже умоляюще. Я кивнул, затаив дыхание, ожидая, что он скажет, наконец, что-то о той записке: ведь нас прервали посреди столь занимательного разговора.

– Я решил посвятить себя огромному, поистине грандиозному труду, который сохранит для потомства мое имя рядом с именем великого просветителя, чьему гению я всегда буду смиленно поклоняться. Это куда важнее, чем дурацкое собрание пословиц. – Он покрепче ухватил меня за рукав, глаза его сияли. – Я собираюсь перевести «Опыты» Мишеля де Монтея для английских читателей!

– Он знает об этом? – задал я очевидный вопрос.

Флорио смущенно потупился.

– Я написал великому человеку, предлагая ему свои ничтожные услуги в качестве переводчика, но пока не получил от него согласия, – признался он.

– Мастер дженкс по моей просьбе заказал французское издание, так что теперь я смогу послать месье де Монтеню образчик своего перевода, и тогда мне остается только надеяться на его одобрение. Но вы же понимаете, чтобы осуществить подобный труд, понадобится немало времени и расходов, вот почему я написал вам...

– Любая книга из любой страны! Обращайтесь к Роуленду дженксу, и если я не смогу отыскать это издание, значит, его просто не существует! – провозгласил хозяин, выпрыгивая из тени. В каждой руке у него было по книге; не слишком пухлые тома, затянутые в темную телячью кожу и перевязанные кожаными ремешками. Он заговорщически подмигнул мне. – Любую книгу, доктор Бруно, по справедливой цене. – Выразительный взгляд остановился на кошельке Уолсингема, скрытом под полой моего камзола. Я сделал вид, будто ко мне этот намек не имеет ни малейшего отношения, хотя внутренне поежился: этот человек знал обо мне куда больше, чем следовало. Кто его информировал? Бернард?

Дженкс протянул оба тома Флорио, и тот принял их в руки с такой нежностью, словно это были его новорожденные близнецы.

– Из Нидерландов вы тоже получаете книги? – я постарался, чтобы вопрос мой прозвучал безразлично.

– Из Франции, из Нидерландов, иногда из Испании или Италии, если кому-то потребуется. В Оксфорде многим бывают нужны тексты, которые только из-за границы и получишь. – Он все смотрел на меня своим странным, то ли заговорщиком, то ли просто насмешливым взглядом; казалось, прикидывал, гожусь ли я для какого-то его замысла. – Полагаю, Бруно, вы уже об этом слыхивали. Ведь именно поэтому вы решили меня выследить?

Последний вопрос я оставил без ответа. Флорио вдруг начал переминаться с ноги на ногу, чуть не подпрыгивая, лицо у него сморщилось так, будто он собирался заплакать.

– Что с вами, любезный Флорио? – обратился к нему дженкс.

– Ничего. Ничего, только... я не ожидал, что придут сразу оба тома, мастер дженкс, и, боюсь, я не смогу... наверное, мне придется оставить у вас один на месяц или на два, только не продавайте его, прошу вас, потом у меня будут деньги...

Дженкс только рукой махнул:

– Мне тут негде хранить невыкупленные книги, Флорио. Вы уж лучше забирайте оба тома прямо сейчас, а заплатите, когда сможете.

Лицо Флорио вспыхнуло, как у ребенка, которому подарили конфету.

– Благодарю вас, мастер дженкс! Обещаю, вам не придется долго ждать этих денег, в особенности если дела пойдут так, как я рассчитываю.

Судя по обращенному на меня взгляду, Флорио полагал, будто мне ясен скрытый смысл его слов, однако он ошибался. Если таким образом он намекал на таинственную записку, означало ли это, что загадочные убийства в Линкольне могли принести ему какую-то выгоду? Я уставился на него, ничего не понимая, пока он доставал из пояса заветные денежки.

– Все, Бруно, мы получили то, за чем пришли, – заявил он, передав деньги хозяину и тщательно завернув свое приобретение в промасленную кожу, чтобы уберечь от дождя. – Рискнем выйти под этот ливень?

Я, повернувшись к окну, уныло глядел на лившиеся с небес потоки. Небо потемнело сильнее прежнего.

– Минуточку, прошу вас, – вмешался дженкс. – Не хотелось бы задерживать вас, мастер Флорио, но мне требуется обсудить кое-какие дела с доктором Бруно, если он может уделить мне немного времени. – Вновь иронически приподнялась бровь, намекая, что поговорить он предпочел бы в отсутствие Флорио. Тот заколебался было, но, вспомнив, по-видимому, как великодушно дженкс предоставил ему кредит, не стал возражать.

— Да-да, конечно, мне пора уже возвращаться в колледж. Доктор Бруно, если никто из нас не утонет на обратном пути, не могли бы мы вернуться к разговору вечером?

Я кивнул. Флорио прижал книги к груди, надвинул капюшон и, в последний раз бросив на меня многозначительный взгляд, вышел под дождь.

Дверь с грохотом захлопнулась, и я невольно вздрогнул: в мокрой одежде меня пробрал озноб от сквозняка, но еще холоднее сделалось под пристальным взглядом переплетчика: тот обернулся ко мне и, казалось, изучал мое лицо в дрожащем пламени свечей.

— Пойдемте, а то еще схватите лихорадку, и все решат, что это я вас слгазил, — сухо усмехнулся он и жестом пригласил меня пройти во внутреннюю дверь позади прилавка. — Здесь мы сможем поговорить свободно, доктор Бруно, а вы заодно немного обсушитесь. Я сейчас подогрею вино. — После этих слов он вытащил из-за пояса связку ключей и запер за нами дверь. Заметив на моем лице некоторый испуг, добавил: — Если желаете, я выпью первым. Хотя я думал, уж вы-то не верите в мои сатанинские чары.

На миг его пристальный взгляд смягчился, он слегка усмехнулся. Я, вопреки своим подозрениям и опасениям, улыбнулся в ответ и последовал за хозяином в заднюю комнату. Доверять ему, конечно, не стоило, но, хотя я и не верил в мистическую историю о черных ассизах, в Роуленде Джэнкс действительно ощущалась некая гипнотическая сила, заставившая меня повиноваться ему. Однако наедине мы не остались: едва переступив порог, я уловил краем глаза какое-то движение. В первый момент я принял это за игру теней, но оказалось, у камина стоял доктор Уильям Бернард, по своему обыкновению скрестив руки на груди.

— Моя мастерская. Доктор Бернард. — Джэнкс указал на доктора Бернарда таким жестом, как будто тот представлял собой лишь предмет обстановки.

Вдоль трех стен тянулись длинные скамьи с наваленными на них рукописями и книгами; некоторые были уже окончательно переплетены, другие лишь частично; куски кожи, пергамены и ткани ждали своего часа, распяленные на колодках.

Я заметил несколько очень древних фолиантов, восстановленных талантом реставратора и переплетчика, как феникс из пепла; им предстояла еще долгая жизнь. В углу напротив очага под прямым углом стояло два больших, окованных железом сундука с тяжелыми массивными замками.

— Вижу, многие члены колледжа Линкольна знают к вам дорогу, — сказал я Джэнксу, ограничившись вежливым кивком Бернарду.

— Я переплетаю книги и торгую канцелярским товаром, доктор Бруно. Понятно, что ко мне заходят доктора университета.

— А мастер Годвин, библиотекарь Линкольна, тоже из числа ваших клиентов?

— Разумеется, — без запинки и не отводя от меня взгляда своих удивительных прозрачных глаз ответил Джэнкс. — Мне частенько приходится реставрировать книги из его собрания.

— А Джеймс Ковердейл?

Джэнкс обменялся взглядом с Бернардом.

— Ах да, бедный доктор Ковердейл. Уильям только что рассказал мне, что Джеймс погиб от рук грабителей. Подумать только, такие преступления в Оксфорде! — Прижав руку к груди, Джэнкс горестно покачал головой, но мне почему-то показалось, что он надо мной насмеялся.

Мне бы очень хотелось выяснить, что помимо книг связывало его с Годвином и Ковердейлом, но под неприязненным взглядом Бернарда задавать вопросы было невозможно.

— Вот душераздирающее зрелище, доктор Бруно, — сказал Джэнкс, взял с ближайшей скамьи небольшой том и дал мне.

Это оказался маленький часослов, изданный во французском вкусе начала века,
Страница 149

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
несомненно дорогая вещь. На первых же страницах я обнаружил яркие иллюстрации; каждая по периметру была украшена искусственным растительным орнаментом.

– Смотрите. – Дженкс забрал у меня книгу из рук и открыл в том месте, где текст и рисунок на противоположной странице были изуродованы.

Очевидно было, что их пытались вырезать тупым ножом, даже, скорее, выдрать из книги. Иллюстрация мало пострадала, можно было разглядеть коленопреклоненного фому Бекета, которого четверо рыцарей убивали перед алтарем; но лицо мученика было вырезано, а молитва полностью стерта.

– Отвратительно! – сказал Дженкс. – Король Генрих издал свой эдикт полвека тому назад, но мне в руки все еще попадают такие изуродованные книги, с вырезанными ликами и стертymi молитвами. Если я сумею восстановить эту бедняжку, за нее дадут хорошую цену во Франции. Это славная французская работа, сами видите. Смерть Христова! Ненавижу, когда книги так вот уродуют по приказу короля-еретика, отца такой же еретички, как он сам, да еще иbastarda к тому же! – Он хищно оскалился, выставив напоказ почти черные зубы, при этом нежно поглаживая книгу своими длинными белыми пальцами, как будто утешая. Признаться, такая чувствительность не сделала Дженкса привлекательнее в моих глазах.

– Вы донесете о моих мятежных словах, доктор Бруно? – Он растянул тонкие губы в улыбке, не сводя с меня глаз. – Впрочем, второй раз уши мне все равно не отрежут.

– Я никогда ни на кого не доношу, кто бы что ни говорил, – спокойно отвечал я, глядя ему прямо в глаза и давая понять, что не боюсь его. – Я приехал в вашу страну, чтобы свободно говорить и писать, что думаю, и полагаю, что на такую же свободу здесь имеет право каждый гражданин.

– Писать свободно – о чем? – Бернард отлепился от стены у камина, расцепил сложенные на груди руки, и его белесые глаза уставились на меня.

– Обо всем, о чем пожелаю, – ответил я, обернувшись к нему. – Так я понимаю свободу.

Дженкс бережно положил часослов на верстак, заваленный инструментами, потребными для переплетных и реставрационных работ. Я следил за тем, как он аккуратно раскладывает свои инструменты, и мне вдруг пришло в голову: а горло-то вполне можно перерезать не бритвой, а острым переплетным ножом.

– Много ли книг вы отправляете на континент? – спросил я, указывая на часослов и стараясь говорить как можно небрежнее.

Однако от внимания Дженкса, видимо, ничто не ускользало: он быстро глянул на меня, потом снова на доктора Бернарда.

– Порой в руки мне попадают книги, за которые в этой стране человек может угодить в тюрьму, а то и куда-нибудь похуже, – отвечал он задумчиво. – Для таких книг я нахожу покупателей за морем. Но, по правде говоря, у меня нет недостатка в клиентах из Оксфорда и Лондона – людей вроде вас, которые не признают запрета на чтение книг, поскольку считают, что Господь дал нам разум и способность мыслить, чтобы самим оценивать прочитанное. Такие люди готовы рисковать ради знания. – Коротко усмехнувшись, он в очередной раз обменялся взглядом с Бернардом. – Доктор Бернард сообщил мне, Бруно, что вы интересуетесь редкими книгами, особенно такими, которые считаются безвозвратно утраченными.

Бернард как прилепился к стене у огня, так и стоял там неподвижно, лишь слегка усмехаясь. Понятно, подумал я, ведь Бернард был библиотекарем в колледже Линкольна во время великой чистки оксфордских хранилищ, когда власть пыталась истребить еретические книги – точно так же, как пытался это сделать мой настоятель в Сан-Доменико.

– Вижу, вы хотите что-то спросить, доктор Бруно, – усмехнулся Дженкс.

– Книги, изъятые из университетских библиотек, тоже попадали вам в руки?

– Многие. – Дженкс снова посмотрел на Бернарда, потом склонился над своим

Джордано Бруно Ересь filosoff.org

верстаком. – Многие библиотекари сами сжигали еретические тексты в угоду инспекторам, но те, кто понимал их ценность, отдавали мне, чтобы они не пропали для потомства.

Я тоже взглянул на Бернарда; тот оставался неподвижен.

– А то, что было изъято из Линкольна в пору большой чистки, тоже попало к вам?

– Я помню каждую книгу, прошедшую через мои руки, доктор Бруно. Вижу, вы сомневаетесь, однако, уверяю вас, это не похвальба. И когда я говорил синьору Флорио, что могу добыть любую книгу за соответствующую цену, это опять-таки было правдой. – Взгляд его со странным голодным блеском устремился к кошельку на моем поясе, а я поспешил прикрыть его рукой – как человек, оказавшийся вдруг голым, в растерянности прикрывает промежность. – Вы имели в виду какую-нибудь конкретную книгу?

Этот человек будто играл со мной. Его постоянные намеки на деньги начинали беспокоить меня. Я ругал себя за то, что так легкомысленно выставлял на всеобщее обозрение кошелек Уолсингема и позволил этому типу запереть меня в своем магазине. Теперь, если он вздумает ограбить меня, придется драться. Я взглянул на верстак, прикидывая, успею ли при необходимости схватить один из ножей. Дженкс словно прочитал мои мысли – взял маленький ножик с серебряной рукоятью и принялся вычищать грязь из-под ногтей.

– Здесь вы можете говорить откровенно, Бруно. Вам меня не напугать, сколь бы опасной ни была интересующая вас книга с точки зрения государства или Церкви – не важно, какой именно Церкви.

– Значит, по вашему мнению, ереси не существует? – спросил я, не сводя глаз с ножа в его руке.

– Вы меня неправильно поняли. – Дженкс шагнул ко мне, и я невольно попятился: в его прозрачных глазах мне почудилась угроза. – Для меня ересь безусловно существует. Существует истинная Вера и Церковь, которую основал Сын Божий и утвердил на Петре-камне, но существует и кощунственная мерзость, основанная жирным распутным калекой, который не умел держать петушка в штанах и оставил королевство в наследство своему поганому отродью. Я полагаю, ни одну книгу не следует прятать от человека, обладающего умом и могущего постичь истину. Полагаю, Бруно, я знаю, гдестина. Но знаете ли это вы, вот в чем дело.

– Этого вопроса я не понимаю, – ответил я, напрягшись.

– Понимаете, – возразил он.

Голос книготорговца звучал приятно, даже весело, но в глазах была сталь; он как-то незаметно перемещался, препрятывая мне путь к выходу. Меня прошиб пот, хотя перед этим я до костей промерз в мокрой одежде. Оглянулся на Бернарда – тот стоял себе у камина, словно происходящее в комнате не имело к нему ни малейшего отношения. Окутанный длинной черной мантией, с тощей шеей и дряблой кожей, он смахивал на старого стервятника, которому не терпелось поживиться падалью.

– Я хочу знать, на чьей вы стороне, доктор Бруно, – продолжал Дженкс.

– Я и не думал, что придется выбирать какую-то сторону. – Теперь мы стояли лицом к лицу. – Для меня это как-то слишком примитивно.

Дженкс вдруг расхохотался, будто залаял.

– Так и скажете ангелу в Судный день? Когда Сын Человеческий явится, чтобы отделить овец от козлищ, вы и ему скажете, что вы – не из тех и не из других, ибо всякое деление слишком примитивно? – Внезапно он отбросил нож; тот упал на верстак, и уже без ножа Дженкс шагнул вперед и мягко опустил руку мне на плечо; я стоял неподвижно. – Вы – настоящая загадка, доктор Бруно, вам это известно? – Прозрачные переливающиеся глаза, казалось, так и прощупывали мое лицо. – Римская церковь вас отлучила, но католический monarch принял под свое крыло. Вы отвергаете авторитет папы и распространяете ересь этого поляка Коперника, но тем не менее, как я слышал, прилюдно именуете себя католиком. Так кто же вы такой, доктор

Бруно?

Я посмотрел ему прямо в глаза.

– Я – сын Католической церкви, мастер Дженкс. Вы, кажется, единственный человек в Оксфорде, кто усомнился в моей принадлежности Риму. Вашим согражданам же не лень перейти на другую сторону улицы, чтобы плюнуть в меня.

– Вы ходите на мессу? На исповедь?

– Это допрос? Вы – отец инквизитор?

Он молча продолжал гипнотизировать меня взглядом, лишь уголок рта кривился в презрительной усмешке.

Я вздохнул и ответил:

– Да, я хожу к мессе.

– Однако сюда вы приехали с сыром Филиппом Сидни, любимчиком этого ублюдка Елизаветы, известного своей борьбой с католиками.

– А также вместе с пфальцграфом Ласким. Его религия тоже вызывает у вас сомнения?

– Лаский – вельможа, – нетерпеливо отмел мое возражение Дженкс. – А вы – беглый монах, безработный философ, хотя, судя по этому кошельку, плату вы получаете неплохую. В городе поговаривают о ваших денежках. – Взгляд его вновь уставился на мой пояс. – Как вы оказались в компании Сидни?

– Я познакомился с ним в Падуе. Он тоже поэт. Вы, кажется, пытаетесь в чем-то обвинить меня, Дженкс?

Мне уже надоела эта игра, но я продолжал ее, лишь надеясь, что Дженксу известна судьба книг, собранных деканом Флемингом, и он поможет мне найти пропавшее сокровище – герметическое сочинение на греческом языке.

– Ни в чем я вас не обвиняю, – ответил он, успокоительно похлопывая меня по плечу. Манеры его вдруг резко изменились. – Я думал, вы лучше других понимаете, как важно знать, с кем имеешь дело, прежде чем откровенничать. Не так часто в «Колесо Катерины» забредают чужаки, а уж тем более такие, которые путешествуют в свите высокопоставленного гостя да еще скрывают свое подлинное имя. Понятно, что мы заинтересовались. Вот почему я еще раз спрашиваю: что привело вас сюда?

Я все еще колебался. С одной стороны, если бы удалось убедить Дженкса в моей искренности, с его помощью я, возможно, сумел бы проникнуть в католическое подполье Оксфорда, а его связи с семинариями на континенте и засыпаемыми в Англию миссионерами Уолсингем оценил бы дороже золота. Но, с другой стороны, если бы Дженкс заподозрил во мне соглядатая, он бы избавился от меня без ухищрений, на какие пускался убийца в колледже Линкольна.

– Мне сообщили, что там встречаются... единомышленники, – осторожно ответил я.

Дженкс поощрительно кивнул.

– Кто сообщил?

– Мой осведомитель.

– В Лондоне или в Оксфорде? Или еще прежде, за границей?

– В Оксфорде, – уже не колеблясь, ответил я.

– Его имя? Или ее?

– Предпочитаю не называть его.

- Как же проверить, что вы не лжете, Бруно? – Его лицо вплотную приблизилось к моему, шрамы от оспы проступили, как под увеличительным стеклом.
- Он сдружился с молодым Алленом, сегодня утром их видели вдвоем в «Цветке лилии», как я вам говорил, – вставил Бернард, не покидая своего места.
- Дженкс прищурился, оценивая информацию.
- Значит, Томас Аллен доверяет вам, так? Боюсь, из-за него у вас сложится превратное впечатление о нашей маленькой дружной компании. Так это он навел вас, Бруно?
- Понимая, что, если они заподозрят Томаса, парню будет грозить серьезная опасность, я решил избавить его от подозрений, хотя понимал, что мои слова могут быть опасны и для меня самого.
- Не Томас посоветовал мне наведаться в «Колесо Катерины», – сказал я. – Это был Роджер Мерсер.
- Дженкс нахмурился, выпустил мое плечо. Похоже, мне удалось-таки запутать его.
- Мерсер?
- Я видел, как они беседовали с Мерсером во дворе накануне убийства Роджера, – подтвердил Бернард. – Я следил за ними из окна.
- С какой стати вы с ним заговорили о «Колесе Катерины»? – Палец Джэнкса почти уперся мне в лицо.
- Прежде чем ответить, я осторожно отвел этот палец от моих глаз.
- Я спросил у него, есть ли в Оксфорде место, где я могу послушать мессу.
- Взяли и спросили? И он вот так запросто направил вас в «Колесо Катерины»?
- Видно было, что его раздирают сомнения, и от этого он злился.
- Он сказал, что там я найду друзей, но рекомендовал соблюдать осторожность, – добавил я.
- Осторожность! Как будто для него это слово хоть что-то значило! Проклятый глупец! Его длинный язык погубил бы вскоре всех нас. Разболтать тайну чужаку! Поверить не могу! – Джэнкс помолчал. – Разумеется, я был огорчен его страшной гибелью...
- Теперь это уже не имеет значения, – успокоил товарища Бернард, присовокупив благочестиво: – Упокой Господь его душу.
- Дженкс еще раз окинул меня пристальным взглядом и решил поверить.
- Что ж, доктор Бруно, пусть хоть в чем-то бедняга Мерсер будет прав. Вы здесь действительно среди друзей. Приходите сегодня после полуночи. Войдите в таверну через заднюю дверь во дворе, не с улицы. Хамфри будет там, скажете пароль, и он вас пропустит. Наденьте плащ с капюшоном, закройте лицо. Главное, убедитесь, что никто за вами не следит.
- Разве у ворот Оксфорда ночью нет стражи? Меня же спросят, куда я иду в такой час.
- Дадите грош, и всем будет плевать, куда и зачем вы идете! – Опять этот выразительный взгляд на мой злосчастный кошелек. – Хотя разгуливать в темноте при деньгах опасно. У вас есть оружие?
- Я ответил, что оружия с собой не ношу. Джэнкс взял с верстака тот самый серебряный ножик и вручил его мне.
- Одолжу вам на сегодня. Хоть маленький, а острый. Если на вас нападут, пригодится. Все лучше, чем ничего.
- Спасибо, но зачем мне сегодня кошелек?

– Нет-нет, кошелек приносите непременно. – Джэнкс вдруг сделался озабоченным, однако, заметив на лице у меня сомнение, с хитрой улыбкой сказал: – Я же не раздаю книги даром, мастер Бруно, даже братьям католикам.

Сердце у меня забилось.

– Книги?

– Ведь вас интересуют книги, не так ли? И даже вполне конкретная книга, та, которую декан Флеминг привез из Флоренции примерно сто лет тому назад. Он завещал ее колледжу Линкольна, а наш друг Бернард вынужден был изъять ее из библиотеки во время большой чистки шестьдесят девятого года. Все правильно?

– Эта книга у вас? – прошептал я, чувствуя, как пресекается дыхание.

Он отвечал все той же, сводившей меня с ума усмешкой.

– Не здесь, нет. Но я держал эту книгу в руках и могу подсказать вам, где ее найти. Полагаю, мы сумеем договориться, доктор Бруно. Главное, не забудьте кошелек.

– А вы говорили, книги не существует! – с торжеством обернулся я к Бернарду.

– Говорил перед глупцами за столом у ректора, – отмахнулся он. – Слишком много возникло бы вопросов. Андерхилл – марионетка канцлера и Тайного совета, он и понятия не имеет о ценности таких книг. Дай ему волю, он бы чистил библиотеку до тех пор, пока там осталась бы только Епископальная Библия да сочинения мастера Фокса.

Он чуть было не плюнул на пол в негодовании, однако вспомнил о приличиях и сдержался. Кстати, подумал я, кого имел в виду Джэнкс, когда говорил, что язык Мерсерса чуть было не сгубил «их всех»?

– Не смеем больше задерживать вас, доктор Бруно, – произнес Джэнкс, возвращаясь в помещение магазина и позывая ключами. – Попытайтесь нагнать вашего друга Флорио. Но, само собой разумеется, о нашем разговоре ни слова. Только я могу подсказать вам, кому в этом городе можно доверять в таких вопросах. Вы же понимаете, насколько это опасно, не правда ли?

Я кивнул. Хозяин отпер дверь, и я с облегчением увидел, что дождь стихает. Когда я обернулся, он так и стоял в дверях, сложив руки на груди, и вид у него был довольный.

– А что же книга?

– Я расскажу вам все об этой книге при следующей встрече.

– Вы кое-что забыли, – тихо напомнил я. – Пароль.

Остренькое лицо Джэнкса растянулось в усмешке.

– Да ведь вы его уже знаете, доктор Бруно, – шепнул он. – *Ora pro nobis.*

Глава 15

Пронизывающий ветер рвал в клочья темные грозовые тучи и гнал их по небу. Дождь наконец прекратился вовсе. По грязным улицам я шлепал обратно в Линкольн, даже не замечая, как липнет к телу промокшая одежда. Голова кругом шла от мыслей.

Когда я проходил под башенной аркой, раздался унылый колокольный звон, призывающий к вечерне. Но этот тосклиwy звук вовсе не соответствовал тому зрелищу, что предстало передо мной, едва я ступил на квадратный двор. Студенты и члены колледжа столпились у входа на лестницу, которая вела в библиотеку и часовню, кое-кто поглядывал вверх, на освещенные окна. Все были явно чем-то напуганы и помалкивали; если и обменивались двумя-тремя словами, то шепотом; большинство как-то оцепенело смотрели друг на друга. Я направился к ближайшей группе студентов, чтобы выяснить, что происходит, но тут Ричард Годвин протолкался ко мне через толпу.

– Доктор Бруно, ректор вас спрашивал, – тихо сообщил он мне. – Идемте.

Он подхватил меня под локоть и повлек ко входу в библиотеку и часовню. Там, у лестницы, стоял уже знакомый мне мужик из кухни – тот самый, которого приставили сторожить вход в комнату Ковердейла. Годвин подвел меня к часовне, тихонько постучал в дверь. Дверь немедленно отворилась; Слайхерст, нахмурившись, уставился на меня, однако отступил в сторону и дал мне войти. Запах крови сразу же ударил в нос. Ректор Андерхилл поднялся с деревянной скамьи у двери и обеими руками вцепился в меня, с надеждой заглядывая мне в глаза. Щеки его ввалились, глаза покраснели.

– Господь наказывает нас, Бруно, – еле слышно прошептал он. – Он сыплет пылающие угли на мою голову, карая за неисполнение долга. Даже здесь, в освященной часовне... – Ректор отодвинулся в сторону, все так же крепко сжимая мое запястье, и я увидел, какое очередное несчастье постигло коллеж: у подножия маленького алтаря лежало обмякшее тело.

Я придинулся ближе и увидел рыжие волосы на голове лежащего человека и кровь, которая быстро впитывалась в устилавший пол тростник, в белый покров алтаря.

– Мы ничего не трогали, – почти заискивающе продолжал ректор. – Ждали, чтобы вы посмотрели. Я поднялся в церковь около пяти, приготовившись к вечере, и наткнулся... – Голос его сорвался, и он тяжело опустился на скамью.

Стиснув зубы, я опустился на колени. Лицо юноши было сильно изуродовано: обе щеки рассекали глубокие разрезы, рот был в крови, кровь запеклась и на слегка опущенном подбородке – мальчишке еще и бриться-то было рано.

– Алтарь! – шепнул мне Андерхилл.

Я взглянул – и отпрянул: темно-красный комок мяса валялся на алтаре, кровь расплывалась на белом покрове.

– Боже! – прошептал я, догадавшись, что это за кусок мяса.

Дрожащими, непослушными пальцами я оттянул нижнюю челюсть бедняги Неда и увидел во рту лишь обрубок языка. Достаточно было притронуться к нему, чтобы кровь вновь хлынула потоком – я едва успел отскочить. Я понимал, что с такими ранами парень выжить не мог, но кровь была как из живого тела.

– Это случилось совсем недавно, – сказал я, оборачиваясь к ректору.

Тот кивнул.

– Нед каждый день приходил сюда около четырех, готовил часовню к вечере, – слабым голосом пояснил он. – Это была его основная обязанность. Все знали, что в это время его можно застать здесь. Часовня не запирается. Злодеи спрятались и поджидали его. Бедный мальчик, бедный мальчик! – Он горестно покачал головой. – Вы видели, что с ним сделали, Бруно?

Андерхилл глядел на меня выжидательно.

– Опять по Фоксу?

Он коротко кивнул.

– Полагаю, на этот раз Роман. Его мученичество описано в первой книге, сразу после истории святого Альбана, которую я вспоминал вчера на службе. Мучители изувечили Романа за то, что он пел псалмы, а он, когда они резали ему лицо, благодарил их: мол, теперь у него будет множество уст, чтобы воздавать хвалу Господу.

– Святые всегда отличались остроумием, – проворчал я.

– И тогда ему отрезали язык. А потом удавили. – Андерхилл то ли всхлипнул, то ли икнул и зажал рот ладонью.

Я распустил воротник, прикрывавший шею Неда: действительно, на бледной коже остались темные отпечатки пальцев.

– Вырезали язык, чтобы заставить молчать, – в задумчивости пробормотал я.

А ведь всего несколько часов тому назад Нед рассказал мне о том, что видел в субботу вечером. За это его и убили? Я припомнил наш разговор после обеда по дороге из Холла. Кто мог тогда нас подслушать? Лоренс Уэстон? В проходе толпились и студенты, и преподаватели, укрывавшиеся от дождя, любой мог видеть, как я давал Неду шиллинг, который он и потратить-то не успел. Подумать только, что это я навлек страшную смерть на бедного мальчика!

Мои мысли были прерваны сухим, нетерпеливым покашливанием.

– Теперь, когда мы выслушали вердикт доктора Бруно, – с ледяным презрением заговорил Слайхерст, – наверное, пора послать за констеблем? Вы не против, ректор? Тот, кто это совершил, не мог далеко уйти, и если начать розыск немедленно...

– Скорее всего, убийца еще в колледже, – поддержал его я. – Едва ли он успел даже смыть кровь с рук. Соберите всех в зале прямо сейчас, возможно, кто-то что-то заметил.

Ректор кивнул и повернулся к Слайхерсту.

– Уолтер, спуститесь во двор, созвите всех студентов и преподавателей, как советует доктор Бруно, – распорядился он. – Проследите, чтобы пришли все и чтобы шли, не умываясь и не переодеваясь. Стучите во все двери, тащите их силой, если придется.

Слайхерст одарил меня очередным злобным взглядом – полагаю, у него их еще немало оставалось в запасе, – развернулся на каблуках и вышел.

– Что вы сделали после того, как обнаружили тело? – спросил я ректора.

– Я... позвал на помощь. Я плохо соображал в тот момент, – пробормотал он. – Ричард сидел в библиотеке, он тут же прибежал. Я оставил тело, а он побежал за Уолтером.

– Вы все время оставались в библиотеке? – обернулся я к Годвину, который топтался у двери.

– Да, все время! – огрызнулся он, как будто я в чем-то его обвинял. – Я весь день работал!

В недоумении я уставился на него:

– И вы ничего не слышали? Ведь парня убивали в двух шагах от вас.

– Двери часовни, как и двери библиотеки, сколочены из твердого дуба, доктор Бруно, – протестующе повысил голос Годвин. – Я слышал шаги на лестнице, но не обратил на них внимания. Никаких голосов слышно не было, пока ректор Андерхилл не позвал на помощь.

Я снова посмотрел на мертвое тело.

– Если его захватили врасплох, то задушили прежде, чем он смог крикнуть или оказать сопротивление... – Мысль, что мальчик погиб быстро и не слишком страдал, отчасти утешала, впрочем, на Годвина я все еще смотрел с подозрением. Знал ли он, что Нед видел его с Джэнксом у школы богословия?

– Значит, он умер прежде, чем... – Не договорив, ректор жестом указал на изуродованное лицо.

– Будем надеяться, что так, – прошептал я, поднимаясь.

– Нед, – произнес Годвин, глядя сверху вниз на тело несчастного и хмурясь, словно пытаясь что-то понять. – Почему Нед? – Он недоуменно покачал головой.

И тут я кое-что вспомнил из того разговора с Недом.

– Нед помогал не только в часовне, но и в библиотеке? – спросил я Годвина.

Тот обернулся, подозрительно глянул на меня.

– Иногда выполнял небольшие поручения, – взвешивая каждое слово, ответил он. – Прибирал, наводил порядок. Книги я ему не доверял. А в чем дело?

– Мастер Годвин, – решил я сыграть в открытую, – в субботу вечером кто-то наведался в библиотеку, пока остальные были на диспуте. В тот самый вечер Джеймс Ковердейл был убит. Нед слышал голоса, но посетителей не узнал.

Годвин с тревогой посмотрел на меня.

– Как я вам уже говорил, у всех членов колледжа есть свои ключи. Полагаю, кто-то мог вернуться раньше, но кто и зачем – понятия не имею. Или же... – Тут он бросил исподтишка взгляд на ректора и замолчал.

Я припомнил, что Годвин уже говорил мне, что София пользуется отцовским ключом от библиотеки. Нед сказал, что слышал сердитый мужской голос. Но кто был этот второй собеседник? Однако, судя по тому, как Годвин встревожился, напрашивался и другой вывод: Нед, прибирая в библиотеке, вполне мог наткнуться на запрещенные книги, припрятанные Годвином.

– А вы? – Я прямо взглянул ему в глаза. – Вы ни с кем не встретились, когда вернулись в тот вечер в колледж?

– Я? – Затравленное выражение мелькнуло в глазах Годвина, и он поспешил отвел взгляд. – Я был на диспуте, как и все, доктор Бруно. – В замешательстве он переступил с ноги на ногу.

– Но ушли раньше, у вас же была назначена встреча.

Ректор поднял взгляд. Отчаяние на его лице на короткое время сменилось удивлением. Годвин покраснел.

– Да, верно, я вышел почти в самом начале по личному вопросу, – признался он. – К делам колледжа это отношения не имеет. Но в Линкольн я вернулся около шести, библиотека была заперта, а когда я открыл дверь, внутри никого не было. Перед Богом клянусь, это истинная правда!

Я покосился на его руки: кончики пальцев испачканы чернилами, но ни капли крови. Ректор переводил взгляд с библиотекаря на меня, уже не зная, кому и чему верить.

– Погодите, а это что? – Я заметил возле алтаря что-то темное и наклонился, чтобы рассмотреть: это оказалась аккуратно сложенная черная университетская мантия. Я поднял ее за уголок: довольно потрепанная, липкая от еще непросохшей крови. Я показал ее ректору.

– Должно быть, это мантия Неда. Опять тот же трюк. Убийца надевает мантию жертвы поверх собственной одежды, чтобы не испачкаться кровью.

Дверь заскрипела, и мы все трое аж подпрыгнули: рядом с телом убитого и сам чувствуешь себя то ли жертвой, то ли преступником. Крысиная мордочка Слейхерста просунулась в щель.

– Студенты и члены колледжа собрались в зале и ждут вас, ректор. Боюсь, пришли не все. – Слейхерст покосился на меня, как будто я был тому причиной. – Нигде нет Уильяма Бернарда, Габриеля Норриса и Томаса Аллена, а Джона Флорио никто не видел после полудня.

Ректор кивнул и с усилием поднялся на ноги.

– Уолтер, ступайте вперед, и вы тоже, Ричард, – распорядился он. – Через несколько минут я догоню вас. После того как я сделаю сообщение, мы объявим комендантский час. Всем сидеть по своим комнатам, пока не будет обыскан весь колледж.

– Полагаю, это правило распространяется и на гостей? – ехидно уточнил Слейхерст.

– На всех, – решительно подтвердил ректор. – А теперь я должен поговорить с

Слайхерст нехотя последовал за Годвином. Когда дверь за ними закрылась, Андерхилл повернулся ко мне – медленно, как будто все движения давались ему с большими усилиями. На его лице было отчаяние.

– Моя дочь так и не вернулась домой, Бруно!

Голос его звучал как погребальный звон. Я невольно пошатнулся, словно отчаяние этого человека тяжким грузом легло и на мои плечи. Немного опомнившись, я покачал головой и возразил:

– Возможно, пошла к друзьям? Подумайте, к кому она могла пойти?

Ректор медленно – он все теперь делал очень медленно – провел обеими руками по лицу, поднял глаза.

– У Софии нет друзей в обычном смысле этого слова. Если бы несколько дней назад вы спросили меня о ее друзьях, я бы ответил, что их у нее вовсе нет, однако теперь... – Он замолчал и отвернулся к окну.

– Что – теперь? Вы что-то узнали?

– Я был слеп, Бруно, слеп. Я погубил обоих моих детей, и колледж я тоже погубил.

В его словах была известная доля истины, однако я не мог равнодушно видеть мучения этого немолодого человека.

– В этих смертях вы неповинны, а Софию мы еще отыщем, живую и невредимую. Даже если мне самому придется пуститься на поиски и скакать верхом всю ночь!

Я сам не ожидал, что эти слова вырвутся у меня с таким жаром. Андерхилл взглянул на меня с новым для него выражением кроткого любопытства.

– Очень любезно с вашей стороны, – вежливо откликнулся он и похлопал меня по руке. – Очень любезно, однако все зашло слишком далеко. Не дождавшись ее днем, я обыскал ее комнату, и вот что нашел в матрасе.

Он сунул руку в карман и вытащил маленькую книжечку в потрепанном кожаном переплете.

Я узнал ее еще прежде, чем ректор передал мне: часослов, похожий на тот, что Дженкс показывал мне в мастерской, – тот же век, та же работа, хотя и несколько попроще, не такой дорогой и в лучшем состоянии. Я пролистал несколько страниц: лики святых не тронуты, молитвы не уничтожены. Сердце мое упало: если София, несмотря на постоянное родительское наблюдение, решилась прятать у себя католический молитвенник, это могло означать только одно.

– Взгляните на титульный лист, – сказал Андерхилл.

На титульном листе была надпись – стихи из Библии: «Не равняется с нею золото и кристалл, и не выменяешь ее на сосуды из чистого золота. А о кораллах и жемчуге и упоминать нечего, и приобретение премудрости выше рубинов». [30] Под цитатой красовалась изысканная, замысловатая роспись: «*Ora pro nobis*. Ваш во Христе. Дж.»

Андерхилл следил за каждым моим движением.

– Из Притч, кажется? – указал я на цитату.

– Вы что, не понимаете? – вспылил он. – Как по-гречески «Премудрость»? София! Папистский молитвенник с дарственной надписью! Они обратили ее прямо у меня под носом, пока я читал своего фокса и пытался сохранять добрые отношения с Лестером, защищая... – Он покачал головой и уставился в пол.

– Ректор Андерхилл! – резко окликнул я его. – Кто ее обратил? Кто этот Дж.? Кого вы защищали?

– Самого себя, – почти беззвучно, задыхаясь от горя, вымолвил он. – Я защищал себя и свою семью – так мне казалось. Кто бы мог подумать, что дойдет до такого.

Дженкс, подумал я. Кто еще мог раздобыть такой красивый французский часослов? Да и подпись выдавала его с головой: «Дж». Я в очередной раз перечитал посвящение. Сами по себе библейские стихи звучали невинно, однако если вместо слова «премудрость» подставить имя София, в цитате появлялся некий игривый намек. Подумать только, Дженкс, клейменый урод, морда безухая, дарит Софии такие интимные подарки! А она, значит, разделяет его веру!

Я скрипнул зубами. И тут еще одна мысль поразила меня: неужто Дженкс и был той угрозой, о которой говорила София? А вдруг она что-то случайно узнала о католическом заговоре и теперь негодяй угрожает ей? И это изувеченное тело у подножия алтаря... Рука невольно потянулась к поясу, за которым я спрятал серебряный ножик Дженкса: ладно, сегодня же вечером я заставлю его признаться, даже если ради этого мне придется приставить ему к горлу его собственный нож! Андерхилл тем временем смотрел на меня покорно и печально, как будто ожидая дальнейших распоряжений.

– Джеймс Ковердейл был тайным католиком? – не давая ему опомниться, спросил я.

Андерхилл в очередной раз кивнул.

– И вы это знали? Так вот почему вы стерли колесо Катерины, чтоб его не увидел коронер!

– Мне казалось, если человек сохраняет в тайне свою веру и это не затрагивает ни его работу, ни политику, то это дело его и Бога. Боюсь, члены Тайного совета не разделяют моего мнения. Однако я льщу себя надеждой, что так мыслит ее величество. – Он подался ближе ко мне и заговорил совсем тихо: – Так или иначе, правила меняются. Лорд Берли каждый день издает новые указы, теперь противозаконно уже и скрывать сведения о папистах. Человек может угодить в тюрьму только за то, что не донес на соседа или коллегу. Все живут в страхе перед собственными друзьями. – Ректора снова затрясло, и, пытаясь успокоиться, он зажал сцепленные руки между коленями.

– Итак, – медленно заговорил я, – вы старались скрыть подробности этих преступлений, потому что боитесь, что направлены они против католиков колледжа Линкольна, и, если это откроется, Лестер спросит с вас, почему столько папистов скрывалось в колледже? – Мое сочувствие к ректору таяло, как снег под солнцем. – Вы направили коронера на ложный след, искать грабителей и бродячих собак, а настоящий убийца остается на свободе и наносит очередной удар. – Я указал на тело Неда. – Может быть, вы надеетесь, что убийца таким способом освободит Линкольн от католиков и вы останетесь чисты?

– Господи, Бруно, что вы говорите?! – Никто бы не усомнился в искренности этого вопля. – Неужели я мог бы желать им смерти, да еще такой смерти? Отчего я не донес на них с самого начала? Конечно, я знал их поименно. – Даже в этот момент он не забыл приглушить голос. – Но это все порядочные люди, они хорошо делают свое дело и вовсе не помышляют о свержении ее величества или правительства. А какая участь ждала бы их, если бы я их выдал? И вот теперь я лишусь всего, потому что я не предал коллег!

– Но кто-то убивает их одного за другим, да еще инсценирует убийства под мученичество ранних христиан, описанное Фоксом, – подхватил я. – Кто это? И зачем обставлять убийства таким образом? Я вижу только одну цель: привлечь всеобщее внимание к колледжу Линкольна и к его католикам. Если бы мы смогли разгадать мотив, многое прояснилось бы.

– Сначала я не поверил вам насчет Фокса, – негромко отвечал Андерхилл. – Не мог допустить, чтобы человек придумал подобную жестокость, кощунство. Да и трудно было мне признать, что мои проповеди могли вдохновить этого дьявола. Но вы правы, и я не могу больше скрывать это от себя.

– А этот несчастный мальчик? – Я заставил себя взглянуть на изуродованное лицо Неда. – Тоже один из них?

– Об этом я ничего не знал! – взвизгнул ректор. – Семья у него самая простая, но он был старательнейшим из наших студентов. Представить не могу, кто мог желать зла Неду! Это так ужасно! – Плечи его содрогнулись, ректор чуть не зарыдал.

– Думаю, Нед что-то видел или слышал, – мрачно заметил я. – Вы, кстати, известили констебля или стражников об исчезновении Софии?

– Нет, – отвечал ректор и снова опустил голову. – Еще не стемнело. Я все надеялся, что она вернется к ужину или, по крайней мере, до захода солнца. Моя жена слегла, она уже убедила себя, что София мертва или умирает бог весть где. Об участии Неда она еще не слышала. Я пытаюсь действовать рассудительно, но – не могу, не могу! – Он сделал несколько глубоких вдохов, словно демонстрируя мне борьбу с собственной слабостью.

– Если она до утра не вернется, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам найти ее, – торжественно обещал я.

Ректор хотел что-то ответить, но я поднял руку, призывая его к молчанию: из коридора послышался звук, очень тихий, возможно, случайный, однако напряженные нервы восприняли его как скрип половицы. Мы подождали несколько мгновений, затаив дыхание, но больше ничего не услышали, кроме журчания мухи на оконном стекле.

– Я должен пойти в зал и известить собравшихся о новой трагедии, – решился наконец Андерхилл, затем забрал у меня часослов и снова спрятал его под камзол. Решительно подтолкнув меня к выходу, он запер за нами дверь. – Теперь уж придется звать констеблей: убийца, несомненно, среди нас. Но прошу вас, доктор Бруно, если вас будут допрашивать, не надо упоминать Фокса! – шепотом закончил он.

Я кивнул и посмотрел вслед этому пожилому человеку, который все-таки взял себя в руки и довольно бодро спускался по лестнице. Тяжкое бремя легло ему на плечи, думал я, и от этого груза ему уже не избавиться.

Коббет возился с ключами, висевшими в узком стенном шкафу, дверь оставалась открытой. В привратницкой все еще остро пахло блевотиной. Когда я вошел, он, не поворачиваясь, глянул на меня через плечо.

– Еще одна смерть! – проворчал он. – Теперь уж прямо в часовне. Мне велели держать ворота на замке, а что толку? Хороший паренек был этот Нед, работящий. Кто с ним такое сотворил? Я уж думаю, может, тут сам дьявол орудует. Как по-вашему, доктор Бруно?

– София Андерхилл, – сказал я, входя и закрывая за собой дверь. – Вы видели, как она выходила из колледжа утром?

– Ага! – Коббет снова повернулся спиной ко мне и принялся копаться в своем шкафу. – Ускользнула, как только суматоха поднялась, а мастер Слайхерст побежал обратно в башню. Через несколько минут и ее мамаша подоспела, я ей сказал, что мистрис София пошла, должно быть, вперед нее в гости.

– А как она вернулась, вы не видели?

– Нет. А она не вернулась?

– Весь день ее нет, – подтвердил я. – Она вам не говорила, куда направляется?

– Нет! – отрубил он. – Но далеко она не уйдет.

– Да еще в такую погоду, – кивнул я.

– И в таком состоянии.

Старик захромал к стулу позади стола, выжидательно поглядывая на меня. Я уставился на него в изумлении.

– В каком состоянии? Она что, больна?

Выразительно поднятая бровь показала, что именно старик думает о моих умственных способностях.

- Полнο, доктор Бруно! Вы же не всю жизнь провели в монастыре.
- То есть она?.. Нет! – Я решительно покачал головой. Старик что-то путает, набрался сплетен от слуг. – Откуда вам знать?
- У моей жены было десять ребят, упокой Господи ее душу, и последний забрал ее с собой. Думаете, я не распознаю примет? Месяца три уже будет, как пить дать. Бедняжка!

Голова у меня закружилась. Если София и впрямь ждала ребенка, становились понятны ее страхи. Но кого же она боялась? Своего отца? Любовника? О какой угрозе шла речь?

- Но кто? Она доверилась вам, сказала, кто отец?
- Ни словечком не обмолвилась, доктор Бруно. Господь дал мне глаза, и, в отличие от наших профессоров, я умею ими пользоваться. Я видел, как она с кем-то встречалась в библиотеке вечером в субботу, когда все ушли на диспут. По крайней мере, я видел, как она прошла наверх и какой-то парень вскоре последовал за ней.

– Но кто?! – в отчаянии вскричал я.

Коббет пожал плечами, лицо его омрачилось.

– Кто его знает. Он был в плаще, капюшон надвинул на лицо. Это мог быть кто угодно. Я не видел, как он прошел в ворота, значит, он давно уже был в колледже.

Итак, одним из тех двоих, чьи голоса Нед слышал в библиотеке, была София. Но с кем она там встретилась?

- Ее отец знает? – спросил я Коббета.
- Смеетсяе, что ли? Ее отец не заметил бы, даже если б она разродилась прямо у него на глазах, да и мистрис Андерхилл ничуть не лучше. По мне, так оба они виноваты: для обоих жизнь кончилась, когда Джон уился, а дочка – она вроде как не в счет. Я вот все думал, – добавил он, – как она собирается скрыть это от всех, когда не сможет зашнуровать свой корсет? А ведь до того дня уже недалеко. Может, потому она и сбежала.
- Я и не знал, что у вас было десять детей, Коббет, – сказал я, останавливаясь в дверях и с уважением поглядывая на старика.
- Теперь уже нет, – с философическим спокойствием отвечал он. – Добрый Боженька прибрал почти всех, только двух дочек оставил: одна вышла замуж за фермера под Абингдоном, другая прачка.
- Очень жаль, – не к месту сказал я.

– Не о чем жалеть, так уж на свете водится. Что-то я разболтался и совсем забыл: у меня ведь для вас письмо. – Он выдвинул ящик стола, пошарил в нем и протянул мне сложенный лист бумаги.

Я схватил его, сгорая от любопытства: мое имя было начертано красивым, четким, но совершенно незнакомым мне почерком. Я поспешно развернул письмо и увидел, что написано оно по-итальянски.

– Сегодня с утра он оставил это у меня, – пояснил Коббет, – а как началась беготня из-за бедного доктора Ковердейла, а теперь еще из-за этого, я напрочь забыл передать, вы уж извините.

Сердце мое упало, когда я вчитался в строки, написанные изящным почерком в весьма изысканном стиле: автор просил меня рекомендовать его французскому посланнику в качестве учителя языков для его детей, ибо он в скором времени собирался вступить в брак, а скучное университетское жалованье не позволяло содержать семью.

– Это от мастера Флорио? – спросил я со вздохом, поглядывая на вензель внизу письма – такой замысловатый и разукрашенный, что его можно было прочесть десятью разными способами.

– Разумеется. Он что, не подписался?

Так вот о каком письме он упоминал! Значит, не он был тот таинственный корреспондент, направивший меня в «Колесо Катерины». Еще один тупик. Я так и не установил загадочного обитателя колледжа, который раньше всех увидел связь между убийствами и книгой Фокса.

– Черт бы его побрал, – проворчал я, сминая письмо. – Коббет, могу я попросить вас об одной услуге?

– Для вас – все, что угодно, сэр!

– Мне нужно сегодня ночью уйти из колледжа. Есть одно дело. Вы не могли бы отпереть калитку, скажем, за полчаса до полуночи?

Чело старого привратника стало задумчивым.

– С радостью бы помог вам, сэр, но ректор строжайше наказал, чтобы после всех этих убийств калитка и ворота все время были на замке, а с наступлением темноты никого не впускать и не выпускать. Против его приказа я не пойду – если еще кого убьют, меня же первого и накажут.

– Понимаю, – поспешил отвечать я. – А если я постучу тихонько и вы меня выпустите, а после этого сразу же запрете калитку?

Коббет озадаченно хмурился.

– Это еще ладно, сэр. А потом ждать, пока вы вернетесь?

– Я не знаю, сколько времени мне понадобится. Я могу снова постучать в окно, когда вернусь, и вы меня впустите.

– Попробовать-то можно, сэр, – без особой уверенности отвечал он. – Только поклянитесь, что ни одна живая душа в Линкольне не прознает, а то будет мне нагоняй.

– Клянусь! Исчезну, никто и не заметит, – пообещал я и вышел на сырой двор, под серое, тяжело обмякшее небо.

От количества новостей у меня разболелась голова.

Глава 16

Когда за двадцать минут до полуночи я выглянул из подъезда, в воздухе висел сырой туман. Тучи, из которых весь день хлестал дождь, наконец-то расступились, и на влажных камнях двора играл лунный свет. Спасибо и на том: можно было хотя бы разглядеть часы. С другой стороны, этот свет мог помешать мне незаметно улизнуть.

Стараясь держаться в тени, я прокралялся вдоль южного флигеля, молясь про себя, чтобы Коббет не уснул и дождался меня. Дважды я вздрогивал, заслышив какой-то шум в дальнем от меня углу. Мне казалось, будто кто-то затаился там, и я всем телом вжимался в сырой камень.

Все окна, выходившие во двор, давно погасли, только в верхнем этаже, в комнатах ректора, все еще мерцал свет. Должно быть, с сочувствием подумал я, София так и не вернулась домой, и ее отец не может уснуть.

Проходя мимо западного крыла, я вспомнил про Габриеля Норриса и Томаса Аллена – любопытно, вернулись ли они. За ужином никого из них не было. Подозрительно, что оба исчезли именно тогда, когда было обнаружено тело Неда. Отсутствовал и Уильям Бернард; коллеги, бросавшие за ужином выразительные взгляды на его пустовавшее место, ни словом не прокомментировали его отсутствие.

Под башенной аркой я остановился и негромко постучал в маленькое сводчатое

окно Коббета, с радостью отметив, что внутри горит свеча. Дверь открылась с первого же стука. Прижав грязный палец к губам, старый привратник медленно – ох, как некстати была сейчас его медлительность! – зашаркал к калитке с маленьким фонарем в правой руке, все время пугливо озираясь по сторонам. Он передал мне фонарь, и я стоял и следил, как скрюченные стариковские пальцы беззвучно перебирают огромную связку ключей, отыскивая среди них нужный.

Калитка жалобно заскрипела, открываясь, и мы с Коббетом замерли в страхе. Выждали, пока не убедились, что этот скрип не вызвал тревоги, затем Коббет жестом велел мне взять фонарь.

– Вернетесь – постучите с улицы в окно, – шепотом напомнил он. – Не бойтесь, я вас услышу. И поаккуратнее там, сэр. Головы не теряйте. – Лицо его в свете фонарика показалось мне особенно торжественным; я так же торжественно кивнул в ответ и вышел через ворота на раскисшую Сент-Милдред-Лейн.

Калитка снова заскрипела, когда Коббет закрывал ее за мной, и я услышал, как поворачивается в двери ключ. Что-то зловещее почудилось мне в этом звуке.

Я прокрался вдоль стен колледжа Иисуса и почти достиг того места, где Сент-Милдред-Лейн пересекается с Соммер-Лейн, когда мне отчетливо послышались шаги позади. Затем плеснула вода: кто-то ступил в лужу. Я обернулся, сжимая в руке нож, высоко подняв фонарь и напряженно всматриваясь в темную улицу. Но фонарь освещал лишь мою вытянутую руку, а окружающая тьма казалась еще более непроглядной. Я хотел было крикнуть, но в последний момент передумал: ни к чему привлекать к себе лишнее внимание.

Я побрел дальше по мокрой и грязной улице, прижимаясь к городской стене. Так я дошел по Соммер-Лейн до северных ворот. И тут вновь за спиной у меня послышался тихий всплеск – точно такой же звук производили и я сам, шлепая по лужам. И вновь я обернулся, выхватив нож, и даже прошипел: «Кто здесь?» – но так тихо, что и сам себя не услышал.

Я был уверен, что кто-то затаился у меня за спиной. Кто-то меня преследовал, в этом я больше не сомневался. Но уже в нескольких шагах впереди поднималась на фоне городской стены церковь Святого Михаила и горели над воротами огни сторожевой башни. Я набрал в грудь побольше воздуху, словно перед прыжком в воду, спрятал нож за пояс и нашарил в кармане медные монетки для стражников. Я решил не дразнить их своим кошельком и заранее заготовил мелочь.

Двое молодых людей, вооруженных пиками, – от обоих сильно разило элем – шагнули мне навстречу, когда я приблизился к воротам.

– Куда идете? – равнодушно спросил тот, что был ростом выше.

Куда я иду, его, впрочем, вовсе не интересовало. Он демонстративно попробовал монету на зуб (я тем временем тревожно оглядывался через плечо, пытаясь разглядеть преследователя, но безуспешно). Взятуку мою признали доброкачественной, открыли ворота, и я очутился по ту сторону городской стены.

Двор таверны был погружен в темноту, и там царило молчание. Однако эта тишина показалась мне предзнаменованием каких-то грозных событий. Света в окнах не было, только мой маленький фонарик боролся с тьмой. Откуда-то справа из мрака послышалось ржание, потом я услышал, как лошади переступают с ноги на ногу: где-то совсем рядом была конюшня. Я приподнял фонарь повыше, пытаясь сообразить, куда же мне идти.

– Погаси свет, глупец! Хочешь подать знак стражникам? – прямо мне в ухо шепнул мужской голос, и теплое дыхание коснулось щеки.

Сердце так прыгнуло в груди, что я чуть не выронил фонарь. Однако овладел собой, сунул два пальца под стекло и придавил фитиль. Мужчина, шепнувший мне, тем временем уже решительными шагами пересекал двор, длинный плащ путался у него в ногах.

Лунный свет пробился из-за туч, и двор вдруг ожила: какие-то темные фигуры бесшумно бродили по нему. Все были в плащах, у всех лица закрыты

капюшонами. Мне припомнился предрассветный час в Сан-Доменико: заутреня, такие же, в плащах с капюшонами, фигуры монахов, среди которых прошла моя юность.

Я последовал за ближайшей тенью и добрался до маленькой двери. Она закрылась за тем, кто вошел передо мной. Я с трудом разглядел решетку на уровне моей головы, приподнялся на цыпочки и прошептал: «*Ora pro nobis*». Никто не ответил, но дверь молча приотворилась, изнутри меня поманила чья-то рука.

Я скользнул сквозь щель в узкий коридор – судя по запаху несвежей пищи, он соединялся с кухней. Человека, отворившего мне дверь, я узнал по росту: Хамфри Причард, слуга из таверны. Узнал ли он меня, об этом я судить не мог. Хамфри провел меня по коридору на шаткую лесенку. Одна лишь сальная свеча догорала в настенной скобе на полпути ко второму этажу, вся лестница полна была ее кислым дымом. За спиной у меня скрипели чьи-то шаги. Я поспешил и вскоре оказался на лестничной площадке под низко нависающими балками. Пол здесь был кривой и неровный. Я заметил маленькие, завешенные черной тканью окна: снаружи света никто не увидит.

Поскольку я все еще не знал, куда мне идти, то дошел до конца площадки, где была приотворена узкая дверца. Пройдя в нее, я оказался в небольшом помещении, где толпилось множество закутанных в плащи фигур. Они окружили небольшой самодельный алтарь, на котором в высоких серебряных подсвечниках горели три свечи, озаряя темный деревянный крест с серебряной фигурой Спасителя. Все головы склонены, все застыли в ожидании. Я чувствовал, что собравшиеся исподволь оглядывают друг друга, и меня в том числе, хотя в тусклом пламени свечей все лица казались одинаково застывшими масками, глаз не было видно.

Но вдруг одна высокая фигура в другом конце комнаты обернулась ко мне, и в тот момент, когда наши взгляды встретились, свет упал на лицо этого человека: я с изумлением узнал в нем мастера Ричарда Годвина, библиотекаря.

Изумление и страх исказили его лицо. Он поспешил опустить глаза, молитвенно сложив руки. Я подумал, что и многие другие здесь вполне могут оказаться мне знакомыми.

Под покровом ночи люди крадутся через весь спящий город, чтобы отправлять обряды запретной веры. И хотя сам я больше не принадлежал к этой вере, невольно восхитился их мужеством: ведь и я не раз подвергал опасности свою жизнь, отказываясь принимать догматы, навязываемые властью. Да и сейчас, собственно говоря, продолжаю так жить.

Оглядев это маленькое собрание – всего здесь было четырнадцать человек, – я вдруг почувствовал, какую чудовищную задачу взял на себя. Волк в овечьей шкуре! Произносить со всеми вместе слова молитвы, а под локтем ощущать тяжелый кошелек – аванс за то, чтобы я привел этих отважных, не изменивших своим убеждениям людей в тюрьму или на эшафот. Все было прекрасно, пока Уолсингем рассуждал о высоких идеях и о безопасности страны. Но какую угрозу для страны может представлять эта скромная месса? Никто из собравшихся на эту полуночную службу, за которую им грозила смерть, не планировал, я был в этом уверен, убить королеву или же призвать в Англию французские войска. Неужели справедливо предать их только за их веру? Как примириться со своей совестью, если я так поступлю? Припомнилось, с каким ужасом Томас Аллен говорил о пытках, которые применялись против тех, кого подозревали в измене. Мне вдруг почудилось, будто я стою перед этим собранием обнаженный и все свободно читают мои подлые замыслы.

В этот момент чья-то рука крепко сжала мое запястье. Я поднял глаза и встретился взглядом с прозрачными светящимися глазами Дженкса. Он пристально поглядел на меня и ничего не сказал: довольствовался коротким кивком и полуулыбкой. Я принял это за подтверждение прежнего нашего договора. Отпустив мою руку, книготорговец обернулся к той двери, через которую мы недавно вошли.

Все затаили дыхание. Дверь приоткрылась, и вдруг в этой маленькой комнате впервые за много лет я ощутил трепет от давно забытого мной чуда литургии. Эти люди искренне верили, будто сейчас среди них творится таинство, и вера их была чиста.

Сам я давно утратил веру, человек же вроде Уолсингема и вовсе не способен это понять, подумал я. Вера в чудо собирала их здесь, они рисковали жизнью, лишь бы не угасало пламя этой веры. Я чувствовал смижение, даже смущение.

Вошел священник в белом до пят облачении, с капюшоном, опущенным на лицо. Зеленая епитрахиль облекала его. Он сделал несколько шагов по направлению к алтарю, глаза его были опущены, но спину он держал очень прямо и бережно нес перед собой накрытую чашу. Дойдя до алтаря, священник склонился в низком поклоне, и по видимому усилию, какого стоило ему это движение, я понял, что он далеко не молод. И тем не менее я оказался не готов к тому, что увидел. Священник выпрямился и откинулся капюшон: это был доктор Уильям Бернард!

Он поставил чашу на алтарь у левого края, снял с алтаря бурсу из плотного зеленого бархата, двумя пальцами извлек и развернул тонкий антиминс и накрыл белым льняным покровом середину алтаря. Затем аккуратно установил чашу на антиминс. Служка нервно топтался у него за спиной: мальчишке с виду, казалось, лет девятнадцать, и ему явно невмоготу было стоять вот так, с обнаженной головой, на виду у скрытых капюшонами прихожан. Должно быть, студент, прикинулся я.

Стоя лицом к алтарю, Бернард осенил себя широким крестом, коснувшись перстами лба, груди, левого и правого плеча:

– *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen.*[31]

Воздух как будто сгустился. Мы все, казалось, разделяли смертельную опасность творимого обряда, даже я, который не принадлежал к этому кругу. Каждый шорох, каждый звук – крик ночной птицы, скрип старых досок – рождал волну страха, которая пробегала по всему собранию. Все замирали на миг, прежде чем тихо и осторожно выдохнуть.

– *Introibo ad altare Dei,*[32] – провозгласил Бернард негромко, но торжественно.

Ветер вдруг ударили в деревянные ставни, вздулись плотные черные шторы на окнах, заметалось пламя свечей; юный служка пугливо завертел головой – ему почудилось, что в комнату кто-то вошел. Но Бернард продолжал, невозмутимо и важно: каждое слово и каждый жест этого обряда были давно и навеки отпечатаны в его душе.

Музыки не было, прихожане шептали ответы еле слышно. Повинуясь знакомому привычному ритму литургии, я одновременно со всеми опустился на колени. С какой-то усталой печалью я вспомнил, как много некогда значили для меня эти слова и эти жесты; им был подчинен каждый день и час моей жизни. Теперь я повторял давно затверженные фразы, но они были для меня мертвые.

Бернард вынул из маленькой дарохранительницы гостию, вознес ее над головой, отпил вина из чаши и наконец обернулся лицом к собранию.

– *Ecce Agnus Dei, ecce qui tollit peccata mundi,*[33] – возгласил он.

Я поднял голову и встретился со взглядом его водянистых старческих глаз. Я выдохнул и замер: мне показалось, что этот взгляд пронизал меня насквозь, видит все на самом дне моей души. Но оказалось, я не о том думал: Джэнкс положил руку на мой локоть, удерживая меня на месте, и я понял: хотя мне позволили присутствовать на службе, они не забыли, что я отлучен и причащаться мне не положено.

Напрасно они беспокоились: с тех самых пор, как я покинул монастырь, я даже мысленно не участвовал в таинствах, то ли из суеверия, то ли из уважения – трудно сказать. Но когда дюжина прихожан ринулась к алтарю, падая на колени и раскрывая рты, как голодные галчата, я невольно попятился к стене, опасаясь, что тут-то во мне и разоблачат осведомителя: ведь обряд творился именно ради этого кульмиационного акта, и отказ участвовать в нем не мог не показаться странным и подозрительным. Но, видимо, Джэнкс заранее предупредил своих товарищей: хотя кое-кто и оглянулся на меня с любопытством, ни один взгляд не задержался надолго, и скоро уже я вместе со всеми бормотал «*Deo gratias*»[34] в ответ на Бернардово «*Benedicamus Domino*».[35]

Месса закончилась, спало напряжение, от которого, казалось, искрил воздух, все заторопились уходить. Я стоял у двери, стараясь проникнуть взглядом под каждый капюшон, но если наталкивался на ответный взгляд, то поспешно опускал глаза. Длинные пальцы Джэнкса опять сомкнулись на моем запястье: он призывал меня подождать, пока все уйдут. Одной из последних мимо меня проскользнула какая-то приземистая фигура, руки под плащом были сложены, как у монаха. Этот человек остановился и обернулся ко мне; в этот момент ярче вспыхнуло пламя свечей, и я чуть не задохнулся от изумления: Адам, слуга ректора, застыл передо мной, глядя на меня с таким же изумлением, как я на него. Он даже рот приоткрыл, как будто собираясь что-то сказать, но хватило одного сурогового взгляда книготорговца, чтобы старик заспешил прочь.

Наконец я остался наедине с Джэнксом, и он откинул с лица капюшон. Только Хамфри Причард остался убирать в комнате, прятать церковную утварь. Свечи на алтаре он оставил догорать, но света от них было немного. Джэнкс смерил меня оценивающим взглядом.

– Перейдем к делу, – негромко заговорил он. – Прошу вас, снимите плащ. Здесь вы среди своих. Кошелек прихватили, доктор Бруно?

Я откинул капюшон и твердо встретил его взгляд.

– А вы прихватили книгу, мастер Джэнкс?

Изуродованное лицо медленно раздвинулось в улыбке.

– Книгу? Сначала скажите, какую цену вы готовы уплатить за нее?

– Сначала нужно взглянуть, – в тон ему отвечал я. – А сколько вы просите?

– Сложный вопрос, Бруно. Цена предмета – любого предмета – полностью зависит от того, насколько он необходим покупателю. К примеру, эта книга. Я знал только одного человека, который хотел иметь эту книгу так же сильно, как вы, и он готов был заплатить за нее много, очень много. Возможно, больше, чем у вас имеется. – Он покосился на мой кошелек, и алчный блеск вспыхнул в его глазах.

– Кто это? Вы ее не продали?

Тут дверь распахнулась, и я невольно вздрогнул. Но это был тот же доктор Бернард, уже не в облачении, но в обычном плаще поверх своей университетской мантии. Руки он почему-то держал за спиной.

– А я как раз повествую доктору Бруно о том клиенте, который хотел приобрести греческий манускрипт из собрания декана флеминга, который вы спасли во время чистки шестьдесят девятого года, – сообщил Джэнкс Бернарду, и тот задумчиво кивнул в ответ.

– Я нашел эту книгу в старом сундуке, – пояснил он. – Я тогда только заступил на должность библиотекаря, а мой предшественник то ли не мог прочесть рукопись, то ли не знал ей цену. Но я-то узнал ее и понял, что она очень ценна. И очень опасна – в зависимости от того, в чьи руки попадет.

– Так вы ее украли? – поторопил я рассказчика.

Бернард нахмурился.

– Ничего подобного. Да я и не смог бы: каждый год проводилась полная опись всего собрания, любая пропажа тут же была бы замечена. Но Господь помогает тем, кто стоит за веру: в шестьдесят девятом году началась, как вам известно, чистка университетских библиотек, и, пока наши гости в своем рвении истребляли все, чтоказалось им опасным, нетрудно было вынести из колледжа кое-какие, скажем так, нежелательные рукописи. Я сказал Роуланду, что у меня есть пропавшая рукопись Гермеса Трисмегиста, которую Фичино отказался переводить, убоявшись ответственности перед христианским миром. Должно быть, Джэнкс не вполне поверил моим словам, пока я не принес ему манускрипт.

Джэнкс махнул рукой, отметая это обвинение.

– Как только я заглянул в книгу, так сразу убедился в ее подлинности, –

Джордано Бруно Ересь filosoff.org

сказал он. – Козимо Медичи заплатил целое состояние за то, чтобы ему нашли ее в Византии, но прочесть так и не смог. А я знал, что есть один человек, который заплатит мне любую сумму, лишь бы заполучить этот манускрипт в свою коллекцию.

- Думаю, вы знаете, о ком идет речь, – лукаво намекнул Бернард. – Он был наставником вашего друга Филипа Сидни. Колдун Джон Ди, астролог еретики Елизаветы.
- Значит, – я в растерянности переводил взгляд с одного собеседника на другого, чувствуя, как угасает надежда, – значит, книга у Джона Ди? Вы ей ее продали?
- И да и нет, – отвечал Дженкс. – Я согласился уступить ему книгу за большие деньги, мы обменялись письмами, и Ди лично приехал в Оксфорд, чтобы совершить сделку. Но тут вмешался случай – то ли Провидение, то ли иная сила.
- О чём вы говорите? – нетерпеливо спросил я, утомившись этой игрой в кошки-мышки.
- Краем глаза я видел Хамфри Причарда. Слабоумный прислонился к стене и вычищал из зубов частички просфоры. Почему он все еще торчит здесь? – с некоторым беспокойством подумал я. Зачем следит за нами с каким-то ленивым любопытством, и ни Дженкс, ни Бернард не гонят его прочь?
- На обратном пути в Лондон Ди подвергся нападению разбойников. Он ушел от них живым, но лишился всей поклажи, в том числе и рукописи. – Дженкс сообщил это с виду вполне равнодушно, но я заметил, что он щелкнул пальцами.
- Повинуясь этому сигналу, Хамфри отлепился от стены и двинулся к нам.
- Это было ваших рук дело? – уточнил я, поворачиваясь так, чтобы не упускать Хамфри из виду. – Вы снова заполучили книгу?
- Я? – удивился Дженкс. – Вы считаете меня разбойником и мошенником, Бруно? Уверяю вас, в делах я безукоризненно честен, да и не такой я дурак, чтобы связываться с королевскими фаворитами и их друзьями. – Произнося эти слова, он смерил меня каким-то странным взглядом, а затем перемигнулся с Бернардом. – Нет, просто у доктора Ди, очевидно, имелся конкурент: кто-то еще во что-то ни стало хотел завладеть текстом.
- В таком случае где теперь книга? – выпалил я прямо в лицо книготорговцу.
– Если у вас ее нет, почему вы требовали, чтобы я принес с собой кошелек?
- Я еще не договорил, как уже получил ответ на свой вопрос. Я развернулся навстречу Хамфри, но опоздал: парень схватил обе моих руки и завел их за спину прежде, чем я успел увернуться. В ту же секунду Дженкс по-кошачьи прыгнул вперед и выдернулся из-за моего пояса нож с серебряной рукояткой. Прижав острие к горлу, он обыскал меня, пошарил под камзолом и нашупал кошелек Уолсингема. Вытащил его, подкинул и поймал свободной рукой, словно прикидывая вес. Бернард спокойно стоял и смотрел, лицо его было равнодушно, руки он по-прежнему держал за спиной.
- Только крикни, и распотрошу тебя, как свинью, – прошипел Дженкс, и острие ножа сильно вдавилось в горло.
- Так все это ложь? – с горечью спросил я, тщетно пытаясь вырваться из медвежьих объятий Хамфри. – Все эти сказки о найденной рукописи?
- Нет, Бруно. – Книготорговец, похоже, даже обиделся. – История правдива во всех деталях. Книгу украл у Ди кто-то, кто знал о ней, однако я не имею к этому никакого отношения. Да и сам Ди так ничего и не выяснил. Меня это больше не касается, я рукопись продал. Нет, доктор Бруно, я вам не лгал. Это вы лгали мне.
- О чём вы говорите? – заверещал я, чувствуя, что нож вот-вот вонзится мне в горло. – В чём я вам солгал?
- Откуда у вас эти деньги? – прошипел он, потрясая кошельком. Все следы

Джордано Бруно Ересь filosoff.org

вкрадчивой вежливости исчезли с его лица. – Откуда у изгнанника, бродяги, взялся до отказа набитый кошелек, я вас спрашиваю? Кто вам платит?

– Французский король Генрих платит мне содержание, – выплюнул я в него и вновь попытался освободить руки, но Хамфри сжал их крепче, и я понял: еще одно усилие – и вывих плеча гарантирован. Я перестал вырываться, обмяк, но по-прежнему смотрел Джэнксу прямо в глаза. – Всем известно, что он мне покровительствует.

– Вы путешествуете вместе с сэром Филипом Сидни, который состоит под покровительством собственного дядюшки, Роберта Дадли, он же граф Лестер и любовник этой шлюхи Елизаветы. Дадли спит и видит, как бы очистить Оксфорд от тех, кто остался верен папе, и он нанял вас искать католиков, словно свинью трюфеля. Я прав? – Он шагнул ко мне, отводя локоть, так что мне пришлось до отказа запрокинуть голову, иначе нож вонзился бы мне в горло.

– Про интересы графа я ничего не знаю, я никогда не встречался с ним! – прохрипел я, чувствуя, как напряглись и начали болеть мышцы шеи.

– Ловко притворяешься, Бруно, впрочем, от вас я ничего другого и не ждал. Редким талантом нужно обладать, чтобы семь лет скрываться от инквизиции. Но меня вы не проведете. Вы вероотступник, еретик, вы пытаетесь отомстить Католической церкви, а заодно и нажиться, предавая тех, кто сохранил веру – веру, которую вы отвергли!

– У вас нет никаких оснований так думать, – запротестовал я. Пылающие глаза фанатика нагнали-таки на меня страха. – Какие у вас улики против меня?

– Улики? – Он коротко хохотнул и отступил на шаг, чуть ослабив нажим на мое многострадальное горло. – Какие еще нужны улики, помимо вашей близости с Сидни и денег, которые вам дали для подкупа осведомителей? Ну, объясните мне, с какой стати вас так заинтересовали убийства в Линкольне. По чьему поручению вы столь усердно занялись поисками убийцы?

– Каких еще осведомителей? – В пылу разговора я подался вперед, но резкая боль в плече – Хамфри чуть не вывернул мне руку – меня остановила. – Меня не убедила версия, будто доктора Мерсера случайно загрыз бродячий пес, и я подумал, что другие люди также подвергаются опасности, поскольку убийца на свободе. И оказался прав, – подчеркнул я.

– Трогательная забота о ближних, – прошипел Джэнкс, почти не разжимая губ.
– Тогда ответьте на другой вопрос: зачем вы пригласили Томаса Аллена в таверну?

Видимо, на моем лице выразились изумление и растерянность – допрашивающий удовлетворенно усмехнулся и склонил голову набок.

– Вы замечали, Бруно, как потеря одного чувства компенсируется другими? У слепого развивается собачий слух, а вот я, лишившись ушей, приобрел множество глаз, от которых не скроешься. – Он сухо рассмеялся; похоже, не раз уже эта шуточка его веселила. Не дождавшись от меня апплодисментов, Джэнкс снова подался вперед и вдавил нож мне в горло. – О чем вы расспрашивали Аллена? Что он вам рассказал?

– Ничего интересного, – буркнул я, по возможности пытаясь отстраниться от впившегося в горло острия. – Болтал о своей учебе, о том, что девушки его не любят. Обычная мальчишеская болтовня.

– Довольно лгать, Бруно, – сквозь стиснутые зубы прошипел Джэнкс; голос его был холоден и спокоен – голос убийцы. – Вы искали в Оксфорде соглядатая, чтобы погубить всех нас! – Он сделал неуловимое движение рукой, боль пронзила шею; негодяй поднес узкое лезвие к моим глазам, чтобы я мог убедиться: оно окрасилось кровью. – Вон как вы дрожите от вида собственной крови, – усмехнулся он. – А ведь это всего лишь царапина, вам случалось сильнее резаться во время бритья. Маленькая ранка, а так и хлещет. То-то кровища будет на полу, когда я перережу вам горло.

Я закрыл глаза. Мысли в голове метались, но спасения не было.

– Если Том Аллен хотел вас погубить, почему же он сам не донес?

– Ага, – сказал Дженкс, внимательно присматриваясь ко мне. – Так вы еще далеко не все знаете, Бруно. Не так-то это просто. Сам он этого сделать не мог. Но и того, что он сказал вам, довольно. Я не могу отпустить вас, вы слишком много знаете.

– Если уж вы решили меня убить, – я старался говорить как можно тверже, – так хотя бы объясните сначала, почему вы так жестоко расправились с католиками в Линкольне. Удовлетворите мое любопытство.

Дженкс нахмурился и обернулся к Бернарду, как будто ища его одобрения.

– Вот уж нелепое предсмертное желание, Бруно! Но удовлетворить я его не смогу: не я убил Мерсера, Ковердейла и того мальчишку, и не знаю, кто это сделал. Мне не меньше вашего хотелось бы найти ответ.

– Так зачем же вы мешаете другим искать ответ? Ведь они ходили сюда, к вам на мессу, Ковердейл и Мерсер, они были вашими собратьями. И вам наплевать, что их жестоко убили и что другие в опасности? – Я переводил взгляд с одного палача на другого, чувствуя, как боль заливает горло.

– Их смерть породила слишком много вопросов, – ответил Бернард тем же торжественным тоном, каким читал молитвы. – Члены колледжа проявили бы мудрость и не стали доискиваться до истины, но вы – чужак, вы принялись рыться в том, что вас не касается, а это неминуемо привело бы к нашему разоблачению. Сожалею, но ваше любопытство погубило вас.

В голосе его действительно звучало вполне искреннее сожаление. Комната плыла у меня перед глазами, сердце, казалось, останавливалось, руки и ноги были как чужие. Только теперь я в полной мере осознал, что меня сейчас убьют и ни находчивость, ни красноречие не спасет меня. Это вызвало болезненную спазму в желудке, и мне пришлось напрячься изо всех сил – не хватало еще осрамиться.

– Постойте, – забормотал я, с трудом переводя дух. – Постойте. Ведь убийца – и ваш враг, он убивает ваших собратьев и пытается навлечь на вас подозрение! Он кровью Ковердейла нарисовал колесо Катерины на стене – да это же все равно что пальцем указать на вас! Вам же будет лучше, если я помогу поймать его!

Когда я упомянул о нарисованном на стене символе, заговорщики обменялись быстрыми взглядами. Лицо Бернарда омрачилось, а Дженкс впервые за время разговора показался напуганным.

– Повтори, – прошипел он, снова вонзая лезвие мне в горло. Я прикусил губу, чтобы не закричать в голос. Бернард подошел ближе, слегка покачал головой, и Дженкс чуть-чуть отодвинул нож.

– На стене, ты сказал? Кто видел это?

– Я, ректор Андерхилл и казначей Слейхерст, – шепотом отвечал я. – Ректор сам его смыл еще до прихода коронера.

– Хорошо, – кивнул Бернард, скорее в тант своим мыслям, нежели одобряя мои слова. – В таком случае, Роуленд, покончим с этим поскорее. Пора уходить, пока не рассвело.

– Погодите! – Я едва сдержал крик. – Я же могу помочь вам найти убийцу, только дайте мне вернуться в колледж и продолжить поиски. Ведь мы с вами в этом деле единомышленники!

Дженкс хищно усмехнулся.

– Нет, Бруно, мы враги, – возразил он. – Вы действительно не понимаете? Вы выслеживали убийцу, а он использовал вас против нас, намеренно привел вас к нам. Он постарался, чтобы вы связали эти смерти с католическим заговором, втерлись к нам, а потом предоставили бы сведения Сидни и вашим лондонским покровителям. Потом вы еще и гордились бы этим.

– Сдается мне, вы уже знаете, кто этот человек, – заметил я, надеясь продлить разговор: чем дольше палач общается с жертвой, тем труднее ему привести в исполнение приговор. Кажется, и Дженкс это сообразил, или же

разговор ему наскучил. Он коротко кивнул Бернарду, и тот вытащил, наконец, руки из-за спины: в руках у него была тонкая веревка.

– Вы слишком много видели и слышали, Бруно, – равнодушно продолжал Джэнкс, не отводя нож от моего горла; Бернард тем временем зашел за спину и принялся основательно стягивать мне руки веревкой. – Но прежде чем отправить вас на свидание с чертом, мне нужно выяснить, что же вам все-таки сообщил Томас Аллен и кому вы успели пересказать его слова. Можете рассказать добровольно, можете не добровольно. Как предпочитаете?

– Почему бы вам самим не спросить Томаса?

– Потому что его в настоящее время здесь нет. Но беспокоиться не о чем, Томас Аллен, как и вы, завтрашнего утра не увидит.

– Вы и его убьете? – задохнулся я.

– Не я, Бруно. – Джэнкс с загадочной улыбкой покачал головой. – Не я. Я бы Томаса Аллена и пальцем не тронул, хотя бы из уважения к его отцу, который сохранил верность вере под пытками. Но Томасу не следовало болтать с вами. Кое-кто может оказаться не столь милосердным, как мы.

– Я приехал сюда с королевским кортежем! – В отчаянии я цеплялся за соломинку. – Убьете меня – выйдет громкое дело, вы сами наведете власти на свой след.

Джэнкс снова покачал головой:

– Прямо-таки обидно, Бруно, до чего вы недооцениваете меня. Это даже оскорбительно. Разве человек из королевского кортежа не может ночью отправиться в бордель? Да и чего еще ждать от иностранца, паписта. Города он не знает, вот и пал жертвой каких-нибудь грабителей – ничего удивительного. К тому же он таскал при себе туже набитый кошелек. Разумеется, все это очень неприятно, однако те, кто состоят в королевском кортеже, не захотят пачкаться в этой грязи, Бруно. Что скажете, Уильям? – обратился он к Бернарду, который все еще обматывал мои руки веревкой. – Бросим его возле борделя с мальчиками. Или это уж слишком?

Бернард промолчал, а Джэнкс, пожав плечами, продолжал:

– Я вернусь до рассвета, как только все подготовлю. Оставляю вас на попечение Хамфри. Поразмыслите пока, что вы должны мне пересказать из вашей беседы с Томасом Алленом.

– Так вы убиваете меня ради спасения своей шкуры? – спросил я.

Хамфри с неожиданной для такого гиганта бережностью подхватил меня и уложил на пол; Бернард принялся другой веревкой обматывать мне ноги. Джэнкс пристально и суровоглянул на меня.

– Ради спасения веры, Бруно, – ответил он наконец. – Все, что я делаю, я делаю ради нашей гонимой веры, а потому это не будет грехом пред Господом.

– А как насчет шестой заповеди?

– Я предпочитаю первую: «да не будет у тебя других богов перед лицем Моим». – Прищурившись, он наклонился ко мне так близко, что можно было пересчитать все поры на его физиономии. – Эта страна – моя страна, Бруно, ибо я родился англичанином и пребуду им до могилы. Моя страна нарушила первую заповедь. Еретическая блудница, выродок этой шлюхи Болейн, возомнила себя равной святому отцу и подвергла величайшей опасности души своих подданных. Мы боремся с ересью, Бруно. Это священная война, а не убийство. И мы не варвары: прежде чем вы умрете, отец Бернард исповедует вас, если вы готовы примириться со Святой Матерью Церковью.

– Уж вам-то я точно исповедоваться не стану, – стиснув зубы, отвечал я.

Джэнкса это не смущило.

– Это дело вашей совести и ваших отношений с Богом. – Он размотал длинный грязный шарф, затем крепко сдавил двумя пальцами мне нос. Я вынужден был

вздохнуть, и тогда он деловито запихал шарф мне в рот. Огромный ком распер мне челюсти, я стал задыхаться. На миг мне почудилось, будто он решил таким образом меня удавить. Но Джэнкс выпустил мой нос и посмотрел на меня с отвращением.

– Нужно обыскать его комнату в колледже, – посоветовал он Бернарду, и тот кивнул в ответ.

Книготорговец порылся в моей куртке, нашупал за поясом ключ, сорвал его и перебросил Бернарду. Я подумал, что копия шифра из ежедневника Мерсера спрятана у меня под рубашкой, и в комнате не найдется ничего, что связывало бы меня с Уолсингемом. Впрочем, это было слабое утешение.

Но каков я глупец – ни словом не обмолвиться Сидни о своих планах! Один лишь Коббет знает, что я отлучился на ночь. Никто ничего не узнает до завтрашнего утра, когда мое остывшее тело найдут на задах какого-нибудь борделя. Я задрожал, и боль в челюсти усилилась: мне трудно было даже сглатывать слюну, шарф меня душил.

Джэнкс смерил меня оценивающим взглядом, пощупал веревки – достаточно ли туга затянуты – и кивнул Бернарду.

– Я оставлю вас ненадолго, Бруно. Хорошенько подумайте о том, что вы должны мне рассказать. Моя рожа покажется вам ангельским лицом по сравнению с тем, во что я вас превращу, если признание придется у вас вырывать. Не вынуждайте меня к этому.

Бернард тоже посмотрел на меня. Морщинистое лицо его было решительно, хотя, мне показалось, его омрачало искреннее сожаление. Он медленно накинул на голову капюшон и вышел из комнаты, оставив меня наедине с Хамфри Причардом.

Глава 17

В комнате царило молчание. Снизу донесся стук хлопнувшей двери. Свечи на алтаре почти догорели и мерцали, отчего тень Хамфри на стене казалась причудливо огромной. Он не стал зажигать новые свечи, порученное дело явно смущало парня. Он тяжело опустился на корточки под окном, привалился спиной к стене. Сидел в этой неудобной позе и таращился на меня, озабоченно и виновато. Я слышал только звук собственного дыхания – частое неровное посистывание носом. У Хамфри за поясом торчал нож, и он то и дело касался пальцами рукояти. Мне было очевидно, что юноша, несмотря на свой громадный рост, добр и кроток и навязанная ему роль отнюдь его не радует. Хватит ли ему решимости пустить нож в ход, если я попытаюсь удратить, подумал я, но решил, что страх перед Джэнксом возьмет верх над природной добротой.

Ветер с грохотом ударил в оконные рамы, и Хамфри подскочил, испуганно вертя головой, потом рассмеялся над собой. Я пытался поймать его взгляд, надеясь пробудить природное мягкое сердце этого увальня, пока не вернулся Джэнкс. Но надежды на него у меня почти не было: слишком хорошо он знал, как Джэнкс расправляется с теми, кто ставит под удар дело.

От неестественной позы разболелись руки и плечи; я пытался вращать запястьями, но ничего не получалось, веревки впивались только сильнее. Чтобы отвлечься, я стал мысленно вспоминать лица людей, замеченных на мессе. Среди них был Ричард Годвин, он раздавал книги, которые Джэнкс ввозил контрабандой. Был там слуга ректора Андерхилла Адам. Оба они служили в колледже, и у обоих хватало причин, чтобы заставить навеки замолчать тех, от кого исходила угроза разоблачения. В особенности Адам – об этом я уже думал, – который имел доступ к ключам ректора. С другой стороны, зачем этим тайным католикам привлекать внимание к своим сборищам в «Колесе Катерины»? Что-то тут не сходилось.

Я прикрыл глаза, прислонился головой к стене. Что толку в этих размышлениях, думать надо о том, как отсюда выбраться. Если мне перережут глотку и бросят умирать в каком-нибудь закоулке, от всех моих открытых никому пользы не будет. Невольная дрожь пробрала меня – слишком явно представился весь ужас положения. Не впервые моя жизнь подвергалась опасности, но такой беспомощности перед лицом неотвратимой смерти я еще не испытывал.

Я вытянул шею, пытаясь хотя бы ослабить боль в напряженных челюстях, но от

этого движения разошлась рана на горле и начала сильно кровоточить; я всхлипнул от боли и невольно втянул глубже забитый мне в глотку шарф. Конец его попал в дыхательное горло, и я стал задыхаться, только головой мотал, испуская еле слышные стоны. Лишь когда я с грохотом рухнул и начал извиваться на полу, Хамфри сообразил, что что-то случилось, подскочил ко мне и принялся выдирать кляп у меня изо рта. Он извлек наконец проклятый шарф, а я остался валяться на полу, жадно втягивая в себя воздух. Из глаз потоком лились слезы.

– Я не буду вам кляп обратно засовывать, доктор Бруно, только не зовите на помощь, а то мне придется вас ударить, – почти извиняющимся тоном прошептал Хамфри, озабоченно оглядывая меня.

– Он на самом деле собирается меня убить? – прохрипел я, когда голос отчасти вернулся ко мне.

Хамфри растерялся, крупное добре лицо его сморщилось – долг и сострадание раздирали эту истинно христианскую душу.

– Он говорит, вы предадите нас графу Лестеру, – прошептал он, и глаза его расширились в испуге. – Нас отвезут в Тауэр и вздернут на дыбу, всех, даже женщин. И вдову Кенни тоже. А я не позволю мучить вдову Кенни, – угрожающе добавил он.

– Ты любишь ее? – мягко спросил я паренька.

Хамфри изо всех сил закивал головой.

– Она взяла меня в дом, когда я пришел в Оксфорд, – заговорил он, по обыкновению, нараспев. – Шесть лет тому назад это было. Теперь у меня есть дом, хорошая работа и все равно что семья.

– И она тебя любит, Хамфри, в этом я уверен. Твои родные тоже были католиками? – сквозь мучительный кашель спросил я.

Он снова изо всех сил покачал головой – каждый его жест был по-детски чересчур энергичен для выразительности.

– Вдова Кенни и мастер Джэнкс научили меня настоящей вере. Теперь я знаю, что мы должны защищать ее от еретиков.

– Ты сказал, «женщин будут мучить», – припомнил я. – Сколько женщин ходит на ваши собрания?

Хамфри замялся с ответом.

– Полноте, Хамфри, через несколько часов я буду мертв. Что за беда, если ты поможешь мне скоротать время, поболтав со мной? – принялся я уговаривать его. – Это будет доброе дело, Хамфри!

Это подействовало: парень заерзал, придинулся ближе и напустил на себя заговорический вид.

– Есть женщины из города, только не леди, те в какой-то усадьбе собираются на мессу, со своими. Но и у нас есть одна... – При виде разлившегося по его лицу выражения нежности я понял, что моя догадка была верна.

– София?

Хамфри удивленно заморгал.

– Вы знаете Софию? – Я кивнул в ответ, он так и просиял. – Она теперь редко приходит, но я ее всегда узнаю, даже под капюшоном. Она ходит как... как деревце качается на ветру, понимаете, о чем я? Как ива у реки.

– Да, знаю. Вот еще что скажи: у Софии есть среди вас друзья? Те, к кому она могла бы обратиться, если бы попала в беду?

– Да какая ж у нее может стрястись беда, сэр? – удивился Хамфри.

Милый, наивный мальчик, он все еще именовал меня «сэром», хотя я был связан

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
по рукам и ногам, а его приставили сторожить меня. Не дождавшись от меня
ответа, он слегка нахмурился и покачал головой.

– Нет, про ее друзей я ничего не знаю. Разве что отец Джером. Отца Джерома
все любят. Он ее и привел к нам.

– Отец Джером? – насторожился я и попытался сесть поудобнее. – Я думал, ваш
священник – отец Уильям.

– Нет-нет. – Тайны так и распирали Хамфри, и он охотно выбалтывал все, что
знал, раз уж нашелся заинтересованный слушатель. – Отец Уильям и мессу-то
почти никогда не служит с тех пор, как приехал отец Джером. Он служит,
только если отцу Джерому приходится отлучиться из города. Он часто ездит в
Хэзли-Корт, отец Джером, это в Грейт-Хэзли на лондонской дороге, там
знатные семейства собираются на мессу. Наверное, и сегодня туда поехал.

Я старался сохранить равнодушное выражение и такой же тон, чтобы не выдать
своих мыслей.

– Отец Джером – университетский человек?

Опять по-детски энергичные кивки головой: «да».

– Он из французского колледжа приехал, – сказал Хамфри – и сам напугался
своей словоохотливости. – Ой, только это страшная тайна, зачем же я вам
сказал? Не говорите мастеру Дженксу, что я вам проговорился, обещаете?

– Обещаю, я ничего ему не скажу. А какой он из себя, отец Джером?

Лицо Хамфри приняло мечтательное выражение.

– В точности как Господь наш Иисус Христос, если б вам случилось
повстречать его. Видишь его и чувствуешь – не могу сказать словами – вроде
как ты для него самый главный человек на земле, понимаете? Хотя я в мессе
мало что смыслю, по книжкам-то я не учился, но мне нравится, когда он
служит. Гораздо больше нравится, чем когда служит отец Уильям. У отца
Джерома каждое слово точно музыка. – Он даже вздохнул от счастья.

– Отец Джером молодой? – Я наклонился вперед и сменил позу, опустившись на
колени, чтобы ноги не затекали. Хамфри вздрогнул и насторожился, однако,
убедившись, что я ничего не замышляю, снова откинулся к стене.

– Отец Джером прекрасен, как ангел Божий! – восхищенно заявил он. – Я видел
такого на картинке, – наивно добавил.

– Прекрасен, как ангел, – повторил я задумчиво, стараясь больше не
двигаться.

Я обнаружил, что путы у меня на ногах были не так туго затянуты, как те,
что стягивали мне руки. Присев на пятки, я осторожно просунул палец в узел;
если Хамфри и дальше будет так болтать, он, глядишь, ничего и не заметит.

– Расскажи еще про Хэзли-Корт, – стараясь не выдать заинтересованности,
попросил я. – должно быть, роскошное место?

– Я там никогда не бывал, но, верно, красиво. Владелец усадьбы, сэр Фрэнсис
Толлинг, сидит теперь в Лондоне, в тюрьме Брайдвелл, за то, что слушал
мессу, а его жена принимает у себя тех, кто нуждается в убежище. Больше я
ничего не знаю.

– Укрывает священников-миссионеров?

– Всех, кто трудится в винограднике Господнем в Англии, – явно повторил он
чью-то слова и прибавил уже от себя: – И кому надо спрятаться понадежнее.
Среди наших есть мастер Николас Оуэн, плотник, – он был на мессе, только вы
бы все равно его под капюшоном не узнали. Говорят, он работает в больших
домах и усадьбах, принадлежащих нашим, строит там потайные комнаты. –
Хамфри еще ближе придвинулся ко мне и, огляделвшись по сторонам, шепотом
доверил мне главную тайну: – Он делает тайники на чердаках, на лестницах,
даже внутри стен и дымоходов, чтобы виноградари Божии могли укрыться от
ищек. Хитро придумано, а? – Мальчишка потер руки и засмеялся от

удовольствия. – Только этого мне тоже не следовало рассказывать вам, сэр, вы уж не говорите Дженксу. Сэр, вам очень больно?

– Нет-нет, ничего. Немного заболело плечо, не беда. – Я сообразил, что, силясь единственным свободным пальцем развязать узел, я и зубы скжал, и лицо скривил, как от сильной боли.

Узел должен был вот-вот поддаться, лишь бы Хамфри ничего не заподозрил. Но он только сочувственно закивал, услышав мою жалобу, и кинул быстрый взгляд на дверь.

– Давайте ослаблю немного веревки, сэр, – предложил он, все так же оглядываясь, как будто Дженкс мог ворваться в любую минуту и застать его врасплох. – Совсем развязывать не стану, только чтоб больно не было. Вы же все равно от меня никуда не денетесь, вон вы какой мелкий, а я здоровенный, да и нож у меня при себе. – Он рассмеялся: конечно же смешно и думать, чтобы я мог одолеть такого здоровяка.

А я как раз ломал голову над тем, что делать, если удастся освободить ноги – со связанными руками от ног было мало проку. Мне не справиться с Хамфри, будь он даже помельче и без ножа.

Пока он раздумывал, стоит ли ослабить мои путы, я продолжал, как мог, возиться с узлом. Но тут в коридоре послышался звук – скрип половиц под ногами, – и оба мы замерли. Я не ожидал, что Дженкс вернется так скоро, и еще не продумал план спасения. Я набрал в грудь побольше воздуху и попытался унять отчаянно бившееся сердце. Вот ведь как, подумал я: в Италии, в Сан-Доменико Маджоре, мне вынесли бы смертный приговор за мою неуемную страсть к книгам, а теперь, после стольких лет скитаний, изгнания, я вновь смотрю в лицо смерти – и опять только потому, что с детским азартом погнался за книгой. Что ж, решил я, буду бороться до конца, а если суждено умереть, по крайней мере не умру трусом под насмешливым взглядом Роуленда Дженкса.

Хамфри наконец очнулся и поспешил запихал мне обратно в рот шарф Дженкса – спасибо хоть не так глубоко, – и в этот момент я почувствовал, как поддается конец веревки и слегка ослабевают путы на лодыжках. Шаги остановились у двери, послышался легкий стук и неуверенный женский голос:

– Хамфри? Ты здесь?

Хамфри облегченно вздохнул и побежал отворять дверь; на пороге стояла вдова Кенни в ночной рубашке и шерстяном платке на плечах. Приподняв свечу, она окинула взглядом сперва своего помощника, потом меня, связанного и валявшегося в углу, как баран, заготовленный на убой. Она тоже вздохнула, но отнюдь не от облегчения.

– Дженкс! – произнесла она, косясь на меня: я был в ее глазах дохлой мышью, которую озорной котяра Дженкс подкинул в ее чистенький домик. – Что он поручил тебе на этот раз, Хамфри?

Юноша повесил голову, и вдова Кенни жестом поманила его к себе.

– Поди-ка сюда. – Вдова окинула меня взглядом, как бы прикидывая, насколько опасно оставлять меня без присмотра, и, видимо, пришла к заключению, что я безобиден. – Я говорила ему, что в моей таверне кровь проливать не позволю, – зашипела она, вытолкнув Хамфри в коридор и даже не прикрыв дверь. – И тебе это известно, Хамфри Причард, отлично известно! – дверь захлопнулась, и я не расслышал, что бормотал в свое оправдание злосчастный Хамфри.

Надо было действовать как можно быстрее. Теперь, когда не нужно было скрывать свои действия от Хамфри, я потянул за освободившийся конец веревки, опутывавшей мои лодыжки, и, почувствовав, что веревка распустилась, стряхнул ее. С трудом поднялся и захромал к маленькому алтарю, на котором додорали свечи. Повернувшись спиной к алтарю, я постарался на ощупь сунуть в огонь свечи веревку, которой были стянуты мои запястья, – авось прожжет ее, – но веревка была чересчур плотная, а огонек совсем уж крохотный. И хотя я почувствовал наконец запах паленого, но не рассчитывал, что успею до возвращения Хамфри.

За дверью все ожесточеннее спорили, голоса становились все громче.

Поскольку продевал я все, стоя спиной к огню, то опалял то и дело свои же руки – пожалуй, было даже хорошо, что во рту у меня торчал кляп: он заглушал мои невольные вскрики. Больше всего я боялся уронить свечку и поджечь на себе одежду: уйти от костра инквизиции, чтобы сжечь себя самому, – это было бы слишком обидно.

Так, иронизируя по возможности над трагичностью своего положения, я вертел узел над огнем, стараясь поменьше поджаривать руки. И вдруг веревка затрещала, правую руку опалило жаром – это узел загорелся. Но я терпел, благо кляп подавлял рвущийся крик, пока огонь пожирал рукав, веревку, а заодно и мою руку; терпел, пока узел не прогорел. Наконец-то я был свободен. Горящие ошметки упали на пол, я их затоптал, нежно прижимая к груди пострадавшую руку (ох, как же мерзко пахнет горелое мясо!).

Голоса за дверью внезапно смолкли, и я понял, что нужно воспользоваться единственной возможностью ускользнуть. Забыв о боли в руке, я схватил с алтаря тяжелый серебряный подсвечник, задул колеблющееся пламя и высоко занес над головой это импровизированное оружие как раз в тот момент, когда Хамфри открыл дверь и застыл на пороге, разинув от неожиданности рот.

Этого мгновения мне было достаточно. Прежде чем Хамфри опомнился, я врезал ему подсвечником по голове. Посышался хруст, и Хамфри опрокинулся навзничь. Хлынувшая кровь сразу залила ему лицо. Огромное тело распростерлось на полу, и великан потерял сознание. Вдова подняла руки и отчаянно затрясла головой; ее губы шевелились, но она была не в силах ни позвать на помощь, ни взмолиться о пощаде. Я вновь замахнулся подсвечником – этого хватило, чтобы загнать ее в угол. Затем я выхватил из-за пояса у Хамфри его нож, швырнул подсвечник к ногам перепуганной женщины и, бросив на нее предостерегающий взгляд, выскочил в коридор. Пока я летел вниз по шатким ступенькам, потом пересекал двор таверны, я не на шутку опасался в любой момент наткнуться на Джэнкса, а потому держал нож наготове. Но и не забывал оглядываться: Хамфри, с его богатырским сложением, вполне мог прийти в себя и погнаться за мной. Однако теперь уже счастье было на моей стороне. Я выскочил за ворота таверны, так никого и не встретив.

До рассвета было еще далеко, лишь слабый лунный свет пробивался сквозь облака. Я на мгновение прислонился к стене какого-то дома, чтобы отдохнуться, и только тут вспомнил, что в горячке не вытащил изо рта душивший меня шарф. Теперь я вытащил его, и, держа зубами один конец, принял левой рукой кое-как заматывать обгоревшую правую. От боли я чуть не потерял сознание, колени подогнулись. Теперь, когда удавшийся побег и нежданное спасение уже не так кружили мне голову, я с ужасом вспомнил, что кошелек украден, а значит, нечем будет подкупить стражу у ворот. Хуже того, возможно, они подкуплены Джэнксом и схватят меня. В этом городе я уже не мог разобраться, где друг, где враг.

Квадратная башня церкви Святого Михаила у северных ворот, возвышавшаяся над городской стеной, служила мне ориентиром, пока я пробирался домой, прижимаясь к домам. Но потом мне пришлось выйти из тени и перебежать широкую улицу под городской стеной. Я помчался на другую сторону, отчаянно вертя головой, в уверенности, что тут-то Джэнкс на меня и выскочит. Но улица оставалась безлюдна и пуста. У ворот я помедлил, но другого способа попасть в город не было: на высокую отвесную стену не влезешь, у всех остальных ворот тоже бодрствует стража. Ждать до рассвета, когда ворота откроют прибывшим на рынок крестьянам? Но к тому времени Джэнкс запросто отыщет меня. А не попытаться ли уговорить стражников? Ведь они уже получили свою мзду. Левой, здоровой, рукой я заколотил в маленькую дверцу в высоких дубовых воротах. Ответа не было. Я постучал сильнее, закричал, и наконец какая-то физиономия возникла по ту сторону железной решетки. Заскрежетал засов, и дверь отворилась. Пробормотав благодарность и в последний раз огляделвшись по сторонам, я проскользнул в город и, как скрылся с глаз стражника, побежал кратчайшим путем по Сент-Милдред-Лейн, крепко сжимая рукоять ножа, отобранного у Хамфри Причарда. Вот уж не думал, что вид мрачноватой башни Линкольна так обрадует меня. Я тихонько постучал в узкое окошко, за которым, как я надеялся, меня ожидал привратник. Подождав, постучал еще раз, погромче.

– Коббет! – прошептал я. – Это я, Бруно! Откройте ворота!

В ответ – молчание. Ухватившись за подоконник, я подтянулся и заглянул внутрь: старый привратник дремал в кресле, упервшись подбородком в грудь и

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
разинув рот; ниточка слюны тянулась с нижней губы.

— Коббет! — позвал я еще громче, но стариk не шелохнулся.

Бормоча сквозь зубы проклятия, я отступил на шаг и оглядел стены колледжа: ни одно из окон не светилось. Что, если окликнуть Коббета громче? Торчать под стенами башни мне вовсе не улыбалось: именно здесь Джэнкс и будет меня искать.

Из-за туч выглянула луна, и тут мне пришла в голову мысль — лишь бы догадка оказалась правильной! Самое дальнее окно в западной стене, прикинул я, — это окно комнаты Норриса, и, хотя оно казалось плотно закрытым, мне удалось просунуть пальцы здоровой руки под раму. Я убедился, что задвижка не заперта. Поглядел в оба конца темной улицы: никого. Тогда я подтянулся и боком втиснулся в узкий оконный проем, содрогнувшись от боли, когда зацепил обожженную руку.

Я влез в окно и рухнул на большой деревянный ларь. На миг замер, прислушиваясь, не донесется ли из спальни вздох или какое-то движение. Однако все было тихо. Я немного ободрился. Слабый свет, проникавший в окно, позволял разглядеть очертания мебели. Пол был засыпан каким-то мусором. Я несколько раз споткнулся, налетая на шкафы и столы, покуда не разглядел огниво на изящном резном инкрустированном столике. Высек искру, зажег огарок на рабочем столе и огляделся.

Эта комната выглядела в точности как спальня Роджера Мерсера в то утро, когда он был убит: одежда выброшена на пол, книги и бумаги раскиданы во все стороны, вынуты все ящики из роскошного письменного стола, их содержимое рассыпано. Я присел в кресло у давно остывшего камина — подушки этого кресла тоже были выпотрошены. Попытался заставить себя дышать ровно и собраться с мыслями.

Плечи болели, болела обожженная рука, ныл порез на шее, однако теперь, когда смертельная опасность отступила, ко мне вернулась способность живо соображать. Я понимал, что опасность не исчезла. Джэнкс, учитывая, сколько мне теперь известно, просто не может оставить меня в покое. Надлежало как можно скорее передать все сведения Сидни. После разговора с Хамфри у меня возникла некая идея, пока еще не слишком отчетливая, но, похоже, объединяющая все убийства. Если она окажется правильной, то все встанет на свои места и найдутся необходимые доказательства.

Судя по словам Джэнкса, мне следовало спешить, в противном случае еще до рассвета Аллен тоже будет мертв. Но прежде всего необходимо было известить Сидни, чтобы он хотя бы на этот раз знал, куда я отправляюсь и для чего. Я очень рассчитывал, что он разыщет меня, если я не вернусь. Впрочем, я понимал, что для меня это, скорее всего, уже не будет иметь никакого значения.

Не теряя времени я принялся разбирать завалы на столе Норриса в поисках пера, соображая тем временем, как наиболее кратко и связно изложить все свои подозрения в письме к Сидни, прежде чем снова отправиться в путь.

Однако я нигде не мог найти чернил. В первом из ящиков я наткнулся на отличную писчую бумагу и красный воск для печатей. Свеча тем временем почти додорела, и, поспешно озираясь в поисках новой, я случайно взглянул на сундук под окном; его массивный замок был открыт и, судя по всему, взломан. Схватив свой огарок, я поднял тяжелую крышку, однако не обнаружил сверху ничего, кроме льняных рубашек. Тем не менее я принялся перебирать одежду, пока не добрался до дна и не прощупал все четыре угла. Пусто. Я снова выругался: наверняка здесь было что-то важное, но пропало. Я поднес свечу ближе и принялся выбрасывать содержимое сундука на пол, а когда все выбросил, сунул свечу внутрь и убедился, что там больше ничего нет.

— Merda! [36] — с этим восклицанием я готов был захлопнуть крышку, но тут заметил, что в днище сундука вырезан уголок — совсем крошечная дырочка, палец не просунешь. Я вытащил из-за пояса нож Хамфри Причарда, залез с головой в сундук и воткнул кончик ножа в щель. Доска подалась, послышался тихий щелчок, и днище приподнялось. В этом потайном отделении я нашупал связку бумаг, а затем наткнулся на что-то острое, уколол руку и поспешил ее отдернуть — вдруг это какая-то ловушка. Потом полез снова, уже осторожнее, и вытащил то, обо что укололся. Когда в тусклом мерцании свечи я разглядел

Джордано Бруно Ересь filosoff.org

этот предмет, я невольно присвистнул: это был бич с короткой рукояткой и множеством ремешков. Каждый ремешок был длиной примерно полтора метра и перевязан узлами. В узлах крепились короткие проволочные крючки; они были в засохшей крови, и на них виднелись обрывки кожи. Я содрогнулся. Как будто пелена спала с моих глаз: все встало на место. Все подозрения, до того неопределенные и туманные, оформились.

Я снова залез в тайник и вытащил пачку бумаг, которую выпустил, уколовшись о крючок. Это были старые, зачитанные письма, грязные, перевязанные выцветшей ленточкой. На верхней странице остался кровавый отпечаток большого пальца.

Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться – послания зашифрованы, это какая-то смесь символов и цифр. Однако мне сразу стало ясно: это те самые бумаги, которые убийца искал в комнате Роджера Мерсера и Джеймса Ковердейла. В одной пачке с письмами находился старинный пергамент, скрепленный печатью. Печать была цела; разглядеть герб в тусклом свете свечи я не мог, но не колеблясь сломал сургуч, развернул свиток и поднес его к догорающей свече. Огня едва хватило, чтобы разобрать изысканно-витиеватый почерк. Но после первых же слов у меня перехватило дыхание и пересохло в горле. «Пий, епископ, раб рабов Божих, обсудив вопрос о *Regnans in excelsis...*»[37]

Руки у меня затряслись, и я чуть было не выронил документ – самый опасный документ для англичанина. Я сразу узнал его: булла, изданная папой Пием V лет тридцать тому назад, провозглашавшая королеву Елизавету Английскую еретикой и отлучавшая ее от Католической церкви. Булла заканчивалась прямым приказом подданным королевы не признавать ее власть и не подчиняться ей. Иными словами, папа призывал к свержению королевы.

Некоторые горячие головы в католических семинариях Европы толковали эту буллу даже как санкцию на убийство королевы ради вящей славы Господней; переправить этот текст в Англию означало совершить измену, то есть преступление, которое влекло смерть на эшафоте.

Я медленно выдохнул – и замер: мне послышалось какое-то шарканье под окном. Снова в ловушке? Возможно, это тот, кто разгромил комнату в поисках документов, но не обнаружил потайного dna? Быть может, он следил за комнатой и заметил мой огонек? Я задержал дыхание, и вновь снаружи явственно послышалось какое-то движение, странные звуки, похожие на крик младенца. Я сел на пол, все еще дрожа, но уже смеясь над собственным страхом: это всего лишь пара лис подралась при лунном свете.

Но по крайней мере испуг помог мне опомниться. Времени терять было нельзя. Я завернул пачку писем в одну из рубашек, хранившихся в сундуке, там же отыскал дорожный плащ, которым прикрыл ноющие плечи (мой собственный плащ остался в «Колесе Катерины»), нашарил наконец среди всяческого мусора на столе Норриса перо и чернильницу и поспешно набросал записку Сидни.

Покончив с этим, я достал клочок бумаги с копией шифра из ежедневника Мерсера, вложил его в письмо к Сидни и, как мог, запечатал сургучом Норриса. Схватив эту пачку, я задул коптящую свечу, отодвинул задвижку двери, которая выходила на лестницу, и тут обнаружил, что дверь заперта на замок. Тот, кто обыскивал комнату в отсутствие Норриса и Аллена, видимо, отпер дверь своим ключом и запер ее за собой. Или же он, как и я, проник через окно. Чертыхнувшись в очередной раз, я открыл окно, выходящее во двор, влез на подоконник, но в последний момент зацепился плащом за шпингалет и рухнул на больную руку, едва сдержав крик.

Я замер, молясь, чтобы мое падение никого не потревожило. Цвет неба уже менялся с черного на темно-синий. Светлеет, подумал я, надо закончить свое дело и убраться из города до восхода. Пока еще было слишком темно, и стрелок на башенных часах разглядеть не удавалось. Квадратный двор словно одеялом окутывала тишина ночи. Никакого движения, лишь вдали залаяла, зарыдала лиса.

Я хотел было подняться и бежать, как вдруг вспыхнул свет фонаря. Свет быстро приближался ко мне с другой стороны двора, и я уже отчетливо различал фигуру в плаще с капюшоном. Фигура склонилась надо мной и посветила мне прямо в лицо.

— Так-так, доктор Бруно! Опять чем-то поживились? Интересная у вас привычка. Какие объяснения вы предложите на этот раз? Любопытно будет послушать. Прямо-таки не терпится.

Лица я не видел, но ядовитый тон Уолтера Слайхерста не узнать было невозможно.

Глава 18

Слайхерст грубо схватил меня за руку, но я отодвинулся от него, изогнувшись так, чтобы своим телом прикрыть бумаги.

— На этот раз вам придется все объяснить, Бруно, — злобно заговорил он, забыв свой обычный сарказм.

Я вырывался, но он явно вознамерился отобрать у меня документы. Замечательное совпадение: с чего это Слайхерст бодрствует и бродит по университету в такой час? Конечно же он следил за окнами Норриса.

— Что вы забрали из комнаты? Я должен проверить. Я требую, чтобы вы передали бумаги мне. — Голос его был требовательный, глаза тревожно блестели. Он уставился на пухлую пачку писем у меня в руках: очевидно, и он знал им цену.

— Требуйте себе на здоровье, — сказал я, отбиваясь от него свободной (то есть больной) рукой. — Бумаги я вам не отдам.

— Я старший член колледжа, — напомнил мне Слайхерст, с трудом пытаясь вернуть себе достоинство. — Вы обязаны подчиняться мне, пока вы на этой территории. Если вы забрали нечто ценное из комнаты студента, об этом следует поставить в известность ректора.

Голос Слайхерста становился все пронзительнее, казначей паниковал. Он в очередной раз попытался выхватить бумаги, а я в очередной раз не дал ему это сделать. Он решительно был настроен завладеть добычей, но я-то понимал, что бумаги нельзя отдавать ни ему, ни ректору — они оба уничтожат любые улики, бросающие тень на колледж. А то, что я обнаружил в комнате Норриса, вообще добьет ректора, если об этом станет известно.

Слайхерст с минуту присматривался ко мне, плотно сжимая губы, затем поставил фонарь на землю и ринулся на меня, действуя уже обеими руками. Он оказался неожиданно сильным, хотя казался заморышем, и чуть не сбил меня с ног, пытаясь выхватить бумаги. Но я, обеими руками сжимая свое сокровище, изо всех сил лягнул его и угодил ему ногой в живот. Слайхерст согнулся, и прежде, чем он собрался с силами, я врезал ему в челюсть правой забинтованной рукой — ох и больно же мне стало! Слайхерст начал было запрокидываться назад, но потом, наоборот, неожиданно пригнулся, бросился вперед, ухватил меня за ноги и повалил. Я основательно треснулся спиной о камни, но исхитрился сунуть сверток с бумагами под себя. Однако теперь все преимущества были на стороне Слайхерста — он оседлал меня, прижал к земле и так и вцепился в бумаги. Я испугался, что они порвутся, а его это вовсе не заботило, и он выдирал их у меня. Однако злость добавила мне сил.

— Отдайте, Бруно, вы влезли в дела, которых не понимаете, — шипел он сквозь зубы, обдавая меня запахом несвежего дыхания.

— Вы даже не знаете, что здесь у меня, — возразил я, крепче прижимая бумаги к груди.

— Все, что найдено в комнате студента, является собственностью колледжа до тех пор, пока это не востребует сам студент, — торжественно процитировал он устав, царапая мне ногтями руки.

— Да зачем они вам? — упирался я. — Сами-то не смогли найти, хотя разгромили комнату. Привыкли воровать ключи у привратника?

— Не в том дело, Бруно, а в том, откуда вы знали, что и где надо искать? И ответ напрашивается сам собой: вы — соучастник папистского заговора. Чего еще ждать от итальянца! Ректор — наивный глупец, но я-то вас сразу раскусил.

- Ничего вы не раскусили, – пыхтел я, пытаясь сбросить с себя тощего казначея. – Я не папист, и те, кому следует знать, это знают.
- Вы мне отадите бумаги. – Он почти лег на меня, ткнулся носом мне в нос.
- Отадите, или я весь коллеж на ноги подниму. Троє уже мертвы, и вас отправят в замковую тюрьму прежде, чем вы успеете сочинить очередную ложь.

Выходит, Слайхерст против папистов, размышлял я, в то время как он пытался придавить коленом мне грудь. Если так, почему он хочет уничтожить улики? Зачем ему эти бумаги? Но как бы то ни было, я твердо знал одно: бумаги должны попасть прямиком к Уолсингему. Значит, надо отдать их Сидни. Пачка уже почти выскользывала из моей раненой руки, но тут я, собрав остатки сил, откинул голову и нанес ею резкий удар ему в нос. Слайхерст громко взывал и обеими руками ухватился за нос. Этого было достаточно, чтобы сбросить его с себя и откатиться в сторону. Голова от удара заболела, перед глазами все расплывалось, но утешала мысль, что противнику досталось основательнее – когда он решился наконец отнять руку от носа, я увидел, что из него ручьем хлещет кровь. Но тут над нашими головами вспыхнул свет, и послышалось неторопливое шарканье.

- Что такое, во имя Господа?.. – начал было Коббет, поднимая повыше фонарь.
- Но тут он осекся: еще бы, два почтенных доктора валяются, точно пьяницы, с расквашенными мордами посреди университетского двора.

В одной руке привратник нес фонарь, в другой – увесистую дубинку.

- Доктор Бруно? Что это с вами? Ну и видок!
- Долго рассказывать, Коббет, – отвечал я, с трудом поднимаясь на ноги. – Мне нужна ваша помощь.
- Хватайте его, Коббет! – заорал Слайхерст; крик его отчасти заглушила прижатая к сломанному носу ладонь. – Хватайте, он украл чужое имущество! Как член коллежа я приказываю вам задержать вора!

Коббет смущенно переводил взгляд со Слайхерста на меня. Я схватил привратника за руку и оттащил в сторону, где Слайхерст не мог нас услышать.

- Коббет, поверьте, дело не терпит отлагательства. Я знаю, кто убийца и где он, и, если я не поспешу, еще многие погибнут в эту ночь. – Старик все еще колебался, и я шепнул ему в самое ухо: – София в опасности! Я должен ехать немедленно. Где мой конь? Мне говорили, в конюшне ректора?
- Коббет, заприте ворота! Нельзя допустить, чтобы этот человек ушел с бумагами!

Слайхерст впал в отчаяние, он вскочил на ноги и попытался снова броситься на меня. Но я, хотя голова еще кружилась, ринулся на него, ощерившись, как хищный зверь.

- Проваливай, – прорычал я, вытаскивая из-за пояса нож Причарда. – Проваливай, если не хочешь схлопотать еще.

Слайхерст отступил на шаг, бросил на меня последний яростный взгляд, а затем поднял голову и во всю мочь завопил: «Убийство!» С обеих сторон квадратного двора распахнулись окна, в них появились разбуженные люди.

- Я должен немедленно уехать, – шепнул я Коббету, по-прежнему грозя Слайхерсту ножом; казначей, потеряв надежду задержать меня лично, решил натравить на меня весь коллеж.

– Он пошлет за вами стражников, – пробормотал Коббет (Слайхерст тем временем вновь завопил: «Убийство!»). – Придется вам скакать что есть мочи, чтобы удрать из города. Ректорская конюшня тут рядом, на Чейни-Лейн. Пошли.

– Старый привратник подтолкнул меня в сторону главных ворот и сам припустил с такой скоростью, какой я не ожидал от него.

- Эти бумаги необходимо передать в коллеж Церкви Христовой, – шепнул я, когда мы подошли к воротам; Слайхерст следил за нами, не двигаясь с места: решил дождаться подкрепления. – Как туда побыстрее добраться?

Коббет покачал головой.

– Если вы отправитесь туда сами, вас тут же перехватят, – почти беззвучно взразил он. – давайте сюда бумаги, у меня сышется надежный посыльный.

Я глянул через плечо: Слайхерст переговаривался с кем-то, кто выглядывал из высокого окна первого этажа. Коббет встал так, чтобы загородить меня от казначея, и жестом предложил отдать бумаги.

– Их нужно передать сэру Филипу Сидни как можно скорее, – одними губами выговорил я. – чтобы никто их не увидел. Трех человек убили из-за этих бумаг, Коббет. Вы можете ручаться за вашего человека?

– Жизнью ручаюсь, – буркнул он. – А теперь бегите-ка побыстрее отсюда, Бруно, Бог в помощь. Да привезите Софию.

Множество ног уже топало по мщеному двору. Коббет приоткрыл маленькую дверь – всего щель, – и я сунул ему сверток, упакованный в рубашку Норриса. Миг – сверток исчез под широким поношенным пальто старика.

– Мастер Годвин вернулся? – прошептал я, переступая порог.

Привратник нахмурился.

– Кроме вас никто сегодня из колледжа не выходил. Ворота на замке.

Так, значит, Годвин еще не возвращался, и я догадывался, где могу снова встретиться с ним.

Коббет настойчиво подтолкнул меня, и я услышал, как он за мной резко задвинул засов.

Не оглядываясь я бегом побежал к Чейни-Лейн, узкой улочке, которая шла вдоль колледжа Иисуса, как раз напротив здания нашего колледжа. Строений тут, к счастью, было немного, и я сразу нашел кирпичную конюшню. Ее нетрудно было угадать в темноте и по запаху, и по негромкому ржанию, которое лошади издают во сне. Я изо всех сил заколотил в ворота, опасаясь, что в любой момент Слайхерст во главе целого отряда профессоров и студентов колледжа Линкольна явится схватить меня. С другой стороны, опасаться следовало и Джэнкса с дружками – те просто убьют. Через несколько мгновений растрепанный молоденький конюх со свечкой в руках слегка приотворил ворота. В его заспанных глазах был страх.

– Сэр... – начал было он, но я без церемоний оттолкнул его и ворвался во двор конюшни.

– Мне нужен мой конь, сынок, и немедленно. Тот, на котором я приехал в пятницу, гнедой. Я доктор Бруно из свиты пфальцграфа.

Мальчик широко раскрыл глаза.

– Без мастера Клейтона я никого не вправе впускать, сэр, да еще отдать такую красивую лошадь.

– Красавчик, что и говорить, из собственной конюшни ее величества. Клянусь, я беру лошадь по праву, не краду. Давай, выводи ее поскорей.

– Мне зададут трепку, сэр, – жалобно взразил мальчишка.

Винить его было нельзя: и час поздний, да и выглядел я, с разбитой физиономией и раной на шее, отнюдь не как придворный. Мне противно было прибегать к этому средству, но делать нечего – в очередной раз я вытащил из-за пояса нож и быстро провел им перед глазами паренька. Тот беспомощно огляделся в растерянности, но никого не было.

– Пожалуйста, – добавил я, пытаясь хоть как-то смягчить свою вынужденную грубость.

Мальчик послушался: трепка показалась ему все же более радужной перспективой.

- Быстро-то его не взнуждаешь.
- И не надо. Хватит узечки. давай быстро, я спешу.

Мне послышались шаги, и я резко обернулся к двери. В конюшне никого не было, только лошади переступали во сне. Страх мой передался мальчишке, он молча кивнул и поспешил накинуть на моего коня недоуздок. Я неотрывно следил за воротами конюшни, перетаптываясь от нетерпения с ноги на ногу и кусая губу. О боли в руке, плечах, горле, а теперь еще и в спине, по милости Слейхерста, я почти забыл. Сейчас важно было только одно: чтобы меня не задержали.

Я не был уверен, правильно ли я сделал, доверясь Коббету, но в одном не мог с ним не согласиться: если бы я сам поскакал к Сидни, Слейхерст поднял бы на ноги констебля и стражу, – мол, из Линкольна бежал вор, – и меня не выпустили бы за городские ворота. Пожалуй, оставив пакет у привратника, я принял самое правильное решение. Оставалось только молиться, чтобы гонец оказался надежным, а Слейхерст не перехватил его.

Бедняга конюх привел мне коня, ведя его за нарядную бархатную уздечку. Громко звенели в ночном воздухе медные бубенцы, но лошадка шла нехотя, как будто обижалась, что ее потревожили затемно. Я подвел коня к камню посреди двора и вскарабкался ему на спину. Мальчик придержал створку ворот, я стукнул коня пятками в бока и поскакал налево, подальше от коллежа Линкольна.

Другой конец Чейни-Лейн упирался в Норт-стрит; я ориентировался на бледную полосу неба по левую руку – там был восток. Развиднелось настолько, что я мог разглядеть впереди крытые ряды зернового рынка, и погнал лошадь рысцой, хотя она вовсе не хотела ускорять шаг на мокрой и скользкой земле. На перекрестке Карфакс я еще раз свернул налево, на Хай-стрит, и почти сразу увидел впереди восточные ворота, через которые мы так торжественно въезжали в Оксфорд всего пять дней тому назад. За этими воротами шла дорога на Лондон.

На башне ворот светил фонарь; теперь все зависело от того, пропустят ли меня часовые. Слейхерст уже, разумеется, поднял на ноги служителей коллежа, и погоня следует за мной по пятам.

Я остановился перед воротами, и навстречу мне вышел мужчина в мундире городского стражника, с пикой в руках.

- Кто идет? – рявкнул он, наставляя на меня оружие.
- Лошадь заржала в испуге.
- Королевский гонец! – крикнул я. – Срочное сообщение от сэра Филипа Сидни.
- Шиллинг за проезд до рассвета.
- Какой тебе еще шиллинг! Мне велено срочно доставить сообщение в Лондон, Тайному совету. – Я выпрямился во весь рост, в надежде, чтоластный тон прозвучит достаточно убедительно, невзирая на мой потрепанный вид. – Если сообщение опоздает, клянусь Господом, граф Лестер прибьет твои яйца к этим самим воротам!

Я глянул через плечо – мне уже чудился шум на Хай-стрит. Стражник заколебался, но все же принялся неторопливо отодвигать задвижку и открывать тяжелые деревянные ворота. Я потуже натянул поводья: конь, чувствуя волнение всадника, тоже начал беспокоиться.

Я выехал из города в тот самый момент, когда издали послышался крик: «Эй! Задержать его!»

Удар пятками по бокам – и конь пошел галопом. Тут все еще была мягкая, не подходящая для быстрой скачки земля, но по крайней мере дорога сделалась шире. Это была главная дорога из Оксфорда в Лондон.

Небо на востоке светлело, звезды бледнели. Занимался рассвет. Ветер раздувал гриву коня, тот весело перескакивал через канавы и лужи; ветер

резал мне глаза и мешал дышать. Я припал к шее коня, стараясь удерживать равновесие, что было не так-то легко без седла, и поглядывал назад.

Конь был резвый, и вскоре я решил, что мы покрыли уже достаточное расстояние, и погони можно не опасаться. Я вздохнул свободнее и начал заново обдумывать свой план. Дело в том, что у меня зародились сомнения. Когда я беседовал с Хамфри, мне стало ясно, что недостающие куски мозаики я найду в Хэзли-Корте, но как найти среди ночи сам Хэзли-Корт? И правильно ли я угадал место действия, или финальный акт драмы разыгрывается вовсе не там? Может быть, я вовсе напрасно так спешу туда?

Я скакал еще с полчаса; небо все светлело, все громче становилось пение птиц, поднимался туман, и дальние поля уже были в дымке. Запах сырой земли щекотал ноздри. Нигде не было видно жилья, и я начинал бояться, что допустил чудовищную ошибку, что я не успею вовремя найти Томаса и Софию и спасти их. Повернуть назад я не мог. Если Дженкс или Слейхерст отправили погоню, на этой пустынной дороге они легко расправятся со мной.

Я повернулся на дорожку между двумя рядами изгороди и чуть не влетел в стадо овец, которых гнал в Оксфорд старый пастух с кривым посохом в руках.

– Будьте добры, скажите, где здесь усадьба Хэзли-Корт? – окликнул я его. – Правильно я еду?

Пастух тупо уставился на меня:

– Чего вы сказали?

Я глубоко вздохнул и повторил вопрос, стараясь как можно отчетливее выговаривать каждое слово. Он ткнул себе за спину:

– Еще с полмили, и увидите слева два больших дуба, а промеж них дорога. По дороге до самой усадьбы и доедете. А что вам там понадобилось? – полюбопытствовал он.

– По королевскому приказу. – Я решил держаться этой версии, она уже раз сослужила мне добрую службу.

– Они там все католики, – предупредил он меня, покуда мой конь пролагал себе путь между овцами.

Я поблагодарил за предупреждение и, как только выбрался из стада, вновь погнал коня. Ноги и спина отчаянно болели, поводья впивались в раненую руку, но сообщение, что скакать осталось уже немного, меня ободрило. Я доберусь и, быть может, все же получу там ответы, которых ищу.

Глава 19

Подъездная дорожка полого шла под уклон и постепенно расширялась, приближаясь к фасаду богатой загородной усадьбы. С вершины холма сквозь тонкую дымку тумана в сероватом предутреннем свете я увидел за деревьями высокие каменные трубы, башенки и зубчатые парапеты стен. С трех сторон к усадьбе подступал лес, сзади поднимался отвесный холм, тоже густо поросший лесом.

Под прикрытием деревьев можно было подобраться к замку совсем близко, но вот проникнуть внутрьказалось делом непростым. Пока что я продвигался вперед, но вскоре заставил лошадь свернуть с дорожки на лесную тропинку. Добравшись до небольшой поляны, я спрыгнул с коня, привязал его к толстой, низко растущей ветке – специально выбрал пониже, чтобы он хоть попасться мог. Похлопал его по холке и пообещал ему (и себе), что скоро вернусь. Дальше пришлось красться вниз к усадьбе.

На краю леса, там, где открывался выход на просторную лужайку перед усадьбой, я присел в тени деревьев и еще раз окинул взглядом здание, в которое собирался проникнуть: туман начинал рассеиваться, и я довольно отчетливо различал его очертания. Это была крепость, построенная для отражения врага, столько же красавая, сколь и грозная.

Здание было выстроено квадратом вокруг внутреннего двора, вход караулили две мощные восьмиугольные башни, каждая высотой футов сто, – вдвое выше

основного здания, – увенчанные зубчатыми парапетами. Но все это богатство и видимая мощь не уберегли своего владельца от тюрьмы, подумалось мне. Если государству недостаточно налогов, чего же проще: захватить дома и земли католиков, противящихся эдиктам. Если в этой усадьбе застигнут католического миссионера, опишут имение, и этот прекрасный дом и земли достанутся какому-нибудь королевскому фавориту. Богатство этой семьи достанется тому, чью верность королева сочтет необходимым купить или вознаградить.

Я вздрогнул и поплотнее запахнулся в плащ. Зачем я полез в эту кашу, рискуя жизнью? Если даже я окажусь прав, кто извлечет из этого пользу? Разве я сам что-то выиграю? Разве приобретет что-то Уолсингем? Скорее всего, обогатится какой-нибудь придворный вертопрах – обогатится за счет тех людей, что сейчас мирно спят под защитой этих стен. Но меня гнала вперед мысль, что София находится там и что люди, которым она доверились, – злые ее враги.

Повеяло предрассветным холодком, а ноги у меня все еще дрожали после езды без седла. Я с трудом выпрямился, расправил усталые члены и вновь присел под широким стволом старого дуба. Итак: фасад украшен резными оконными рамами, окна на боковых стенах, насколько я мог рассмотреть, все были темны. Попасть в усадьбу законным путем, через привратницкую, надежды не было: при таких размерах там и штат слуг соответствующий, и, надо полагать, дело свое они знают, пусть хозяин и в тюрьме. Я решил опушкой леса пробраться к задней стороне здания: там мог обнаружиться черный ход для слуг, который не так бдительно охраняют. Проверил, торчит ли за поясом отнятый у Хамфри кухонный нож; скорее всего, он-то и поможет мне добиться от слуг быстрых и правдивых ответов, подумал я.

Пригнувшись, почти на корточках, я начал продвигаться вперед, держась в тени деревьев и внимательно следя, не мелькнет ли где-то в доме свет или движение. Вдруг у меня за спиной хрустнула ветка. Я резко обернулся, выхватил нож – никакого движения. Синеватый туман все еще окутывает лес и кусты на опушке. Я успокоил дыхание и двинулся не вперед, а в сторону, напряженно вглядываясь туда, откуда послышался подозрительный звук. Хотелось идти быстрее, но я сдерживался, чтобы не шуметь, и напрягал слух в надежде уловить что-то, кроме шороха листьев и веток под ногами. Я ничего не слышал, но был убежден: здесь есть еще кто-то.

Мягкий стук копыт по гравию... Я издали расслышал его и остановился в тени высокого дерева, чтобы как следует разглядеть, что происходит. Тощий старый пони вез маленькую крытую повозку. Он медленно приближался к сторожевой башне, возница, сгорбившись, сидел впереди. Тележка свернула за угол, и тут из тени деревьев, недалеко от меня, выскоцил человек в плаще с капюшоном и помчался по склону к тележке, почти уже скрывшейся за домом! Я со всех ног побежал за ним, продираясь между густо растущими деревьями, наплевав на то, что меня могут увидеть, главное было – не упустить из виду ни тележку, ни того в плаще.

Как только человек поравнялся с тележкой, он бросился на ничего не ожидавшего возничу и швырнул его наземь. Пони – судя по виду, ему каждый шаг давался с трудом – равнодушно ждал и пытался тем временем ухватить хоть клок травы. Я прибавил ходу – усталые ноги отзывались ноющей болью – и подоспел как раз в тот момент, когда мужчина в плаще опустился на колени возле поверженного врага, зажимая ему одной рукой рот, а другой занося нож.

Я бросился на убийцу, отшвырнул в сторону и схватил за руку, в которой был зажат нож. Взвыв от ярости, он обернулся ко мне, откинув капюшон. Я, не веря глазам своим, узнал Томаса Аллена. При виде меня он тоже застыл в удивлении.

– Вы? – пробормотал он. – Но...

Избитый возница попытался отползти в сторону. Ему на вид было лет за пятьдесят, пухлое лицо тряслось от страха, он тихо скулил и глазами умолял меня о заступничестве.

– Кто этот человек? – шепнул я Томасу. – Почему вы набросились на него с ножом?

Но, взглянув на его руку, я увидел, что это был не нож, а раскрытая бритва.

– Он приехал за Софией, – сквозь стиснутые зубы выговорил Томас. – Ему поручили увезти ее, «спасти», как они говорят. Нельзя ее отпускать, это ловушка.

– Так она здесь? – Я глянул на возницу со смешанным чувством облегчения и страха: если моя догадка верна, опасность еще далеко не миновала.

Возница закивал, со страхом таращась на нас обоих.

– Погодите. Я знаю этого человека, – сказал Томас, покрепче ухватив бритву и меряя возницу грозным взглядом. – Он служит у Напперов. Нельзя его отпускать, он поднимет тревогу.

Несчастный что-то забормотал, затряс головой. Я вытащил из-за пояса кухонный нож Хамфри Причарда и поднес его к глазам слуги.

– Ваши услуги здесь больше не требуются, друг мой, – сказал я ему. – Отправляйтесь восьми, скажете, что на вас напали разбойники. Пошел! – прибавил я, дав ему пинка – без этого бедняга так бы и сидел на земле, дрожа от страха. Пинок вроде бы вернул ему остатки разума. Возница вскочил и помчался куда-то в лес, то и дело испуганно оглядываясь. Томас обернулся ко мне, глаза его сверкали.

– Что вы наделали, Бруно? Он прибежит в Оксфорд, поднимет тревогу, сюда явится куча народу!

– Успокойтесь, Томас. До Оксфорда ему добираться по меньшей мере час, а за мной и так погоня. Объясните, что тут происходит.

Томас несколько раз глубоко вздохнул, затем кивнул, признавая правоту моих слов, поднялся и ухватил покорную лошадку за узду.

– Я спасу Софию, – заявил он, и его худое лицо, озаренное мужественной решимостью, сделалось почти красивым.

Но некий призрак безумия почудился мне в его пылающих глазах, да и руки у него то и дело подергивались.

– От кого?

– От тех, кто чувствует себя в опасности, пока она жива.

– Это из-за ее беременности?

Томас посмотрел на меня почти со страхом.

– Вы и об этом знаете? Как вы узнали? Как вы попали сюда, доктор Бруно?

– Размышления и логика, – заявил я, для пущей важности выпячивая челюсть. – Думаю, что и вы в опасности, Томас.

Юноша коротко, невесело рассмеялся:

– Я вам это уже говорил.

– Я имею в виду, вашей жизни угрожает опасность. Сейчас, этой ночью.

Он приоткрыл рот, собираясь что-то возразить, но тут задняя дверь дома приотворилась, и чей-то голос негромко окликнул нас:

– Кто здесь?

– Накиньте капюшон, оружие спрячьте, – шепотом приказал мне Томас и сам спрятал лицо под капюшоном. – Постарайтесь ни слова не говорить, пока мы не окажемся внутри.

Я повиновался – что мне оставалось делать? Томас взял поводья и направил пони к той двери, которую я принял за вход для слуг. Дверь была приоткрыта совсем чуть-чуть, и эту щель полностью заслонял своим телом высокий, сутулый и почти лысый мужчина, с недоверием взирающий на нас.

– Я приехал, чтобы доставить пассажира на судно, как распорядилась леди Элинор, – тихо сказал этому человеку Томас, не поднимая капюшона.

Повисло молчание, оба словно ожидали друг от друга какой-то реплики.

– Я жду знака, – напомнил человек у двери.

– А! *Ora pro nobis*, – проворчал Томас.

– Меня не предупредили, что вас будет двое. – Слуга все еще смотрел подозрительно. – Ну ладно, заходите. – Он наконец решился, приоткрыл дверь чуть пошире и пропустил нас в коридор. – Подождите, я доложу леди Элинор, – распорядился слуга и двинулся прочь по коридору, унеся с собой свечу и оставил нас в сумраке.

Я покосился на Томаса: он нервно переступал с ноги на ногу, на меня не глядел. Во что это мы вляпались, призадумался я и в очередной раз нашупал под плащом нож Хамфри – как-то он меня успокаивал.

Снова появился высокий слуга. Он все еще держался настороженно, видимо, Томас не слишком убедительно сыграл свою роль.

– Следуйте за мной, – коротко распорядился он, указывая в дальний конец коридора. – С вами обсудят маршрут.

Должно быть, прикинул я, леди Элинор что-то заподозрила, когда услышала, что вместо одного человека за Софией явилось двое. Я с тревогой посмотрел на Томаса: ведь, как только мы войдем в этот лабиринт коридоров, ловушка захлопнется.

Слуга, высоко держа свечу, шел впереди по каменным плитам, затем поднялся по узкому лестничному пролету, и мы попали в широкий коридор с деревянными панелями на стенах. На полу шуршал и сладко пах камыш, сквозь низкие окна проникал слабый предутренний свет. Мы шли так долго, что мне показалось, будто коридор опоясывает весь дом. Но тут коридор резко свернул вправо, и мы уперлись в короткий лестничный пролет, который вывел нас к массивной дубовой двери. Слуга постучал, из-за двери что-то негромко ответили. Он жестом пригласил нас войти.

Большая комната с высоким потолком соединяла, как я определил, обе сторожевые башни. В помещении было много окон; возле одного из них стояла женщина лет сорока с небольшим, высокая, элегантная, в темно-красном атласном платье с расшифтым лифом и широкой юбкой; волосы ее были уложены в замысловатую прическу. В стене восьмиугольной башни по правую руку от хозяйки я увидел закрытую дверь; такая же дверь справа была открыта, и за ней уходила наверх винтовая лестница. Слуга, подойдя к хозяйке, что-то зашептал ей на ухо. Она коротко кивнула, отклонилась чуть в сторону и посмотрела на нас с поистине царственным спокойствием.

– Вы от Уильяма Наппера? – мягко спросила она.

Томас кивнул. Он старался держаться уверенно, однако я, стоя рядом, чувствовал, что под своим плащом он дрожит всем телом.

– Где Саймон? – Проницательный взгляд ощупал сквозь капюшон мое лицо.

– Заболел, миледи, – почти не разжимая губ, пробормотал Томас.

– Прикройте за собой дверь, – велела она, делая шаг вперед. – Нужно убедиться, что вы правильно поняли все инструкции. Стойте на месте, Бартон, – бросила она в сторону слуги, который явно намеревался встать между нами.

– Миледи! – запротестовал он.

Я огляделся по сторонам, все еще чувствуя на себе цепкий взгляд леди Элинор.

– Будьте добры, друзья мои, откиньте капюшоны, – так же мягко попросила она. – Все мы стараемся соблюдать осторожность и не открывать лишний раз свое лицо, но в этом доме доверяют друг другу. – София! – позвала она, полуобернувшись.

Открылась маленькая дверь восточной башни, и София Андерхилл выступила навстречу леди Элинор как раз в тот момент, как Томас, бросив на меня предостерегающий взгляд, драматическим жестом откинул капюшон. София слегка вскрикнула, отвернулась от Томаса, руки ее поднялись, непроизвольно зажимая рот. Я нехотя последовал примеру Томаса и тоже откинул капюшон – лицо девушки исказилось от удивления и ужаса.

– Бруно? – еле выговорила она; в глазах ее было смятение. – Как вы попали сюда? Вы и Томас?

Я отметил, что хозяйка шагнула вперед и жестом поманила к себе слугу по имени Бартон. Лицо леди Элинор оставалось спокойным, как будто она была готова к любому повороту событий.

Прежде чем я успел ответить Софии, она вновь обернулась к Томасу:

– Томас, я знаю, что ты вообразил, но ты ошибаешься. Если ты правда меня любишь, позволь мне уехать. Пожалуйста! – добавила она, и голос ее слегка дрогнул: она поняла, что уговорить Томаса не удастся.

– Кто эти люди, София? – уже не так мягко спросила хозяйка. – Они вам знакомы? Они хотят задержать вас?

Томас обернулся к леди Элинор и отвесил ей короткий поклон.

– Леди Толлинг, мы отвезем Софию к ее родителям, которые до смерти напуганы ее исчезновением. Если она сейчас без всякого сопротивления поедет с нами, никаких больше вопросов к вам не будет.

– К ее родителям, которые угрожали ей смертью за ее веру? – Леди Толлинг не повышала голоса, но взгляд, которым она окинула Томаса с ног до головы, мог ошпарить не хуже кипятка. – Не пытайтесь обмануть меня, молодой человек.

– Вас уже обманули, леди Толлинг, – с безукоризненной, хотя и явно угрожающей вежливостью парировал Томас. – Мистрис Андерхилл забыла вам сообщить, какая причина столь поспешно заставляет ее покинуть Англию.

– Томас, замолчи! – бросилась к нему София, в ужасе простирая руки. – Ты сам не ведаешь что творишь. Не становись у нас на пути, ничего, кроме беды, из этого не выйдет. Ты ничего не добьешься, а нас погубишь.

Высокий слуга Бартон шагнул к Томасу, но тот встретил его спокойным взглядом и вновь обернулся к Софии. И вдруг он совершенно неожиданно расхохотался, запрокинув голову, словно больше не мог сдерживаться.

– София, София! – ласково, будто непослушного ребенка, укорил он ее. – Какую ложь ты скормила этим добрым людям? Убедила леди Толлинг помочь тебе скрыться во французском монастыре? Мол, родители со свету сживают за обращение в старую веру?

София побледнела, лицо ее застыло, и впервые я увидел в ее глазах настоящий, безысходный страх. Она оглянулась на хозяйку дома, словно ища у нее защиты, ноги девушки задрожали, и я шагнул вперед, чтобы подхватить ее, но Бартон тут же, свирепо оскалившись, заступил мне дорогу. Я заметил в его опущенной руке оружие, кажется, это была кочерга.

– Идите с нами, – тихо, ласково позвал Томас. – Вы же знаете, София, чем все кончится – совсем не так, как вы мечтали. Он убьет вас.

София неистово затряслась головой, крепко сжала губы.

– Томас, ты слеп, ты упрям, как всегда! – вскричала она, делая шаг к своему бывшему другу. – Всегда уверен в своей правоте и действуешь очертя голову. На этот раз ты ошибся, сколько раз можно повторять!

Леди Толлинг сложила руки на груди и нетерпеливым взглядом окинула Софию и Томаса. Голос ее оставался ровным.

– Объясните наконец, София! Кто эти люди? Кто угрожает вам смертью?

– Он бредит, миледи, он сумасшедший, сам не знает, что говорит, – затараторила София.

Томас дерзко взглянул на леди Толлинг. Куда подевались вкрадчивые манеры, которые я отмечал у него в Оксфорде.

– Ваш священник из миссии, – произнес он, отчеканивая каждое слово. – Отец Джером Джилберт.

Если ее и обеспокоило обвинение, что она принимает в своем доме католического священника и что священник этот задумал убийство, она и виду не подала, разве что уголок рта слегка дернулся.

– Ну, так спросим его самого, – предложила она все таким же ровным голосом и, шурша юбкой, прошла через комнату в маленькую прихожую с правой стороны, откуда к нам вышла София. Оттуда послышался еще один голос, и почти сразу же леди Толлинг вернулась в сопровождении молодого человека – до сих пор я знал его под именем Габриеля Норриса.

Он был, как обычно, одет в камзол от хорошего портного и в черные панталоны, простого покроя, но явно из дорогой ткани. Кожаные сапоги были украшены серебряными пряжками. Привычным движением руки откинув со лба светлые волосы, он оглядел нас – красивый, уверенный в себе, типичный сын зажиточного сельского сквайра. Ни один человек, встретившись с ним в городе или в университете, не разгадал бы в нем тайного миссионера. Он стоял, спокойно переводя взгляд с Томаса на Софию; затем взглянул на меня. Что-то понял и кивнул, соглашаясь.

– Что ж, – заговорил он, умиротворяющим жестом раскинув руки. – Объяснимся, раз это необходимо. Леди Элинор, со всем почтением я прошу вас оставить нас наедине. Нужно уладить кое-какие вопросы со старыми друзьями, прежде чем мы сможем пуститься в путь.

Леди Толлинг, как всякая женщина, желала бы досмотреть драму, которая разыгрывалась у нее на глазах.

– Но ваша безопасность, отец... – пробормотала она, указывая на меня и Томаса. – Этих людей не обыскивали...

– Я их знаю, – уверенно отвечал Норрис. – Все в порядке.

Когда за хозяйкой закрылась дверь, Норрис – или я должен отныне именовать его Джером? – обратил к нам взгляд своих безмятежных зеленых глаз.

– Доктор Бруно, – заговорил он и слегка нахмурился, озадаченный. – Я-то думал...

– Вы думали, Роуленд Дженкс прикончит меня до утра? – подсказал я.

– В общем-то да. Хотя я не так уж удивлен, что вы и на этот раз сумели вывернуться. Я предупреждал его, что с вами следует держать ухо востро – не каждому удается ускользнуть от инквизиции. – Он слегка усмехнулся, выставляя напоказ белоснежные зубы. – Вы что же, организовали на пару с Томасом собственную антикатолическую лигу? – Он коротко рассмеялся.

Держался он спокойно, легко, прямо-таки удивительно легко, учитывая все обстоятельства. Теперь, когда ему не надо было изображать из себя кутилу студента, он говорил более сдержаным и взрослым тоном, и, в очередной раз заглянув в его красивые глаза, я вспомнил слова Хамфри Причарда: отец Джером обходится с тобой так, словно ты для него – главный человек на земле.

– Итак, – продолжал он, – теперь вы знаете все. Вы примчались сюда, чтобы меня арестовать?

– Я поспешил сюда, чтобы спасти Софию, – ответил я, с трудом выдерживая его пристальный, горящий взгляд. Ни за что не отведу глаза первым, решил я.

– Спасти от меня? – переспросил он таким тоном, как будто сама идея была абсурдной. – С какой бы стати я причинил вред Софии, которую сам же и привел в лоно истинной Католической церкви?

- В лоно?! В лоно?! – взорвался Томас.
- Она забеременела, и вы хотите от нее избавиться, – не чинясь, заявил я.
- Клевета! – Глаза Джерома сверкнули гневом, и он сделал шаг ко мне.
- Это вам Томас наплел? – вспыхнула София, щеки ее разгорелись. – Да ведь каждое его слово – ложь!
- Никто не говорил мне. – Я предпочел солгать, чтобы уберечь от расправы Коббета. – Я был, конечно, монахом, но вырос-то я в деревне и уж как-нибудь разбираюсь в таких вещах.

София прижала руку ко рту и замолчала. Томас презрительно усмехнулся. Джером над чем-то сосредоточенно размышлял.

- Вы лучше многих других знаете, Бруно, как стеснительны могут оказаться монашеские обеты для молодого человека, – доверительно произнес он наконец.
- Да, я согрешил, но я не собирался совершить больший грех, чтобы покрыть первый. София безопасно переправится в Руан, и там о ней позаботятся до тех пор, пока я не смогу присоединиться к ней. – Он бросил взгляд на Софию, произнося эти слова, и та ответила благодарным взглядом; но мне почудилось в выражении лица Джерома нечто фальшивое. Он лжет, чтобы ее успокоить, подумал я.
- По опыту мне также известно, отец, – я подчеркнул двусмысленное обращение «отец», – что монашеские ордена легко своих собратьев не отпускают, иезуиты же проявляют в этих вопросах особую суворость.

Джером кивнул, нехотя признавая мою правоту.

- Прекрасно, Бруно, вы отлично поработали. Да, я вступил в Риме в орден иезуитов, а в семинарии Реймса подготовился для английской миссии. Отец Томаса устроил меня в Оксфорд. Это была его работа, координировать прибытие священников в графство Оксфорд, размещать нас в безопасных убежищах, обеспечивать деньгами, а по возможности и легендой для жизни в миру. После его высылки эту роль взял на себя Роджер Мерсер. Впрочем, я полагаю, это вы тоже успели сообразить.

– Я только-только начал осмысливать связи между всем этим, – признался я. – Ваша легенда была очень уж хороша.

- «Легенда»! – буквально выплюнул Томас, и глаза его побелели от ярости. – Никакая это не легенда! Он оставался тем, кем всегда был, – сыном богатого семейства, привыкшим, что все пляшут под его дудку. Он и к иезуитам-то присоединился ради приключений, ради власти. Это была именно «легенда», и он с легкостью забыл о своей «миссии», как только представился случай!

Томас выразительно посмотрел на Софию, и Джером наконец-то слегка смущился.

- Впал во искушение, – пробормотал я, переводя взгляд с Джерома на Софию.

Так вот что означала интимная, с намеком, надпись в часослове, который ректор отыскал в матрасе своей строптивой дочери. «Дж» – не Джэнкс, а Джером. И в субботу утром Роджер Мерсер ждал в саду Джерома, а встретил свою смерть.

- Роджер Мерсер уличил вас, – заговорил я, глядя прямо в бесстрашные глаза иезуита. Он смотрел спокойно и твердо, а у меня сердце леденело при мысли, что я стою в шаге от убийцы. – А я-то думал, что его убили из-за бумаг.

Глаза Джерома на миг расширились, он придвигнулся ближе ко мне, и снисходительная приветливость, которую он напускал на себя, исчезла.

- Откуда вы знаете о бумагах? – спросил он, и впервые за время нашего разговора мне показалось, что в броне его появилась щель.

– Я их видел, – ответил я, стараясь держаться как можно спокойнее и увереннее, хотя мне было ох как не по себе.

– Где?

– В сундуке, в вашей комнате. Там, где вы их спрятали.

– В моей? – Он уставился на Томаса так, словно увидел его впервые. – Но ты же сказал...

– Роджер Мерсер застукал их как-то ночью в саду, – вмешался Томас; в голосе его звенело презрение. Правую руку он все еще прятал под плащ. – София забирала по ночам ключ из кабинета отца. Мерсер, сами понимаете, возмутился. Наутро он пришел к нам, весь кипя от ярости. Напомнил этому вот отцу Джерому, как много католиков в Оксфорде рискуют ради него жизнью, а потом заявил: он, мол, не станет принимать причастие из рук священника, живущего в смертном грехе, и не допустит, чтобы другие члены кружка пребывали в неведении. Сказал, что обязан донести старшинам ордена о поведении Джерома.

– Насколько мне известно, иезуиты не щадят тех, кто встает на их пути, – прокомментировал я, отступая из осторожности на шаг; но Джером смотрел не на меня, его зеленые глаза неподвижно уставились на Томаса. – Иезуиты убивают за свою веру или за то, что они называют верой, и вы – прекрасное доказательство тому.

– Я – доказательство?! – воскликнул Джером и коротко, хрипло расхохотался. – А, понятно, вы взвесили улики, Бруно, и пришли к выводу, что я и есть линкольнский убийца, ведь мне было что терять. Так?

– Роджер Мерсер угрожал сообщить, что вы нарушили обет целомудрия, – возразил я, хватаясь за факты, которые еще минуту назад казались столь очевидными. – Вам надо было заставить его молчать.

– Этого я не отрицаю. Я говорил Джэнксу, что Мерсеру сообщили обо мне, что он усомнился во мне, и с этой стороны мне грозит опасность. Я рассчитывал, что Джэнкс, по обыкновению, замолвит словечко и этого будет достаточно. Однако я допустил ошибку, роковую ошибку. – Он покачал головой, откинулся на спинку кресла. – Помните историю Томаса Беккета, Бруно, великого английского святого, архиепископа Кентерберийского? Говорят, король Генрих Второй в пылу гнева воскликнул: «Кто избавит меня от этого беспокойного попа?» Его приближенные слышали этот возглас. Но это просто вырвалось в гневе, это был риторический вопрос, если угодно, однако восприняли его как приказ. В итоге Беккета убили прямо у алтаря, а каяться пришлось королю. Вот в чем моя вина: я сказал что-то в том же духе о бедном Роджере Мерсерее, а мой верный слуга, – он покосился на Томаса, и взгляд его был столь же презрителен, как и голос, – мой верный слуга истолковал мои слова по-своему.

– Вы не возражали, отец, – тихим голосом прервал его Томас. – Тогда вы были рады принять мою помощь.

Джером спокойно пожал плечами. Такого ничем не смутишь.

– Кто спорит? Избавиться от опасности и спасти Софию от бесчестья, которым грозил ей Роджер Мерсер, – это не могло быть неприятным. – Он снова обернулся ко мне и добавил: – Но раз уж вы назначили себя следователем по этому делу, Бруно, вы бы пригляделись повнимательнее к тому, что вы считаете уликами. Томас – игрок не хуже моего, он и вас, похоже, обвел вокруг пальца. С виду он труслив, как кролик, и туп в придачу, а на самом деле перехитрит самого дьявола.

На этот комплимент Томас ничего не возразил, лицо его стало непроницаемым.

– Он предложил мне решить все проблемы, – продолжал Джером. – Таковы были его подлинные слова: решить все проблемы. Я принял предложение, но сказал, что не хочу знать никаких подробностей, пока дело не будет сделано. Я понятия не имел, что он подговорил Наппера украсть собаку. Я шел в то утро с мессы, когда услышал шум в саду. Я сразу побежал за луком и только тогда увидел, какой изощренный спектакль разыграл мой слуга. – Джером брезгливо скривил рот.

– Но зачем? – обернулся я к Томасу, лихорадочно перебирая в уме все свои улики и выводы; не мог же я так ошибиться! – Зачем вы подстроили гибель Мерсера таким хитроумным способом? Вы ведь даже не могли быть уверены, что

все удастся.

– Мученики! – Этот парень не говорил, а будто плевался. Слово «мученики», казалось, было ему особенно противно. – Они все одержимы идеей мученичества, хотят пострадать за свою веру – так, во всяком случае, они уверяют! Высшая слава и честь! – Голос его забирался все выше и отдавал уже безумием. – Мой отец тоже мечтает «стяжать венец мученичества». Что это за вера, доктор Бруно, которая побуждает человека предпочесть смерть жизни? А где же любовь? Где человеческая доброта?

Я мог бы возразить, что человек, натравивший на ближайшего друга своего отца голодного волкодава, не вправе рассуждать о человеческой доброте, но слова не шли с языка.

Томас указал дрожащей рукой на Софию и продолжал обличительную речь:

– Что это за люди? добиться любви Софии, знать, что в ее утробе зреет новая жизнь...

– Томас! – вскрикнула София и сделала шаг вперед, но Джером удержал ее.

– Эта тварь! – заорал вдруг Томас, переходя от возвышенных обличений к ругани. – Эта тварь всем пренебрегает, он любит не ее, а топор палача! – Юноша ткнул в Джерома пальцем, рука его тряслась. – Так пусть они отведают мученичества, решил я, посмотрим, как им это понравится. Ректор читал проповедь о смерти святого Игнатия в зубах хищных зверей. Способ не хуже других – послать на это Роджера. – От странного, пронзительного смешка у меня кровь застыла в жилах. Да он с ума сошел, беспомощно подумал я. – Мой отец столько выстрадал из-за него! Ничего лучшего этот Мерсер не заслужил!

Воцарилось молчание; жестокие слова как будто все еще звучали. Все трое – София, Джером и я – смотрели на Томаса, онемев от ужаса.

– В колледже произошло убийство, началось следствие, все под подозрением. Моя «легенда», как вы ее называете, могла быть в любой момент разоблачена. Вы ведь этого добивались, друг мой? – очень тихо сказал Джером, поднимая голову и глядя в упор на Томаса, но тот лишь равнодушно таращился в ответ.

Я наблюдал за ними. Нервы были натянуты, как тетива лука. Трудно сказать, когда Томас казался мне более опасным – в те минуты, когда из него вдруг забила злость, или сейчас, когда он умолк и лишь молча смотрел на нас, будто кошка, готовящаяся к прыжку.

– И вы поспешили в комнату Мерсера, чтобы забрать бумаги, пока Томас не отыскал их? – в эту минуту мне было приятнее смотреть в глаза Джерома, чем в глаза Томаса.

Иезуит покачал головой:

– Я и понятия не имел, что он знает об этих бумагах. Когда Мерсер принялся угрожать мне, я сообразил, что не избавлюсь от опасности, даже если самого Мерсера не станет, пока эта корреспонденция – переписка Эдмунда Аллена с Реймсом по поводу моей миссии и булла *Regnans in Excelsis* – не окажется у меня в руках. Но я только начал обыскивать его комнату, как увидел вас в окно, вышли через двор прямиком к башне. Пришлось прятаться на крыше, пока вы оставались в комнате. Так я и выяснил, что за дело привело вас на самом деле в университет. – Он многозначительно кивнул мне.

– Не было у меня никакого дела, – ответил я, но сердце заколотилось сильнее. – Я хотел лишь узнать, как и почему человек погиб такой страшной смертью. Мне казалось по меньшей мере странным, что его старым коллегам до этого и дела нет. Тогда я задумался: с кем он собирался встретиться? Зачем взял с собой битком набитый кошелек?

Джером опустил глаза, и впервые на его лице появилось пристыженное выражение.

– Томас хотел только, чтобы я заманил Мерсера утром в сад. Я и сказал Роджеру, что мне пора, учитывая все обстоятельства, возвращаться во Францию, попросил встретиться со мной и передать мне деньги на дорогу.

– А Ковердейл? – напомнил я, переводя взгляд с Джерома на Томаса. – Он тоже узнал про ваш роман с Софией?

– Насчет Ковердейла спрашивайте у Томаса! – сжал челюсти Джером.

– Гадюка! – не хуже любой змеи прошипел Томас. Я даже вздрогнул: этот неестественно тихий шепот был куда страшнее его криков. – Ковердейл просил ректора изгнать меня из Оксфорда. Боялся, что мне чересчур много известно, что я захочу отомстить и выдам их. Ректор хоть немного жалел меня и разрешил остаться, но Ковердейл постарался, чтобы я лишился стипендии и оказался в полной зависимости от его щедрот. – Подбородком Томас указал на своего хозяина. – Что ж, Джеймс Ковердейл на собственной шкуре узнал, как сладка месть. Трус! Он зарыдал, как девчонка, едва увидел в моих руках бритву. Зарыдал и обмочился.

– Значит, вы решили превратить и его в мученика?

Томас аж расплылся в улыбке, кося на меня глазом, словно дитя, пойманное в кладовке с вареньем.

– Когда Джером послал меня отнести лук и стрелы в хранилище, я вспомнил про святого Себастьяна и подумал: да ведь так будет еще страшнее. Я попросил доктора Ковердейла побеседовать со мной наедине, и он обещал уйти пораньше с диспута. Он думал, что я собираюсь заключить с ним сделку, что-то выпросить, но такого он не ожидал. – Томас обеими руками обхватил себя и принял раскачиваться, рот его аж расплылся. – Я хотел забрать письма, я знал, где они, ведь в той комнате раньше жил мой отец. Я знал: стоит передать бумаги в подходящие руки, и с ним, – вновь резким движением подбородка он указал на Джерома, – будет покончено.

– Ничего не понимаю, – пробормотал я. – Если вам так хотелось разоблачить его, почему вы сразу не обратились к ректору? Вы могли спасти две невинные жизни.

Томас ожег меня взглядом.

– Спасти их и пропасть самому? А я-то принимал вас за умного человека, доктор Бруно. Да я полностью зависел от него, как вы не понимаете? Я не мог принять никаких мер, пока не обеспечил бы себе убежище, безопасность. Ну да, вы же не знаете наших законов: помогать иезуиту, покрывать его, содействовать ему – это преступление, караемое смертью. Я был его слугой, я жил на его деньги, помогал поддерживать эту его легенду. Разве это не пособничество, не укрывательство? А если бы со мной не расправился закон, можете быть уверены, Джексон отомстил бы мне за Габриеля. Габриель! Он взял себе имя архангела Гавриила, наглый высокочка!

– Лицо ангела... – пробормотал я, вспомнив слова Хамфри Причарда. – Значит, если бы кто-то другой разоблачил его, вы были бы ни при чем. Достаточно было указать направление. – Мои слова повисли в воздухе. Джером никак не откликнулся на них, а Томас только зубами заскрипел. – А что же бедный Нед?

– продолжал я. – Он тоже провинился перед вашим отцом?

– Нед? – София, с ужасом слушавшая исповедь Томаса, не выдержала, изо всех сил вцепилась Джерому в руку. – Маленький Нед Лейси? Чтец? Его тоже?..

Я угрюмо кивнул, следя за Томасом. София обеими руками закрыла лицо.

– Он увидел меня с Софией в библиотеке в то время, когда все остальные были на диспуте. Оттуда я пошел к Ковердейлу. – Томас пожал плечами: мол, что еще оставалось делать. – Я пытался отговорить Софию от бегства с Джеромом.

– Он нахмурился, потер глаза и продолжал: – А потом я видел, как вы платили Неду. Я и растерялся. Но он сам виноват, что вернулся раньше других: не подглядел бы за нами, остался бы жив.

– И вы не устояли перед искущением также и из него сделать мученика? – произнес я; мне все противнее было наблюдать за этой холодной, высокомерной рожей.

Томас ответил с ленивой усмешкой:

– Решил наказать ректора по заслугам. Ты же всегда говорила, София, что

твоему отцу книга Фокса дороже родной семьи? Я поклялся, что заставлю его возненавидеть эту книгу. Ради тебя! – заявил он вдруг со страстью. – Все ради тебя! Когда-нибудь ты это поймешь.

– Довольно! – вскрикнула София. – Хватит вам болтать! Уже светает, а за мной наверняка выслали погоню. Джером, нам пора. Что сделано, то сделано. Все жертвы будут напрасны, если теперь нас схватят. – Она схватила своего возлюбленного за руку.

Томас подскочил так, словно у него под ногами загорелся пол.

– Ты погибнешь, София! – воскликнул он; я отметил, что ноги он расставил пошире, как будто готовясь к прыжку. – Ты думаешь, что попадешь во Францию живой и невредимой? – Он яростно уставился на Джерома. – Пять лет подготовки, богатое наследство, которое он передал ордену, – думаешь, он всем этим пожертвует ради тебя? Ты погибнешь по дороге, София. Несчастный случай в море.

– Томас, у тебя голова не в порядке, – заговорил Джером, делая шаг к своему бывшему слуге и протягивая руку.

Томас отскочил в сторону.

– Я этого не допущу! – вырвался у него вопль. – И если ты не прислушаешься к моим словам...

Не было надобности договаривать угрозу – все выразил жест: рука с зажатой в ней бритвой взметнулась из-под плаща, и Томас бросился на Джерома. Я выхватил из-за пояса нож Хамфри, но иезуит, оказывается, прошел хорошую подготовку: я и с места двинуться не успел, как он быстрым движением руки толкнул Софию себе за спину, а ногой врезал по вытянутой руке Томаса. Томас пошатнулся, но бритву удержал. Джером тоже выхватил лезвие из-за голенища. Противники закружились в смертельном танце, не сводя друг с друга глаз. София обеими руками зажимала рот, а я бесполезно топтался сбоку, прикидывая, как бы вмешаться в драку.

Но я не успел: дверь распахнулась, вбежал Бартон, слуга, размахивая кочергой. Томас обернулся, глаза его страшно горели. Он со всего маха рубанул Бартона бритвой по руке, в которой была зажата кочерга. Тот вскрикнул, выронил ее и зажал рану. Томас, словно обезумев при виде крови, прыгнул на беднягу и принялся кромсать ему горло бритвой. Я вскочил Томасу на спину и попытался схватить его правую руку. Но он оказался необычайно сильным для такого худосочного мальчишки, как будто безумие удесятерило его силы. Сдержать его я не мог. Крики агонизирующего Бартона слились с криком ужаса, вырвавшимся у Софии. Кровь хлынула на каменный пол. Несчастный слуга умирал, конвульсивно цепляясь за плащ убийцы и медленно оседая на пол.

Я отпустил Томаса и обернулся к Софии: бедняжка, думал я, поражена жуткой сценой, разыгравшейся на ее глазах, ей срочно требуется помощь. Но выяснилось, что «на помощь» уже пришел Джером: он крепко держал Софию, приставив нож к ее горлу.

– Положи бритву на пол, Томас, – медленно и отчетливо проговорил он.

Голос его вновь звучал совершенно спокойно, как у учителя, делающего выговор непослушному ребенку. У Томаса отвисла челюсть, он таращился на хозяина, как идиот; его руки, даже лицо были в крови. Двигаясь, как сомнамбула, он шагнул вперед. Джером сильнее вдавил нож. София закусила губу, чтобы не вскрикнуть, и зажмурилась; голова ее дрожала.

– Отпустите ее, – потребовал я, стараясь подражать спокойному иластному голосу Джерома.

– Отпустить ее? А что вы можете сделать, Бруно? – Он крепко сжал нож и смотрел на меня просто как на досадную помеху. – Может, вы привели с собой подкрепление?

– Никто не знает, что я здесь, – ответил я, сам не очень соображая, что говорю.

людей и придет мне на выручку. Но сколько времени пройдет, пока они доберутся сюда? да и получил ли Сидни это письмо? ведь Слейхерст поклялся никого не выпускать из колледжа.

Джером, похоже, прочел мои мысли и нетерпеливо тряхнул головой.

– Не важно, в любом случае они опоздают. Все! Бросайте ваши ножи на пол, в противном случае... – Он поднял руку, как будто собираясь вонзить нож Софии в горло.

Томас коротко глянул на меня и бросил бритву. Я посмотрел на Софию: ее широко раскрытые глаза смотрели на меня с отчаянием. Я тоже выронил нож.

Джером кивнул:

– Хорошо. Не трогайтесь с места, не шумите, и все будет в порядке. – Не отводя нож, он двинулся вместе с Софией в сторону западной башни. Грубо толкнул девушки в дверь и захлопнул ее ногой. В тот момент, когда дверь захлопнулась, Томас испустил вопль и ринулся следом.

– Не уйдешь! Не уйдешь! – хрюкнув, вопил он.

Джером почему-то потащил Софию не вниз по лестнице, а вверх, и, когда Томас приблизился, иезуит лягнул его в челюсть. Томас с окровавленным лицом полетел вниз, прямо на меня.

Это его не остановило: он поднялся и снова взбежал по узкой винтовой лестнице, норовя схватить Джерома за ноги; тот продолжал лягаться. Я поспешил к месту схватки, благородно подобрав с пола свой нож. Откуда-то сверху раздался отчаянный крик Софии. Я дернул Томаса за лодыжку.

– У него нож! – напомнил я. – Бога ради, остановитесь, или он убьет ее!

Мы продолжали лезть вверх, откуда раздавались всхлипывания Софии, и услышали ее слова: «Не могу, не могу». «Доверься мне», – ответил Джером. Больше ничего не было.

Мои и без того уже изрядно настрадавшие ноги дрожали, но мы с Томасом упорно лезли вверх, мимо маленьких, узких, как бойницы, окон, а Джером все гнал и гнал Софию перед собой наверх; я следовал за ними почти по пятам, пока струя свежего воздуха вдруг не ударила мне в лицо. Я понял, что рядом выход на вершину башни. Желудок у меня, как всегда в минуту опасности, свело спазмом: мне показалось, я понял, что задумал Джером. Кому из нас суждено возвратиться вниз?..

Но, отбросив эти мрачные мысли, я вышел вслед за Томасом через низенькую арку на площадку шириной футов двенадцать. Ее окружали восемь зубчатых парапетов высотой примерно по грудь человеку. В просветы между ними видна была дорога, по которой я не так давно скакал к этому дому; леса простирались от тропинки во все стороны, сверху они казались темно-зеленой скатертью. Мы находились на высоте более ста футов. Ветер пронзительно завывал в ушах. На дальней стороне площадки нас ждал Джером; нож его все еще был приставлен к горлу Софии. Он взглянул в упор на Томаса, словно бросая ему вызов.

– Вперед, Томас, – подзадорил он. – Ну, попробуй спасти ее.

Томас колебался; я видел, как он напрягся, будто прикидывая, успеет ли вовремя добраться до Джерома. София тихо плакала, взгляд ее метался от меня к Томасу, от Томаса к тому человеку, который прижал ее к себе. Не в первый раз была она в его объятиях, но как все изменилось! На лице Софии был не только страх, но и растерянность: она не понимала, серьезны угрозы Джерома или это лишь ловушка для Томаса.

Лучше бы Томас не рисковал, подумал я и протянул руку, чтобы его остановить. Но он уже решился и снова, согнувшись, бросился на своего хозяина, пытаясь головой боднуть его в солнечное сплетение. Иезуит грубо бросил Софию на пол и попытался ударить Томаса ножом, однако тот увернулся и перехватил в воздухе занесенную руку. Томас вскинул ногу и заехал в пах противнику; иезуит взвыл и сложился пополам, рука его на миг ослабла, и Томас что есть силы врезал по ней. Нож выпал. Но прежде, чем Томас успел

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
воспользоваться своим преимуществом, Джером схватил его за волосы и ударил головой в лицо. Томас, с залитым кровью лицом, попытался ответить таким же ударом, но Джером нанес ему удар в челюсть; Томаса отбросило назад, на парапет.

София отползла к стене; я присел возле нее и жестом указал на лестницу, предлагая бежать, но девушка покачала головой: остекленевшие от ужаса глаза ее были прикованы к смертельному поединку. Медленно, осторожно, чтобы не привлечь внимания, я подтянул к себе выпавший у Джерома нож. Я тоже не сводил глаз с противников. Томас, избитый и окровавленный, в последний раз собрался с силами и схватил Джерома за горло; священник, с искашенным от ярости лицом, тоже обеими руками сдавил ему шею. Так они стояли и раскачивались, будто в каком-то странном танце, в точности повторяя каждое движение друг друга; оба задыхались, и мне уже стало казаться, что они одновременно испустят дух – столько ярости и смертельного упрямства было на их багровых лицах. Но Джером, более сильный и тяжелый, сумел-таки сдвинуть Томаса на несколько шагов назад, в промежуток между зубчатыми стенами. Ощущив за своей спиной парапет, Томас покрепче сдавил шею Джерома, а тот, всем весом давя на противника, толкал и толкал Томаса. В конце концов тот повис над пропастью. На миг мне показалось, что с башни рухнут оба, но тут София вскочила на ноги, вырвала у меня нож, который я подобрал, подбежала к дерущимся и вонзила его в руку Томаса, которой он все еще сжимал горло Джерома.

Томас вскрикнул, невольно разжал руку, и в тот же миг Джером изо всех сил толкнул его в грудь. С душераздирающим воплем юноша покачнулся и полетел вниз головой с башни. Крик становился все тише по мере того, как он приближался к равнодушно ожидающей его земле. Сам удар о землю был настолько глух, что на крыше мы его почти не рассыпали.

Инстинкт толкал меня подбежать к парапету и посмотреть вниз, но я боялся поворачиваться спиной к Джерому. София упала в его объятия, рыдая и сотрясаясь всем телом. Он осторожно вынул нож из ее руки и прижал девушку к себе. Дышал он тяжело и все никак не мог отдохнуть. Потом взглянул на меня, и я увидел, как с лица Габриеля-Джерома сошла злость и осталась только глубокая усталость. Он потер намятое горло, повертел головой.

– Рано или поздно это должно было случиться, – еле слышно выговорил он. – Его бы уличили, а он заодно погубил бы и меня.

– Мы убили его! – всхлипнула София, отрывая заплаканное лицо от плеча своего возлюбленного. – Боже, Боже! Мы убили его! Бедный Томас был моим единственным другом. Простит ли нам Господь его кровь? – Она возвела глаза к небу, где между темных грозовых туч уже появились светлые полосы рассвета.

– Он убил трех человек, София, – хрипло напомнил ей Джером, все еще потирая ладонью горло. – Он бы и меня убил. Не забывай, мы ведем священную войну. Убить того, кто противится наступлению на земле Царства Божьего, – не преступление.

– Этому они вас учат в Реймсе? – полюбопытствовал я.

Спохватившись, я начал потихоньку двигаться к лестнице. Нож вновь был в руках у Джерома, и я чувствовал себя довольно-таки беспомощным. Лететь вслед за Томасом через парапет мне не улыбалось. Теперь, когда стало ясно, что София на стороне Джерома, наивно было бы надеяться, что иезуит отпустит меня живым.

– А София? – продолжал я. – Избавиться от нее по дороге во Францию – это убийство, или она тоже мешает наступлению царства Божьего?

Джером коротко расхохотался и тут же поморщился от боли в горле.

– Вы сами убедились, что мальчишка был психом. Стоило ему совершить первое убийство, и кровь ударила ему в голову. Он решил, что все кругом такие же маньяки, как и он сам. Он был безумен, безумие и погубило его.

Джером шагнул ко мне. Я попятился, но, обернувшись, увидел, что путь к лестнице прегражден двумя крепкими слугами в ливреях. Один из них, необыкновенно широкоплечий, был вдобавок на полголовы выше меня, так что,

когда он схватил меня за руку и принялся заворачивать ее за спину, мое пострадавшее уже в этот день плечо как огнем вспыхнуло; я предпочел не сопротивляться. Было ясно, что живым мне не уйти; вся надежда оставалась только на милосердие иезуита – но до чего же слаба была эта надежда!

Глава 20

– Еще раз спрашиваю вас, Бруно: кому известно, что вы поехали сюда? – Джером кружил вокруг меня; в глазах нечеловеческая, поистине иезуитская выдержка.

– Никому, – сквозь стиснутые зубы отвечал я.

– Где бумаги, которые вы нашли в моей комнате? Те, которые Томас оставил для вас?

Я покачал головой.

– Я спрятал бумаги у себя в комнате. О них никто не знает.

Джером нахмурился.

– Он лжет, – сказал он, обращаясь к слугам. – Послушайте, времени у нас мало. Ты, – он махнул рукой второму слуге, – ступай к леди Элинор, предупреди ее, что ищеки вот-вот появятся здесь, и попроси отправить гонца к Роуленду Дженксу в Оксфорд на Кэт-стрит. Пусть он прибудет сюда как можно скорее. Нужно отправить Софию, ее отец, конечно, уже разослал людей на поиски. Я возвращаюсь в Оксфорд. Этот человек, – кивком он указал на меня, – пусть остается живым до приезда Дженкса. Он из кортежа королевы, и нельзя, чтобы его смерть связали с кем-то из нас. Нужно обставить это как нападение грабителей или что-то в таком роде. Но сначала Дженкс побеседует с ним. Он будет рад снова свидеться с вами, не правда ли, доктор Бруно?

– София, он убьет вас! – завопил я, когда Джером подал слугам сигнал и меня потащили к лестнице. – Не верьте, что он любит вас! – продолжал я кричать в полном отчаяния. – Вы же слышали, он полагает, будто Господь Бог самолично разрешил ему устранять всякого, кто встанет на его пути. Если вы поедете с ним, Франции вам не видать. Возвращайтесь к родителям, они вас простят, я вам слово даю!

Слуга сильно дернул меня за руку и вытащил на лестницу.

– Не могу, Бруно! – надтреснутым голосом крикнула мне вслед София. – Теперь уже я никак не могу вернуться. Я стала паписткой, меня бросят в грязную тюрьму и будут пытать, чтобы я выдала своих друзей. Мой ребенок родится мертвым а потом я сама умру – или пожалею о том, что не умерла!

– Нет, будет не так, – продолжал я спорить с ней уже с лестницы; слуга при этом довольно чувствительно стукнул меня по затылку. – Я помогу вам, у меня есть друзья...

– У вас, Бруно? – донесся насмешливый голос Джерома. – О да, у вас конечно же есть влиятельные друзья, никто в этом не сомневается. Но здесь-то их нет, и кроме того, что вы успели им сообщить, они больше ничего от вас не услышат.

Меня вытащили на другую площадку; слуга бросил меня на пол. Джером вскоре спустился, а вслед за ним София, в порванном платье, с бледным и опухшим лицом. Она бросила на меня последний взгляд – одновременно сочувственный и взвывавший о сочувствии.

– Свяжите его, – коротко распорядился Джером. – Принесите веревки и тряпку, чтобы заткнуть ему рот. Можете оставить его со мной, никуда он не денется.

Слуга что-то хрюкнул в ответ и выпустил мою руку; она болела так, что ни согнуть, ни разогнуть. Как только слуга скрылся за дверью, Джером вплотную приблизился ко мне, держа наготове нож.

– Пойдемте, Бруно, я кое-что вам покажу, – чуть ли не с улыбкой пригласил он. – Только не осложняйте свое положение, не пытайтесь бежать. А то придется причинить вам боль, а мне бы этого вовсе не хотелось.

Он указал на противоположную дверь, которая вела в восточную башню – ту самую, где Джером и София прятались перед нашим злосчастным приездом. За дверью оказалась комната с шестью высокими окнами – по числу стен. Но была тут и низкая дверь, а за ней крошечная комната с низким потолком – вероятно, прежде она служила кладовой, а то и нужником, но теперь была совершенно пуста: только светлые кирпичные стены да глиняная плитка под ногами. В противоположном конце комнаты была ниша, высотой примерно с дверь; судя по ее размерам, здесь некогда помещался алтарь. Джером навалился на стену этой ниши и сразу быстро отскочил: бесшумно поднялся скрытый под плитками пола люк. Я невольно восхитился работой инженера, который сконструировал и изготовил этот замечательный механизм: крышка люка была выполнена из двух цельных дубовых досок, толщиной сантиметров тридцать каждая; когда она была опущена, плитки пола ее полностью скрывали, и никто, даже простикивая пол, не определил бы, что внутри пустота.

– Добро пожаловать в мое убежище, – гостеприимно махнул ножом иезуит. – Даже среди слуг мало кто знает о нем, тайник невозможно обнаружить. И там на редкость уютно – убедитесь сами.

– Работа мастера Оуэна? – вздохнул я.

Джером покосился на меня.

– Да уж, Бруно, много вы успели разузнать за считаные дни. Вопрос в другом: много ли вы успели передать по начальству?

– Я вас не понимаю, – упирался я.

Джером нетерпеливо прищелкнул языком, но тут на лестнице послышались торопливые шаги, и крепыш-слуга вернулся с длинной веревкой.

– Свяжите ему руки, – распорядился Джером, поднося нож чуть ли не к моему носу. – Да понадежнее, этот малый и в мышиную норку проскользнет. Не сопротивляйтесь, Бруно, тогда вам не причинят боли.

Я и не сопротивлялся; после всех событий этой ночи у меня не осталось сил для сопротивления. Левое плечо грубиян слуга мне чуть не вывернул из сустава; оно, казалось, вовсе не принадлежало мне и только резкая боль временами напоминала о том, что плечо все-таки тоже часть моего тела. Я выставил руки вперед – уже знакомое движение: второй раз за ночь мне их связывают.

– Оставьте мне веревки, позовите кого-нибудь себе в помощь и уберите все следы нашего присутствия. Ищайки скоро явятся, подготовьте все, – приказал Джером слуге. – Да поторопитесь. Я здесь все закончу сам. София, иди к леди Элинор, попроси распорядиться, чтобы для нас седлали лошадей. Мы с тобой едем в Абингдон, у меня там есть люди, которые проводят тебя на корабль. А ты... – Резким ударом между лопаток он подтолкнул меня ко входу в убежище. – Полезай!

Я понял, что любезности кончились. София медлила, опасаясь оставлять меня в руках своего милого иезуита.

– Джером, не обижай его, он был ко мне добр.

– Еще бы, – с каменным лицом отвечал Джером.

Я присел на краю люка – очень сложно было без помощи рук удерживать равновесие – и кинул прощальный взгляд на белое, будто мрамор, лицо Софии. Связанными руками с трудом нашупал края люка и неловко протащил свое тело вниз. Джером помог мне – подтолкнул, да так, что я тяжело рухнул прямо на искалеченное плечо, ударившись о кирпичный пол. Джером протиснулся следом за мной ловко, словно кошка. В правой руке он еще и свечку держал, а веревку и тряпку для кляпа перекинул через плечо.

Мерцающее пламя свечи выхватило из темноты довольно-таки просторное помещение, вырубленное на стыке восточной башни с восточным крылом дома. Человек мог здесь выпрямиться во весь рост, имелась и деревянная скамья для отдыха и сна. Под скамьей стоял маленький дубовый сундучок, окованный железом.

Я кое-как поднялся на ноги. Джером поставил свечу на пол и указал мне на скамью; я захромал к ней и присел, благодарный даже за эту короткую передышку. Моя клаустрофобия давала о себе знать – дыхание сделалось частым и неровным. Я прекрасно понимал, что, как только иезуит вылезет отсюда и задвинет за собой люк, оставив меня в одиночестве, я вовсе задохнусь. Джером посмотрел на меня с каким-то непонятным чувством – хотелось бы надеяться, что это была жалость, – и, как мне показалось, смущенно затеребил веревку.

– Вам тут плохо, – заметил он, глядя на мои судорожные вздохи. – Мне тоже не по себе, когда приходится сидеть тут, будто в склепе, но что поделаешь. Однажды во время рейда я просидел здесь четыре часа! – При воспоминании об этом он вздрогнул.

– Полагаю, если альтернатива – позволить выпотрошить себя, как рыбу, так предпочесть посидеть в тесноте.

Джером тусклой улыбкой подтвердил справедливость моих слов. Затем, враз посеревшев, он присел передо мной на корточки и заглянул в глаза.

– Что вы сделали с письмами, Бруно? Я должен это знать. Кому еще вы рассказали обо мне?

– Я уже говорил: бумаги у меня в комнате. О том, кто вы на самом деле, я догадался только этой ночью и никому не успел рассказать.

– А я вам говорю, это ложь! – В нетерпении он снова вскочил на ноги. – Ладно, как хотите. Джекс все равно вырвет у вас признание, он в этом ремесле преуспел не хуже королевских палачей. – Кинув на меня многозначительный взгляд, Джером продолжал: – Чтобы сохранить мой секрет, люди шли на смерть. Если вы кого-то навели на след, мне и моим друзьям необходимо знать, откуда ждать беды.

– Трех человек убили при мне в Оксфорде, и я пытался выяснить, кто это сделал. Я вовсе не собирался искать католических попов.

– Вот как? – Он внимательно поглядел на меня, приподняв свечу, – пламя подсветило его лицо, и все оноказалось мраморной маской. – Католическая церковь покушалась на вашу жизнь, а вам даже не хочется отомстить? А протестанты вам еще и деньги заплатили за ненависть к Риму.

– Нет, – спокойно отвечал я. – Нет у меня ни к кому ненависти. Об одном я всегда просил и прошу: оставьте меня в покое, дайте мне исследовать тайны Вселенной.

– Господь открыл нам те тайны Вселенной, кои Он счел уместными предоставить нам для изучения. Вы считаете свой метод лучше?

– Лучше, чем те догмы, ради которых люди в Европе вот уже полвека режут и сжигают друг друга на кострах? Разумеется, лучше.

– Так в чем же тогда заключается ваша вера?

Я посмотрел ему прямо в глаза.

– Я верю, что в конце концов даже дьявол будет прощен.

– Вот что! Терпимость! – Джером выплюнул это слово, как гнилую оливку. – В семинариях тоже многие рассуждают об этом. Не понимают, болваны, что терпимость означает отсутствие правого и виноватого, истины и ереси. Слава Господу, мой орден решительно противится подобному попущению. Заметьте, Бруно: чем более жестоко преследуют в Англии католических священников и мирян, исповедующих нашу веру, тем более возрастает число наших приверженцев. Терпимость за считаные дни уничтожила бы то, что мы строили многие годы.

– Так пусть продолжится святое кровопролитие, – подхватил я. – Пусть мужчины и женщины сотнями идут на эшафот. Что это, мученичество или самоубийство?

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
Джером улыбнулся – ласково и снисходительно.

– Знаете, как мы в миссии называем Англию? – Он выдержал эффектную паузу. – Привратницкая гибели. Я ни на минуту не сомневаюсь в том, какой меня ждет конец, но сперва я должен собрать свою жатву. Быть может, среди спасенных мной душ будет и ваша, Бруно!

Он вытащил из кармана рубашки маленький ключ на серебряной цепочке, опустился на колени у моих ног и достал из-под скамьи деревянный ларец. Отперев замок, достал из него два небольших сосуда с елеем и присел на пятки, задумчиво глядя на меня.

– Буду с вами откровенен, – сказал он наконец, приподнимая сосуд так, чтобы я мог разглядеть его содержимое. – Вы обречены. После всего, что вы видели этой ночью, вы представляете особую опасность для нашей работы во имя Господа в этой стране. Многое вы успели рассказать или мало, оставить вас в живых мы не можем. Но я не хотел бы покинуть вас в ваш смертный час без утешения, Бруно! – Он протянул ко мне руку и настойчиво призывал: – Исповедуйтесь, раскайтесь в своей ереси, примиритесь в последний час с Церковью. Я, как член ордена иезуитов, могу даровать отпущение даже отлученным.

Он был так искренен, что я невольно расхохотался.

– Вы, отец Джером? Вы дадите мне отпущение? Вы, приживший внебрачное дитя и помышлявший убить его вместе с матерью, вы, ставший виновником смерти двух человек, которые угрожали вам разоблачением, – вы дадите отпущение мне? Вся моя ересь сводится к нескольким книгам по астрономии и философии. Если Бог, как вы утверждаете, в день Страшного суда будет взвешивать наши грехи, чьи, по-вашему, окажутся тяжелее?

Джером на миг опустил глаза, но тут же их поднял:

– Когда Сатана искушал Христа в пустыне, разве он соблазнял Его женщинами, плотским грехом? Нет, он прельщал Его грехом гордыни, он предлагал Христу сравняться с Богом. Я согрешил, но мой грех был грехом плоти, плоть за него и расплатится. Но вы, в гордыне и в ослеплении, вознамерились постичь устройство мироздания и сместь Землю с того места, которое предназначено ей по Слову Божьему и по учению Отцов Церкви. Вы – прямой наследник падшего ангела!

– Лучше уж такая родословная, чем идущая от Каина, – отвечал я. – Даже если бы я и захотел примириться с Церковью, из ваших рук я отпущение не приму.

– Воля ваша. – Он пожал плечами и оставил сосуды с елеем стоять на ларце. Заперев ларец, снова спрятал ключ под рубашку и обернулся ко мне: – Как ни странно, Бруно, вы нравитесь мне. В другое время я бы с радостью вступил с вами в дискуссию. Меня готовили главным образом для академических споров, а вы – достойный оппонент. – Он грустно улыбнулся. – Мы с вами во многом похожи, хоть и стоим по разные стороны великого разлома. Сколько вы ни твердите насчет терпимости, вы презираете компромисс так же, как и я; вы пошли на величайшие лишения ради ваших убеждений, как и я; и вы мужественно пойдете ради них на смерть, как пойду и я, когда пробьет мой час. Я глубоко уважаю вас, Бруно, и сожалею о том, что вы не присоединились к нам.

– Так ради этого нашего сходства окажите мне одну услугу, отче, вместо отпущения, – перебил я его. Джером бросил на меня вопросительный взгляд, и я продолжал смелее: – Отпустите Софию, пусть она вернется домой. Не доводите до конца злое дело, пощадите хоть одну невинную жизнь.

Тяжкий вздох буквально сотряс его.

– Как вы не понимаете, Бруно? Дома у нее больше нет. Нет для нее места в Оксфорде. Семья отвернется от Софии, потому что она приняла старую веру, католики будут презирать ее, как падшую женщину.

– Но католичкой и падшей женщиной она стала благодаря вам! – сквозь стиснутые зубы прорычал я. – А теперь вы хотите от нее избавиться, развязать себе руки! Все ее грехи – это ваши грехи, отче!

– Думаете, я этого не знаю? – Он схватил меня за руки и приблизил свое лицо

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
вплотную к моему. Впервые под маской профессионального спокойствия я разглядел бушевавшую в нем бурю.

- Не похоже, чтобы вы сильно об этом сокрушались, – надавил я.
- Сокрушаюсь?.. – Он еще с минуту молча смотрел на меня, потом выпустил мои руки и со странным, совсем невеселым смешком заявил: – Я могу показать вам, как я сокрушаюсь, Бруно. – Он принял расстегивать куртку, а я опустился на скамью и тупо смотрел, как иезуит распахивает рубашку из тончайшего батиста; под ней открылась власяница из грубой черной шерсти. Он распустил ее и подтянул повыше к плечам, непроизвольно передернувшись при этом движении. – Вот как я сокрушаюсь, – произнес он, поворачиваясь ко мне спиной.

Широкая обнаженная спина, вся в клочьях окровавленной кожи; глубокие, кровоточащие раны: металлические крючья впивались здесь глубоко в тело, вырывая живую плоть. Свежие шрамы поверх старых. Во время скитаний по Италии мне часто доводилось видеть бичующихся, и каждый раз я дивился тому, что человек решается с такой жестокостью терзать собственное тело ради непонятного, придуманного кем-то искупления. Во рту стало солено, я вздохнул и отвернулся. Джером вновь поглядел мне прямо в лицо. Что-то в нем, как мне показалось, надломилось: в глазах ярость смешалась со слезами.

- Достаточно вам такого покаяния? И вы думаете, что я ее не любил? Что душа моя не разрывалась надвое между долгом и чувством?
- Если вы ее любите, так не губите, – почти беззвучно взмолился я.
- Господи, Бруно, да не собираюсь я ее губить! – вскрикнул он, вцепившись обеими руками в свои густые волосы. – Во Франции она окажется в безопасности.
- Боюсь, вы лжете.

Он глубоко вздохнул, потом овладел собой, и взгляд его снова сделался суровым.

- Что ж, вы не верите мне, я – вам.

Он опустил власяницу, скрипнул зубами, когда грубый ворс коснулся истерзанной плоти, застегнул рубашку под горло, накинул куртку – все это не сводя с меня глаз. Затем наклонился и, подобрав с пола веревку, тщательно связал мне ноги – надежно, однако стараясь не причинять боли.

- Прощайте, Бруно, – сказал он, поднимаясь и глядя на меня с грустью. Быстрым движением руки он смахнул со щеки слезу. – Мне очень жаль, но другого выхода нет. Буду молиться о том, чтобы в последний час Господь не оставил вас.
- Люк изнутри не открывается, – предупредил он. – И стены здесь толстые, так что кричать без толку. Но на всякий случай...
- Джером! – Я вскинул руку, чтобы остановить его, когда моих губ коснулась ткань. – Погодите!
- Слушаю вас! – с какой-то трогательной готовностью откликнулся он; подумал, наверное, что я все же решил напоследок покаяться.
- Оставьте мне свет. – Я уже и не пытался скрыть дрожь в голосе.

Он коротко кивнул, завязал мне рот и двинулся к люку. Я смотрел ему вслед; вслед сапогам из отлично выделанной кожи, которые мелькнули и скрылись в квадратном проеме. Затем бесшумно скользнула на место крышка люка, и дневной свет исчез. Я остался один, замурованный, связанный. Ни пошевелиться, ни крикнуть – все равно что похоронен заживо.

Последняя мысль, которую я запомнил: пожалуй, я рад буду даже Джэнксу, когда тот придет. Тщетно я боролся с клаустрофобией, мне казалось, будто грудь моя разрывается, воздух не проходит в легкие; пламя свечи дрожало и расплывалось перед глазами, я быстро терял чувствительность, будто тонул, – и наконец блаженное беспамятство накрыло меня и унесло в спокойную тьму.

Глава 21

я был пробужден внезапно и грубо: меня просто швырнули на пол. Свеча давно догорела, но открытый люк бледно светился; крышку снова подняли. Я моргал, различая лишь какие-то смутные тени.

Две крепких руки ухватили меня и потащили наверх, там другие руки подхватили меня под мышки и выдернули из люка. Ослепленный, не пришедший в себя, я сощурился и приготовился уже заглянуть в прозрачные глаза Джэнкса, но увидел мужчин в форме – я только не мог понять, армейские это мундиры или какие-то другие.

Человек в мундире грубо поволок меня вверх по ступеням в комнату, залитую ярким светом – солнце стояло в зените. Я оступился и рухнул на колени к ногам какого-то светловолосого коротышки с лисьей мордочкой, острой ухоженной бородкой и широкими усами; одет он был в зеленую куртку. Человек этот погладил бородку, с явным удовлетворением осмотрел меня и кивнул, подавая какой-то знак. Солдат вытащил кинжал и сунул его мне под нос. Я попытался отвернуть голову, крикнуть, но ткань на лице заглушала слова. Солдат невозмутимо подсунул кончик кинжала под эту ткань и перерезал ее, освободив мне лицо.

– Это он, сэр, – послышался чей-то голос. Я поднял голову и узнал того, кто ночью выпустил меня через восточные ворота Оксфорда. На этом человеке был, по крайней мере, знакомый мундир – мундир стражника.

– Итак, – заговорил главный, с лисьей мордой. – Где ваш сообщник?

Я вытаращился на него в полном недоумении.

– Отвечай, папистская сволочь! – И он пребольно лягнул меня в живот.

– Не понимаю, – прошептал я; только я глотнул свежего воздуха, и вновь из меня вышибают дух.

– Что ты бормочешь? – лисья морда шагнула ко мне, присел на корточки и с явным интересом заглянул мне в лицо. – По-английски отвечай, дермо!

– Нет у меня никакого сообщника, – прошептал я.

– Что у тебя за акцент?

– Я итальянец. Но я...

– Так я и думал. Иезуит, засланный из Рима. Ну что ж, отец, мы вас и в вашем убежище отыскали. Боюсь, не такие уж верные слуги у леди Толлинг, как она думала. Вам известно, кто я такой, отец?

– Нет. И я вовсе не иезуит... – заговорил я, но лисьемордый поднял руку и довольно ощутимо врезал мне по щеке.

– Заткнись! У тебя будет время для оправданий, но после, когда ты объяснишь нам, где найти твоего дружка. Я – мастер Джон Ньювел, дознаватель графства Оксфордшир. Назови свое имя и не трать время, перечисляя клички и псевдонимы. Все равно мы выбьем из тебя правду.

Облегчение нахлынуло на меня. И пусть этот человек только что ударил меня по лицу, я готов был обнять его и расцеловать. Раз он и его вооруженные люди ворвались в усадьбу, значит, вестник добрался-таки до Сидни и тот обратился к властям... Одно только плохо: судя по словам дознавателя, они опоздали, и Джером с Софией ускользнули от них.

– Я доктор Джордано Бруно из Нолы, – сказал я, пытаясь выпрямиться и держаться с достоинством. – Я гость Оксфордского университета, путешествую в свите пфальцграфа.

– Лжешь, – коротко возразил он. – Ты – один из попов леди Толлинг. Говори, где другой? Нам удалось развязать язык одному из слуг, и тот сказал, что был еще и другой, высокий, светловолосый. Где он прячется?

— Бежал, — заговорил я. — Он поехал к морю вместе с молодой девушкой, Софией Андерхилл. Их ждет корабль, чтобы отвезти их во Францию, и там девушку убьют. Скорее, перехватите их!

дознаватель злобно рассмеялся.

— А тебе и язык развязывать не приходится, иезуитик, — заметил он. — С тобой мои люди запросто справятся. Вот вам папистская верность, — добавил он, оглядывая своих подчиненных, и те подобострастно захохотали.

— Я не иезуит, — запротестовал я. — Где Сидни? Он скажет вам, кто я такой. Позовите Сидни.

— Кто такой Сидни? — осведомился дознаватель.

— Сэр Филип Сидни, племянник графа Лестера. — Я почувствовал, как убывает моя уверенность. — Разве не он направил вас сюда, по моей просьбе? Он не с вами?

— Сэр Филип Сидни? — дознаватель развлекался от души. — Хо-хо! А ее величество королева не прибудет сюда самолично, чтобы заступиться за тебя? Нет, дружок ты мой римский, меня вызвал не сэр Филип Сидни и не другой какой аристократ, но мастер Уолтер Слейхерст из колледжа Линкольна, у которого имелись основания полагать, что известный папист и к тому же убийца бежал из Оксфорда в Грейт-Хэзли, чтобы найти там убежище.

— Господи, Слейхерст! — застонал я, прикрывая, как мог, связанными руками лицо. — Он все перепутал, поверьте мне. Я не убийца и не папист. Я живу в Лондоне, в доме французского посла. Господи Боже мой! Я пытался спасти Софию, а тот, настоящий, иезуит схватил меня и запер здесь.

— Он и правда связан, сэр, — напомнил своему начальнику молодой солдат, который вытащил меня из убежища. Солдатик, похоже, забеспокоился.

— Что такое? — раздраженно обернулся к нему Ньювел.

— Он был связан по рукам и по ногам, и во рту у него был кляп, — неуверенным тоном пояснил юноша. — С чего бы он проделал такое сам над собой?

— На какие только уловки они не пускаются, — возразил Ньювел. Затем вновь обернулся ко мне: — Когда соберутся ассызы, попробуй там отстоять свое дело. Посидишь в замковой тюрьме, мозги и прочистятся. А пока что выкладывай все, что тебе известно о Софии Андерхилл. Ее отец вчера подал жалобу, что его дочь похищена. Это сделали паписты?

— Они едут в Дорсет, — выдохнул я. — Сперва в Абингдон за лошадьми, потом в Дорсет. Вы теряете время, скорее пошлите своих людей в погоню.

— Не учи меня командовать моими людьми! — рявкнул дознаватель и подал солдату знак. — Арестуйте этого человека за убийство двух членов колледжа Линкольна и одного студента, а также по подозрению в убийстве молодого человека, сброшенного с башни этой усадьбы.

Я открыл рот, чтобы в очередной раз протестовать против такой несправедливости, но дознаватель прервал мой протест очередным обвинением:

— И по подозрению в проникновении в страну с намерением обратить подданных королевы в Римскую церковь, а также по подозрению в соглядатайстве!

— Нет! — закричал я. — Умоляю, пошлите за сэром Филиппом Сидни в колледж Церкви Христовой, он скажет вам, что я ни в чем не виноват!

Солдат тем временем развязал мои ноги, подхватил меня под локоть и помог встать.

— И еще кража лошади, — злорадно добавил Ньювел. — Мы нашли породистого коня в упряжи королевских цветов, привязанного в лесу у дороги.

— Лошадь моя! Мне дали ее в королевской конюшне Виндзора!

– В самом деле? – Усы зашевелились, будто кот проглотил мышку. – Как это ее величество тебе свою лучшую карету не отдала? Довольно глупостей!

Главный дознаватель повернулся ко мне спиной и направился к лестнице в западной башне. У самой двери он остановился и обернулся ко мне.

– Коли сэр Филип Сидни – твой друг, пусть приедет и заплатит залог, чтоб тебя выпустили из замковой тюрьмы, – равнодушно произнес он и отдал приказ солдату: – Веди его вниз, во двор, он поедет с нами в Оксфорд. Нескольких человек оставь здесь, пускай разберутся со слугами.

Солдат кивнул и подтолкнул меня к винтовой лестнице. Нащупывая узкие ступени, я пытался осмыслить свое положение. Пока все выглядело скверно, однако сумею же я как-нибудь передать весть Сидни или ректору Андерхиллу, чтобы они поручились за меня. Потом мне припомнилась та связка писем и предупреждение, прозвучавшее из уст Бернарда за первым моим ужином в Оксфорде: ни один человек здесь не ест то, чем он кажется. Я доверился Коббету, а что, если и он из тайных католиков? Что, если он уничтожит переписку Эдмунда Аллена и Джерома Джилберта? Тогда против иезуита не останется никаких улик, только мое слово. Моего происхождения и былой принадлежности к ордену будет достаточно, чтобы навлечь на меня подозрения, о чем мне уже столько раз напоминали в Оксфорде. Андерхилл охотнее свалит вину на меня, чем признает, что под самым его носом более года работал миссионер! Единственной моей надеждой оставался Сидни, однако, если он не получил мое письмо, он и понятия не имеет, где меня искать, а я тем временем сгнию в тюрьме. Одно только радует, подумал я, когда меня тащили через сторожевую башню в залитый солнцем двор: если бы первым до меня добрался Джэнкс, а не дознаватель, я бы уже лежал в канаве с перерезанным горлом. А пока жив, есть и надежда.

Солнце уже стояло высоко в небе, изредка на него набегали облака. На дворе маленьками группами собирались слуги, испуганно перешептывались. Каждую группу охраняли вооруженные люди. Я огляделся по сторонам и узнал того крепыша-слугу, что тащил меня с башни. Он быстро отвел глаза. Уж не он ли выдал дознавателям мое убежище? Если кто-то в доме знает, что схватили не того, кого надо, они все равно ничего не скажут: они спасают Джерома и только рады, что вместо него схватили другого.

Меня подсадили на мышастого цвета лошадку; руки у меня так и остались связаны. Недостаток сна, голод и всевозможные травмы, полученные мной в эту ночь, сказывались: голова будто свинцом была налита, и я никак не мог распрямиться. Джон Ньюел, увидев, что я падаю головой на шею лошади, основательно заехал мне в живот рукоятью меча:

– Сядь прямо, ублудок итальянской шлюхи, пока я табличку тебе на шею не повесил. – Солнечный свет бил ему в глаза, он смотрел на меня щурясь. – Напишу «иезуит-заговорщик» – с такой Эдмунда Кэмпиона везли в Лондон. Пусть прямо сидит! – скомандовал он солдату, который вел в поводу мою лошадь. – А то еще свалится на дорогу, мы его и до Оксфорда не довезем.

– Ему бы выпить, чтоб оклематься, сэр. Похоже, у него в глотке совсем пересохло, – заступился за меня солдатик, и я закивал, преисполненный благодарности: как это часто бывает, рядовой оказался милосерднее своего начальника.

– Выпить? – Ньюел уставился на своего подчиненного так, словно тот предложил созвать для моего увеселения музыкантов и куртизанок. – Конечно, конечно. Лучшее вино из подвалов Хэзли для дорогого гостя! Зажарить ему жирного гуся, а? Занимайся своим делом, солдат, и нечего меня учить!

Солдат смущенно потупился, потом коротко глянул на меня – извини, мол. Растрескавшимися губами я прошептал ему: «Спасибо». Ньюел отвернулся, карабкаясь на своего коня. Дознаватель выехал вперед, чтобы возглавить отряд, которому предстояло с торжеством доставить меня в Оксфорд, но тут воцарившаяся ненадолго тишину нарушил стук копыт. Подняв глаза, я увидел вдалеке, там, где дорога поднималась на холм, двух всадников, а за ними человек тридцать солдат, но уже в какой-то другой форме. Неужто им понадобилось столько народа, чтобы захватить двух иезуитов? – удивился я.

Но тут я заметил, с каким недоумением взирает на вновь прибывших главный дознаватель, и понял, что никакого подкрепления он не ждал. И лишь когда

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
всадник, скакавший впереди, подлетел прямо к Ньювелу и осадил своего коня, я понял наконец, что происходит, и сердце мое затрепетало.

– Что это, черт побери, вы сотворили с моим другом?! – заорал Сидни, спрыгивая с коня и побегая ко мне; шпага его была обнажена. – Клянусь Господом, я лично задам порку тому, кто это сделал! Отвяжи его! – приказал он солдату, который стоял возле моей лошади, и тот поспешно повиновался.

Я боялся, что Ньювел попытается сопротивляться, но тот с почтением и страхом взирал на другого всадника, прискакавшего вместе с Филиппом.

– Милорд шериф, – срывая с себя шляпу, заговорил Ньювел, – я схватил опасного иезуита из Италии, который распространяет католическую заразу и соблазняет подданных ее величества.

– Боюсь, вы дали маху, мастер Ньювел, – преспокойно возразил шериф.

Я пригляделся внимательнее к этому человеку: он был в широкополой шляпе с пером и в алом камзоле, расшитом гербами графства; борода его начинала седеть, глаза были добрые, но лицо и манера держаться внушали уважение.

– Этот человек – известный философ и друг сэра Филипа Сидни, – сказал он. – Настоящего священника вы упустили.

– Милорд шериф... – заблеял Ньювел, но тот взмахом руки прервал его оправдания:

– Не беда, мои люди уже гонятся за ним, благо сэр Филип и его итальянский друг вовремя нас известили. Далеко он не уйдет.

Сидни помог мне сойти с коня. Я попытался растереть запястья, но руки почти не шевелились. Сидни закинул мою руку себе на плечо, обхватил меня за талию и так, поддерживая, подвел к своему спутнику.

– Сэр Генри Ливси, лорд и верховный шериф Оксфорда, – провозгласил Сидни, указывая на всадника. – Позвольте представить вам доктора Джордано Бруно из Нолы. Увы, он сейчас не в лучшей форме.

Я изобразил поклон, цепляясь при этом за шею Сидни; всадник снисходительно усмехнулся.

– Мне сообщили, что леди Толлинг укрывает священника-иезуита, – забормотал Ньювел, с тревогой поглядывая на свое начальство. – Я нашел этого человека в тайнике. И к тому же он итальянец! – добавил он, несколько оправившись.

– Святой Престол ненавидит этого человека почти так же сильно, как королеву, – сказал Сидни, меряя Ньювела злобным взглядом. – Ведь так, Бруно? – И он от души врезал мне по спине, так что я взвыл от боли: плечо-то было вывихнуто. – Прости, – искренне огорчился Сидни и принялся растирать пострадавшее место; растирание было не менее чувствительным, чем удар, но он же хотел как лучше. – Господи, Бруно, ты и на человека-то не похож. Тебя нужно показать врачу. – Он подвел меня к своему коню, взгромоздил в седло, сам сел передо мной и взялся за поводья.

– Мои люди останутся и помогут вам, Ньювел, – распорядился шериф, сходя с коня и подзывая своего капитана. – Следует допросить всех слуг до единого. С леди Толлинг я поговорю сам. Будьте любезны проводить меня к ней. Сэр Филип, – он обернулся к Сидни с коротким поклоном, – пятеро моих солдат проводят вас с доктором Бруно в Оксфорд. Мне очень жаль, сэр, – добавил он, обращаясь ко мне, – что вы пострадали от рук главного дознавателя графства. Прошу вас принять мои извинения, и будьте уверены, что виновного сурово накажут.

Ньювел побледнел, но я не собирался заступаться за него, мне едва хватило сил пробормотать слова благодарности. Сидни развернул коня, я покрепче ухватился за моего друга, и мы поскакали в обратный путь. Пятеро вооруженных солдат сопровождали нас на почтительном расстоянии.

– Ты отлично поработал, Бруно, – тихо заговорил Сидни через плечо. – Ты рисковал жизнью, выслеживая убийцу и священника-паписта, и ничем не выдал себя. За произведенные аресты награду получит шериф, но Уолсингем-то

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
узнает, что все это – благодаря тебе.

– Я уж и не надеялся снова увидеть тебя, – пробормотал я ему в спину. Лошадка пошла быстрой рысью. Меня затрясло, силы были на исходе. – Думал, ты так и не получил мою весточку.

– Кухонный мальчишка из Линкольна приволок целый сверток перед рассветом. – Сидни снова обернулся ко мне, ветер уносил его слова. – Стучал и грохотал в ворота колледжа, как сам черт. Сказал привратнику, что это дело жизни и смерти. Мне потом говорили, он чуть ли не в драку лез, чтобы скорее добраться до меня, однако привратник не согласился будить декана до рассвета, а декан не решился будить меня, пока не закончилась утренняя служба. Вот из-за этой парочки заботливых дураков и вышла задержка. Мальчишка, надо отдать ему должное, уперся и никому не отдавал бумаги, пока не вытребовал меня, хотя декан и предлагал оставить все у него. Как только я заглянул в этот пакет, сразу понял, какая опасность тебе грозит, и послал декана за главным шерифом. Мы и понятия не имели, что дознаватели примчатся туда еще раньше нас.

– Слайхерст навел их на меня. – Я не мог скрыть злость, да не очень-то и старался. – Он во что бы то ни стало хотел завладеть теми письмами.

– Полагаю, он осведомитель, пытается оправдать свое жалованье, – проворчал Сидни. – Уолсингем их дюжинами вербует в университете и не желает, чтобы они знали друг друга – так, мол, будут бдительнее.

– Где теперь письма? – спросил я.

– Уже на пути в Лондон. Декан послал самого надежного курьера, – заверил меня Сидни. – Там их расшифруют, и они послужат уликой на суде. Я мало что успел прочесть, но и так ясно: вполне достаточно, чтобы этого Джерома Джайлberta повесили. – Лошадь свернула с подъездной дорожки на большую дорогу, которая вела к городу. – Верховный судья представит все как надо, добавив обвинение в четырех убийствах. Полезно лишний раз напомнить людям о беспричинности и беспощадности иезуитов.

– Троих в колледже Линкольна убил Томас Аллен, – напомнил я. – Он сам признался.

– Теперь он мертв, и больше ни в чем не признается, а нам гораздо полезнее обвинить во всем этого католического попа, – возразил Сидни. – Джером Джайлберт – младший сын богатого саффолкского семейства. Его брат Джордж финансировал миссию Эдмунда Кэмпиона и бежал во Францию. Когда Кэмпиона схватили, брат, должно быть, уехал вместе с ним. – Сидни сердито покачал головой и прибавил: – Недостаток бдительности это, вот что я скажу.

– Как ты думаешь, Джерома поймают?

– Шериф поставил людей на всех дорогах. Далеко они не уйдут.

– А София?

– Ее арестуют вместе с ним, – небрежно бросил через плечо Филип. – дальнейшее зависит от нее самой. Если будет упорствовать, ее допросят основательнее.

– То есть будут пытать? – Я вытянулся, сколько мог, чтобы шепнуть прямо в ухо другу: – Но она беременна.

Сидни пожал плечами:

– Может просить о снисхождении ради своего брюха. Ее передадут семье под залог, покуда ребенок не родится. У нее будет время подумать насчет своей любви к этому Джерому. Его отвезут в Лондон и там уж постараются узнать все, что ему известно. А где ты нашел эти письма? – Он снова полуобернулся ко мне.

Я помедлил, соображая, каковы будут последствия, если я солгу, а София опровергнет мою ложь. Уолсингем, конечно, утратит доверие ко мне, но не может же я допустить, чтобы ее подвергли допросу с пристрастием, все подробности которого мне столь любезно описал сам Уолсингем.

– Мне их передала София, – заявил я, и сам услышал ложь в своем голосе.

должно быть, Сидни догадался – я почувствовал, как напряглись его плечи под моими ладонями.

– София? Вот как? Она добровольно выдала его?

– да. Она узнала, что по пути во Францию он собирается убить ее. Она просила меня о помощи.

Молчание. Только чавкают на размокшей земле лошадиные копыта и звенит оружие скачущих вслед за нами всадников. Сидни обдумывал информацию. Наконец он обернулся ко мне.

– Это правда, Бруно?

– Безусловно.

– Тогда она спасена. Только, знаешь ли, неловко выйдет, если ее рассказ не совпадет с твоим. Подумай над этим хорошенько, прежде чем повторить кому-нибудь эту версию. – Трудно было не уловить предостережения в этих словах.

– Что будет с леди Толлинг? – поспешил я переменить тему.

– Имение отпишут в казну. Она и те из ее слуг, кто будет уличен, угодят в тюрьму. Но если она согласится сотрудничать, ее, вероятно, пощадят.

Высокая, элегантная женщина, со спокойным достоинством принимавшая нас в большом зале над сторожевыми башнями... Теперь этот зал уже не принадлежит ей, усадьба не достанется ее наследникам. А все из-за меня. Из шести человек, собравшихся перед рассветом в том зале, только я, возможно, и останусь в живых: леди Толлинг, Джерома и Софию схватят и будут пытать. Только бы Софии хватило здравого смысла после ареста Джерома не упорствовать и не стремиться стать очередной мученицей. В противном случае я, пытаясь спасти ее, могу навлечь на нее еще более тяжелую участь. К тому же Сидни с Уолсингемом поймут, что я слишком мягок и мне нельзя доверять, если я из жалости представил властям неверную информацию.

– А мы что? – спросил я, изо всех сил цепляясь за Сидни: лошадка пошла резве, а дорога сделалась жестче.

– Отдохнешь немного, и поедем обратно в Лондон водой, – ответил Филип. – Пфальцграф сыр Оксфордом по горло, но согласился подождать еще денег, пока прояснится, чтобы ехать в лодке, а не верхом. Тебе не придется завтра давать показания на следствии о смерти Роджера Мерсера: у нас будет Джилберт, пусть его и допрашивают. А тебе лучше не высываться, лучше, чтобы не все знали, какую роль ты сыграл в разоблачении и аресте иезуита. Ты нам еще пригодишься, и будь уверен, друг мой, ты будешь отменно вознагражден, – подчеркнул он, словно это было для меня важно.

Заостренные очертания оксфордских стен и башен уже виднелись вдали. Вознагражден, думал я. Жив остался, вот тебе и вознаграждение. Другим не так повезло. Так, значит, по дороге в Лондон надо еще сообразить, о чем я не буду рассказывать Уолсингему. Несмотря на яростные протесты Джерома Джилberta и вопреки слепому доверию Софии к своему возлюбленному, я по-прежнему был уверен, что иезуит собирался избавиться от нее. Но я никак не мог убедить себя в том, что Джилберт представляет опасность для государства, и не мог считать изменницей леди Элинор Толлинг, виновную лишь в том, что она предоставляла убежище гонимым за веру.

Вот Джэнкса я без сожалений предал бы в руки палача, но мог ли я обречь на пытки и смерть туповатого и добродушного Хамфри Причарда? Серьезного и печального Ричарда Годвина, библиотекаря? Уолсингем предупреждал меня, что решать такие вещи не мое дело, что это его прерогатива. Чтобы сохранить его покровительство и королевскую милость, мне следует отрабатывать оказанное мне доверие.

Жизнь других людей, стало быть, станет разменной монетой, платой за мое возвышение. Но это-то как раз и была – я только теперь начал это понимать –

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
настоящая ересь. Что там Сидни говорил о награде?.. Теперь я мечтал только об одной награде: пусть бы София воспользовалась тем шансом, который предоставил я ей, солгав. Бога ради, только бы не предпочла она мученичество!

Глава 22

На следующее утро Сидни загрохотал кулаками в мою дверь и тут же, не дожидаясь ответа, ворвался ко мне. Красавчик! Бархатный камзол цвета спелой сливы, из-под коротких штанов видны белые шелковые чулки, рот до ушей. Он прошел через спальню и решительным жестом раздернул занавески, впуская яркое весеннее солнышко.

По настоянию Сидни в эту последнюю оксфордскую ночь меня устроили рядом с ним, в колледже Церкви Христовой, в большой, отделанной дубовыми панелями комнате, куда роскошнее той, что отвели мне в Линкольне. Мягкая кровать, шерстяные одеяла, вода для умывания, а у кровати кувшин с пивом. Впрочем, оценить всю эту роскошь я толком не успел – рухнул и заснул, едва мы вернулись накануне из Хэзли-Корта.

– Как ты себя чувствуешь, мой отважный друг? – осведомился Сидни, щедро наливая себе пива из моего кувшина.

Я отметил, что теперь он открыто расхаживает со шпагой у пояса и плюет на университетские запреты; действительно, в наших обстоятельствах не до тонкостей этикета. Я попытался сесть, опервшись на руку, но плечо все еще сильно болело.

– Который час? Плечо побаливает, но я вполне отдохнул.

– Еще бы не отдохнул! Целый день проспал и все веселье пропустил.

– Что пропустил? – спросил я с тревогой и вновь поморщился: ну, никак не опереться на большую руку.

– Джилберта и Софию схватили вчера в Абингдоне вскоре после того, как мы выручили тебя. – Рассказывая, Сидни достал из кармана апельсин и глубоко вонзил ногти в кожуру. – Дженкс сбежал. Вчера ночью его магазин обыскали и, как легко можешь себе представить, ничего подозрительного не нашли. Допросили мальчишку, его помощника, – тот твердит, что хозяин уехал по делам. Ускользнула змея и на этот раз, но, по крайней мере, в Оксфорде он больше не появится.

Шкурка длинной спиралью сползла с апельсина и упала на столик у моей кровати. Аромат апельсина – пронзительно ясное воспоминание о том первом утре в комнате Роджера Мерсера: апельсиновая шкурка под столом, цитрусовый запах его ежедневника. Не лучше ли мне было тогда оставить эту записную книжку, пройти мимо, не уловить запаха апельсина и ни о чем не догадаться?

– Где они теперь – София и Джером? – спросил я.

– Отца Джерома уже везут в Лондон на допрос. Не очень-то по нутру ему будет этот допрос. – Сидни сосредоточенно отделял одну дольку апельсина от другой, словно это его больше всего интересовало. Одну дольку он предложил мне. Его сделаное равнодушие пугало меня. – София, – неторопливо продолжал он, бросив дольку в рот, – передана отцу на поруки, и, скорее всего, ее отпустят под залог. – Он приподнял бровь, поглядел на меня с явным неодобрением, но вместе с тем как бы и обещая сохранить тайну. Затем тщательно облизал каждый палец и отвернулся к окну. – И кстати, только что в колледж прибыл гонец от ректора Андерхилла. Ректор просит тебя заглянуть к нему до отъезда из Оксфорда.

– Уже бегу, – отозвался я, сползая с кровати.

Нужно было срочно поговорить с Софией, убедиться, что она согласна воспользоваться моей выдумкой насчет писем. Раз ее передали на поруки отцу, значит, она, слава Божественному Разуму, не собирается стать мученицей. Впрочем, она могла просить об отсрочке ради своего будущего ребенка. Как же она, должно быть, ненавидит меня – теперь, когда ее возлюбленного у нее на глазах увили в наручниках. Более всего мне хотелось попросить у Софии прощения, убедить ее, что действовал я исключительно ради ее блага. Мало

было надежды, что она мне поверит, но все же я не мог уехать из Оксфорда, не сказав этих слов – хотя бы не попытавшись их сказать.

– Я пойду с тобой, – заявил Сидни (я тем временем натянул штаны и принялся застегивать рубашку с такой поспешностью, что перепутал пуговицы и вынужден был начать сначала). – Дженкс, будем надеяться, не затаился в Оксфорде, но у него немало дружков, которым тоже небось велено похлопотать, чтобы ты не вернулся в Лондон. До завтра, пока мы не уедем из этого гадючника, ты никуда не выйдешь один и без оружия.

Я перестал шнуровать башмак и поднял голову.

– С ректором мне бы хотелось поговорить наедине.

– Не беспокойся, трогательному прощанию я мешать не стану. Я пока с привратником поболтаю.

– Коббет! – воскликнул я, припомнив, что, если бы он столь отважно в нарушение приказа не помог мне, Сидни не получил бы от меня бумаг, а я бы теперь был мертв или же валялся в тюремной камере. – Ты не мог бы выдать мне небольшой аванс из обещанной твоим тестем награды? – попросил я Филипа.

– Дженкс ограбил меня, а я должен отблагодарить Коббета: ведь это он послал к тебе мальчишку и помог найти меня. Боюсь, он за это поплатился.

– Ну, так посмотрим, что найдется в подвалах коллежда для человека с таким отважным сердцем и такой большой глоткой, – ухмыльнулся Сидни, распахивая передо мной дверь. – Ох, Бруно, не думал, что когда-нибудь такое скажу, но на этот раз я рад буду убраться подальше от знаменитых университетских шпилей.

– Согласен, – подхватил я, хотя воспоминание о том, как всего неделю назад я мечтал прославиться в Оксфорде, было болезненно.

Прихватив с собой бутылку отличного испанского вина, купленного Сидни у келаря коллежда Церкви Христовой, мы направились в Линкольн. Однако в маленькой комнатке под аркой нас ожидал вовсе не Коббет, его место занял какой-то узколицый тип с темными всклокоченными волосами. Он поглядел на нас с хмурым подозрением, но, по наряду признав в Сидни важного человека, опустил глаза.

– Где Коббет? – чересчур резко спросил я.

Новый страж пожал плечами – тон мой ему не понравился.

– Его отстранили, больше я ничего не знаю. Говорят, уволят вовсе. Вам кого надобно?

– Ректор Андерхилл ждет меня. Я доктор Бруно.

Сидни похлопал меня по плечу – в кои-то веки слегка, не больно.

– Пойду-ка я пропущу стаканчик в таверне «Митра» на углу Хай-стрит. Как закончишь, присоединяйся. Без меня никуда не ходи, – многозначительно добавил он.

Новый привратник тупо уставился на меня, а затем жестом предложил войти.

– Ректор у себя, – проворчал он, таращась на бутылку у меня под мышкой, но я покрепче прижал ее к себе и двинулся через двор.

На полпути я остановился и оглянулся с содроганием на башенные окна и парадный подъезд – всего два дня назад там жили Габриэль Норрис и Томас Аллен.

Старый слуга ректора, Адам, открыл мне дверь, попятился и чуть не упал. На суровом и хмуром лице проступил ужас, глаза вытаращились. Он вышел ко мне и прикрыл за собой дверь, чтобы изнутри не рассыпали наш разговор.

– Я заплачу, сэр, – зашептал он, цепляясь за полы моего камзола. – У меня есть сбережения на старость, я вам все отдам. Не очень большая сумма, по вам сгодится. Это несчастная случайность, что вы видели меня той ночью. Я

там почти и не бываю, пришел только ради друга, но, если вы готовите список или что, молю вас, заберите все деньги из моего сундука, только не упоминайте мое имя.

– Успокойтесь, Адам, – буркнул я в ответ, отирая дрожащие пальцы от моей одежды. Что-то оскорбительное было в этой сцене: я – доносчик, милующий за взятку! – Не нужны мне ваши деньги, и я никому не обязан докладывать о тех, кто присутствовал на мессе. Но уж если вы решились исповедовать запрещенную веру, так имейте хотя бы мужество идти до конца. Иначе какой во всем этом смысл?

Старик улыбнулся – смущенно и с благодарностью – и отворил мне дверь.

– Хозяин ждет, – промолвил он, поклонившись.

В просторной столовой, где мы ужинали в первый мой оксфордский вечер, в одиночестве стоял ректор – лицом к окну в сад, руки сложены за спиной. Я оглядел пустой зал, припоминая, где сидели в тот раз Роджер Мерсер и Джеймс Ковердейл и как звучно разносился жизнерадостный смех Мерсера. Наверное, и ректора одолели воспоминания: он смотрел в сад, где через несколько часов после нашего веселого ужина Мерсера ждала ужасная смерть. Адам с негромким щелчком прикрыл за мной дверь и проскользнул сквозь другую дверь во внутренние помещения. Андерхилл все еще неподвижно стоял у окна; даже заговорив, он так и не повернулся ко мне. Голос его был неестественно спокоен.

– Моя дочь ждет вас в соседней комнате, доктор Бруно.

Я подождал, но ректор ничего не добавил, так что я последовал за Адамом в кабинет, где мы когда-то беседовали с Софией о магии.

Теперь она ждала меня, стоя у камина, упираясь обеими руками в высокую спинку кресла. Длинные темные волосы были скромно уложены на затылке. Стойкая фигура в сером платье с прямым лифом пока еще не выдавала ее положения, разве что грудь немного налилась; лицо исхудало, черты заострились, глаза опухли от слез.

– Нас захватили в Абингдоне, – без предисловий заговорила она, и, хотя лицо ее казалось болезненным и слабым, голос был ясен и звенел, как всегда. – Спросили Джерома, кто он такой. Он отвечал: джентльмен и христианин. Тогда они разорвали на нем рубашку и увидели власяницу. – Она умолкла, с трудом сглотнула и, глубоко вздохнув, заставила себя продолжать все тем же ровным голосом и не глядя на меня: – Ему предъявили обвинение в измене, арестовали, надели наручники и увеличили. Я молила, чтобы мне позволили следовать за ним, но меня вернули в Оксфорд.

– Тоже в наручниках? – с ужасом спросил я.

– Нет. Со мной обращались почти любезно. Ведь я не сопротивлялась. Меня отвезли в тюрьму замка, – продолжала она, подняв наконец голову и глядя на меня чуть ли не с вызовом. Но тут же покачала головой и как-то съежилась. – Бруно, если вы там не были, вы себе и представить не можете это зрелище, этот запах. Животное и то не выдержит в подобных условиях. Одна комната с низким потолком для всех несчастных узниц, грязная солома на полу, провонявшая дерьмом и мочой, а стены такие сырье, что сплошь заросли плесенью, и холод пробирает до костей. О! Мне кажется, этого холода я не избуду до конца жизни!

– Вас бросили в тюрьму? Но ведь вы... – Я запнулся и неловко указал на собственный живот.

девушка горько усмехнулась.

– Да, я им сказала, не стала беречь свою честь. Джером убеждал меня молчать, если нас схватят, назвать только свое имя, и больше ничего. Но я-то думала, если сказать, со мной обойдется мягче. Потом оказалось, что все это было только запугивание. Я просидела в этой дыре два часа, среди этих безумных; несчастные собирались вокруг меня, дергали за одежду, за волосы, а сами все сплошь во вшах, в каких-то болячках, воняют гнилью, испражнениями...

Голос ее сорвался, я невольно шагнул ближе, хотел обнять ее, но София резко выпрямилась и глянула на меня так, что я опомнился: я был ее врагом.

– Что же дальше? – спросил я.

– Потом пришел мой отец, – тряхнула она головой. – За ним послали. Ему, как я поняла, сообщили, что меня взяли вместе с беглым священником-иезуитом, однако, мол, я еще прежде передала какие-то бумаги, улики против него, властям, и это смягчало мою вину, оправдывало перед законом. Вот почему, а также учитывая мое деликатное положение, – с саркастической усмешкой она похлопала себя по животу, – отцу позволили взять меня на поруки.

– Слава Богу! Вы не стали опровергать насчет бумаг?

– Я догадалась, что сказочку о письмах скормили им вы, – тихо, без гнева, но и без благодарности продолжала она. – Вы предоставили мне шанс спастись. И шериф сделал доброе дело, поместив меня для начала в тюрьму. Если бы я не побывала в той камере, мне хватило бы упрямства и глупости рассказать правду – ради Джерома. Но два часа в той дыре... – Снова ее голос сорвался, она задрожала всем телом и бессознательно прикрыла живот. – Мне казалось, и за столь короткое время я подхватчу тюремную лихорадку – воздух был насквозь сырой и пропитанный миазмами. Я испугалась за ребенка, – еле слышно договорила она; я уже почти не разбирал ее слов. – Его отца убьют, должна же я дать ребенку шанс родиться на свет.

– Я очень рад! – искренне воскликнул я.

– Еще бы не рады! – подхватила она. – Если б ваше начальство узнало, что вы солгали ради католической шлюхи... Вы хорошо сыграли свою роль, Бруно, я ни разу на вас и не подумала. Но ведь и вы ни в чем не подозревали меня, признайтесь! Не так уж вы и умны, как вам кажется.

– Я и не ждал от вас благодарности, – шепнул я. – У вас достаточно причин ненавидеть меня, однако действовал я лишь ради вашего блага – он бы убил вас, София, на пути во Францию. В этом я уверен.

– Вы просто повторяете глупую выдумку бедного Томаса. Джером пальцем бы меня не тронул. Он меня любит! – Рыдания поднялись в ее груди, и она отвернулась, подавляя слезы: Гордая девушка не желала обнаружить передо мной свою слабость.

– Свою миссию он любит больше, – возразил я. – Но к счастью, дело не дошло до того, чтобы проверить, кто из нас прав, и вы остались живы.

– К счастью? О да, какое счастье! – с горечью подхватила она. – Семья отвернулась от меня, мой возлюбленный умрет в жестоких страданиях, и я никогда его больше не увижу. Ребенка, едва он родится, отнимут у меня, и я не смогу даже дать ему имя. А когда я оправлюсь после родов, меня потащат на допрос, и, если не посадят в тюрьму, отец отправит меня к тете, чтобы со временем выдать замуж за грубого, неотесанного фермера или какого-нибудь трактирщика, который согласится покрыть мой грех. И кому я обязана этим счастьем? Вам, Бруно, все вам! – На миг в янтарных глазах вспыхнул гнев, но у бедняжки не было сил даже сердиться, и этот яростный огонек быстро угас.

– Когда вы примете в объятия свое дитя – пусть даже это будет на миг, ваша ненависть ко мне смягчится хотя бы отчасти, – отвечал я, прямо глядя ей в глаза.

София откинула прядь волос с лица и ответила мне столь же искренним взглядом.

– К вам я не питаю ненависти, Бруно, – устало произнесла она. – Я ненавижу мир. Я ненавижу Бога. Ненавижу религию, которая внушает каждому, будто он один лишь прав и может карать других.

– Вы рассуждаете в точности как Томас Аллен, – сказал я и тут же пожалел о своих словах.

Но девушка, к моему удивлению, ответила слабой улыбкой.

– И мы видели, к чему приводят такие рассуждения. Бедный Томас! Нет, Бруно,

– Значит, и ваша вера не устоит перед пытками?

Она уже почти смеялась, лицо ее на миг оживилось, как прежде.

– Моя вера, то есть то, что вы называете верой, была только попыткой угодить ему. Я бы поклонялась луне и солнцу, приносила бы в жертву дьяволу петуха в полуночный час, если б этим приворожила его.

– Как же, как же, мы с вами это обсуждали, – вздохнул я. – Но не стоит рассказывать об этом на допросе.

– Нет, Бруно, – покачала она головой. – На этот счет вы можете быть спокойны. Стоило мне провести два часа в тюрьме, и я поняла, что ни за что на свете не пойду в заключение даже ради папы. Ради Джерома пошла бы, но его уже не будет и он не сможет оценить мою верность, ведь так? А ребенок должен жить. Это единственное, о чем я думаю теперь.

Она замолчала, надолго опустила взгляд, уставясь на свои сложенные руки. Я не двигался и едва осмеливался дышать. Наконец она сунула руку в карман платья и вынула сложенную записку. Подошла ко мне, взяла за правую руку – рука все еще была перебинтована – и вложила в нее клочок бумаги. Стиснула на миг мои пальцы и заглянула мне в глаза. Вопреки всему, сердце мое прыгнуло, и я чуть было не сжал девушку в объятиях. Ее жестокая судьба напомнила мне участь моей возлюбленной Морганы – вот и еще одна девушка, такая же красивая и отважная, раздавлена, и на этот раз я прямо поспособствовал этому.

Я упорно цеплялся за мысль, что спас ей жизнь, но зерно сомнения было посеяно: что, если Джером ДЖИЛБЕРТ честно собирался доставить свою невенчанную жену во Францию? Никогда я не узнаю этого, никогда не узнает и она. Я чувствовал и боль, и сострадание, и ответственность за эту девушку и сделал бы для нее все, что угодно, – в другой раз я ее уж точно не подведу.

– Напишите мне, – шепнула она, тревожно оглядываясь на дверь – не подслушивает ли отец. – Напишите, как он умер, что говорил на эшафоте. Больше ничего не нужно. Вот адрес моей тети в Кенте. Завтра меня туда отвезут, и не думаю, чтобы я когда-нибудь вернулась в Оксфорд.

– Не может же ваш отец навеки изгнать вас!

Она покачала головой, сжала губы.

– Вы плохо знаете моего отца. Но если вы сделаете для меня это... – Не договорив, она легонько пожала мне руку, и я постарался не вздрогнуть, хотя рука болела.

– Непременно.

– Спасибо, Бруно. – И снова ее широко раскрытые глаза заглянули в мои, как будто что-то искали. – Если бы вы приехали в Оксфорд год тому назад, все было бы по-другому. Кто знает, а вдруг бы мы... Но что толку болтать о том, что могло бы быть. Теперь слишком поздно. – Она подалась вперед и легонько поцеловала меня в щеку – так легко, что я не был уверен, в самом ли деле ее губы коснулись моей щеки.

Напоследок София еще раз пожала мне руку и отпустила. Я направился к двери. Тяжело мне было, настолько тяжело, я что буквально согнулся под этой тяжестью. За спиной послышался шепот: «Напишите!» Я оглянулся: София пальцем водила по ладони, как бы подражая движению пера, и отчаянно пыталась изобразить на лице улыбку. Я кивнул, вышел и покинул ее навсегда.

Я вновь очутился в столовой. Ректор стоял все в той же позе. Его силуэт резко выделялся на фоне окна. Он повернулся, сложил руки на груди, и его глазки-бусинки уставились на меня.

– Что ж, доктор Бруно, я должен поблагодарить вас: вы избавили колледж от жестокого убийцы и от иезуита-заговорщика. – Он говорил совершенно безучастно, как будто все чувства притупились в нем; невозможно было даже понять, доволен ли он таким итогом расследования. Я стоял, пытаясь

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
истолковать его слова. Они казались мне двусмысленными.

- Вам известно, ректор, что убийца и иезуит – не одно и то же лицо?
- Мне известно, что Габриэлю Норрису – никак не привыкну к его настоящему имени – будет предъявлено обвинение в убийстве Роджера Мерсера, Джеймса Ковердейла, Неда Лейси и Томаса Аллена и в измене ее величеству королеве. Мне также известно, что против него были выдвинуты другие обвинения, не столь важные с точки зрения Тайного совета, однако весьма прискорбные для моего семейства.

Он испустил тяжкий вздох, содрогнувшись всем телом. На миг глаза наши встретились, и я понял, какое бремя предстоит нести этому человеку до конца его жизни. В этот момент я понял и то, что София была права: ректору хватит жестокости или природной холодности, чтобы навеки отрезать от себя дочь. В глазах его стыла скорбь человека, уже похоронившего обоих своих детей.

Мне хотелось заступиться за Софию, умолять его о жалости и снисхождении к ней, но я вовремя прикусил язык: я и так уж чересчур замешался в дела колледжа, да и в личные дела Андерхилла тоже.

- Полагаю, больше мы вас в Оксфорде не увидим, доктор Бруно, – продолжал он с некоторым смущением и, пройдя через зал, протянул мне руку. – Учитывая все, что произошло, мне остается лишь сожалеть о том, что я не доверился вам с самого начала. Однако мы в Оксфорде не привыкли смотреть на иностранцев как на... – Он еще настойчивее протянул мне руку, и я пожал ее.

Хоть в чем-то Софии повезло, подумал я, глядя на этого урода: внешность она унаследовала от матери. Или не так уж повезло? Не будь она красавицей, не попала бы в беду.

- О многом приходится мне сожалеть сейчас, доктор Бруно, – продолжал он, ежась от неловкости, но не выпуская мою руку. – Но кроме прочего, немало сожалею я и о том, что не стал для вас более гостеприимным хозяином и другом. Если бы я знал о ваших связях... Вы сами понимаете, сколь много у меня причин упрекать себя, но если бы вы замолвили словечко графу Лестеру... Я ведь всегда изо всех сил старался служить ему и университету. Могу ли я просить вас об этом или это слишком уж большая честь для меня? Скоро я выслушаю его приговор в связи с недавними событиями, и боюсь, он дурно воспримет такие новости. – Глаза Андерхилла расширились от страха, он чуть ли не выкручивал мою злосчастную руку, сам не сознавая, что делает.

– Я помогу вам, чем смогу, хотя мою близость с графом вы явно преувеличиваете: я ни разу в жизни с ним не беседовал.

На лице ректора проступило такое разочарование, что я поспешил добавить:

- Но я поговорю обо всем с сэром Филипом Сидни, и от него граф Лестер узнает о вашей преданности.

Ректор благодарно кивнул и выпустил мою руку.

- Спасибо, я на это не смел и надеяться. Милость не по заслугам. И в дискуссии вы держались как достойнейший противник, доктор Бруно. Как жаль, что нам не доведется вновь сойтись в споре.

Короткая же у тебя память, подумал я, продолжая вежливо улыбаться. Не «достойнейший противник», а куда более сильный противник, потому-то ты и поспешил выставить меня на посмешище перед всем университетом.

Но то унижение почти забылось после всех последующих трагических событий.

- Взамен я тоже попрошу вас об услуге, – заговорил я, стоя уже возле двери. Андерхилл взглянул на меня с кротким удивлением, а я продолжал: – Мне стало известно, что Коббета отстранили от службы.

– Совершенно верно, – подтвердил ректор. – Мастер Слейхерст подал жалобу: привратник злостно пренебрег его приказом, отказался выдать оказавшиеся в его руках ценные документы и помог ускользнуть из колледжа вору, которого мастер Слейхерст пытался задержать.

У меня буквально челюсть отвисла.

– Но ведь этот «вор», которого он пытался задержать, был я! И если бы Коббет не ослушался и не послал гонца к сэру Филипу, и я, и ваша дочь были бы убиты!

– Тем не менее, – размежено продолжал ректор, – мастер Слайхерст – старший член колледжа, и привратник обязан выполнять именно его приказы, а не распоряжения гостя, который был застигнут в тот момент, когда обыскивал комнату одного из студентов. За неисполнение своих обязанностей Коббет и был наказан.

– Благодаря тому что бумаги попали в руки сэра Филипа, ваша дочь была спасена, – с жаром настаивал я, понизив, однако, голос. – Останься они у Слайхерста, помощь не подоспела бы вовремя. Коббет поступил по совести, и вам следует его вознаградить.

Андерхилл пронзил меня неожиданно прямым взглядом:

– Это вы так думаете, – возразил он, отчетливо выговаривая каждое слово.

Я не верил своим ушам.

– Но поступи он иначе, София осталась бы в руках убийцы, – повторил я очень медленно и отчетливо (вдруг этот тупица с первого раза не понял). – Он спас вашу дочь и вашего внука, – подчеркнул я, надеясь, что хоть это выведет ректора из несколько сомнамбулического состояния. – Разве его поступок не заслуживает награды?

С минуту он молчал и смотрел на меня почти с жалостью.

– Вам не приходило в голову, доктор Бруно, что я бы гораздо охотнее вознаградил человека, который избавил бы мою семью от всего этого?

Я не сразу осмыслил его слова, настолько они были чудовищны.

– Вы бы предпочли, чтобы я не вмешивался? – в недоумении сказал я. – Но вы же понимаете, что он бы ее убил. Джером Джилберт, Габриель Норрис, или как там вы предпочитаете его называть, – он бы утопил ее на пути во Францию, чтобы скрыть свой грех и нарушение обета. Со временем вы получили бы письмо – дочь ваша ушла, мол, в монастырь, – и ни вы, ни ее мать даже не знали бы, что она мертва.

– А вы не понимаете, что для ее матери так было бы гораздо легче? – Он сделал еще один шаг вперед, и я понял, что этот человек на грани срыва; спокойствие давалось ему нелегко, руки его отчаянно дрожали. – Мы бы встретили старость в блаженном неведении, а так моя дочь была арестована вместе с миссионером-иезуитом, ее доставили в Оксфорд люди шерифа, и мне пришлось явиться в замковую тюрьму, чтобы взять ее на поруки. Я видел мою дочь среди шлюх и воровок и оттуда вел ее в колледж, на глазах у всего города, под перешептывания, под издевательские выкрики. И все это ждет мою жену, если она отважится когда-нибудь выйти из своей комнаты, в чем, впрочем, я сомневаюсь! Я не могу себя обманывать – я понимаю, что город уже полон слухами. Отныне и навсегда я – отец иезуитской подстилки, дед папистского ублюдка. Моя репутация погибла, а моя жена, боюсь, не перенесет этого последнего удара.

Этот человек не заслуживал ничего, кроме презрения.

– Значит, вы предпочли бы, чтобы ее по-тихому убили и ваша репутация осталась незапятнанной? – сквозь стиснутые зубы спросил я его.

– Теперь вы назовете меня чудовищем, – без тени смущения ответил он. – Но у вас нет детей, и вам незнакома боль утраты. Моя дочь в любом случае умерла для меня, Бруно, и было бы лучше, если бы она утонула в море и мы были бы избавлены от позора. Да это и для самой Софии было бы лучше – ее жизнь кончена.

– И пусть в колледже под видом студента скрывается иезуит, а вы будете получать денежки за его обучение и жить припеваючи? Может быть, вы с самого начала догадывались, кто такой Норрис?

- Неправда! – завизжал он и чуть ли не подпрыгнул на месте. – Я понятия ни о чем не имел. Наверное, это серьезное упущение с моей стороны, и я буду наказан за свою слепоту, но чтобы я намеренно приютил в колледже миссионера!.. Это абсурд, дорогой сэр, и ни в коем случае не повторяйте подобный вымысел при вашем друге сэре Филиппе. Норрис заплатил за учебу, и ему дозволялось столько же, сколько любому студенту-коммонеру, не больше и не меньше.
- Норрис явился в колледж по рекомендации Эдмунда Аллена, – припомнил я. – А вы знали, что Аллен – тайный католик. Норрис никогда не посещал часовню – это вас тоже не насторожило?
- Молодые джентльмены часто предпочитают спать. Это входит в число их привилегий.

– Да уж, тут можно купить любую привилегию, в частности как в Риме, – с отвращением произнес я. – Но про других-то католиков вы знали, не отпирайтесь!

Ректор снова принялся вздыхать.

– Я знал, что Уильям Бернард привержен старой вере, об этом знал весь Оксфорд. Уильям этого не скрывал, хотя и принес присягу королеве как главе Церкви. Упрямый старик, но все его считали безвредным. Он, кстати, тоже удрал, но я думаю, за ним гоняться не станут: тащить седовласого старика в тюрьму или на галеры значит оттолкнуть народ отластей, и Тайный совет прекрасно это понимает. Что же до прочих – о Мерсере я знал, но он был порядочный человек. Ковердейла я не подозревал. Есть и другие. Полагаю, когда меня вызовут на допрос, мне придется назвать их имена.

– Без этого можно обойтись, – посоветовал я, хотя его жестокие слова о родной дочери все еще звучали у меня в ушах. – Имена главных преступников известны, остальные действительно не представляют опасности.

Ректор взялся за дверную ручку и остановился, всматриваясь в мое лицо.

– Вы слишком мягкосердечны, доктор Бруно, не следовало вам вмешиваться в такие дела. Я знаю, вы солгали, чтобы спасти мою дочь от суда. И я тоже давно мог выдать здешних католиков дознавателям, но мне казалось, мы сможем ужиться вместе. Теперь я вижу, как необходима жесткость, но нам-то с вами она дается нелегко, доктор Бруно. В этом вы на меня похожи, – с каким-то странным удовлетворением добавил он.

– Нет, сэр, – возразил я, проходя в открытую им дверь. – Между нами нет ничего общего. Будь у меня дочь, я предпочел бы свое бесчестье ее смерти.

Андерхилл разинул рот и опять что-то хотел сказать, но я его резко оборвал:

– И София – не подстилка. Она – отважная женщина, достойная вашей любви и заботы, а не презрения и наказания.

Он остался стоять на пороге, разинув рот, точно дохлая рыба. Я же вышел и в последний раз прошел через квадратный двор колледжа Линкольна. У ворот я остановился, обернулся и разглядел фигуру Софии у окна первого этажа. Витражное стекло искажало ее очертания, но я отчетливо видел, как она подняла на прощание руку.

ЭПИЛОГ ЛОНДОН, ИЮЛЬ 1583

И вновь слабый рассвет, туман тонкой пеленой оседает на моих волосах и на гриве коня. Я выехал из резиденции посла на Солсбери-Корт и теперь скаку на запад по флит-стрит, удаляясь от лондонского Сити; вновь я кутаюсь в плащ от утренней прохлады, а грудь будто железными обручами схвачена. Я так рано в путь не по своей воле пустился, но по приказу Уолсингема: он потребовал, чтобы я присутствовал на казни, и я не счел возможным отказаться.

Пар валит из ноздрей коня, тает в утреннем воздухе. Мы скакем на север, к Чаринг-Кросс, затем по дороге, что ведет из Лондона на северо-запад. Тут уже попадаются группы людей, которые пешком спешат в том же направлении,

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
оживленно переговариваются, угожают друг друга пивом или чем покрепче из кожаных фляжек; торговцы пирогами тоже бегут по дороге, предлагают свой товар гущеющей толпе. Все собираются на утреннее зрелище.

Ближе к месту действия зрители стоят уже сплошными рядами, отцы поднимают детей на плечи. В местечке, называемом Тайберн, возведен деревянный помост высотой в рост человека – так всей толпе будет обеспечен прекрасный обзор. На помосте установлен стол палача – нечто похожее на мясницкий стол, только побольше, со всевозможными ножами и крючьями. Рядом разведен огонь, кипит вода в огромном котле. Толпа напирает, люди в передних рядах тянут руки погреться у костра: хотя на дворе июль, но утром холодно и сырь. Народ топает ногами и потирает руки в нетерпении. Заждались. Сбоку от эшафота – деревянная виселица, под ней пустая тележка.

Я повернул коня и обогнал толпу сзади: там, ближе к виселице, я заметил кучку джентльменов верхами. Они не подпускали к себе напирающую толпу, и я надеялся найти среди них Сидни. Пока я пробирался к ним, городские стражники с пиками наперевес оттесняли толпу, освобождая проезд к эшафоту.

Сидни я и впрямь обнаружил в группе молодых придворных, сидевших на конях возле эшафота. Хотя его товарищи были веселы и громко болтали, у самого Сидни рот скривился в кислой усмешке, когда он поглядывал на толпу. Заметив меня, он кивнул, но глаза его не улыбались.

– Отъедем в сторону, Бруно, – тихо предложил он. – Не хочу быть среди тех, для кого это развлечение, вроде сельской ярмарки.

– Я бы рад и вовсе не приезжать сюда, – признался я, отъезжая вместе с ним от молодежи.

– Уолсингем настоял. Он считает это необходимым. Солдат, дескать, не должен отворачиваться от крови и грязи, а мы не мальчишки, играющие в войну. Это настоящая битва, с кровью и всем прочим. – Он посмотрел на меня и добавил серьезно: – Эта казнь – твой триумф, Бруно. Уолсингем очень доволен тобой.

– Мой триумф, – тихо повторил я, но тут толпа завопила, и все привстали на цыпочки, чтобы не пропустить процессию.

Было уже почти светло; два черных коня вошли в пустое пространство между эшафотом и первыми рядами публики. Несколько каких-то женщин бесстрашно устремились вперед, бросая под копыта розы и лилии – цветы для мученика. Солдаты наставили копья, оттесняя напирающую толпу. Люди дружно, как будто в них жила единая душа, подались назад, гомон затих, и слышен был лишь негромкий топот копыт по мягкой глине. Черные кони везли низкую тележку. Я приподнялся на стременах и подался вперед, чувствуя, как спазм сжимает желудок.

К позорной колеснице был вверх ногами привязан Джером Джилберт. Руки ему крестом сложили на груди, головой он почти касался земли, волосы и лицо были забрызганы грязью. Когда телега поравнялась с эшафотом, двое подручных палача выступили вперед и отвязали приговоренного: он шлепнулся наземь, точно тряпичная кукла, но эти двое подхватили его и, кряхтя, усадили на повозку. Джером был раздет до нижнего белья, однако, когда стражники подняли его повыше, чтобы предъявить загудевшей в предвкушении зрелища толпе, он сунул руку под рубашку, вынул носовой платок и стер, как мог, грязь со своего все еще красивого лица. Левый глаз его распух и заплыл, так что им он ничего не мог разглядеть, но правым Джером лихорадочно оглядел толпу и бросил в нее платок. Какой-то седой человек со скорбным лицом на лету подхватил окровавленную тряпичку.

– Не спускай глаз с этого типа, – шепнул мне Сидни. – Наверняка тоже иезуит, явился поддержать собрата в трудный час. Джилберт не случайно ему платок бросил.

– Если он уйдет, следить за ним? – с тревогой уточнил я, но Сидни покачал головой:

– Уолсингем расставил своих людей в толпе, и они возьмут на заметку всех, кто попытается сохранить на память клочок одежды «мученика» и тому подобные «реликвии». – Сидни запнулся на полуслове и поднял глаза: главный палач уже влез в тележку и надевал на шею приговоренному петлю. Другой конец веревки

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
он закрепил на перекладине. Двое его подручных все еще стояли по бокам Джерома, и я с ужасом понял, что сам он стоять не в силах. Пытали на дыбе, подумал я, и он обезножел.

- А что с его руками? – шепнул я другу: когда Джером с трудом поднял ладонь, чтобы смахнуть с лица слипшиеся волосы, я увидел кровь, запекшуюся на кончиках пальцев.
- Вырвали ногти, – ответил Сидни ровным голосом, и я ничего не смог увидеть под бесстрастной маской, в которую превратилось его лицо.

Полный мужчина в одежде королевских цветов поднялся на эшафот и развернул свиток пергамента.

– Джером Джилберт, иезуит, – провозгласил он звучным голосом, разнесшимся над притихшей толпой. – Ты признан виновным в четырех убийствах, в совращении подданных королевы, в заговоре с беглецами и чужестранцами в Реймсе и в Риме, целью которого было убийство королевы и вторжение вражеских войск в нашу страну. Что ты можешь сказать на это?

Петля пока еще не была стянута, и огромным усилием Джером выпрямил свое изломанное тело, поднял голову и почти столь же внятным голосом отвечал:

– Виновен я лишь в попытках вернуть заблудшие души к их Творцу. Молю Бога простить всех, кто стал вольными или невольными пособниками моей смерти. Боже, храни королеву! – Он вновь окинул взглядом толпу и на этот раз выбрал меня: одно страшное мгновение осужденный пристально глядел мне в глаза, а затем добавил:

– Однажды и вы окажетесь на моем месте!

Голос его торжественно разнесся над толпой.

– Молчать! – заорал человек в ливрее, приняв слова Джерома за угрозу всем английским реформаторам, но меня пробрала невольная дрожь: я-то был уверен, что свое пророчество Джером обращал лично ко мне.

Мне вспомнились слова, сказанные им в тайном убежище в Хэзли-Корте: «Мы с вами похожи, вы пойдете на смерть так же мужественно, как и я, когда придет мое время». О себе он напророчил верно, подумалось мне. Красивое лицо его было изуродовано пыткой, и стоять без посторонней помощи этот еще недавно сильный и уверенный в себе молодой человек не мог, но последние мгновения своей жизни он встречал с изумительной отвагой.

Королевский чиновник смотрел на приговоренного с отвращением. Толпа замерла, затаив дыхание.

– Изобличенный изменник, ты знаешь, какое наказание ждет тебя за твои злодеяния: ты будешь подвешен за шею, но вынут из петли прежде, чем умрешь. Затем твои гениталии будут отрезаны, ибо ты недостоин оставить после себя потомство. Твои внутренности будут вырезаны и сожжены у тебя на глазах, твоя голова, задумавшая предательство, будет отрублена, а тело расчленено на четыре части, кои будут выставлены на позорище по усмотрению ее величества. И да сжалится Господь над твоей душой!

Джером запрокинул голову – летний дождь лился ему в рот и в глаза – и возопил к небесам:

– In manus tuas, Domine, commendō spiritum meū! [38]

Удар кнута – лошади рванули, протащили за собой телегу, петля сдавила шею. Его вынули из петли еще живого, но почти без сознания, и два человека поволокли его на эшафот. Удавить приговоренного перед казнью, чтобы он лишился чувств, – это хоть какой-то признак милосердия, подумал я. Но тут палач плеснул ледяной водой ему в лицо, и Джером очнулся, отплевываясь и содрогаясь всем телом. Дело еще не было кончено: Джерома распластали на мясничьем столе и сорвали с него одежду. Как Сидни и предсказывал, многие из зрителей кинулись вперед, пытаясь ухватить клочок ткани на память о мученике. И вновь надвинулись стражники с пиками и оттеснили народ назад.

Как и многие в толпе, я поспешил отвернуться, когда палач занес нож над

гениталиями Джерома, но от крика, пронзившего холодный воздух, сдавило горло. А когда отрезанную плоть бросили в котел с маслом – о боже, как только меня не стошило от этого запаха и шипенья! И вот тогда, стараясь не смотреть на самое чудовищное зрелище, какое доводилось мне видеть, я вспомнил о Софии. «Недостоин оставить после себя потомство». Но где-то в кентской глубинке подрастает и вскоре увидит свет его дитя, дитя, которому не суждено будет узнать о судьбе своего отца. И вновь, в сотый или в тысячный раз с тех пор, как я вернулся из Оксфорда, я задал себе вопрос: так ли прав был Томас Аллен с его безумными обвинениями? В самом ли деле Джером собирался убить Софию, или они жили бы счастливо на другом берегу ла-Манша, если бы не мое вмешательство?

– Он бы расправился с тобой, Бруно, не забывай об этом, – шепнул мне Сидни, как будто прочитавший мои мысли. – Но в карты он чертовски здорово играл! – еле слышно добавил он, и я понял, что, вопреки профессиональной сдержанности военного, Сидни также был не в силах смотреть на казнь.

Я печально кивнул и поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть Уолсингема верхом на черном жеребце. Возвышаясь по другую сторону эшафота, он сурово и брезгливо наблюдал за работой палача или, скорее, мясника. Нож вонзился в грудную клетку, и последний вопль умирающего поднялся в пустое белесое небо. Уолсингем повернулся и встретился со мной взглядом поверх толпы, замершей в жутком молчании. Он кивнул – коротко, словно что-то подтверждая, – и вновь сосредоточил все внимание на эшафоте, где под барабанную дробь теплого летнего дождика и тихий шорох листвьев изобличенному иезуиту отрубили голову и прибили ее гвоздями к высокой перекладине.

– Выпейте еще, Бруно, похоже, вам это не помешает. – Уолсингем подлил мне в чашу вина, однако, едва я поднес напиток к губам, что-то сдавило горло. В ноздри ударил запах крови и горящей плоти, и я не мог съесть ничего из того, что любезно предложила нам супруга Уолсингема.

Мы сидели в личном кабинете министра в загородном доме в Барн-Элмс, за несколько миль от Лондона. Тучи который уж день низко висели над землей, и комната с темными дубовыми панелями и узкими окнами казалась тесной и мрачной. Сидни стоял к нам вполоборота, сцепив руки за спиной, и смотрел в сад. Он был мрачен и тих с самого дня казни. Всю дорогу до Мортлейка мы ехали в молчании, закутавшись каждый в свои мысли, точно в плащ.

И вот – Уолсингем сидит напротив меня и пристально изучает.

– Вы отлично справились, Бруно, – произнес он наконец и, вытянув ноги, принял более свободную позу. – Королеве доложили о вашем участии в деле. Возможно, когда-нибудь в будущем она сочтет уместным лично поблагодарить вас.

– Большая часть для меня, – прошептал я пересохшими губами.

– Вас что-то тревожит, Бруно, – ласково продолжал Уолсингем. Я обернулся к Сидни, надеясь на его поддержку, но тот все так же смотрел в окно. – Здесь вы можете говорить свободно, – поощрил меня Уолсингем, видя, что я медлю с ответом.

– Вы и правда считаете, что он покушался убить королеву? – отважился я.

Взгляд Уолсингема омрачился. Он сидел какое-то время молча, и мне припомнился наш первый разговор – о тяжком бремени ответственности, которая лежит на его плечах.

– Нет, не думаю, – ответил он наконец.

Сидни резко обернулся, присел на подоконник и с интересом прислушался.

– Булла *Regnans in Excelsis* – старый список, вряд ли Джером Джилберт привез его с собой. Да миссионеры и не берут с собой ничего, что могло бы их скомпрометировать. Таков приказ магистра ордена, и Джилберт не проявил бы подобной неосмотрительности. Возможно, копия принадлежала Эдмунду Аллену или кому-то еще из соченов. Не имеет значения.

– А вы знаете, что двух преподавателей-католиков и того мальчишку из

Линкольна он не убивал?

- Разумеется, знаю.
- В таком случае... В таком случае он был казнен за преступления, которых не совершил?
- Правительство ее величества никого не преследует за веру, – нетерпеливо ответил министр. – Такова официальная линия, и нам важно почтить напоминать об этом народу, чтоб не плодились мученики. Если люди поверят, что иезуиты готовы убивать ради своей веры, это будет весьма полезно нашему делу.
- Значит, опять пропаганда, – разочарованно выдохнул я.
- Война идет за умы. Нужно убедить людей в том, что они должны хранить верность короне. Это надежнее, это выгоднее, наконец. И не важно, какими методами мы пользуемся. Вы сами видели, Бруно. В тот момент, когда приговоренному отрубают голову, толпа орет в один голос: «Изменник! Изменник!» – это их забавляет. Но когда казнили этого Джилберта, все примолкли, вот о чем придется побеспокоиться Тайному совету. Что значит, если народ безмолвствует? Это значит, что зрители не одобрили расправу, она показалась им чересчур жестокой. Еще одна такая ошибка, и люди обернутся против нас. – Уолсингем покачал головой. – Сколько раз я настаивал: вешайте их, и пусть они умрут в петле, а не под пытками. Но нет, все возражали. Теперь-то совет поймет, что я был прав.

- Да, такая смерть чересчур жестока, – подхватил я.

Уолсингем, непредсказуемый человек, обрушился на меня:

- Чересчур жестока? А что они делали с протестантами? Сжигали, резали! Вы же сказали мне, что он хладнокровно убил того юношу, Томаса Аллена! Что он замышлял убийство девицы, хотя она беременна от него! Филип подтвердил, что Джилберт пытался убить и вас. Невинной овечкой его не назовешь, Бруно. Бросьте его жалеть.
- Пожалуй, так, – согласился я, опуская глаза.
- Тяжелое зрелище, – продолжал Уолсингем уже помягче, быстрым движением касаясь моей руки. – Вы считаете меня варваром – заставил на такое смотреть. Но я предупреждал вас, когда вы поступали на службу ее величества: это нелегкий путь. И я хотел, чтобы вы видели все.
- Он хорошо умер, – внезапно вмешался Сидни, как будто он только об этом и думал последний час. – Умер достойно.

- Да, и в Тауэре он тоже отлично держался, – уважительно подтвердил Уолсингем. – Его хорошо подготовили в Реймсе, научили справляться с болью. Ни одного имени мы от него не узнали, сколько ни возились с ним.

Я содрогнулся, припомнив окровавленные пальцы Джерома. Лучше уж не думать, как именно «возились с ним».

- Что станет с Софией? – задал я вопрос и, чтобы скрыть смущение, попытался отпить из стакана.
- С дочерью Андерхилла? Когда она оправится после родов, ее допросят. – Уолсингем поморщился, увидев ужас на моем лице, и добавил: – Полагаю, она будет отвечать охотно, ведь она добровольно рассталась с бумагами. Быть может, она сумеет назвать нам другие имена, кроме тех, что удалось разузнать вам и Слейхерсту.

Министр пронзил меня пристальным взглядом, и я не выдержал, потупился. То ли Сидни все же сказал ему, что я пытался выгородить Софию, приписав ей выдачу бумаг, то ли Уолсингем и сам догадывался, что я утаил кое-что, когда явился к нему после возвращения из Оксфорда. Он мог узнать эти же имена от Слейхерста или Андерхилла. Ричард Годвин, Хамфри Причард, вдова Кенни... И все же я надеялся, что эти люди останутся в безопасности.

- Слейхерст – ничтожество! – прорвало вдруг Сидни, он отодвинулся наконец от подоконника и подошел к столу за очередным стаканом вина. – Иезуит

торчал прямо у него перед носом, а он и не заподозрил ничего. Зато Бруно он выдал как главного католика! Ни гроша ему больше не давать, вот что я скажу!

Уолсингем ответил вздохом.

– Не лучший из моих оксфордских осведомителей, что верно, то верно, – признал он. – Пару лет тому назад он предложил свои услуги, чтобы расплатиться с долгами. Подставил Эдмунда Аллена – грубо подставил, прочие паписты в Линкольне от этого лишь глубже затаились. Коллеги его терпеть не могли, никто ему не доверял, и все его сведения – лишь догадки да пьяные сплетни из кабаков. Как раз перед вашим приездом я предупредил его, что больше он не получит жалованья, если ничего ценного нам не представит, – вот он и кинулся отрабатывать деньги.

– Знай я, что он у вас на службе, мне было бы проще, – заметил я, стараясь, чтобы голос мой не прозвучал чересчур жалобно. – Я-то поначалу принял его за убийцу.

Уолсингем снисходительно усмехнулся, но, когда он ответил, я отчетливо расслышал предостережение:

– У каждого свои секреты, Бруно. Он мог оказаться убийцей, кто его разберет. Мне было важно, чтобы личные отношения не повлияли на ваше расследование.

– Никогда! – заверил я его, но в глаза поглядеть так и не смог.

– Очень надеюсь, – веселее подхватил министр. – А теперь, Бруно, возвращайтесь во французское посольство. Из Парижа приходят тревожные известия: партия Гизов укрепляется и злоумышляет против нашего королевства. Сойдитесь ближе с послом и постарайтесь выяснить побольше.

– Изо всех сил постараюсь, ваша милость! – пообещал я.

– Вот и хорошо. – Уолсингем грузно поднялся на ноги. – А теперь Филип сообщит вам какую-то приятную новость.

Он поощрительно глянул на Сидни, и тот дружески облапил меня.

– Мой старый наставник, Джон Ди, желает как можно скорее познакомиться с тобой, Бруно. Он покажет тебе все сокровища своей библиотеки. Он живет в Мортлейке, всего в миle отсюда. Мы поедем к нему прямо сегодня, если ты не против.

– Если я не против?.. – Только это и могло вернуть меня к жизни.

Хотя Сидни и называл казнь Джерома Джилберта моим триумфом, но с тех пор, как мы вернулись из Оксфорда, меня преследовало тягостное чувство, что я, наоборот, потерпел поражение. Глубокая тоска охватывала меня при мысли о стольких понапрасну загубленных жизнях; даже книги перестали меня интересовать. Я часто думал о Софии, о том, как сложится теперь ее судьба, – думал до тех пор, пока не испугался: показалось, меня больше уже ничто никогда не будет радовать. Но вот появилась возможность осмотреть библиотеку доктора Ди, и любопытство, мой верный, неразлучный спутник, вернулось ко мне. Быть может, королевский астролог выяснил, кто отнял у него на большой дороге книгу Гермеса Трисмегиста и куда она могла деться?

Сидни накинул плащ, Уолсингем на прощание пожал мне руку. Его бездонные глаза глубоко заглянули в мои.

– Вы показали себя стоящим человеком, Бруно, – прямо-таки с отеческой гордостью похвалил он. – Филип рассказал мне, как вы рисковали жизнью, чтобы изобличить этого попа, и Тайный совет вынес вам особую благодарность. Я надеюсь на долгое и плодотворное сотрудничество с вами.

Хотя я и не был дипломатом, но предпочел не сообщать, что жизнью я рисковал ради книги и красивой девушки: что пользы говорить об этом, когда ни ту ни другую я не добыл. Пусть уж считается, что все произошло ради вящей славы Англии. Я с вежливым поклоном принял похвалу. Сидни придержал для меня дверь, и мы вышли.

И если из тех кровавых событий, очевидцем которых я стал в Оксфорде, можно извлечь хоть малое благо, то для меня благом будет приобретенная мной уверенность, что ныне, более чем прежде, христианский мир нуждается в новой философии, которая сблизит нас всех, когда мы выйдем из мрака религиозных войн к просвещению. Человечеству необходимо осознать свое единство и единство Бога, как бы по-разному мы ни называли Его и ни молились Ему.

И мне, Джордано Бруно из Нолы, предстоит написать книги, которые разожгут это пламя просвещения в Европе, а с помощью Уолсингема я надеюсь передать свои книги в руки монархии, чей разум достаточно ясен и светел, чтобы постичь мою мысль.

А когда я буду писать Софии, я поведаю о мужестве Джерома в последний его час, но также постараюсь внушить ей мысль, что надежда на лучший мир не должна угаснуть никогда.

Примечания

1

Ну вот (ит.).

2

об обращении небесных сфер (лат.).

3

Заочно (лат.).

4

Бенанданти – «отправляющиеся на благое дело», последователи колдовского земледельческого культа, процветавшего в итальянской области Фриули. (Здесь и далее прим. ред.).

5

Бог с тобой (ит.).

6

добрый вечер, синьор Бруно, и добро пожаловать (ит.).

7

Рад знакомству (ит.).

8

о тайной философии (лат.).

9

«События и памятники наших последних и опасных дней» и «Книга мучеников» два названия одного и того же труда писателя и историка Церкви Джона Фокса (1516–1587).

10

добрый день (ит.).

11

Прощайте, мой доктор! (ит.).

12

Молись за нас (лат.).

13

добрый день, синьорина (ит.).

14

Милый доктор! (ит.).

15

добрый вечер (ит.).

16

Господь разрази этих англичан! (ит.).

17

Ведут себя как псы бродячие (ит.).

18

Ослы буквояды! (ит.).

19

Св. Игнатий Антиохийский. Послание к римлянам, IV.

20

Возлюбленный (ит.).

21

Тебя Бога хвалим (лат.).

22

об обязанностях (лат.).

23

Такой пищи не дашь и собаке (ит.).

24

Ассызы – в Англии выездная сессия суда присяжных.

25

Благослови, Господи, нас и дары Твои (лат.).

26

Кои мы получили от щедрот Твоих (лат.).

27

Через Христа, Господа нашего, аминь (лат.).

28

Господи, друг мой (ит.).

29

Итальянский англичанин (ит.).

30

Иов, 28: 17–18.

31

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь (лат.).

32

Приступаю к алтарю Божьему (лат.).

33

Се Агнец Божий, взявший на себя грехи мира (лат.).

34

Благодарение Богу (лат.).

35

Благословим Господа (лат.).

36

деръмо! (ит.).

37

Царящий в небесах (лат.).

38

В руки твои, Господи, предаю дух мой. (лат.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
Страница 221

Джордано Бруно Ересь filosoff.org
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Bakshi buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!